

Верховный суд Российской Федерации

Казанский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ И УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

коллективная монография

КАЗАНЬ
2020

УДК 34 (062.552)
ББК 67я54
Т65

Рецензенты:

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич (Санкт-Петербург), профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «РГУП», д.ю.н, профессор

Григорьева Тамара Александровна (Саратов), профессор кафедры арбитражного процесса ФГБОУВО «Саратовская государственная юридическая академия», д.ю.н., профессор

Т65 Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. - Казань: Отечество, 2020. - 415 с.

ISBN 978-5-9222-1435-3

В коллективную монографию включены доклады участников VIII Международной научно-практической конференции «Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии» (29 октября 2020 г.), которая состоялась в г. Казани при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-011-22058). Организатором конференции является Казанский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Коллективная монография предназначена для судей, преподавателей, иных научных работников и практиков, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов.

**УДК 34 (062.552)
ББК 67я54
Т65**

© Российский государственный университет правосудия, 2020

ISBN 978-5-9222-1435-3

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА I	
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, НОРМАТИВНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ	11
§ 1 Трансформация права в условиях цифровизации общественных отношений: кризисные явления и новые возможности (А.А. Дорская).....	11
§ 2 Цифровые права в системе конституционных прав и свобод с позиции правовой определенности (Д.С. Велиева).....	15
§ 3 Цифровые технологии как социальный регулятор (С.Е. Чаннов).....	20
§ 4 К вопросу о трансформации политических прав и свобод в условиях развития цифровых технологий (Д.Д. Невирко).....	24
§ 5 Обеспечение эффективности и открытости судопроизводства в условиях цифровизации общественных отношений (Н.И. Алексеева).....	31
§ 6 Судебная система в условиях цифровой трансформации (Д.Х. Валеев).....	34
§ 7 О пределах трансформации и цифровизации судопроизводства (А.Ф. Воронов).....	36
§ 8 Практические проблемы реализации конституционного права на судебную защиту с использованием цифровых технологий (Е.В. Базилевских).....	41
§ 9 Зарубежный опыт использования электронного правосудия (О.В. Брянцева).....	52
§ 10 Роль председателя суда общей юрисдикции в процессе цифровизации правосудия (Я.Б. Жолобов).....	56

§ 11 Организация связей с общественностью в судебной системе в эпоху цифровизации (социально-правовые аспекты) (Ю.А. Потапов).....	59	§ 2 О реализации принципа публичности цивилистического процессуального права с учетом цифровых технологий (С.Ф. Афанасьев).....	126
§ 12 Обеспечение гарантии независимости судей в Республике Молдова: проблемы и решения (А. Костюк).....	64	§ 3 Слабая сторона коммерческого договора как участник упрощенного арбитражного судопроизводства (А.Ф. Бакулин).....	130
§ 13 Цифровизация и юридическая терминология: трудности перевода термина «электронная подпись» (Н.А. Калмазова).....	69	§ 4 Суд как субъект «электронных» гражданских процессуальных правоотношений (В.Ф. Борисова).....	136
§ 14 Реализация бюджетно-правового принципа прозрачности (открытости) в реалиях пандемии (С.В. Кожушко).....	73	§ 5 Проблемы направления судебных поручений в России и за рубежом в свете развития цифровых технологий (И.В. Воронцова).....	144
§ 15 Финансово-правовые механизмы сбалансированности бюджетной системы в аспекте противодействия последствиям пандемии (Е.А. Бочкарева).....	82	§ 6 Цифровизация как способ оптимизации регулирования правовых отношений в гражданском процессе на период пандемии (Е.М. Галас).....	150
§ 16 Право на доступ к экологической информации в условиях цифрового общества (А.Г. Авдей).....	87	§ 7 Правовое регулирование удаленной работы в условиях цифровизации (Д.Н. Галимарданова).....	153
§ 17 Проблемы правового регулирования использования генетической информации и персональных данных в условиях цифровой трансформации (И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова, А.А. Мохов, Р.В. Шагиева).....	91	§ 8 Гражданский оборот: понятие и проблемы в условиях цифровой экономики (В.В. Долинская).....	157
§ 18 Влияние больших вызовов на трансформацию правового регулирования научно-технологической сферы (Л.А. Гумеров).....	101	§ 9 О возможных перспективах развития досудебного урегулирования и примирительных процедур в условиях осложнения эпидемиологической ситуации (А.Н. Ермаков, И.Ю. Захарьячева).....	165
§ 19 Влияние цифровизации на состояние источников по истории русского права (Т.Ф. Яцук).....	106	§ 10 Проблемы аутентификации и идентификации электронных доказательств на примере судопроизводственных правил зарубежных стран (М.Н. Зарубина, И.В. Воронцова).....	173
§ 20 Telework as a variety of the individual labour contract (N. Romandas).....	111	§ 11 Международно-правовое и национальное регулирование рабочего времени в условиях пандемии COVID-19 (Т.А. Избиенова).....	177
§ 21 Правовое регулирование местных публичных услуг в Румынии и Республике Молдова (С. Браду).....	115	§ 12 Охраняемая законом тайна в современном правосудии по гражданским делам (О.В. Исаенкова).....	183
ГЛАВА II.		§ 13 Перспектива внедрения искусственного интеллекта для исследования доказательств в гражданском процессе (А.А. Кузнецова, В.Э. Парсина).....	187
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	123	§ 14 Опыт правового регулирования электронного правосудия в Канаде (В.В. Кулапов).....	193
§ 1 Коммуникативная теория права А.В. Полякова и ее возможное действие в гражданском судопроизводстве (М.А. Агаларова).....	123		

§ 15 Проблемы дистанционного рассмотрения дел в арбитражных судах (С.В. Лазарев).....	194
§ 16 Единство судебной власти в контексте цифрового взаимодействия (Н.Н. Маколкин).....	201
§ 17 Ограничения действия принципа состязательности гражданского процесса в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (С.В. Моисеев).....	204
§ 18 Динамическая модель как способ измерения цифровых преобразований в процессуальной сфере (А.Г. Нуриев).....	208
§ 19 К вопросу о теоретико-методологических (доктринальных) основах метода правового регулирования «электронных» правоотношений в сфере гражданского судопроизводства (В.В. Нырков).....	210
§ 20 Злоупотребление цифровыми технологиями в гражданском процессе (Н.В. Самсонов).....	214
§ 21 Отдельные аспекты цифровизации правосудия: обзор международной практики (О.Л. Солдаткина).....	218
§ 22 Иск о признании отсутствия задолженности как способ защиты (А.Р. Султанов).....	225
§ 23 Агрегаторы информации о гостиницах (иных средствах размещения): понятие, тенденции, проблемы (А.В. Тихомирова).....	229
§ 24 Трудовые отношения в условиях пандемии COVID-19: опыт адаптации к удаленной (в т.ч. дистанционной) работе в Беларуси и за рубежом (К.Л. Томашевский).....	232
§ 25 Некоторые вопросы использования технологий видео-конференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе (А.Х. Хисамов).....	236
§ 26 Цифровая модернизация процессуальной формы: теоретические предпосылки, преимущества и механизм реализации в России и за рубежом (Р.В. Шакирьянов, Ю.А. Луконина).....	241
§ 27 Трансформация трудовых отношений под воздействием	

современных факторов: цифровизации и пандемии (И.В. Шестерякова, И.А. Шестеряков).....	245
§ 28 Актуальные вопросы гражданского процесса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (А.В. Юдин).....	251

ГЛАВА III

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....257

§ 1 Особенности работы судебной системы Республики Татарстан в условиях пандемии (М.В. Беляев).....	257
§ 2 Пределы ограничения свободы предпринимательской деятельности правовыми актами субъекта федеративного государства (постановка проблемы) (В.А. Болдырев).....	261
§ 3 Защита информационных прав несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества (Л.А. Букалерева, М.А. Симонова).....	266
§ 4 Отказ от процессуальных субъективных прав молчанием (А.С. Гамбарян).....	270
§ 5 Правовые и организационные основы профилактики служебной деликтности (М.Б. Добробаба).....	277
§ 6 Продовольственная безопасность: реализация в продовольственном законодательстве публичных и частных интересов (Л.Е. Калинина).....	284
§ 7 Возможности применения метода криминалистического матрицирования при разработке методики расследования хищений и коррупции в сфере информатизации государственных органов и организаций (П.А. Капица).....	289
§ 8 Клиентоориентированность судов – новый мировой тренд (О.В. Качалова, В.И. Качалов).....	292
§ 9 Инновации в сфере обращения лекарственных препаратов и биобезопасность: организационно-правовой аспект (А.А. Мохов).....	295

§ 10 Некоторые особенности правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации и пандемии (П.Ю. Овсянников).....	299
§ 11 Об актуальных проблемах надлежащего обеспечения биологической безопасности (А.В. Пекшеев).....	303
§ 12 Адвокатская деятельность в Российской Федерации в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) (А.В. Рагулин) ..	307
§ 13 Перспективы внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов Таджикистана (Р.Р. Рахмаджонзода).....	313
§ 14 Тенденции расширения точек приложения цифровизации в уголовном процессе (В.И. Самарин).....	321
§ 15 Деятельность онлайн-агрегаторов в условиях ограничительных мер, вызванных пандемией: проблемы антимонопольного регулирования (А.В. Спиридонова).....	326
§ 16 Вопросы доступности правосудия в чрезвычайных условиях (Л.А. Терехова).....	331
§ 17 Киберпреступность: новые угрозы (Н.Ю. Тетерятников).....	335
§ 18 Правовое регулирование в условиях цифровизации общественных отношений: опыт Республики Беларусь (Н.А. Швед).....	340
§ 19 О роли «Darknet» в совершении хищений в сфере оборота криптовалют: криминалистический аспект (Д.И. Шнейдерова).....	345
§ 20 Технично-правовая структура актов, подлежащих административной опеке (М.-О. Арошоае).....	350
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	354
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	406

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние тенденции в процессе цифровизации в России и за рубежом показывают, что в настоящее время технологии нового поколения охватывают абсолютно все сферы жизни общества и государства. Ведущую роль в этом процессе играет право, которое должно своевременно отражать реалии социальной действительности, создавая прочную основу для реализации и защиты прав и свобод участников общественных отношений.

События, связанные с карантином из-за COVID-19, подчеркнули значимость цифровой трансформации, поставили перед законодателем наиболее актуальные вопросы адаптации судебной системы к условиям осложнения эпидемиологической ситуации, выявили проблемы правоприменения и отраслевой юридической ответственности, поставили ряд иных задач, требующих к себе особого внимания.

Пандемия из-за COVID-19 ещё раз подчеркнула правовую неопределенность и неготовность правовой системы России к кардинальным цифровым изменениям. Существенное влияние пандемии на необходимость правового регулирования механизма реализации прав и свобод – на данный момент считается бесспорным и требует к себе особого внимания, о чем свидетельствуют и вопросы, поставленные перед судебной системой в период карантина, и последние новации в правоприменительной практике России. Проблемы осуществления правовой регламентации, правовые и правоприменительные ограничения, возникшие в реалиях настоящей действительности, продолжают сохранять двойственный характер. Указанные проблемы, безусловно, ставят перед юридической наукой задачи, связанные с необходимостью теоретического осмысления процессов объективной реальности, и подготовки эффективных моделей правового регулирования на основе исследования эмпирических данных, а также прогностического развития общественных отношений. Отправление правосудия в условиях осложнения эпидемиологической ситуации вызывает значительное количество вопросов в отношении правовой регламентации цифровых модификаций, правоприменения и юридической ответственности, требующих теоретико-правового осмысления и находящих свое отражение практически во всех отраслях права.

Междисциплинарное обсуждение наиболее значимых вопросов трансформации и цифровизации правового регулирования общественных отношений является идеальной платформой для решения проблем нормативно-правовой неопределенности в отдельных сферах становления информационного общества в России и за рубежом.

В коллективной монографии представлено междисциплинарное

рассмотрение теоретико-правовых и отраслевых аспектов цифровизации правового регулирования общественных отношений. Дискуссия по вопросам отечественного и зарубежного опыта в решении проблем в рамках отдельных отраслей права, комплексный правовой анализ функционирующих механизмов реализации и защиты прав и свобод участников общественных отношений и взаимный обмен опытом модернизации институтов предопределяет образование основы, необходимой для правотворческих и правоприменительных инициатив.

Предлагаемая коллективная монография – результат работы VIII Международной научно-практической конференции «Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии» (29 октября 2020 г), которая проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-011-22058) в городе Казань.

Оргкомитет конференции и редколлегия благодарят всех, кто принял участие в научно-практическом мероприятии и предоставит материалы для коллективной монографии.

Последние тенденции в процессе цифровизации в России и за рубежом показывают, что в настоящее время технологии нового поколения охватывают абсолютно все сферы жизни общества и государства.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, НОРМАТИВНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

§ 1 Трансформация права в условиях цифровизации общественных отношений: кризисные явления и новые возможности¹

Становление цифрового государства и трансформация права в условиях цифровизации являются ответом на конструирование нового времени и нового пространства², которые мы наблюдаем в последние десятилетия, когда наметились существенные сдвиги в ощущении темпоральных характеристик и широчайшего расширения пространства как для каждого человека, так и общества в целом. Безусловно, эти явления, с одной стороны, открывают новые возможности, но с другой – заставляют трансформироваться те сферы, которые веками не подвергались серьезным изменениям, а поэтому возможны кризисные проявления, вызванные как неготовностью общества воспринимать новую цифровую реальность, так и невозможностью просчитать все угрозы и риски. Сами понятия «цифровое государство», «цифровая правовая среда» пока не являются устоявшимися, вызывают дискуссии.

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует базовый закон, который бы определял понятие цифрового государства, поэтому нормативно-правовым путем закреплены только отдельные его элементы³. Естественно, это сказывается на правовой сфере. В связи с этим большое значение имеют доктринальные источники.

Обобщение различных точек зрения относительно цифровизации государственно-правовой сферы позволяет выделить три принципиальных подхода.

Во-первых, инструментально-технологический. В этом случае цифровизация – это использование законодательной, исполнительной и

1 Данный параграф выполнен А.А. Дорской при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

2 Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 50.

3 Быстрова А.А. Цифровое государство и перспективы развития экономики России // Экономика. Бизнес. Финансы. 2019. № 11. С. 32.

судебной властью информационно-коммуникационных технологий⁴, а также новый способ взаимодействия органов власти и населения⁵.

Во-вторых, организационно-управленческий. В этом случае цифровое государство рассматривается как отвечающий современным вызовам способ организации государственной власти, в основе которого лежит использование информационно-коммуникационных технологий⁶, а также новая форма информационных взаимоотношений таких субъектов, как «государство – государство», «государство – бизнес», «государство – граждане»⁷.

В-третьих, процедурно-процессуальный, отстаивающий идею возникновения и развития новой формы демократии – цифровой, при которой становится возможным максимальное участие граждан в государственном управлении, в решении вопросов местного уровня, к примеру, путем онлайн-голосования⁸.

В любом случае происходит и будет происходить трансформация права в следующих направлениях.

Первое – это обеспечение развития цифровой экономики. По современным подсчетам, к 2025 г. от 40% до половины ВВП в развитых государствах будут создаваться в рамках цифровой экономики, а для этого требуется объединение разрозненных технологий для управления производственными процессами и окружающей средой, что требует соответствующего правового сопровождения, преимуществ, которых никогда не было ранее. К преимуществам данного направления относятся появление нового источника роста ВВП, повышение эффективности взаимодействия государства с гражданами, более эффективное использование существующих ресурсов и создание новых рабочих мест, уменьшение уровня мошенничества при получении государственных услуг, получение больших данных (Big Data) для анализа социальных процессов и т.д.

4 Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. С. 10.

5 Быстрова А.А. Цифровое государство: перспективы развития в современной России // Молодежь в науке: Новые аргументы: IV Международный молодежный сборник научных статей (Россия, г. Липецк, 26 апреля 2019 г.). Часть II / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2019. С. 39.

6 Приходько Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82.

7 Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 25.

8 Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 25.

Если взять российский опыт, то поворотным в этом направлении стал 2017 г., когда сначала была принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁹, а затем программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой среди уровней цифровой экономики были названы платформы и технологии, где формируются компетенции для развития сфер деятельности, и среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, безопасность и кадры¹⁰.

Данные программы являются достаточно затратными на первом этапе. Так, в Российской Федерации в 2019–2021 гг. из федерального бюджета выделен 101 млрд руб. на федеральный проект «Цифровое государственное управление», реализующийся в рамках национальной программы «Цифровая экономика» под кураторством Минкомсвязи и Минэкономразвития¹¹, однако затем это должно привести к резкому снижению расходов на администрирование и возможности перевода данных средств в другие сферы, в том числе социальную.

Второе – специалисты считают, что сейчас возникает уникальная возможность реализовывать на практике принцип народного суверенитета, т.к. никогда еще не было таких условий для улучшения облика современного информационного общества. Это проявляется в участии населения с помощью информационно-коммуникационных технологий в принятии государственных управленческих решений и повышению их качества¹².

Третье – развитие цифрового государства подразумевает высокий уровень стандартизации. Так, в 2015 г. был принят Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации», в главе второй которого

9 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Гарант.Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#review> (дата обращения: 01.08.2020).

10 Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 06.08.2020).

11 Королев И. Как государство потратит 101 миллиард на цифровое госуправление. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-02-11_kak_gosudarstvo_potratit (дата обращения: 11.08.2020).

12 Быстрова А.А. Цифровое государство: перспективы развития в современной России // Молодежь в науке: Новые аргументы: IV Международный молодежный сборник научных статей (Россия, г. Липецк, 26 апреля 2019 г.). Часть II / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2019. С. 39–40.

были определены основные направления политики государства в области стандартизации¹³. Это означает, что в каждом финансово обеспеченном документе стратегического характера отныне должен присутствовать раздел о нормативно-техническом регулировании в сфере стандартизации¹⁴. Стандартизации подвергнется и правовая сфера, тогда как раньше приоритетными направлениями были унификация, гармонизация и рецепция.

Четвертое – цифровизация несколько меняет наши представления о правах человека. В 2011 году на основе доклада спецпредставителя ООН Франка Ла Рю, который был составлен после того, как 3 июня власти Сирии отключили Интернет по всей стране с целью не дать оппозиции координировать свои действия¹⁵, ООН приняла резолюцию, в которой говорится, что Интернет стал неотъемлемым инструментом реализации прав человека, борьбы с неравенством и развития прогресса, но вместе с тем с его помощью могут происходить нарушение авторских прав, совершаться кибератаки с целью завладения данными и т.д.

Пятое – трансформации в правовой сфере связаны с введением и развитием использования электронной цифровой подписи. Это вносит значительные изменения, например, в область гражданского права. Еще в марте 1995 г. Американская ассоциация юристов разработала типовой договор об электронном обмене данными между торговыми партнерами, а уже в мае того же года в штате Юта был принят первый закон об электронной цифровой подписи. В 1997 г. законодательное закрепление электронной цифровой подписи произошло в Германии, а в 2000 г. – во Франции. В 1999 г. была принята Директива Европейского Союза об электронных подписях¹⁶, отмененная с 1 июля 2016 г. В 2000 г. Межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ приняла Модельный закон об электронной цифровой подписи¹⁷. В 2001 г. по-

13 Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О стандартизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2016 (дата обращения: 30.08.2020).

14 Аврин С.Б. Цифровое государство: преимущества и опасности // Стандарты и качество. 2016. № 1. С. 49.

15 ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. 2011. 7 июня.

16 Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 1999/93/ЕС от 13 декабря 1999 г. «О правовых основах регулирования электронных подписей в Сообществе» // Портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/2570145/> (дата обращения: 13.08.2020).

17 Модельный закон «Об электронной цифровой подписи» (Принят в г. Санкт-Петербурге 09.12.2000 Постановлением 16-10 на 16-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2001. № 26. С. 310–326.

явился Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях, целью которого было создание помощи государствам в создании системы использования электронной цифровой подписи¹⁸.

Применение электронной цифровой подписи происходит с учетом специфики национальных правовых систем. Например, в Великобритании принципиальная позиция ограниченного вмешательства государства в частные дела привела к отказу от жесткого государственного регулирования электронного документооборота. Во Франции, напротив, электронная подпись была закреплена в нормах Гражданского кодекса¹⁹.

Это далеко не полный перечень вопросов, которые возникают в процессе трансформации правовой сферы, вызванной цифровизацией общественных отношений.

Таким образом, цифровизация существенно влияет на современное развитие права, которое, с одной стороны, способствует данному процессу, обеспечивает его, но, с другой стороны, трансформируется под его воздействием. Существенные изменения наметились в сфере конституционного права, гражданского права, правового регулирования международной торговли и т.д. Цифровизация открывает новые возможности для демократизации государственно-правовой сферы, более открытого взаимодействия между различными субъектами – государствами, международными организациями, юридическими и физическими лицами, удешевляет многие процедуры. Однако неизбежно могут возникать и кризисные моменты, связанные с вопросами безопасности информации, недостаточной степенью стандартизации, неготовностью населения к переходу в цифровое пространство и т.д.

§ 2 Цифровые права в системе конституционных прав и свобод с позиции правовой определенности²⁰

Проблема правовой определенности применительно к основным правам и свободам человека может быть поставлена в двух смысловых аспектах. В современной юридической литературе (в основном за-

18 Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию. 2001 год // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).

19 Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011 г.) // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.

20 Данный параграф выполнен Д.С. Велиевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00418 А «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека».

падной) выделяют так называемые «тонкие» и «толстые» концепции верховенства права. Первые исходят из того, что правовая определенность выражается неким набором формально-юридических правил, адресованных позитивному законодательству: отсутствие обратной силы, формальная определенность норм, системная согласованность и т.п. «Толстые» концепции включают в понятие верховенства права (правового государства) содержательные характеристики того объема прав, которые признаются за индивидом. В этом смысле следует говорить уже не о формальной или юридической, а о правовой определенности личности²¹.

В последнее время именно это второе понимание правовой определенности привлекает наибольшее внимание. Во многом это связано с эволютивным толкованием основных прав и свобод как Европейским судом по правам человека, так и национальными конституционными судами. На сегодняшний день традиционно выделяемые «общепризнанные» права человека зачастую изменяют свои содержательные характеристики за счет выявления различных аспектов допустимого правопользования. С другой стороны, декларируется появление на горизонте юридической науки нового – четвертого поколения прав человека, к которому относят, в частности, и цифровые права.

Развитие информационных технологий за два последних десятилетия ведет к формированию новой, так называемой цифровой реальности. В современных условиях очевидны цифровые изменения в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. «Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения»²². В этих обстоятельствах ... зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта²³.

Актуальность и острота темы вызвана стремительным ростом объемов информации, интенсивным развитием цифровых технологий, их широким внедрением в различные сферы общественной жизни. В условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и

21 См., Пресняков М.В. Правовая определенность личности: «rule of law» и «rechtsstaat» // Современное право. 2020. № 8. С. 99-105.

22 Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 17.08.2020).

23 Зорькин В. Право в цифровом мире. URL: <https://tg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyje-prava-grazhdan.htm>.

других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации, в результате которого претерпевают изменения его формы, содержание, система, структура, механизм действия. И юридической науке нужно осмыслить влияние новых информационных технологий на государственно-правовую сферу жизни общества²⁴.

Использование средств цифровых коммуникаций практически во всех сферах общественных отношений приводит к изменению интересов и ценностей, принципов и условий существования людей. В связи с этим вводится в оборот новый понятийный аппарат: с общетеоретических позиций развиваются понятия «цифровые права», «цифровая идентичность» «цифровое равенство», формулируется определение информационной безопасности как правовой категории²⁵.

Выступая в мае 2018 года на пленарном заседании Петербургского Международного юридического форума с темой «Будущее юридической профессии», Д.А. Медведев в числе основных задач для юридического сообщества выделил адаптацию нормативного регулирования целых секторов экономики к цифровым технологиям. По его словам, «будущее уже наступило», и специалистам в области юриспруденции необходимо быть готовым к таким реалиям, как защита интересов в условиях цифровой экономики, беспилотного транспорта, технологий блокчейн и криптовалют²⁶.

Как следствие распространения высоких технологий в различных сферах общественной жизнедеятельности все чаще в юридической среде обсуждается появление новой категории прав – цифровых прав человека. В связи с этим возникает ряд вопросов, требующих как теоретического, так и практического разрешения. Основная проблема – это, прежде всего, определение самой юридической природы цифровых прав – это новая группа прав человека или, по сути, конкретизация информационных прав человека, гарантированных национальной Конституцией? Чем они отличаются от информационных прав? В чем специфика их реализации и защиты? Какое место занимают в системе конституционных прав и свобод?

В юридическом сообществе нет единства взглядов относительно понятия, содержания цифровых прав, критериев их разграничения от информационных прав, особенностях их реализации и защиты.

Эти вопросы требуют всестороннего осмысления и выработки еди-

24 Правовая защита в преддверии киберреальности. URL: http://fparf.ru/news/all_news/news/50508/

25 Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. ... к.ю.н. 2017. С. 8.

26 VIII Петербургский международный юридический форум. URL: <http://government.ru/news/32592/>

ной концепции правового регулирования цифровых прав. Актуален вопрос об их юридическом наполнении.

Практическое значение имеет и исследование проблем обеспечения конституционных принципов равенства, справедливости, правовой определенности применительно к цифровым правам человека.

Под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет²⁷.

К цифровым правам, как правило, относят право на доступ к Интернету (Internet access right), право на защиту персональных данных и право на забвение (right to be forgotten), иначе иногда называемое правом на удаление (right to erasure)²⁸.

При этом С.А. Грачева, М.Е. Черемисинова считают, что базовые цифровые права являются, прежде всего, производными от информационных прав, но к ним не сводятся. К ним авторы относят право на доступ к электронным устройствам и коммуникационным сетям, право на защиту персональных данных, право на информационное самоопределение, право на анонимность, право на забвение, право на свободную передачу и распространение информации²⁹.

Выделяя данную особенность, П.П. Баранов справедливо предполагает, что значительная часть конституционных прав человека и гражданина имеет свою цифровую интерпретацию, в связи с чем «... сформировать полный и исчерпывающий перечень цифровых прав на сегодняшний день задача труднодостижимая»³⁰.

Сложность ситуации заключается еще в том, что ГК РФ закрепил категорию «цифровые права» в значении, существенно расходящемся с тем, которое было предложено представителями конституционно-правовой науки. Согласно ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей

27 Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая.

28 См.: Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. С. 13; Талапина Э.В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 10–15.

29 Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4. С. 57.

30 Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 64–65.

установленным законом признакам³¹.

Такой подход законодателя к определению цифровых прав, на наш взгляд, считаем терминологически не вполне точным, а их отнесение к объектам гражданских прав и вовсе ошибочным.

На данное обстоятельство обращает внимание и Э.В. Талапина: «Во всем мире «цифровые права» (digital rights) понимаются как специфические права человека в сфере публичного права. Внедрив это понятие в Гражданский кодекс, Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы. Из создавшейся терминологической путаницы видятся два выхода. Первый – продолжать употреблять термин «цифровые права» в отношении особого вида прав человека, при этом параллельно будут существовать и цифровые права в гражданско-правовом смысле. Второй – придумать новый термин для публично-правового обозначения цифровых прав. Например, двоичные (бинарные) права. Этот термин представляется довольно удачным, поскольку он подчеркивает связь с цифровой передачей информации (binary), а также через игру слов оттеняет двойственность существования прав человека – как online, так и offline»³².

Как мы видим, палитра научных взглядов на феномен цифровых прав весьма разнообразна. Следует оговориться, что в российской практике цифровые права рассматриваются в основном в рамках отрасли гражданского права применительно к вопросам имущественного оборота (для защиты субъектов экономической деятельности). Это наименование используется, как правило, в связи с такими институтами, как смарт-контракты, криптовалюта, блокчейн, технология больших данных в деятельности операторов связи, цифровые активы, интеллектуальная собственность. Однако очевидно, что процесс цифровизации затрагивает и иные юридически значимые сферы жизнедеятельности, интересы и потребности общества, влияет на права и свободы человека. В этом смысле феномен цифровых прав следует рассматривать в конституционной плоскости в контексте обеспечения прав человека с учетом национальных и международных стандартов.

О необходимости конституционно-правового воздействия на технологизацию, цифровизацию нашей жизни высказывается в своей работе «Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда РФ» судья Консти-

31 Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

32 Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 3. С. 134.

туционного Суда РФ Н.С. Бондарь³³. По мнению Николая Семеновича «... именно конституционное право с уникальными возможностями его норм-принципов, норм-дефиниций, норм программного характера, с предельно высоким ценностно-регулятивным потенциалом способно оказывать мягкое, нормативно-ориентирующее воздействие на новое, активно формирующееся информационно-цифровое пространство»³⁴. О роли конституционного права в процессе внедрения информационно-коммуникационных технологий высказываются и авторитетные ученые-конституционалисты³⁵. Большинство авторов отмечают, что цифровизация как объективный, неизбежный процесс трансформирует содержание конституционных норм и принципов, конституционных ценностей, и, по нашему мнению, определяет вектор развития конституционного, информационного законодательства.

В заключение следует отметить, что современные информационные, цифровые технологии создают возможности не только для реализации прав человека в цифровой среде, но и порождают определенные угрозы для обеспечения этих прав и свобод (к примеру, за последнее время широкое распространение получили схемы, связанные с криптовалютами, ICO, майнингом, несанкционированным использованием персональных данных, разного рода киберпреступления). В этой связи необходима дальнейшая выработка и совершенствование мер обеспечения информационной безопасности, направленных на защиту прав человека.

§ 3 Цифровые технологии как социальный регулятор³⁶

Как известно, право в объективном смысле в первую очередь выполняет предназначение социального регулятора. Классическое опре-

33 Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–43.

34 Там же. С. 29.

35 См.: Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28; Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32; Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 32–35; Романовская О.В., Романовский Г.Б. Цифровые технологии и деконцентрация государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 36–40 и др.

36 Данный параграф выполнен С.Е. Чанновым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00355 «Эволюция права под воздействием современных цифровых технологий».

деление нормы права – это установленное и обеспеченное государством правило поведения людей по отношению друг к другу, указатель того, какие поступки люди должны или могут совершать, а какие нет, а также иные юридические правила, определяющие общие организационные основы и принципы регулирования человеческого поведения³⁷. В то же время, являясь важнейшим социальным регулятором, право отнюдь не является единственным. Регулирование общественных отношений осуществляется самыми различными социальными нормами – морали, религии; обычаями и обычкновениями; нормами общественных организаций и др. В последние десятилетия все активнее продвигается идея о том, что функцию регулирования общественных отношений могут с успехом выполнять современные цифровые технологии (а конкретнее, лежащий в их основе программный код).

Любой алгоритм, переведенный в язык программного кода, имеет несомненное сходство с правовыми нормами, в том плане, что он также формально определен и направлен на выполнение каких-либо правил. Разумеется, сам по себе он обращен не к человеку, а к машине, однако воплощенная с его помощью информационная (цифровая) технология нередко объективно воздействует на поведение людей. Идея о том, что программный код может со временем потеснить право как регулятор общественных отношений, высказывалась еще в XX веке. В частности, Дж. Рейденберг предложил использовать для обозначения совокупности технических инструментов, заменяющих в определенных случаях законодательные нормы термин *lex informatica*, по аналогии с «*lex mercatoria*». «Для информационной инфраструктуры базовые правила, установленные по умолчанию, являются настолько же существенными для пользователей в информационном обществе, насколько сотни лет назад было *lex mercatoria* для торговцев»³⁸.

Впоследствии целый ряд ученых обосновали концепцию становления автономной, конкурирующей с правом системы технических норм, призванных более эффективно урегулировать взаимоотношения пользователей современных коммуникационных технологий. Значение ее заключается в том, что она дает возможность установить, а также с помощью технических средств обеспечить в достаточной степени унифицированные правила взаимодействия в сетевом пространстве субъектов из различных государств, невзирая на национальную юрисдикцию.

Примером технологии, которая не просто устанавливает определенные требования к участникам информационного взаимодействия,

37 Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003.

38 Reidenberg J.R. *Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology* // *Texas Law Review*. 1998. № 3. P. 553.

но и жестко детерминирует их соблюдение, является технология блокчейн. Сама ее суть обуславливает если не невозможность, то крайнюю затруднительность отступления ими от правил, определенных информационной системой, построенной на блокчейне. Вполне логично, что, по мнению П. де Филиппи, указанная технология позволила создать еще одну нормативную систему – *lex cryptographica*, которая также опирается на технические средства для координации поведения, но правила которой устанавливаются в протоколе блокчейн-сети сообществом и для сообщества и должны быть обеспечены через механизм распределенного реестра с привлечением всех участников сети³⁹.

Анализируя позиции различных ученых относительно системы негосударственного регулирования отношений в киберпространстве, М.В. Мажорина выделяет два подхода к ее соотношению с позитивным правом⁴⁰. Согласно одному из них *lex informatica* существует параллельно действующему правовому регулированию, но сами входящие в нее нормы не могут быть квалифицированы в качестве правовых. Соответственно, их действие не гарантируется силой какого-либо государственного аппарата, но может быть обеспечено непосредственно используемыми цифровыми технологиями. В рамках такого подхода *lex informatica* воплощает в себе технологический метод регулирования, существующий в дополнение к правовому, то есть здесь мы имеем дело с подменой права технологиями в чистом виде.

В соответствии с другим подходом система *lex informatica* не просто конкурирует с правом, но и может быть приравнена к нему. Как представляется, такая возможность действительно может иметь место в случаях, когда конкретные нормы *lex informatica* официально признаются и их применение санкционируется государством. Соответственно, имеет место уже не замена права программным кодом, а признание за программным кодом нормативно-правового характера. Развитие *lex informatica* в данном направлении влечет за собой изменение традиционных форм права и – потенциально – возникновение новых. Эти процессы, с нашей точки зрения, следует увязывать с приданием юридической силы программному обеспечению определенных цифровых технологий, непосредственно влияющих на общественные отношения. В сфере частного права таковыми могут выступать технологии, используемые для обеспечения действия требований, содержащихся в *lex informatica*, в случае признания их обязательной силы со стороны

39 Filippi P. de. From Lex Mercatoria to Lex Cryptographica. Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (дата обращения: 12.05.2020).

40 См.: Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lexmercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lexrussica*. 2019. № 7. С. 93–107.

государства.

Определенные перспективы развития в этом направлении есть и у блокчейн-технологий. Так, введенное в ГК РФ определение цифровых прав гласит: цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ч. 1 ст. 141.1). Таким образом, государство официально признает, что правила определенных информационных систем (в настоящее время это, по видимому, реально относится только к информационным системам на основе блокчейн-технологий) могут определять поведение пользователей этих информационных систем и обеспечивает защиту возникающих в связи с этим прав.

Еще больше перспектив для признания непосредственно программного кода источником права, по нашему мнению, в сфере публичного управления. Примером здесь могут служить информационные системы, используемые в государственном и муниципальном управлении. Программный код, заложенный в государственную (муниципальную) информационную систему, может и устанавливать определенные требования к пользователям данных систем (а также к иным участникам электронного взаимодействия). В таком случае его элементы приобретают существенное сходство с правовыми нормами, за исключением отсутствия у них такого признака, как принятие их в особом порядке и, соответственно, официальное признание юридической силы со стороны государства⁴¹. Однако можно предположить, что придание его им – лишь вопрос времени.

В настоящее время в сфере публичного управления имеет место определенный разрыв между используемыми в ней информационными системами и правовыми актами, регулирующими их создание и применение. Формально требования к государственным и муниципальным информационным системам закрепляются в нормативно-правовых актах различного уровня, однако при разработке программного обеспечения конкретной информационной системы, даже если не допускается отступления от требований правовых норм, в любом случае, как минимум, происходит их конкретизация до полной программной реализации. Таким образом, реально существуют общеобязательные правила (нормы), которые содержатся исключительно в программном коде системы.

При этом уже сегодня законодатель часто не успевает за новыми

41 См. об этом: Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Автоматизированная информационная система как «источник права» // *Информационное право*. 2008. № 2. С. 23–26.

технологиями и возникающими с их использованием общественными отношениями. Представляется, что на определенном этапе сама такая гонка может стать бессмысленной – более рациональным станет не опосредование содержания программного кода нормативными правовыми актами, а придание ему самому свойств источника права особого рода.

Таким образом, подводя итоги, отметим. Правила программного кода некоторых современных цифровых технологий способны выступать в качестве социального регулятора в двух вариантах:

1) когда они дополняют правовые нормы в сферах, где правовое регулирование отсутствует либо является недостаточным;

2) когда они заменяют традиционные правовые нормы и сами приобретают силу права – в случае их признания в таком качестве со стороны государства и обеспечения силой государственного принуждения.

В настоящее время второй вариант встречается пока нечасто, однако, как представляется, в перспективе он может стать основным.

§ 4 К вопросу о трансформации политических прав и свобод в условиях развития цифровых технологий

В настоящее время мы наблюдаем процессы интенсивного развития цифровых технологий, которые оказывают значительное влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Разумеется, право не может остаться в стороне. В последние годы опубликовано большое количество работ, посвященных цифровизации права, при этом до настоящего времени нет согласия даже в понимании самого термина «цифровизация». Можно выделить две основных точки зрения относительно содержания вышеуказанного понятия: одни авторы под цифровизацией права понимают любое использование цифровых технологий (например, появление электронных справочно-правовых систем), другие же исключительно качественные изменения права (смарт-контракты). Думается, что обе точки зрения являются отчасти правильными, поэтому в рамках данной статьи обозначенный термин будет использоваться как в узком, так и в широком смысле.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из национальных целей развития.

С учетом того, что Россия уже стабильно входит в топ-50 всех

основных международных рейтингов цифрового развития⁴², выполнение целей, закрепленных в данном Указе, представляется вполне достижимым.

К сожалению, качественные изменения под влиянием процессов цифровизации в настоящее время наблюдаются в основном в сфере частного права, при этом, безусловно, развитие цифровых технологий обуславливает определенные изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере функционирования публичной власти. Тезис о том, что в Российской Федерации следующим этапом в развитии всей государственности является построение цифровой экономики, нашел свое отражение как в нормативных, так и в программных документах⁴³. Так, относительно недавно была разработана Национальная программа «Цифровая экономика»⁴⁴, одним из элементов которой является федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»⁴⁵.

По мнению ряда авторов, конституционное право как основополагающая правовая отрасль, регулирующая наиболее важные общественные отношения, испытывает глубокое влияние процессов информатизации общества. Выделяются множество направлений влияния информатизации общества на конституционное право. Во-первых, очевидным является такое влияние на институт прав человека. Информатизацией затронуты многие права, в том числе и право на информацию, право на неприкосновенность частной жизни, право на труд, многие политические права, культурные права, такие как свобода самовыражения и творчества, свободный доступ к культурным ценностям и т.д. Во-вторых, информатизация оказывает влияние на конститу-

42 Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

43 Понятие и принципы цифровизации законодательного процесса: теоретико-правовая трансформация / С.С. Зенин, И.М. Япрынцева, Д.А. Кутейников, О.А. Ижаев // Российская юстиция. 2019. № 8.

44 Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). URL: <https://digital.gov.ru> // СПС «КонсультантПлюс».

45 Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). URL: <https://digital.gov.ru> // СПС «КонсультантПлюс».

ционно-правовой статус органов государственной власти. Например, во многих странах сейчас применяется или разрабатывается концепция электронного правительства. В-третьих, процессы информатизации, безусловно, сказываются на правовом статусе средств массовой информации, изменяя их виды, социальную роль и, соответственно, правовое регулирование. Четвертым направлением выступает влияние информатизации на избирательное право, выражающееся, в частности, в создании новых технических средств народного волеизъявления⁴⁶.

Существуют определенные риски, что цифровизация государственного управления станет самоцелью и будет ограничиваться лишь некоторыми изменениями в процессах деятельности органов власти. Важно избежать этого негативного явления. Надо добиться, чтобы связанные с цифровизацией изменения приводили к росту качества деятельности государства⁴⁷.

Как уже говорилось выше, несмотря на широкое проникновение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни (банковская, оказание государственных услуг и т.д.), политические права и свободы оказались практически не затронуты инновациями.

Полагаем, что под влиянием цифровизации институт политических прав и свобод (как и субъективных прав в целом) может развиваться в двух направлениях: во-первых появление новых способов реализации прав, во-вторых, закрепление принципиально новых прав, характерных для цифровой эпохи.

Если говорить о первом направлении, то, по нашему мнению, наиболее перспективными были бы следующие три тенденции развития в данной сфере.

Совершенствование процедуры проведения выборов и референдумов.

Несмотря на то, что понятие «электронный бюллетень» появилось в законодательстве в 2005 г., Федеральный центр информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации создан в 1995 г.⁴⁸ (в настоящее время Федеральное государственное казенное учреждение «Федеральный центр информатизации при Централь-

---

46 Преснякова А.Н. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право: муниципальное право. М., 2010.

47 Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. М.: Дело; РАНХиГС, 2019.

48 Об обеспечении деятельности Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»: Указ Президента Российской Федерации от 18 августа 1995 г. № 861 // СПС «КонсультантПлюс».

ной избирательной комиссии Российской Федерации»), а проблемы и перспективы цифровизации избирательного процесса являются предметом активных дискуссий как на различных конференциях, так и на страницах научных изданий, качественные преобразования в сфере волеизъявления граждан на выборах стали появляться только в последние два года. В избирательное законодательство был внесен целый ряд изменений, направленных на более широкое применение цифровых технологий (например, повсеместное внедрение КОИБов и КЭГов, принятие норм, закрепляющих использование цифровых избирательных участков, внедрение системы «мобильный избиратель», дистанционного электронного голосования, которое впервые имело место 8 сентября 2019 г. и т.п.)⁴⁹.

Однако говорить о полном переходе на электронное голосование пока рано. Следует согласиться с тем, что цифровизация такого, затрагивающего различные интересы больших групп граждан, политического процесса, как выборы, не может быть быстрой и протекать вне правового поля, которое создает избирательное право. Потребуется демократическая реформа избирательного права России⁵⁰.

В литературе выделяется множество проблем, с которыми уже столкнулась или может столкнуться избирательная система России при переходе на цифровые рельсы. К числу основных относятся: обеспечение стабильности работы цифровой платформы при проведении голосования и защиты от внешнего дистанционного вмешательства (например, в целях фальсификации результатов), реализации конституционного принципа тайного голосования и т.д.

Отдельными авторами обращается внимание на то обстоятельство, что нормы законов, посвященных эксперименту с дистанционным голосованием, отсылающие к Федеральному закону «Об основных гарантиях...», создают иллюзию решения проблем обеспечения тайного голосования и адекватного учета волеизъявления избирателя в итогах голосования. Нормативная конструкция Федерального закона «Об основных гарантиях...» концептуально отрицает дистанционное элек-

---

49 О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: Федеральный закон от 29.05.2019 № 102-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

50 Колюшин Е.И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9.

тронное голосование, которое зиждется на другом понятийном аппарате, неизвестных этому Закону технологиях. Поэтому, например, напоминание в законах об эксперименте о тайном голосовании само по себе является декларацией. При дистанционном электронном голосовании непосредственных правоотношений между избирателем и избирательной комиссией не происходит⁵¹.

Тем не менее существуют примеры полного перехода на дистанционное электронное голосование через сеть Интернет. Пионером в данной области является Эстония, в которой подобная практика имеет место с 2005 г. Следует отметить, что если в 2005 г. на муниципальных выборах посредством голосования через сеть Интернет выразили свое волеизъявление только 9681 избирателей, что составляло 1,85% среди всех голосов, то в 2019 г. на парламентских выборах дистанционно свою волю выразили 43,8% избирателей⁵². При этом количество бумажных документов, необходимых для организации выборов, продолжает сокращаться. Например, с 2021 года в Эстонии начнет использоваться электронный список избирателей⁵³. Разумеется, никто не предлагает рассматривать избирательную систему Эстонии как образец, но изложенный выше пример убедительно показывает наличие огромного потенциала в сфере цифровизации избирательного процесса. Сейчас мы находимся только в начале пути.

2. Совершенствование процедуры подачи уведомлений и проведения публичных мероприятий.

Практика проведения публичных мероприятий, сложившаяся в Российской Федерации, позволяет многим авторам сделать вывод о некоей архаичности процедуры подачи уведомления, которая является относительно закрытой и содержит в себе потенциальные риски ограничения прав.

А.В. Саленко отмечает, что «...важный процессуальный момент рожден современной эпохой цифровых технологий, а именно архаичная письменная процедура вызывает обоснованный вопрос: почему до сих пор нет возможности подачи онлайн-уведомлений о публичном мероприятии через официальный интернет-портал государственных услуг? По своей правовой природе процедура согласования публичного мероприятия представляет не что иное, как государственную (муниципальную) услугу, которая, по нашему мнению, уже давно должна оказываться гражданам в электронном виде на едином портале государственных услуг, что в конечном счете будет на практике гаран-

тировать прозрачность процедуры согласования и надлежащее администрирование»⁵⁴. Проблема нарушения прав граждан при подаче ими уведомлений о проведении публичных мероприятий также неоднократно поднималась в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации⁵⁵. Возможность подачи соответствующих уведомлений в электронном виде позволила бы решить большинство проблем в рассматриваемой сфере.

Нельзя не отметить, что в настоящее время цифровизация привела к появлению новых форм публичного выражения мнений гражданами. Начиная с 20 апреля 2020 г. в ряде городов Российской Федерации прошли «виртуальные митинги» с использованием приложений Яндекс.Навигатор и Яндекс Карты (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Нижний Новгород, Красноярск, Краснодар, Белгород и т.д.). Об эффективности подобных мероприятий говорит тот факт, что акцию жителей Ростова-на-Дону («виртуальный митинг» против обременительной процедуры выдачи пропусков для передвижения в период ограничений, введенных в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции) заметил губернатор Ростовской области, который указал главе администрации города на недоработки, допущенные в организации выдачи пропусков, и «потребовал от властей города изменить работу пунктов выдачи». Указанные мероприятия освещались не только российскими, но и зарубежными средствами массовой информации⁵⁶. Следует отметить, что легальность подобных форм выражения мнения в Российской Федерации ставится под сомнение не только российскими, но и зарубежными авторами. Администрации соответствующих сервисов просто удаляли соответствующие сообщения. Но вне зависимости от отношения к рассматриваемым мероприятиям, полагаю, они должны быть нормативно урегулированы в

54 Саленко А.В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2018. № 1.

55 Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания». URL: <https://rg.ru/2007/06/28/sobrania-doklad-dok.html>.

56 В Москве, Петербурге и Ростове провели «виртуальные митинги». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dbbba9a79477c30d257c5>; «Яндекс» объяснил удаление меток участников виртуальных митингов. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dd5269a794704743d5ee2>; В России начались виртуальные митинги из-за ситуации с коронавирусом. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997>; Virtual graffiti: Russians angry with coronavirus lockdown vent online. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/russians-use-digital-maps-protest-strict-coronavirus-lockdown-conditions-n1191681>; Coronavirus in Russia: Anti-government protests go online. URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-in-russia-anti-government-protests-go-online/a-53257638>.

51 Колюшин Е.И. Там же.

52 Internet Voting at the Elections of Local Government Councils on October 2005. Report. URL: <http://www.vvk.ee/english/report2006.pdf>.

53 URL: <https://www.valimised.ee/ru>.

самое ближайшее время. Правовой вакуум в такой чувствительной для государства сфере, как организация и проведение публичных мероприятий, может привести к серьезным негативным последствиям.

3. Проведение в дистанционном формате публичных, общественных слушаний, опросов граждан.

Данный раздел статьи в большей степени относится к уровню субъектов Российской Федерации и местному самоуправлению. Так, в соответствии с положениями главы 5 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ половина форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления приходится на различные способы участия населения, которые по умолчанию не подразумевают принятия обязательных решений (публичные и общественные слушания, собрания и конференции граждан, опрос граждан, правотворческая инициатива граждан и т.д.). Полагаю, что именно в данной сфере у цифровых технологий есть наибольший потенциал. При этом для его реализации достаточно инициативы на региональном или местном уровне, так как федеральное законодательство довольно лаконично регулирует вышеперечисленные формы народного волеизъявления, оставляя субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям значительный простор для собственного правотворчества.

Несмотря на вышеуказанное, удачных проектов в рассматриваемой сфере почти нет. При этом в 2014 г. в г. Москве стартовал проект «Активный гражданин», позволяющий жителям города дистанционно принимать участие в различных формах прямого волеизъявления граждан на региональном уровне. В настоящее время проект насчитывает 4 639 329 участников (по состоянию на 13.09.2020 г.), за шесть лет его работы было проведено 4633 голосования, реализовано 3400 решений⁵⁷. По данным портала обработка такого количества мнений населения стоила бы 10 млрд рублей и при средней скорости опросов 1000 анкет в неделю заняла бы 2000 лет. Таким образом, цифровизация форм непосредственной демократии позволяет не только упростить процессы волеизъявления граждан, но и позволяет населению более активно участвовать в принятии публично-властных решений.

В 2017 году проект перешел на платформу блокчейн, что позволяет в реальном времени следить за результатами голосования, подтверждать уникальность голосующих, проверять результаты без ущерба для тайны голосования. Данный по своему уникальный опыт может быть полезен и для иных субъектов и муниципальных образований Российской Федерации.

⁵⁷ URL: <https://ag.mos.ru/about-new>.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в статье, разумеется, проанализированы не все варианты проникновения цифровых технологий в сферу реализации политических прав граждан. Как было указано, мы находимся в начале этого пути. Разумеется, цифровизация политических прав и свобод несет определенные риски и требует значительного изменения законодательства, но думается, что это неизбежный процесс и основной вектор развития системы гражданского представительства на ближайшие годы.

§ 5 Обеспечение эффективности и открытости судопроизводства в условиях цифровизации общественных отношений⁵⁸

Обеспечение информационной открытости и гласности судопроизводства является одним из приоритетных направлений развития судебной системы на современном этапе.

Российская Федерация в соответствии с Конституцией РФ провозглашена правовым государством, одной из характеристик которого является судебная система, способная эффективно обеспечивать защиту интересов граждан и организаций. Развитие правового государства предполагает наличие для широкой общественности доступа к работе судебных органов. При этом следует учитывать, что открытость судопроизводства и доступность граждан к информации о профессиональной деятельности судей влияют на формирование доверия к суду и правосудию⁵⁹.

Одним из основных мероприятий федеральной целевой программы «Развитие судебной системы на 2013–2020 гг.» для решения проблем, связанных с эффективностью и качеством правосудия, стала информатизация судебной системы и внедрение в деятельность судов современных информационных технологий⁶⁰.

Исследователи отмечают необходимость разграничения понятий электронного правосудия и информатизации судов. Что касается последнего, то оно подразумевает обеспечение судов компьютерной техникой и специальным программным обеспечением, также оснащение

⁵⁸ Данный параграф выполнен Н.И. Алексеевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

⁵⁹ Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирования доверия общества к суду и правосудию // Российский судья. 2020. № 1. С. 14.

⁶⁰ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902391636> (дата обращения: 05.09.2020).

судов оборудованием видео-конференц-связи, системами аудио-, видеопотоколирования судебных заседаний. В свою очередь для реализации мероприятий, способствующих развитию «электронного правосудия», требуется не только улучшение материально-технического обеспечения судов, но и нормативное закрепление возможности обращения в суд и ведения дел в электронном виде⁶¹.

Понятие «электронного правосудия» было сформулировано в Концепции развития и информатизации судов до 2020 г., разработанной Судебным департаментом и утвержденной постановлением Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439, и означает систему осуществления правосудия с помощью информационно-коммуникационных технологий.

Цифровизация правосудия осуществляется в рамках развития ГАС РФ «Правосудие», формирующей единое информационное пространство между судами и создающей условия для реализации «электронного правосудия». Эта система обеспечивает обмен информацией между судами, осуществляет поддержку судопроизводства (информационную и технологическую), основанную на принципе поддержания требуемого баланса между потребностью государства и общества в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями.

Первоначально электронное правосудие было апробировано в системе арбитражных судов, но затем разработанная система активно стала внедряться в суды общей юрисдикции и региональные органы Судебного департамента. ГАС РФ «Правосудие» стала неотъемлемой частью судебной системы, акцент в ее развитии делается на районные суды и мировых судей, она не только глубже охватывает судебную систему, но и совершенствуется в техническом плане.

С принятием федерального закона от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» появилась возможность использовать квалифицированную электронную подпись для документооборота в рамках судебных процессов. Также был утвержден порядок подачи в электронном виде документов в арбитражные суды в системе «Мой арбитр». Через личный кабинет истец может направлять исковое заявление, прикреплять электронные копии документов к материалам дела. Ответчик может подавать встречный иск или прикреплять к делу свои материалы. Решение (определение) по делу также выкладывается в картотеке. Аналогичный порядок подачи электронных документов по административным, гражданским и уголовным делам предусмотрен в су-

61 См.: Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 102.

дах общей юрисдикции через личный кабинет в ГАС РФ «Правосудие».

Востребованность электронного правосудия среди граждан в последнее время значительно возросла. Так, по состоянию на сентябрь 2019 г. через личные кабинеты в федеральные суды общей юрисдикции было подано 1 867 995 заявлений, а по состоянию на апрель 2020 г. – более 2,5 млн заявлений⁶².

Таким образом, переход в цифровое пространство позволяет подавать иски, регистрировать заявления, представлять отзывы на иски в электронном виде, отслеживать движение дела, а также акты, изданные судом по отношению к этому делу. Все это обеспечивает доступность и гласность для всех участников судебного процесса, а также значительно ускоряет судопроизводство, суд становится гласным и прозрачным.

Внедрение информационных технологий в процесс судопроизводства способствует сокращению нагрузки на персонал суда, снижению материальных затрат и ускорению процесса подачи документов посредством электронного правосудия. Однако этот процесс сопряжен с некоторыми проблемами, в частности необходимостью обеспечения информационной безопасности, ставшей одним из направлений Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы. Так, для информационной безопасности судебной системы в рамках указанной концепции предусматривается реализация следующих мер: создание служб обеспечения электронной безопасности, обеспечение защиты персональных данных в информационных системах судов, развитие идентификации, упорядочение алгоритмов обработки данных и доступа к ним и др.⁶³

Отсутствие систематизации законодательства, регламентирующего правоотношения, связанные с охраной информации, ограниченной в обороте, не всегда позитивно влияет на реализацию принципа гласности и открытости судопроизводства и, как следствие, в некоторых случаях может послужить предпосылкой для нарушения прав граждан и российского законодательства⁶⁴.

Конечной целью информатизации является «электронное правосудие», призванное улучшить качество юридических услуг с помощью информационно-коммуникационных средств. «Электронное право-

62 Интервью Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А.В. журналу «Судья» № 5/2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=59&item=5309> (дата обращения: 10.09.2020).

63 Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019). URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsiya-informatsionnoi-politiki-sudebnoi-sistemy-na-2020/> (дата обращения: 29.08.2020).

64 Носенко Л.И. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного производства. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 2. С. 28.

судие» является перспективным направлением развития судебной системы, однако его потенциал необходимо совершенствовать. В первую очередь это касается недостаточного развитого законодательства по защите и безопасности информации, что делает указанную концепцию достаточно уязвимой, особенно таких ее элементов, как ГАС «Правосудие», «Мой арбитр» и «Судебное делопроизводство».

Таким образом, в условиях цифровизации общественных отношений актуальной становится проблема реализации принципов открытости и гласности судебного производства, а также применение мер защиты в информационной среде. Для обеспечения эффективности судопроизводства требуется детальная регламентация элементов механизма «электронного правосудия», в том числе в части внесения изменений в Гражданско-процессуальный кодекс.

§ 6 Судебная система в условиях цифровой трансформации⁶⁵

Судебная система Российской Федерации как неотъемлемый элемент государственного механизма управления должна находиться в постоянном развитии и отвечать на возникающие запросы общества. Фактический именно органы судебной власти одними из первых получают сигналы об имеющихся пробелах в правовом регулировании, необходимости внесения изменений в действующие правовые регуляторы.

Находясь на переднем плане взаимодействия с гражданами и организациями и являясь конституционно определенным механизмом разрешения возникающих правовых споров, к судебным органам должны применяться повышенные требования с точки зрения актуальности имеющегося механизма разрешения правовых конфликтов как институционального, так и процедурного характера.

В этой связи обозначенная тема представляет собой интерес с точки зрения определения векторов развития судебной системы РФ, когда перед российским обществом стоят задачи по поэтапному переходу на рельсы цифровой экономики с тем, чтобы информация и уровень ее передачи существенно влияли на развитие различных аспектов общественных отношений.

Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 утверждена стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁶⁶ (далее по тексту – Стратегия), которая определяет

⁶⁵ Данный параграф выполнен Д.Х. Валеевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

⁶⁶ СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

цели и задачи в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества. При этом под информационным обществом стратегия понимает общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

Важным представляется пункт 11 стратегии, который определяет, что обеспечение правопорядка в современных управленческих системах опирается на информационные и коммуникационные технологии. При этом применение указанных технологий направлено на повышение качества государственного управления посредством инфраструктурных преобразований «цифровой» среды доверия.

Каким же образом должно строиться взаимодействие информационного общества и судебных органов при увеличении скорости передачи информации и влияние ее на механизм защиты прав? На наш взгляд, взаимодействие должно строиться с учетом задачи – повышение качества государственного управления посредством инфраструктурных преобразований «цифровой» среды доверия, реализуемых посредством портала ГАС «Правосудие».

Процедура предъявления обращения в суд в рамках гражданского, административного, уголовного судопроизводства в общем виде закреплена в процессуальных законодательных актах. Особенности же предъявления обращения в электронном виде и последующая процедура его принятия либо отклонения конкретизированы Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде»⁶⁷ и Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»⁶⁸. Кроме того, правоприменительной практикой выработаны рекомендации в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами положений законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»⁶⁹.

В настоящее время, документы в электронном виде могут быть поданы через личный кабинет пользователя, через интернет-портал

⁶⁷ Российская газета. 05.11.2004. № 246.

⁶⁸ Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2 (февраль).

⁶⁹ Российская газета. № 297 от 29.12.2017.

ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При этом доступ к личному кабинету осуществляется посредством идентификации и аутентификации одним из двух возможных способов: с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА либо с использованием имеющейся у пользователя усиленной квалифицированной электронной подписи.

Соответственно наличие современных технологических платформ позволит обеспечить реализацию задач стратегии развития информационного общества:

- создание основанных на информационных и коммуникационных технологиях систем управления и мониторинга во всех сферах общественной жизни;
- использование инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных, а также востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг.

§ 7 О пределах трансформации и цифровизации судопроизводства

Во все времена ученые-юристы анализировали, обсуждали изменения законодательства, в том числе и процессуального, зачастую участвовали в работе над этими изменениями, иногда являлись их инициаторами. Такие обсуждения – достаточно рутинная, обычная деятельность ученых в рамках предмета исследования. Однако в последнее время, как представляется автору, многими поднимается вопрос о том, что изменения, происходящие в судопроизводстве, могут изменить его сущность. Возникает вопрос о том, а не приведут ли изменения к тому, что это будет совсем не тот, а иной предмет исследования.

Чаще всего в этом плане анализируются приказное и упрощенное производства в так называемом цивилистическом процессе (ГПК, АПК, КАС РФ). Как верно отметила Н.А. Громошина, «разрабатывая и предлагая упрощенные процедуры, необходимо учитывать важнейший параметр, принцип упрощения: упрощать явление возможно в любых объемах, но при обязательном сохранении сущности упрощаемого явления. Этот принцип вытекает из правил и законов диалектики и формальной логики»⁷⁰.

По поводу приказного производства она пишет: «процессуальная форма характеризуется именно системой принципов, а не случайным набором вырванных из нее элементов. Таким образом, той гражданской процессуальной формы, о которой десятилетия писали в литера-

⁷⁰ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 278-279.

туре как о неотъемлемой составляющей правосудия, при вынесении судебного приказа нет, следовательно, нет и правосудия и гражданского судопроизводства»⁷¹.

А вот по поводу упрощенного производства данный автор утверждает: «по своей сути упрощенное производство, это именно судопроизводство, результат которого полноценный судебный акт со всеми присущими ему свойствами»⁷².

«Не секрет, что современные тенденции заключаются в реформировании процессуального законодательства в направлении ускорения судебного процесса и обеспечении доступности правосудия. Весьма вероятно, что этим и пытается руководствоваться отечественный законодатель, поскольку, постепенно признавая, что в приказном производстве осуществляется правосудие, он, несомненно, добивается того, что оно становится скорым, а вернее, моментальным: обратился в суд за правосудием – и практически сразу оно осуществилось: судебный приказ на руках! Что может быть еще привлекательнее, чем такой подход? Наверное, для многих лиц мало что. И именно этим зачастую объясняется популярность этого института на практике. Однако правильно ли, что подобные формы производства признаются правосудием?»⁷³ – пишет Д.А. Туманов. И отвечает: «Приказное производство не следует считать порядком осуществления правосудия, поскольку оно осуществляется вне процессуальной формы»⁷⁴.

Т.В. Сахнова утверждает, что «приказное производство – особая судебная процедура, направленная на обеспечение интересов взыскателя. Правосудие при этом не осуществляется, поскольку отсутствует его предмет; приказ выносится без судебного разбирательства. Гражданского дела здесь тоже нет; нет и собственно гражданского процесса»⁷⁵.

«Нормы «приказного производства в гражданском процессе не соответствуют большинству судопроизводственных принципов гражданского процесса, что может свидетельствовать о его неполном соответствии конституционным понятиям «правосудие» и «судопроизводство»⁷⁶, – писал в свое время автор настоящей статьи, а позже поставил под сомнение и соответствие определенным прин-

⁷¹ Там же. С. 328-329.

⁷² Там же. С. 349.

⁷³ Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 14.

⁷⁴ Там же. С. 18.

⁷⁵ Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. С. 458.

⁷⁶ Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. С. 486.

ципам гражданского судопроизводства и упрощенное производство⁷⁷.

При этом приказное производство (и упрощенное производство) – формально часть гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, их правила закреплены в ГПК, АПК, КАС РФ, хотя, по меткому утверждению Л.А. Тереховой, такое судопроизводство превращается в «бесконтактное правосудие»⁷⁸, поскольку в данных видах производства отсутствует судебное разбирательство в форме судебного заседания, причем не только в первой инстанции, но и в вышестоящих.

Не придем ли мы к тому, что дела будут вскоре рассматриваться в МФЦ «Мои документы» путем подачи заявления в очереди «по талону» и получения решения в таком же порядке? Где границы «правосудия»?

В последнее время также активно обсуждается и вопрос о внедрении новых технологий в судопроизводство в различных формах. Это и его цифровизация, и электронное правосудие, и видео-конференц-связь, и онлайн-правосудие (последнее особенно актуально стало в период пандемии COVID-19), и искусственный интеллект в качестве судьи. Причем такое внедрение происходит стремительно. Например, автор настоящей статьи писал в 2009 году как о достаточно дальнем будущем: «Развитие технологий в области связи может привести к сужению сферы действия принципа непосредственности судебного разбирательства, вплоть до проведения судебного разбирательства в виде теле-, интернет- и подобного рода конференций без обязательной физической явки участников разбирательства в суд»⁷⁹.

По этим проблемам проводятся конференции⁸⁰, выпускаются книги⁸¹, печатаются многочисленные статьи⁸². Причем, когда речь идет о

77 См. также: Воронов А.Ф. О формах защиты права // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017. С. 58–63.

78 Терехова Л.А. Бесконтактное правосудие // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017. С. 211–218.

79 Воронов А.Ф. Там же. С. 487.

80 См., например: Стенограмма IV Ежегодного симпозиума журнала «2017 – Электронное правосудие и информационные технологии в гражданском судопроизводстве» // Вестник гражданского процесса. 2018. № 3. С. 174–231.

81 См., например: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): М.: Издательский дом «Городец», 2017.

82 См., например: Валеев Д.Х. Новеллы гражданского судопроизводства и современные информационные технологии // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017. С. 58–63. С. 48–57; Аргунов А.В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 32–49; Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Там же. 2019. № 3. С. 61–85.

видео-конференц-связи, информировании участников процесса о судебных заседаниях, о размещении судебных актов в сети Интернет, а последнее время – о проведении заседаний онлайн, то все это, как правило, оценивается положительно.

Примечательно в этом плане высказывание А.В. Аргунова: «В целом преимущества разрешения споров онлайн очевидны – экономия времени и денег. С их появлением проблема доступности правосудия переосмыслена. Сегодня многим кажется, что сама необходимость лично приходить в суд или к медиатору, принимать участие в малоопытных, ритуализированных процедурах является ограничением доступа к правосудию. Физический мир воспринимается как барьер на пути к справедливости...»⁸³.

Что касается искусственного интеллекта, то тут оценки явно неоднозначные.

Но, опять же, возникает вопрос: не подрывают ли новые технологии основы судопроизводства?

Статья 118 Конституции Российской Федерации устанавливает, что:

1) правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом;

2) судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства;

3) судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Более подробно суды перечисляются в ст. 4 (Суды в Российской Федерации) Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Только они вправе осуществлять правосудие. В соответствии со ст. 11 указанного закона судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. В ст. 125 Конституции определено, что «судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет,

83 Аргунов А.В. Указ. раб. С. 40.

постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа...»; в ч. 1 ст. 120 – что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

Таким образом, в Основном законе определено, кто и как должен осуществлять правосудие, причем ч. 3 Ст. 123 Конституции гласит, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон; ч. 1 указанной статьи – что разбирательство дел во всех судах открытое; порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется также соответствующим процессуальным законодательством (ч. 3 ст. 128).

Данные положения соответствуют в целом и нормам международного права.

Так, согласно ст. 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». В соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; похожие положения содержатся и в ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.): «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично...».

В этих (и некоторых других актах) определены основы осуществления правосудия. Исходя из них, попробуем определять его границы, причем предположим, что в будущем возможно и изменение, совершенствование (в определенных рамках) и этих основ.

Каковы, с нашей точки зрения, пределы совершенствования, упрощения, трансформации, цифровизации судопроизводства, за которыми оно утрачивает свою сущность и превращается в нечто иное?

1. Правосудие должно осуществляться только судом, который обра-

зован в установленном порядке в лице судей, назначенных или выбранных в установленном порядке. В настоящее время, как следует из Конституции и иных законов, судьей может быть лишь человек. Возможно ли в будущем рассмотрение судебных дел (например, небольшой сложности) искусственным интеллектом, в частности, в виде компьютерной программы? С моей точки зрения это возможно. Главное, чтобы надлежащим образом был установлен статус программы как судьи. Должны быть обеспечены технические условия невозможности постороннего вмешательства в деятельность искусственного интеллекта и возможность обжалования судебных актов по такому делу судьей-человеку.

2. Должны быть сохранены базовые основы судопроизводства как процессуальной формы. Это, в частности, состязательность, диспозитивность, равноправие сторон. Возможно, некоторые принципы претерпят изменения, причем как в сторону усиления их значимости, так и в сторону уменьшения. Например, новые технологии, безусловно, могут способствовать развитию гласности судопроизводства, независимости судей и подчинения их только закону. А принцип непосредственности может получить новое содержание (непосредственное восприятие информации в будущем может быть иным).

3. Обеспечение гарантированной идентификации лиц – участников процесса, включая судей, и защищенность и стабильность связи между судом и участниками (это, как представляется, самое важное в ближайшем будущем).

§ 8 Практические проблемы реализации конституционного права на судебную защиту с использованием цифровых технологий⁸⁴

С развитием электронных (цифровых) технологий как в целом в общественных институтах, так и в судебной системе, появилась возможность обращения в суды с помощью электронной подачи документов (с 2011 г. – в арбитражные суды, а с 2017 г. – также и в суды общей юрисдикции).

На сегодняшний день во всех процессуальных кодексах, регулирующих судопроизводство в РФ, предусматривается возможность обращения в суд в электронной форме (ст.ст. 3, 35 Гражданского процессуального кодекса РФ⁸⁵, ст.ст. 4, 41 Арбитражного процессуального ко-

84 Данный параграф выполнен Е.В. Базилевских при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

85 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

декса РФ⁸⁶, ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ⁸⁷).

Также Российской Федерацией ратифицирована Окинавская хартия глобального информационного общества (принята 22 июля 2000 г.), в которой содержится положение о том, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей. Они дают возможность более эффективно и творчески решать социальные проблемы, открывая обществу огромные возможности⁸⁸.

Кроме того, на международном уровне закреплено право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека)⁸⁹.

С наступлением пандемии (распространение коронавирусной инфекции COVID-19) в 2020 г. стало очевидным, что наличие возможности обращения в суды с помощью электронной подачи документов сыграло на пользу судебной системе, позволив не прекращать работу, а проводить прием документов в электронном виде, кроме того, проводить судебные заседания в онлайн-формате. Конечно, и такой вид работы имел определенные ограничения, не был подходящим для всех граждан, поскольку фактически временно отменил альтернативные способы обращения в суды, а соответственно, по некоторым видам споров и производств ряд граждан и организаций оказались ограниченными и в реализации права на судебную защиту.

Как соотносится необходимость обращения к электронным системам подачи документов с правом на судебную защиту? Какие проблемы возникают при реализации права на судебную защиту при подаче документов в суд в электронной форме? Данная статья предлагает рассмотреть эти вопросы.

Конституционное право на судебную защиту сформулировано в ст. 46 Конституции РФ⁹⁰: каждому гарантируется судебная защита его

86 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

87 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

88 Гусев А.Ю., Сулейманова Ф.О. Отдельные аспекты судебной защиты права на социальное обеспечение в условиях цифровизации // СПС «КонсультантПлюс».

89 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

90 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

прав и свобод. Данное право реализуется посредством обращения лица в суд с заявлением о разрешении дела судом (гражданское судопроизводство). Это гарантия, предоставляемая государством каждому для обеспечения восстановления нарушенных прав путем осуществления правосудия.

Судебная защита представляет собой систему действий судебных органов по рассмотрению и разрешению судебного дела и исполнению решения. В качестве судебной защиты может рассматриваться как отдельное судебное действие (постановление приговора, принятие мер обеспечения иска, применение или отмена меры пресечения, вынесение частного определения), так и в целом деятельность суда по уголовному или гражданскому делу, а также деятельность всей судебной системы. Выполняя различные процессуальные действия, суд защищает права участников судебного разбирательства и обеспечивает им право на личное участие в правосудии, на использование предоставленных для этого полномочий⁹¹.

Как отмечает Конституционный Суд РФ, ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, вытекающими из ст.ст. 10, 11 (ч. 1), 18, 118 (ч. 2), 120 (ч. 1), 125 - 127 и 128 (ч. 3) Конституции РФ. Именно судебная власть, независимая и беспристрастная по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем РФ и имеющих общеобязательный характер.

Законодательством РФ (в частности, процессуальными кодексами) установлено, что каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов. Право на судебную защиту гарантируется каждому, не может быть ограничено. Важным аспектом обеспечения права на судебную защиту является обязательность исполнения судебного акта, принятого судом⁹².

Право на судебную защиту носит публично-правовой и неотчуждаемый характер, поскольку может быть реализовано исключительно с помощью государства, создающего для этого необходимые условия,

91 Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // СПС «КонсультантПлюс».

92 Чувальская И.П. Право на судебную защиту // СПС «КонсультантПлюс».

а лишение либо ограничение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит основным конституционным принципам⁹³.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Конституция РФ гарантирует каждому человеку судебную защиту его прав и свобод.

Конституционный Суд РФ признал обязанностью государства обеспечивать каждому лицу реализацию права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной (Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 113-О «По жалобе гражданина Овчинникова В.А. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 30.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2006. № 27. Ст. 2971); право на судебную защиту предполагает охрану прав не только от произвольной неправомерной деятельности законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений самого суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П по делу о проверке ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 КоАП РСФСР // ВКС РФ. 1999. № 5).

В целях реализации обязанности Российской Федерации по обеспечению права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок (являющегося неотъемлемой составляющей права на судебную защиту), вытекающей из Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и исходя из необходимости создать надлежащие условия для осуществления права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на охрану их прав законом, на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 52 и 53 Конституции РФ), федеральный законодатель предоставил лицам, чьи дела рассматривались в судебном порядке, право обратиться в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок⁹⁴.

Доступ к правосудию как при широком, так и при узком его пони-

93 Чернов К.Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // Современное право. 2019. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

94 Чернов К.Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // СПС «КонсультантПлюс».

мании является элементом права каждого на судебную защиту и одновременно предпосылкой реализации и показателем эффективности такой защиты. Информатизация и цифровизация судебной деятельности повышают эту эффективность, модернизируя доступ к суду⁹⁵.

Цифровизация общественных отношений относится и к базовым конституционным положениям, являющимся фундаментом развития общественных отношений. В настоящее время реализация конституционного права на судебную защиту посредством возбуждения дела в суде может быть осуществлена в электронном виде путем создания электронного документа либо электронного образа документа (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 2 ст. 45 КАС РФ). Обращение в суд как важное диспозитивное начало процессуальных отношений является одним из оснований возбуждения дела в суде и, как следствие, предопределяет возможность реализации конституционного права на судебную защиту. Конституционное право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством. Иное не согласуется с универсальным во всех видах судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту.

При этом конституционное право на судебную защиту в условиях цифровой экономики становится более зависимым от технических средств, и, как следствие, определение факторов риска с целью выработки процессуальных инструментов управления рисками, способных нивелировать, возможно, негативные последствия в процессе осуществления «электронного правосудия», которые в силу наличия технической составляющей всегда будут носить вероятностный характер, носит актуальный характер⁹⁶.

Внедрение технологий в работу судебной системы несет не только ускорение производства и удобство пользователям, но и некоторые трудности и проблемы.

Как отмечает Р.Е. Кузьмин, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях указывает на то, что право каждого на судебную защиту означает, что судебный орган, в предметную компетенцию которого входит рассмотрение определенной категории споров, должен быть

95 Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А.. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».

96 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Допроцессуальный технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

определен законом заранее ясно и недвусмысленно, ситуации, когда судебный орган определяется судьей самостоятельно, недопустимы, так как нарушают общеправовой критерий определенности правовой нормы, вытекающий из принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство обеспечивается при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы каждым правоприменительным органом. Однако установленные законом правила разграничения компетенции по рассмотрению и разрешению гражданских дел между судами общей и арбитражной юрисдикции далеко не всегда отвечают принципу правовой определенности⁹⁷. В связи с этим реализация конституционного права на судебную защиту посредством обращения в суд в электронной форме порой также несет в себе определенные трудности, что вновь ведет к необходимости присутствия в аппарате суда сотрудника, ответственного за обработку документов, поступивших в суд в электронном виде, а это, в свою очередь, не исключает наличие «человеческого фактора», влияющего на такие моменты, как нарушение сроков и возможные технические ошибки.

Внедрение цифровизации и изменение российского процессуального законодательства в связи с этими процессами проходит довольно активно, однако показывает и то, что процесс еще находится в активной фазе и не все части судебной системы развиваются равномерно.

Тем не менее суды в Российской Федерации сегодня выполняют значительное число задач через Интернет – формирование состава суда для рассмотрения конкретного дела с использованием автоматизированной электронной системы; обработка поступивших в электронном виде документов; направление электронных документов участникам процесса и заинтересованным лицам; электронное оповещение лиц, участвующих в деле, посредством размещения документов и сообщений на официальном сайте суда в Интернете в режиме ограниченного доступа, СМС-оповещения; отражение хода рассмотрения дела и движения документов на сайте суда; использование видео-конференц-связи, аудио- и видеозапись судебных заседаний, их аудиопроколирование, интернет-трансляции; вынесение судебных актов в электронной форме, перевод архивов судов в электронный вид. В то же время все нормы, регулирующие внедрение элементов электронного правосудия в России, реализуются при условии наличия технической возможности в соответствующем суде⁹⁸. Например, в случае, если суд не имеет

97 Кузьмин Р.Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции // СПС «КонсультантПлюс».

98 Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».

функционирующей системы видео-конференц-связи или в необходимую дату не получается установить время, в которое соответствующие технические средства доступны, суд будет вынужден отказать в удовлетворении ходатайства участника процесса об участии в судебном заседании через видео-конференц-связь.

Как указывают Е.В. Гриценко, Ю.А. Ялунер, в России особенно актуальным является вопрос о том, насколько вводимые электронные процедуры подачи документов действительно упрощают доступ к суду и соответствуют принципу равенства, не допускают необоснованного ограничения права на судебную защиту. Можно ли считать оправданным установление подзаконным актом (приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ) дополнительных требований к форме электронного обращения по сравнению с традиционной письменной формой? Дифференциация правового регулирования, очевидно, оправдана в силу специфики электронной формы, необходимости установления дополнительных технических требований, связанных с прохождением заявителем процедуры идентификации и аутентификации, заверением документа электронной подписью. Вместе с тем серьезные сомнения вызывает установление Судебным департаментом таких требований к заполняемой заявителем на сайте форме, которые связаны не с технической стороной, а с представлением дополнительных сведений как о самом заявителе, так и об иных участниках процесса (то есть об ответчике, третьих лицах, других заинтересованных лицах). Причем эти сведения не требуются вовсе либо являются факультативными при оформлении иска в традиционной бумажной форме⁹⁹.

Как указывает В.И. Решетняк, «неизбежным следствием технологической модернизации судебного процесса становится доступность судебной информации, выносимых судом актов для обширного круга юридической общественности и других пользователей. Широкое использование электронных технологий в судопроизводстве потребует принятия общих стандартов передачи информации, регламентов информационного взаимодействия всех участников процесса и в конечном счете повлечет за собой формирование единого информационного пространства гражданско-правовой сферы»¹⁰⁰.

Помимо вышеуказанных рисков, использование системы подачи документов в электронной форме неизбежно сопровождается техническими проблемами, сбоями при работе с системой, общими сбоями работы сети Интернет.

В этих условиях особое значение приобретает организация работы

99 Там же.

100 Решетняк В.И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

службы технической поддержки, однако порядок взаимодействия с ней заявителей остается неурегулированным, неясен статус обращений в эту службу, порядок и сроки их рассмотрения. С учетом юридических последствий пропуска сроков для подачи документов решение указанных вопросов имеет принципиальное значение. Кроме того, не менее остро стоит вопрос о реализации права на обжалование автоматических отказов в приеме документов в случае невыполнения каких-либо условий заданного в системе алгоритма с учетом того обстоятельства, что этот алгоритм не является прозрачным¹⁰¹.

Проблемы внедрения электронного правосудия имеют также более общее и, прежде всего, конституционное значение, поскольку напрямую затрагивают основное право на судебную защиту и доступ к суду. Возникают трудности и при реализации конституционно гарантированного права на судебную защиту и доступ к суду в традиционной очной форме. В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в России с 19 марта по 10 апреля 2020 года был приостановлен личный прием граждан в судах, было рекомендовано обращаться в судебные органы, помимо традиционных средств почтовой связи, через электронные интернет-приемные судов, при этом было указано, что рассмотрению в очном порядке подлежат только дела безотлагательного характера, в то время как иные споры при наличии технической возможности рекомендовано рассматривать путем использования систем видео-конференц-связи. А с 8 апреля 2020 года вступило в силу второе Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 821, которое уже более подробно урегулировало порядок работы судов в чрезвычайных условиях с акцентом на электронные и дистанционные формы работы¹⁰².

Вызывает вопросы и ряд субъектов, уполномоченных принимать решения, которые имеют процессуальные последствия и могут повлиять на реализацию конституционного права на судебную защиту. Согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В рамках технического досудебного этапа, влияющего в конечном итоге на реализацию конституционного права на судебную защиту, решения принимаются уполномоченным работником аппарата. Отклоняя обращение в электронном виде в последний день срока исковой давности, работник аппарата суда разрешает косвенно вопрос о перспективах принудительной защиты нару-

101 Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».

102 Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».

шенного права. Помимо этого, необходимо более детальное урегулирование возможности оспаривания неправомερных, на взгляд заявителя, процессуальных решений, способных повлиять на реализацию конституционного права на судебную защиту. Так, если заявитель обратился в суд на бумажном носителе и суд отказал в принятии обращения, заявитель может воспользоваться институтом частной жалобы. Если же обращение было направлено в суд в электронной форме и в рамках допроцессуального технического этапа уполномоченный работник неправомерно, на взгляд заявителя, отклонил поступившее обращение, обжалование такого уведомления не предусмотрено¹⁰³.

По мнению В.И. Решетняка, государство, внедряя информационные технологии в арбитражный процесс, а в перспективе и в гражданское судопроизводство, реализуя модели электронного правосудия в целом, должно ставить в качестве стратегической задачи изменение взаимоотношений между государством и обществом, между судом как ветвью государственной власти и остальными гражданами.

Высокий профессионализм, независимость, беспристрастность, справедливость, законность, открытость, доступность, эффективность, легитимность – это те требования, которые предъявляются к системе правосудия со стороны гражданского общества¹⁰⁴. Цифровизация должна служить в первую очередь для удовлетворения нужд общества.

В реализации этого запроса общества значительно помогает цифровизация судебной системы, поскольку учитывает динамику развития мира в целом: молодое поколение более открыто к новшествам и технологиям, готово использовать онлайн-доступ к услугам судов, трансляциям судебных заседаний, соответственно, цифровизация помогает в реализации прав, в том числе и права на судебную защиту.

Право на судебную защиту и доступ к информации о судах, судебных заседаниях и т.д. значительно продвинулось в развитии с принятием в 2008 г. федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Однако, по мнению В.И. Решетняка, при разработке и принятии закона не удалось регламентировать некоторые важнейшие аспекты информационной открытости судов. Так, не установлена ответственность работников судебной системы в случае, когда материалы дела, свободное ознакомление с которыми запрещено, оказались доступными для

103 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Допроцессуальный технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

104 Решетняк В.И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

всех пользователей сети Интернет, а также в случае, когда в судебном акте, доступном для общественности, содержится неверная информация, затрагивающая интересы участников судебного процесса¹⁰⁵.

В ходе исполнения Закона возникла и другая проблема: ст. 15 предусматривает, что тексты судебных актов, за исключением приговоров, размещаются в сети Интернет после их принятия. Тексты приговоров размещаются после их вступления в силу. Во исполнение этой нормы закона судами прodelывается огромная работа по формированию банка судебных решений. Но практика показывает, что большинство судебных актов оказываются не востребуемыми, поскольку вынесены они по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления гражданского, административного или уголовного судопроизводства в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, не представляющих интереса для широкой общественности, не имеющих значения для формирования судебной практики¹⁰⁶.

Процедура предъявления обращения в суд с точки зрения процессуальных последствий различается от формы обращения: в бумажном или электронном виде. Как указывают Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев, в случае направления обращения в суд в электронном виде появляется дополнительный, допроцессуальный этап, «технический», прохождение которого открывает заявителю доступ к процессуальной процедуре предъявления обращения, которая изначально доступна заявителю, обращающемуся в суд на бумажном носителе.

В случае обращения в электронном виде документы, поданные заявителем, подлежат регистрации, и в течение рабочего дня производятся действия по переводу документов на бумажный носитель – заявитель только в случае признания его обращения соответствующим требованиям Приказа № 251¹⁰⁷ уполномоченным работником аппарата суда получает доступ к судебной процедуре, позволяющей реализовать конституционное право на судебную защиту. Фактически подзаконным регулированием вводится дополнительный досудебный, технический этап, соблюдение которого обязательно при обращении в электронном виде, так как оно влечет процессуальные последствия, и от выполнения которого зависит возможность принудительного восстановления нарушенного права. При этом в случае обращения в суд на бумажном носителе заявитель получает доступ непосредственно к судебной про-

105 Решетняк В.И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».

106 Там же.

107 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

цедуре защиты его прав, которая может в случае соблюдения всех предпосылок и условий стать первой стадией гражданского процесса – возбуждения дела в суде¹⁰⁸.

Сложно не согласиться с авторами в том, что указанные различные правовые последствия в зависимости от формы обращения (бумажная либо электронная) напрямую влияют на реализацию конституционного права на судебную защиту, и это, в свою очередь, приводит к определенной трансформации процессуальных отношений в сторону смягчения формализма процессуальных отношений.

Таким образом, цифровизация, электронное правосудие обеспечивает более быстрое и полное ознакомление с базой судебных решений и облегчает поиск прецедента по рассматриваемому спору. Использование технологий позволяет всем участникам при подготовке к процессу изучить судебную практику по соответствующей категории дел в том или ином регионе, суде и даже конкретного судьи, что делает процесс более предсказуемым и профессиональным, позволяет сторонам тактически правильно и грамотно выстроить свою аргументацию, а суду – всесторонне и полно рассмотреть дело¹⁰⁹.

Однако электронные технологии и искусственный интеллект должны играть значимую, но все же второстепенную роль, помогая человеку обнаружить противоречия, собрать информацию, увидеть нелогичность, сэкономить время и, что особо важно для социальной сферы, сделать правосудие более доступным¹¹⁰.

На сегодняшний день необходимо законодательное урегулирование моментов, касающихся технических сбоев программ, исправление ошибок по раскрытию конфиденциальной информации и установление более четких критериев для выкладывания судебных актов в открытый доступ.

Судебной системе следует внимательно отнестись к уже существующим проблемам цифровизации и учитывать потенциально возможные риски для выстраивания эффективной системы использования новшеств в судопроизводстве и соблюдения реализации прав участников.

108 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Допроцессуальный технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

109 Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А.. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».

110 Гусев А.Ю., Сулейманова Ф.О. Отдельные аспекты судебной защиты права на социальное обеспечение в условиях цифровизации // СПС «КонсультантПлюс».

§ 9 Зарубежный опыт использования электронного правосудия¹¹¹

Стремительное развитие информационных технологий привело к цифровизации различных видов деятельности, не осталось в стороне и правосудие. Понятие электронное правосудие или в зарубежных странах e-justice прочно вошло в жизнь современного общества. Анализ зарубежного опыта электронного правосудия поможет российскому электронному правосудию избежать некоторые неудачные решения и перенять положительные¹¹².

В США электронный доступ к судебной информации можно получить через системы Public Access to Court Electronic Records (PACER) и Case Management / Electronic Case Files (CM/ECF) для подачи документов в суды¹¹³. Сразу следует отметить, что в отличие от судебных российских автоматизированных систем (например, Мой арбитр, ГАС «Правосудие»), доступ к судебной информации платный. Доходы от платежей используются для обслуживания и поддержания информационных систем, а также для компенсации других расходов, связанных с электронным правосудием.

В PACER можно посмотреть реестр принятых заявлений, следить за ходом рассмотрения дела и принятых решений, узнать даты назначенных заседаний.

А CM/ECF – это комплексная система управления делами Федеральной судебной системы, предоставляющая судам возможность ведения электронных дел, прием заявлений и обращения к документам в режиме онлайн.

Для доступа к судебной информации необходимо зарегистрироваться в PACER, а для электронной подачи документов до недавнего времени в дополнении к регистрации PACER необходимо было зарегистрироваться в ECF. Была разработана новая система управления делами, которая позволила регистрироваться один раз и с этой учетной записью получать доступ как к судебным делам, так и подавать заявления в электронном виде. Но не все суды перешли на новую систему, всю информацию о судах и используемой ими системы можно найти на сайте. На сайте же есть бесплатный учебный сайт, поясняющий работу PACER, его можно посмотреть перед регистрацией, также есть ссылка

111 Данный параграф выполнен О.В. Брянцева при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

112 Брянцева О.В., Солдаткина О.А. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. № 6. С. 36–47.

113 Case Management/Electronic Case Files. URL: <https://www.pacer.gov/cmecf/>

на подробную инструкцию для пользователя, что, конечно, делает эту систему более доступной.

Системы разрабатывались в соответствии с законодательством и требованиями безопасности, именно поэтому управление системами децентрализовано – федеральные суды имеют свои собственные серверы, что полезно и с технической точки зрения.

В странах Европейского союза (ЕС) электронное правосудие развито по-разному. ЕС создал портал электронного правосудия¹¹⁴ и портал «Электронное правосудие. Автоматическая обработка»¹¹⁵, где содержится актуальная информация об использовании информационных технологий в национальных судах.

Для использования информационных технологий при судебных разбирательствах во многих странах изменяется законодательство, причем в одних странах коммуникационные каналы связи, например Интернет, используются во всех видах судопроизводства, в других – лишь в отдельных¹¹⁶.

Например, в Эстонии функционирует информационная система электронного судопроизводства (e-toimic – e-File proceedings information system), с помощью которой может быть начато судебное разбирательство, поданы документы, апелляция в гражданском и административном судопроизводстве. Процессуальные документы подаются с использованием электронной подписи. А в уголовном судопроизводстве можно представить документы по судебным разбирательствам. Платежные поручения и претензии по техническому обслуживанию подаются только через Интернет, что говорит о достаточно высоком уровне развития и информационных технологий, а главное готовности населения к применению этих технологий.

Подача иска в суд осуществляется через заполнение специальных форм, что, конечно, облегчает эту задачу и делает правосудие более доступным. В зависимости от вида производства и ходатайства формы могут различаться, но формат у них одинаковый.

Войти в систему можно с помощью ID-карты или мобильного идентификатора (Mobile-ID). Доступ предоставляется только к делам и данным вошедшего под своим идентификатором пользователя. Для безопасной передачи данных используется национальная информационная система X-Road.

Судебные решения, определения и повестки так же могут вручать

114 Портал электронного правосудия стран Европейского союза. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/european-e-justice/index_en.htm.

115 European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do.

116 Мошков Е.А. Содержание электронного правосудия в России и зарубежных странах // Проблемы права. 2015. № 4 (52). С. 148–152.

ся в электронном виде либо через информационную систему, при этом автоматически регистрируется дата их открытия, либо через электронную почту участника, который должен уведомить суд об их получении.

Интересны возможности подачи исков в электронном виде в Чешской Республике. Иск, заверенный квалифицированной электронной подписью, может быть подан по электронной почте через сайт ePodatelna или сразу на электронную почту нужного суда. Кроме этого, для подачи документов существуют специальные электронные хранилища – система информационных ящиков данных (data box), которыми оснащены все суды, и их идентификаторы можно найти на портале Государственного управления. Третий способ – практически подача в бумажном виде – подать по электронной почте без электронной подписи, но в течение трех дней предоставить печатный вариант или воспользоваться способами, описанными выше.

Нельзя обойти вниманием электронную систему судопроизводства в Сингапуре. Эту систему начали разрабатывать еще в конце прошлого века. В 2000 году эта система электронной подачи документов (Electronic Filing System EFS) была внедрена. Она позволяла подавать судебные документы и вести судебное дело в электронном виде посредством сети Интернет, создавать электронное дело, в которое заносятся новые данные, документы, каждый этап судебного процесса, определения суда. Есть возможность поиска открытой информации по рассмотренным делам¹¹⁷. Все это можно делать с личного компьютера, при наличии доступа в Интернет. Но она предназначена в большей степени для юристов и адвокатов.

Следующим шагом использования преимуществ информационных технологий была разработка и внедрение интегрированной системы электронных судебных разбирательств (eLitigation)¹¹⁸. Ей было уделено внимание в докладе «Ведение бизнеса 2016»¹¹⁹. В этой системе с помощью управления информацией и электронных форм судебным пользователям предлагается единая точка доступа для активного участия в деле во время всего судебного процесса. Доступ к системе осуществляется через сайт www.elitigation.sg, авторизоваться можно с помощью пароля для доступа к сайтам государственных услуг (SingPass) или зарегистрироваться как иностранный пользователь. Фактически эта си-

117 Гулемин А.Н. На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия // Право и политика. № 12 (192). 2015. С. 1714–1718. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059.

118 Integrated Electronic Litigation System. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Integrated_Electronic_Litigation_System.

119 Оффшор Сингапур в 2016 году в очередной раз стал лучшей страной по легкости ведения бизнеса. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-jurisdictions/offshore-singapore-in-2016-becomes-best-country-for-ease-of-doing-business/>

стема является переходом от электронной подачи документа к системе электронного судопроизводства, в котором центральное место занимает не документ, а дело.

Судебные документы с 2016 года в Сингапуре могут передаваться ответчику через Facebook, Skype или интернет-форумы, а также мессенджеры, связанные с номерами телефонов (WhatsApp, Viber и др.)¹²⁰.

Активно развивается электронное правосудие в Китае. В судах уже созданы онлайн сервисные платформы. Нужно только зайти на сайт соответствующего верховного суда, перейти на страницу создания иска, выбрать суд в нужном административном округе и, следуя подсказкам, заполнить форму, загрузить идентификационные данные и доказательства и отправить в суд. Процесс рассмотрения может отслеживаться заявителем.

В декабре 2019 года появилось сообщение о разрешении Верховным судом КНР проводить онлайн судебные заседания на специальной платформе WeChat с помощью искусственного интеллекта. Но пока таким способом рассматриваются только дела, касающиеся электронной коммерции и авторских прав¹²¹.

На сайте Верховного народного суда КНР (<http://www.court.gov.cn/>) 10 сентября 2020 года появилась новость о создании Национальной платформы по исполнению постановлений и правовому надзору. Создание такой платформы направлено на совершенствование использования информационных технологий, стандартизацию правового надзора, укрепление сотрудничества и обмен информацией между судебными органами. Ввод в эксплуатацию ожидается в 2021 году.

Таким образом, развитие электронного правосудия во всех странах – это необратимый процесс, который должен способствовать доступности, открытости, гласности правосудия. Но чтобы информатизация судебных органов выполняла эти задачи, необходимо развитие информационных технологических инфраструктур, систем связи, повышение информационной грамотности населения. Для более широкого доступа к судебным разбирательствам подача заявлений должна быть организована в виде заполнения интерактивных форм, а в судебных информационных системах должны быть реализованы технологии бесшовной интеграции с современными приложениями для коммуникации пользователей, такими как мессенджеры, соцсети и т.д.

120 Оффшор Сингапур расширяет спектр использования новых технологий в судебном производстве. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-legislation-acts/singapore-and-unique-electronic-courts-of-justice/>

121 В Китае узаконили судебные приговоры, выносимые искусственным интеллектом. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.trud.ru%2Farticle%2F12-12-2019%2F1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimy_e_iskusstvennym_intellektom.html

§ 10 Роль председателя суда общей юрисдикции в процессе цифровизации правосудия

Несмотря на то, что процесс цифровизации охватывает все новые и новые сферы жизнедеятельности общества, его влияние на правосудие пока только развивается. При этом, как отмечают современные специалисты, именно судебная система нуждается в наиболее масштабной модернизации. Это объясняется тем, что, с одной стороны, существующая модель судебной системы в России не отвечает новым требованиям, с другой стороны, порождает целый ряд негативных явлений – бюрократизм, сверхнагрузку сотрудников судебного аппарата, неоднозначность судебных решений, длительность судебного разбирательства и т.д.¹²²

Несмотря на то, что о цифровизации судебной системы говорится с 2006 г. и для ее реализации была разработана государственная автоматизированная система «Правосудие», Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19.02.2015 г. № 439 утверждена Концепция развития информатизации судов до 2020 г., до сих пор нельзя сказать, что все возможности использования информационно-коммуникационных технологий исчерпаны. Еще не до конца решены концептуальные вопросы – является ли цифровизация процессом или оцифровкой задач¹²³. Вместе с тем достигнуты и несомненные успехи – введены возможность подачи документов в электронном виде через информационные системы «Мой арбитр», «ГАС Правосудие», в базе данных которой сейчас находится уже более 80 млн дел¹²⁴, аудио- и видеозапись, СМС-уведомления сторон и т.д.

Новые вызовы, связанные с созданием высокотехнологичных «электронных судов», требуют, в том числе от председателей, судов общей юрисдикции, новых навыков и направлений работы¹²⁵ и т.д.

Цифровизация правосудия представляет собой совокупность организационных, экономических, правовых, технических приемов, направленных на формирование эффективного использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности судебных

122 Ширяева А.И., Калашникова Е.Б. Электронное правосудие, как следствие цифровизации российской судебной системы // Modern Science. 2019. № 10-1. С. 198.

123 Крайнова Н.А. «Электронные весы правосудия»: цифровизация процессов или оцифровка задач? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 35-38.

124 Назаров В.В. К вопросам судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 353.

125 Бурдина Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. 2018. № 7 (147). С. 19.

органов¹²⁶.

Выделяются три группы элементов информатизации¹²⁷.

Во-первых, элементы, отражающие открытость правосудия и судебной системы в целом.

Положение по созданию и сопровождению официальных интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации, утвержденное Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24.11.2004 г., определило за председателем суда полномочие осуществления контроля за работой интернет-сайта, в том числе по созданию редакционной коллегии и назначению лица, ответственного за подготовку и обновление информации, размещаемой на интернет-сайте суда.

Во-вторых, элементы, направленные на взаимодействие с отдельными лицами, участвующими в судопроизводстве по отдельным делам.

Нормы процессуального законодательства, в частности ч. 4 ст. 7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 7 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации; ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 24.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, наделяют председателя суда полномочиями по преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства о внепроцессуальных обращениях государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан, поступивших в суд, путем размещения данной информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В-третьих, элементы, обеспечивающие деятельность суда и его взаимодействие с другими государственными органами.

Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» дополнительно закрепил полномочие председателя суда по регламентации внутреннего распорядка суда, а также решению иных вопросов организационного характера.

В целях создания единой системы организации делопроизводства, порядка работы с процессуальными и иными документами председатель суда должен организовать изучение работниками суда основных положений и требований указанной выше Инструкции и обеспечить их четкое исполнение. Наравне с этим председатель суда утверждает и устанавливает порядок работы с поступившей корреспонденцией, в

126 Несмеянова С.Э. Информатизация правосудия: новые возможности? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 33.

127 Шарифулин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57-62.

том числе и в ПС ГАС «Правосудие».

Важным добавлением к полномочиям председателя суда является осуществление распределения всех поступивших в суд исковых заявлений и других заявлений, в том числе с использованием ПС ГАС «Правосудие» «Модуль распределения дел».

В соответствии с Федеральным законом от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» официальным представителем суда, взаимодействующим со средствами массовой информации, является председатель суда или должностное лицо, уполномоченное председателем суда (ст. 22), в сети Интернет размещаются тексты судебных актов (ст. 15), возможна трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению и в сети Интернет (ст. 23). Указанное в полной мере отвечает мнению Консультативного Совета Европейских судей от 10.11.2016 г. № 19(2016) «Роль председателей судов», согласно которому роль председателей судов заключается в представлении суда и остальных судей, обеспечении эффективного функционирования суда. К последнему относится организационное обеспечение размещения информации на официальном сайте суда, в том числе определение ответственных лиц за наполнение информацией, деперсонафикация судебных постановлений, контроль за полнотой и своевременностью размещения и предоставления необходимой информации, что реализуется путем принятия соответствующих организационно-распорядительных актов председателем суда.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации возлагает на председателей судов обязанность заверения копий судебных постановлений, в том числе квалифицированной электронной подписью, в отсутствие судьи, рассматривавшего дело, либо уполномоченного работника аппарата суда.

Среди иных полномочий председателя суда, названных Инструкцией о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 19.03.2019 г. № 56, необходимо назвать заверение электронной подписью электронных дел при приеме на архивное хранение (п. 7.5.2), инициирование работы по перезаписи электронных документов на новые носители (п. 10.7), заверение электронной подписью электронных архивных справок (выписок) (п. 11.3.3).

Несмотря на безусловные успехи в данной сфере, есть и определенные проблемы. К таковым можно отнести дублирование документов в электронном и документированном виде передачи председателю

суда для определения исполнителя и срока исполнения документа, что, например, закреплено в п. 3.4 Положения о порядке рассмотрения судами общей юрисдикции поступающих в электронной форме обращений граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и (или) органов местного самоуправления, утвержденного постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 21.06.2010 г. № 229. Также в ст. 474.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено дополнительное изготовление экземпляра судебного решения на бумажном носителе при его изготовлении в электронной форме.

Таким образом, роль председателя общей юрисдикции в цифровизации правосудия достаточно велика, однако данный процесс еще только развивается и постепенно будут появляться новые полномочия и задачи.

§ 11 Организация связей с общественностью в судебной системе в эпоху цифровизации (социально-правовые аспекты)¹²⁸

Цифровизация – это системный подход к использованию цифровых ресурсов для повышения производительности труда, конкурентоспособности и получения реального экономического эффекта, отмечают специалисты технической отрасли¹²⁹. По мнению представителей гуманитарных наук, цифровизация означает новый этап промышленной революции, такую форму модернизации, которая дает российскому обществу совокупность новых инструментов и технологий, обеспечивающих возможность масштабного применения нового типа социальной коммуникации¹³⁰. В дискуссиях имеет место такой слоган: цифровизация не инструмент для успеха конкретной компании, а образ

¹²⁸ Данный параграф выполнен Ю.А. Потаповым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

¹²⁹ Цифровая энергетика: новая парадигма функционирования и развития / под ред. Н.Д. Роголева. М.: Издательство МЭИ, 2019. С. 33.

¹³⁰ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Человеческий капитал в условиях цифровой экономики // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы международной конференции (г. Москва, МПГУ, 24-25 апреля 2018 г.) / под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой [Электронное издание]. М.: МПГУ, 2018. С. 15 (13-17).

сегодняшнего дня.

Управленческие и технологические процессы, связанные с автоматизацией, цифровизацией, информатизацией, проникают буквально во все сферы жизнедеятельности государства и общества – экономику, право, образование, культуру и др. Применение IT-технологий не только декларируется, но и достижения технического прогресса широко используются во всех отраслях, в том числе в государственном и муниципальном управлении. Инновационные решения, отдельные элементы цифровизации все активнее приходят на смену устаревшим способам ведения делопроизводства, обработки и хранения информации, средств связи и др.¹³¹.

Информационная открытость органов власти, считает Т.М. Резер, позволяет гражданам получать адекватное представление и формировать мнение о состоянии российского общества и результативности деятельности конкретных органов государственного и муниципального управления... При этом информационная прозрачность деятельности органов власти всех уровней управления, реальная доступность получения информации о принимаемых ими решениях, об их текущей деятельности является не только необходимым элементом осуществления постоянной и надежной связи между гражданами и их представителями во властных структурах, но и средством эффективного функционирования самих органов власти¹³².

В период осуществления судебной реформы в Российском государстве на рубеже нынешних веков цифровизация организационно-управленческой деятельности, отправления правосудия занимает все более заметное место. На вооружение берутся как хорошо себя зарекомендовавшие зарубежные и отечественные автоматизированные системы управления, так и новые информационные технологии и средства, например, электронные кейсы делопроизводства, кадрового менеджмента, использование аудио-, видеозаписи судебного процесса с последующими их обработкой и хранением, интернет-технологии, сетевые ресурсы и т.д.

В научных публикациях речь идет о цифровизации права в целом и законотворческого процесса (Д.А. Пашенцев, В.А. Семенцов), отдельных видов юридической деятельности, например, нотариальной в виде создания Единой информационной системы нотариата (Е.И. Лагодина),

131 См., напр.: Сарьян В.К., Левашов В.К. Основные тенденции развития информационно-коммуникационных систем принятия государственных управленческих решений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 33-42.

132 Резер Т.М. Информационная открытость органов государственного и муниципального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 7-8.

судебной (Р.В. Костенко, В.И. Пржиленский) и др. В настоящее время апробированы и действуют такие информационно-аналитические системы судебных органов, как Государственная автоматизированная система (ГАС) РФ «Правосудие», Комплексная информационная система судов общей юрисдикции (КИС СОЮ) и др.¹³³.

Как отмечают авторы монографии «Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации», «для правосудия цифровой эпохи характерным элементом становится использование роботов-программ, упрощающих и ускоряющих деятельность в сфере (электронного правосудия), а также технологий искусственного интеллекта, нейросетей...»¹³⁴. Однако указанные новшества рассматриваются, скорее всего, как экспериментальные, надежная практика их применения отсутствует, не выявлены плюсы и минусы данных технологий. По этой причине данные технологии пока не находят своего применения в отечественной судебной системе.

В Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы речь идет, в том числе, и о создании единого информационного пространства судебной системы, предусматривающего, в частности, новые возможности для работы с большим объемом информации. Кроме того, для фиксации хода судебного заседания путем аудиопотоколирования используются электронные носители информации. Как отмечается в документе, «в рамках действующего законодательства каждый гражданин, организация, общественное объединение, орган государственной власти и местного самоуправления, представитель редакций средств массовой информации также будет иметь возможность получить необходимую для него информацию о конкретном рассмотренном каким-либо судом деле, о проведенном мероприятии и

133 Лагодина Е.И. Цифровизация нотариальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 20-24; Костенко Р.В. Ведение уголовного судопроизводства в электронном формате в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 44-52; Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5-13; Пржиленский В.И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 125-132; Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 52-56.

134 Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юридическая фирма Контракт, 2019. С. 154-155.

т.д.»¹³⁵.

Среди адаптированных и апробированных методик и практик рассмотрим такой аспект цифровизации, как совершенствование связей с общественностью и связанных с этим развитие информационно-коммуникационных технологий в судебной системе, направленных на реализацию принципов доступности, публичности, открытости, гласности, а также прозрачности (транспарентности) правосудия.

Как отмечает С.Э. Несмеянова, «модернизация традиционных способов осуществления правосудия, обеспечение доступности, гласности, прозрачности правосудия невозможны без использования информационных ресурсов, информатизации правосудия, создания электронного правосудия»¹³⁶.

Е.Б. Абросимова и Т.В. Надеяева, например, выделяют следующие формы и виды транспарентности правосудия: общая информация о суде, судебных институтах и их деятельности; информация о судебском самоуправлении и деятельности органов судебского сообщества; информация о конкретном судебном процессе. Кроме того, судебные органы обязаны обеспечить гражданам возможность ознакомления с материалами дела и судебными решениями, доступ и присутствие в зале судебного заседания и др.¹³⁷.

По мнению А.Н. Леонтьева и ряда других ученых, электронное правосудие – концепция информатизации процессуальных действий в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства¹³⁸, а возможность участия лиц в судебном заседании посредством видео-конференц-связи обеспечивает развитие таких принципов, как доступность правосудия, непосредственность, открытость, гласность¹³⁹.

Говоря о доступности правосудия, исследователи предлагают раз-

---

135 Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/#review>.

136 Несмеянова С.Э. Информатизация правосудия: новые возможности? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 32.

137 Абросимова Е.Б. Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142-152; Надеяева Т.В. Обеспечение транспарентности правосудия посредством использования информационных технологий // Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / Под ред. В.М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. С. 418-424.

138 Леонтьев А.Н. Информационное право: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2019. С. 54.

139 Ласкина Н.В. Комментарий к разделу IV «Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (издание второе, дополненное). М., 2018.

граничить два его аспекта: открытость правосудия (суда) и качество правосудия¹⁴⁰. Как отмечают И.И. Боброва и В.А. Зимин, очень важно также разграничивать аспекты открытости на основе следующих критериев: 1) законодательных; 2) организационных; 3) информационных. Однако главная идея информационной открытости состоит в том, чтобы предоставление государственной информации и оказание государственных и муниципальных услуг в режиме онлайн входило бы в обязанности госслужащих как одна из важнейших функций¹⁴¹.

Гласность правосудия в каждой правовой системе, отмечает И.В. Решетникова, понимается по-разному, по этой причине и содержание названного принципа судопроизводства отлично в каждой стране¹⁴². Как считает О.В. Третьякова, открытость или транспарентность (информационная прозрачность) правосудия, доступ к судебной информации и возможность ее широкого обсуждения – индикатор цивилизованности государства¹⁴³.

Разделяя точку зрения И.Н. Спицина, отметим, что в научной литературе существует терминологическая неупорядоченность, связанная с неустойчивостью относительно нового понятия, пришедшего в научный оборот на рубеже веков. В различных исследованиях говорится, в частности, об открытости, публичности, гласности судебной власти, о транспарентности правосудия и (или) судопроизводства, о транспарентности судебных процессов, о транспарентности в целом и т.д., при этом иногда подменяются одни понятия другими. Нет четкого, однозначного подхода к этой проблеме. Термин «транспарентность» не закреплен в федеральных законах, он лишь содержится в ряде международных документов (в частности, в постановлениях Европейского Суда по правам человека) и зарубежном законодательстве¹⁴⁴. И, очевидно, следующий шаг законодателей должен быть связан с имплементацией данного термина в российскую правовую базу.

Европейский Суд по правам человека наиболее детально сформулировал максимум естественного правосудия, в свою очередь заимствованную у древних мыслителей: «Правосудие должно быть не только со-

---

140 Эффективность правосудия и судебная защита: некоторые теоретические и практические аспекты: материалы второй научно-практической межрегиональной конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2014. С. 102.

141 Боброва И.И., Зимин В.А. Черный PR? Белый GR! Цветной IR:) менеджмент информационной культуры. М.; СПб.: Вершина, 2006. С. 265.

142 Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. С. 442.

143 Третьякова О.В. Судебная журналистика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 107.

144 Спицин И.Н. Проблемы транспарентности в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 17.

вершено, но должно быть ясно видно, что оно совершено»¹⁴⁵.

Принцип транспарентности правосудия по устоявшемуся мнению отечественных ученых и специалистов-практиков включает следующие компоненты: гласность, публичность, официальность и открытость и др.¹⁴⁶.

Концептуальная новизна идеи транспарентности правосудия предопределила, как считает Д.А. Боброва, наличие относительно недолгой, но развивающейся истории становления информационной политики судебной системы... При этом, отмечает автор, работа созданных при судах пресс-служб, представляющих собой главный на сегодняшний день итог реализации новой (первой – Ю.П.) Концепции информационной политики, лишена единообразия и не имеет общей методики¹⁴⁷. Следует отметить, что в последние годы органами судебного сообщества предприняты меры по активизации данной деятельности, приведению информационно-коммуникационной работы судов к единому знаменателю и отраженных в следующем программном документе¹⁴⁸.

§ 12 Обеспечение гарантии независимости судей в Республике Молдова: проблемы и решения

Вопрос обеспечения независимости судебной системы был актуален во все времена, но этот вопрос особо актуален сейчас, на этапе становления правового демократического государства, когда настоятельно требуется формирование и совершенствование сильной, независимой и доступной для населения судебной власти. В связи указанными приоритетами вопрос развития действенной судебной системы как части государственной власти является особой составляющей.

Правительство в качестве высшего органа исполнительной власти в стране очень ответственно подходит к вопросу функционирования судебной системы и в программе своей деятельности выделяет пробле-

145 Аносова Л.С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 49.

146 Конституционное право зарубежных стран: учебник / Ю.И. Лейбо, А.Г. Орлов, И.А. Ракитская; отв. ред. Ю.И. Лейбо. М.: Статут: Ун-т МГИМО, 2012. С. 252.

147 Боброва Д.А. СМИ и проблема доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 13.

148 Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/#review>

мы ее эффективности в отдельную главу. Так, в Плане действий Правительства на 2020–2023 годы предусмотрен ряд мер, направленных на усиление правового государства, включая реформу правосудия, борьбу с коррупцией и соблюдение основных прав и свобод человека и, в частности:

- продвижение мер по укреплению правосудия в соответствии с рекомендациями Венецианской комиссии и Бюро по демократическим институтам и правам человека;
- оптимизация деятельности Высшего совета магистратуры и подведомственных ему органов;
- корректировка правовой базы с целью упорядочения обычной и внеочередной оценки судей, в том числе с учетом их интересов, с целью очищения судебной системы от коррумпированных и уязвимых людей;
- оптимизация деятельности Высшего совета магистратуры и подведомственных ему органов;
- пересмотр роли Верховного суда и модернизация апелляционной системы;
- пересмотр полномочий председателей судов;
- повышение эффективности судебной информационной системы путем исключения вмешательства человеческого фактора из административного процесса ведения дел;
- упорядочение дисциплинарной ответственности судей и прокуроров;
- пересмотр законодательной базы, регулирующей порядок и условия назначения и продвижения на должности судьи и прокурора;
- создание специализированного антикоррупционного суда первой инстанции и создание полноценных антикоррупционных судов при Апелляционном суде Кишинева и в Верховном суде.

Высшей и основной целью судебной власти является отправление правосудия именем закона и только судебными инстанциями¹⁴⁹. Не менее важным в этой связи является и принципиальное положение о неприкосновенности судей, их независимости в принятии решений и подчинении только Конституции и законам Республики Молдова.

Среди конституционных принципов организации и деятельности судебной власти особенно следует выделить принцип независимости, исключающий постороннее воздействие на судей при осуществлении ими правосудия и который в значительной степени способен обеспечить эффективность правосудия.

Принцип независимости судебной власти является краеугольным камнем демократического государства, поскольку именно он обеспе-

149 Конституция Республики Молдова. URL: <http://www.parlament.md/CadrulLegal/Constitution/tabid/151/language/ru-RU/Default.aspx>.

чивает существование реальной Конституции и проведение в жизнь идеи верховенства закона.

Следует также отметить, что высокая социальная ценность принципа независимости судей и подчинения их только закону имеет универсальный характер и ни в коем случае не ограничивается рамками только одного отдельно взятого государственного образования. Его значение настолько велико, что эта гарантия эффективной защиты прав и свобод граждан стала предметом специального обсуждения в Организации Объединенных Наций. 13 декабря 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальный документ «Основные принципы независимости судебных органов», который связывает в неразрывное единство и институционально-организационную независимость или самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей по отношению к другим государственным и общественным органам, выражающуюся в формировании самоуправляющейся и обособленной судебной системы или систем, и в запрете иным государственным органам осуществлять судебную деятельность либо вмешиваться в нее (п.п. 1, 3-5, 7 Основных принципов)¹⁵⁰.

Такое положение должно обеспечивать независимость судебной власти и ее носителей в сущностном значении этого понятия, т.е. беспристрастность и подчинение во время отправления правосудия только закону.

При этом нужно отметить, что деятельность судей взаимосвязана с их положением в обществе, то есть статусом судей. При этом статус судьи определяется как его правовое положение в обществе, закрепленное в нормативных правовых актах. Ключевыми составляющими статуса судьи являются основополагающие принципы, такие как независимость, несменяемость, неприкосновенность, несовместимость, назначаемость судей. Особенностью действия всех принципов независимо от правовых систем государств является то, что они одновременно выступают гарантией прав и обязанностей судьи.

Независимость – важнейший принцип, определяющий особый статус судей. Сущность принципа заключается в том, что исключается любое воздействие на судью со стороны других лиц и субъектов при разрешении дела. Независимость судей определяет отделение судебной власти от других ветвей власти. Данный принцип «гарантирует» правосудие, поскольку только беспристрастный независимый судья может обосновывать свое решение материальным правом и справедливостью. Нельзя не согласиться с мнением А.Ф. Скутина: «Если судья при осуществлении правосудия независим, то он и не коррумпирован, и наоборот, коррумпированный судья всегда прислушивается к мнению

150 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml.

других»¹⁵¹.

Согласно части 1 статьи 116 Конституции Республики Молдова «судьи судебных инстанций независимы, беспристрастны и несменяемы согласно закону».

В этом смысле нужно подчеркнуть, что основной гарантией независимости судей является уровень их материального обеспечения. Данная гарантия обеспечивается во многих государствах, в том числе и в Молдове. Независимо от государственного устройства и форм правления данный принцип так или иначе устанавливается в большинстве стран мира и закрепляется в их конституциях. Например, в статье 76 Конституции Японии данный принцип излагается следующим образом: «Все судьи независимы и действуют, следуя голосу совести; они связаны только настоящей Конституцией и законами»¹⁵².

В Соединенных Штатах Америки данный принцип направлен, прежде всего, на обеспечение защиты судей. Статья III Конституции США предусматривает, что федеральные судьи «занимают свои должности, пока ведут себя безупречно» и что они «получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания в должности»¹⁵³.

Эти положения гарантируют невмешательство Конгресса или Президента в судопроизводство. Независимость судей в англосаксонской системе права обеспечивается их высоким статусом, малочисленностью судейского корпуса и значительными окладами. Принцип закреплен не только в национальном законодательстве большинства государств, но и на международном уровне. Во Всеобщей декларации прав человека, статье 10, говорится: «Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом»¹⁵⁴.

Принимая во внимание этот факт, в странах разных правовых систем обеспечение независимости и беспристрастности суда рассматривается в качестве основного направления деятельности государства путем выработки мер, направленных на защиту прав граждан и противо-

151 Скутин А.Ф. Судебная реформа и проблемы коррупции в судах // Российское правосудие. 2008. № 10. С. 109.

152 Конституция Японии // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>.

153 Конституция Соединенных Штатов // Constitution Facts – Official U.S. Constitution Website. URL: <https://www.usconstitution.cc/>

154 Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>

действие коррупции. Нет сомнения в том, что принципы взаимосвязаны и гарантируют друг друга. Таким образом, принцип независимости гарантируется принципом несменяемости. Также нужно отметить, что гарантии независимости судьи должны включать меры его правовой защиты, материального и социального обеспечения, предусмотренные законодательством, и должны распространяться на всех судей и не могут быть отменены и снижены иными нормативными актами.

Судья должен быть несменяем, он не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия, и его полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе как по основаниям и в порядке, установленном законодательством. Следует отметить, что в последнее время в нашей стране как в Парламенте, в Министерстве Юстиции, а также на экспертном уровне обсуждается вопрос о назначении судей без испытательного срока, применяемый в настоящее время и предусматривающий назначение на должность судьи первоначально на 5 лет, а затем пожизненно. Данная идея приветствуется как в профильных неправительственных организациях, так и специалистами из правовой сферы. Считаем, что данное изменение реально способствовало бы укреплению статуса и независимости судей.

Не менее важным фактором, призванным обеспечить принцип независимости судьи, это его неприкосновенность. Судья есть лицо неприкосновенное. Неприкосновенность судьи включает в себя: неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений).

Недопустимость вмешательства в деятельность судьи. Всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону. Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом.

Судья не может быть и не должен быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им мнение, при осуществлении правосудия и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта. Данное положение применимо и в отношении судей, прекративших профессиональную деятельность.

Решение по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу должно быть обоснованным, по четким причинам и не может быть результатом отмены решения вышестоящей инстанции.

Если говорить о гарантии независимости судьи, то не менее важным является материальное обеспечение судей. На данный момент заработная плата судьи РФ состоит из должностного оклада.

В этой связи следует отметить, что правительство, как высший орган центральной публичной исполнительной власти, должно предоставлять другие социальные гарантии для укрепления статуса судьи и содействия независимости.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время судьи назначаются независимо от места постоянного проживания, в связи с чем многие из них вынуждены преодолевать большие расстояния, чтобы добраться до места работы, в том числе нести дополнительные расходы, которые фактически не покрываются.

В этом смысле следует предусмотреть политику предоставления жилого помещения с учетом того факта, что у многих судей на момент назначения уже есть семья и дети, поэтому судья должен ездить или нести дополнительные расходы для переезда семьи в местность, где он осуществляет свою деятельность, что вызывает значительные неудобства.

В заключение отметим, что многие гарантии смещены в процессуальную сторону жизнедеятельности судьи, в то время как речь должна идти о непосредственной защите независимости личности судьи-гражданина как носителя судебной власти. В первую очередь требуется защитить судей от увольнения до истечения срока их полномочий, а также чтобы состав суда не получал инструкций со стороны исполнительной власти.

§ 13 Цифровизация и юридическая терминология: трудности перевода термина «электронная подпись»¹⁵⁵

Сегодня компьютерные терминологии стали неотъемлемой частью любой сферы деятельности людей. Компьютерные термины проникают как в общелитературный язык, так и в терминологические системы. Многие компьютерные термины заимствуются вслед за заимствованием

¹⁵⁵ Данный параграф выполнен Н.А. Калмазовой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

ем понятий, которые они обозначают. В юридической терминологии русского языка преимущественным способом заимствования из английского языка является калькирование¹⁵⁶, причем чаще всего представлено фразеологическое калькирование, при котором происходит пословный перевод словосочетания исходного языка (ИЯ) на переводящий язык (ПЯ)¹⁵⁷. Это такие термины, как cloud technologies («облачные технологии»), Big Data («большие данные»), artificial intelligence («искусственный интеллект») и многие другие.

Многочисленной группой терминов, подвергшихся фразеологическому заимствованию в юридической терминологии, являются терминологические словосочетания с термином electronic. С его помощью на основе родового компонента, представленного базовым юридическим термином, образуются видовые термины английского языка и заимствуются в русский язык: electronic payment order («постановление об электронной оплате»), electronic submission («электронная подача документов»), electronic record («электронный протокол»), electronic document («электронный документ»), electronic service («электронное обслуживание»), electronic data («данные в электронном виде»).

Перевод посредством калькирования исходной формы и ее последующее закрепление в ПЯ в большинстве случаев не представляет трудностей, так как понятия английского и русского языков аналогичны. Тем не менее картина мира народов, говорящих на этих двух языках, не совпадают, как не совпадают и правовые системы общего права Великобритании и США и цивилистического права России. Поэтому в некоторых случаях необходимо проводить переводческий анализ и обосновывать переводческое решение при подборе репрезентативного варианта перевода термина. Так необходимо поступить при переводе видовых единиц термина «электронная подпись» / «электронная цифровая подпись». Это понятие было заимствовано из англо-американской правовой системы в 1992 году, а к 2002 году было закреплено в федеральном законе РФ. Сегодня в России существует два варианта электронной подписи – простая и усиленная. Усиленная электронная подпись подразделяется на неквалифицированную и квалифицированную.

«Простая электронная подпись» представляет собой некую комбинацию из логина и пароля и используется для того, чтобы подтвердить отправление электронного сообщения конкретным лицом и в редких случаях приравнивается к собственноручной подписи. «Усиленная не-

156 Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. 149 с.

157 Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с. С. 162.

квалифицированная электронная подпись» не только идентифицирует отправителя, но и подтверждает, что с момента подписания документ не подвергался никаким изменениям. Она часто приравнивается к собственноручной подписи. «Усиленная квалифицированная электронная подпись» подтверждается сертификатом от аккредитованного удостоверяющего центра и во всех случаях приравнивается к бумажному документу с собственноручной подписью¹⁵⁸.

В правовой системе Великобритании существует три видовых термина: simple electronic signature – «простая электронная подпись», которая включает в себя отсканированную подпись и специальное поле для ее расшифровки; advanced electronic signature – «усиленная электронная подпись», имеющая уникальное прикрепление к лицу, подписавшему документ, включая возможность идентификации данного лица. Также это вид подписи привязан к дате подписания, что предоставляет возможность установить внесённые позже изменения документа; qualified electronic signature – «квалифицированная электронная подпись», представляет собой усиленную электронную подпись, созданную с помощью использования высококачественного электронного технического устройства, имеющего сертификат качества электронных подписей¹⁵⁹.

Такие же термины приняты к использованию на территории Евросоюза, за исключением наличия некоторой вариативности. Так, выделяется 1) simple / basic electronic signature (SES) «простая электронная подпись»; 2) advanced electronic / digital signature (AES) «усиленная электронная / цифровая подпись»; 3) qualified advanced electronic / digital signature (QES) «квалифицированная усиленная электронная / цифровая подпись»¹⁶⁰. Компонент «цифровой» является видовым понятием родового термина «электронный» и перекликается с американским термином «электронная подпись».

В американской терминологии приняты два термина. Electronic signature (e-signature) – «электронная подпись» – относится к любому процессу в электронной форме, который связан с принятием условий документа. Это самая распространенная и частотная категория электронных подписей в США. В данной категории используются традиционные методы аутентификации, такие как электронная почта, защита пароля, или ПИН-код, присылаемый на абонентский номер. Доказа-

158 Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/appeals/faq/32/> (дата обращения: 17.08.2020).

159 UK government. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assets.publishing.service.gov.uk> (дата обращения: 19.08.2020).

160 EU electronic signature. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.connective.eu> (дата обращения: 11.08.2020).

§ 14 Реализация бюджетно-правового принципа прозрачности (открытости) в реалиях пандемии¹⁶²

тельством подписания документа считаются как запись в журнале регистрации, так и прикрепление цифрового сертификата к заполненному документу. Digital signature («цифровая подпись») подтверждается цифровым сертификатом трастовых услуг для аутентификации личности лица, подписавшего документ. Цифровые сертификаты предоставляют доказательство подписи через прикрепление цифровых сертификатов, привязанных к каждой подписи документа посредством криптографического преобразования (шифрования). US signature¹⁶¹.

Таким образом, терминополье «электронная подпись» в терминологических системах России, Великобритании, стран Европейского союза и США унифицировано частично. При переводе терминов данного терминополья следует учитывать культуроспецифичность данного понятия в данной конкретной стране, а также существующую традицию номинации терминологической системы страны, на язык которой осуществляется перевод. Картина принятых вариантов терминов национальных систем распределяется следующим образом:

«Простая электронная подпись» (Россия) – simple electronic signature (Великобритания) – simple / basic electronic signature (ЕС) – electronic signature (США).

«Усиленная неквалифицированная электронная подпись» (Россия) – advanced electronic signature (Великобритания) – advanced electronic / digital signature (ЕС) – digital signature (США).

«Усиленная квалифицированная электронная подпись» (Россия) – qualified electronic signature (Великобритания) – qualified advanced electronic / digital signature (ЕС) – digital signature (США).

С точки зрения унификации терминологических единиц, российский термин «усиленная неквалифицированная электронная подпись» представляется более точным по сравнению с британским термином advanced electronic signature, термином ЕС advanced electronic / digital signature и термином США digital signature, так как он имеет точный видовой признак «неквалифицированная», что четко ограничивает его от термина «усиленная квалифицированная электронная подпись», тогда как в британском варианте и в варианте ЕС эти термины можно ошибочно отнести к полной и сокращенной форме одного и того же термина, а в американской терминсистеме вообще отсутствует формальная разница между этими двумя понятиями («усиленная неквалифицированная электронная подпись» – digital signature, «усиленная квалифицированная электронная подпись» – digital signature).

161 US government. [Электронный ресурс]. URL: <http://https://acrobat.adobe.com/content/dam/doc-cloud/en/pdfs/adobe-sign-us-guide-e-signature> (дата обращения: 15.08.2020).

В настоящее время период пандемии COVID-19 многие авторы называют всеохватывающим глобальным кризисом¹⁶³. Это время кардинальных перемен, когда стремительность меняющихся условий существования всего человечества влияет на качество оказываемых государством услуг и прозрачность государственного управления. Особое внимание уделяется открытости данных о расходах бюджета, в частности, направленных на борьбу с последствиями эпидемии¹⁶⁴.

По данным, приведенным в обзоре открытости бюджета за 2019 год под эгидой Международного Бюджетного Партнерства (МБП) исполнительным директором Уорреном Крафчиком, отмечено, что «пробелы в прозрачности бюджета существуют на протяжении всего бюджетного цикла, особенно в том, как правительства передают огласке свои изменения в бюджетах в ходе их исполнения. Эти недостатки усугубляются слабым надзором со стороны законодательных органов и ревизоров и ограниченными возможностями для участия общественности»¹⁶⁵. Надо заметить, что такого рода недостатки присущи и России. Данное положение дел не может нас не беспокоить, поскольку для повышения уровня жизни граждан государственные расходы должны приносить результаты. Однако на практике случается так, что из соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации не полностью тратятся выделенные средства. При этом какие-либо отклонения от того или иного бюджета не объясняются. Все вышеперечисленное свидетельствует об актуальности рассмотрения вопросов реализации бюджетно-правового принципа прозрачности (открытости) в реалиях пандемии.

Принцип прозрачности (открытости) как принцип, обеспечивающий правовое регулирование правоотношений по раскрытию бюджет-

162 Данный параграф выполнен С.В. Кожушко при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50255 «Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований».

163 Обзор открытости бюджета за 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: https://www.internationalbudget.org/sites/default/files/2020-05/2019_Executive_Summary_RU.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

164 Как коронавирус меняет открытость государств: порталы аналитики и новые площадки для диалога с гражданами. Сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/news/kak-koronavirus-menyayet-otkrytost-gosudarstv-analiticheskie-portaly-i-novye-ploshchadki-dlya-dialoga> (дата обращения: 05.09.2020).

165 Обзор открытости бюджета за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.internationalbudget.org/sites/default/files/2020-05/2019_Executive_Summary_RU.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

ной информации, определяется нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) (ст. 28, 36)¹⁶⁶. Хотя указанный принцип формально не закреплен как принцип бюджетного права, по существу и своей правовой природе он является таковым¹⁶⁷.

Важнейшее предназначение принципа прозрачности (открытости) – легитимация результатов каждой стадии и всего бюджетного процесса, что подтверждается требованиями официального опубликования законов (решений) о бюджете, либо размещения бюджетной информации в сети Интернет для всеобщего ознакомления.

Принцип прозрачности (открытости) реализуется на всех стадиях бюджетного процесса всех уровней национальной бюджетной системы. Однако формы его реализации могут обладать определенной спецификой. Данная специфика обусловлена, в первую очередь, целями и задачами, которые должны быть решены на соответствующей стадии бюджетного процесса, а также субъектным составом той или иной стадии и объемом полномочий соответствующих субъектов.

Анализ действующего законодательства и практики его применения показал многообразие форм и способов реализации принципа прозрачности (открытости) органами государственной власти в России. Однако ввиду ограниченного объема публикации остановимся на рассмотрении форм и способов реализации принципа прозрачности (открытости) самой значимой, на наш взгляд, законодательной ветвью власти, а именно законодательными (представительными) органами государственной власти и местного самоуправления как субъектами бюджетного процесса.

Универсальными формами реализации принципа прозрачности (открытости) законодательными (представительными) органами государственной власти являются общественное обсуждение и общественное участие.

Согласно ст. 24 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественное обсуждение представляет собой форму общественного контроля и является публичным обсуждением общественно значимых вопросов с обязательным участием в таком обсуждении уполномоченных лиц (органов государственной власти и муниципального самоуправления и т.д.) и организаций, представителей граждан и общественных объединений, интересы которых затрагиваются соответствующим решением.

166 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

167 Бочкарева Е.А., Кожушко С.В. Принципы бюджетного права и бюджетной системы: понятие и соотношение // Право и практика. М., 2017. № 1. С. 120–124.

Под общественным участием в бюджетном процессе понимают «систематический процесс, характеризующий взаимоотношения органов государственного (муниципального) управления и общественности относительно выражения интересов и прав общества в бюджетной политике»¹⁶⁸.

Способы их проведения во многом схожи, например, их организаторами могут быть общественные объединения, негосударственные некоммерческие организации, органы государственной власти и т.д. Процедуры и порядок реализации вышеуказанных форм при принятии проекта (закона) о бюджете на соответствующий год и плановый период определяются соответствующим законодательным (представительным) органом власти и зависят от его статуса и объема полномочий.

Анализ правовых и научных источников показал, что общественное участие в отличие от общественного обсуждения подразумевает не только публичное обсуждение общественно значимых вопросов, но и предполагает очное участие каждого (без применения интернет-ресурсов и т.д.). Однако в связи с тем, что определение общественного участия нормативно не определено, полагаем возможным в нашем исследовании рассматривать общественное участие и общественное обсуждение как синонимичные.

Способами общественного обсуждения, а равно общественного участия могут быть: парламентские слушания (публичные слушания), конференции, совещания, круглые столы, семинары, а также общественное (всенародное) обсуждение проектов нормативных правовых актов¹⁶⁹ и т.д.

168 Пинаевская М.В. Общественное участие в бюджетном процессе: зарубежный опыт и российская практика // Вопросы экономики и управления. 2017. № 3. С. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/65/2518/> (дата обращения: 28.08.2020); также формы общественного участия – информирование (бюджет для граждан, интернет-портал «Открытое Правительство», официальные сайты финансовых органов, информационные материалы, СМИ), консультирование (официальные сайты финансовых органов и интернет-порталы с возможностью обратной связи, опросы граждан, публичные слушания, круглые столы, конференции, народные бюджеты, обращения к депутатам), совместное принятие решений (интернет-портал «Российская общественная инициатива», Общественные палаты), совместная деятельность (ППМИ, партисипаторное / инициативное бюджетирование, самообложение граждан, ТОС, проект «Народный бюджет» Тульской области), партнерство.

169 П. 5 ст. 26, п. 6 ст. 119 «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 80; Собрание законодательства РФ. 2018. № 39. Ст. 5929.

Так, например, согласно Конституции РФ (п. 3, 4 ст. 101)¹⁷⁰, БК РФ (п. 1 ст. 153)¹⁷¹, Регламента Государственной Думы Российской Федерации (гл. 6)¹⁷², Федерального закона «О парламентском контроле» (ст. 5, 11)¹⁷³ по вопросам рассмотрения и утверждения проекта бюджета палатами Федерального Собрания могут проводиться парламентские слушания¹⁷⁴.

На федеральном уровне участниками парламентских слушаний (при условии предварительной заявки или приглашения) могут быть общественные деятели или организации, которые имеют возможность изложить свою точку зрения по поводу бюджетной политики на самом высоком уровне.

Эффективность (неэффективность) взаимодействия между органами законодательной (представительной) власти и обществом посредством заочной (в сети Интернет) и очной (проведении парламентских слушаний) форм, подтверждают реализацию принципа прозрачности на второй стадии бюджетного процесса.

Без реализации принципа прозрачности (открытости) невозможно осуществить взаимодействие при проведении парламентских слушаний по проектам бюджетов между органами законодательной (представительной) власти и народом посредством сети Интернет, а также очное обсуждение.

Недостатком проведения парламентских слушаний, по нашему мнению, является то, что привлечение широкого круга общественности не относится к обязательным требованиям при их подготовке или проведении. Полагаем, что правы Е.В. Колесникова и Д.В. Пажетных, по мнению которых «усмотрение в данном вопросе ... не позволяет в

---

170 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

171 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

172 О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-III ГД (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 80; Собрание законодательства РФ. 2018. № 39. Ст. 5929.

173 О парламентском контроле: Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304; Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 2006.

174 Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59.

полной мере говорить об участии в законотворческом процессе широкого круга участников и его эффективности»¹⁷⁵.

Одна из особенностей реализации принципа прозрачности (открытости) при проведении парламентских слушаний на федеральном уровне обусловлена имеющейся структурой федеральных органов законодательной власти и их законодательными и контрольными полномочиями.

Так, начиная с 2011 года, ежегодно в рамках реализации контрольных полномочий Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее – СФ РФ) проводятся парламентские слушания¹⁷⁶, которые организует комитет СФ РФ по бюджету и финансовым рынкам¹⁷⁷, и предметом которых выступают параметры проекта федерального бюджета на соответствующий год и на плановый период. Анализ данных, размещенных на официальном сайте СФ РФ¹⁷⁸, показал, что в период до 2017 года предмет слушаний был шире и включал в себя также прогноз социально-экономического развития Российской Федерации.

Кроме того, помимо указанных выше парламентских слушаний, СФ РФ проводит парламентские слушания по другим «финансовым» темам, таким, например, как «Законодательное обеспечение финансирования социальных обязательств государства» (2011 г.), «Актуальные вопросы совершенствования регулирования в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (2018 г.) и др. По нашему мнению, это свидетельствует об учете принципа прозрачности (открытости) Советом Федерации при формировании финансовой политики, являющейся основой бюджетного прогнозирования.

Что касается деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД РФ) по реализации принципа прозрачности (открытости) в бюджетном процессе, то отметим важность проведения такого контрольного мероприятия, как парла-

---

175 Колесников Е.В., Пажетных Д.В. Взаимодействие Государственной Думы и Совета Федерации в законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 60–64.

176 О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 15.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635; Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2722.

177 Ст. 88 Регламента СФ РФ.

178 Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 18.08.2020).

ментские слушания, организуемые комитетом Государственной Думы по бюджету и налогам. Предметом данных слушаний являются основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на следующий год и плановый период¹⁷⁹.

Таким образом, палаты Федерального Собрания РФ, реализуя принцип прозрачности (открытости) одинаковыми способами, акцентируют свое внимание на разных вопросах, что объясняется разграничением их законодательных полномочий.

Регламентом ГД РФ, равно как и Регламентом СФ РФ, установлены различные формы документов, фиксирующих ход парламентских слушаний и оформляющих их процедуры и итоги. При этом одни документы являются «условно доступными» (авт.), т.к. обязанность по их размещению нормативно не предусмотрена (например, рекомендации по итогам слушаний в ГД РФ¹⁸⁰). Другие являются «безусловно доступными» (авт.), поскольку обязательно должны быть размещены в СМИ (протокол, стенограмма, рекомендации и другие указанные в Регламенте СФ РФ документы¹⁸¹).

Однако анализ информации, размещенной на сайте СФ РФ, показал, что не ко всем парламентским слушаниям приложены, как того требует п. 3 ст. 90 Регламента СФ РФ, стенограммы их проведения. Так, например, отсутствует стенограмма по слушаниям о параметрах проекта федерального бюджета на 2014 год¹⁸².

Тем не менее наполняемость информационных ресурсов ФС РФ и ГД РФ свидетельствует о наметившейся тенденции к повышению уровня открытости проводимых парламентских слушаний. В частности, по слушаниям 2018 года на сайте ГД РФ представлены не только проекты,

но и стенограммы проведения слушаний¹⁸³. Аналогичный вывод можно сделать, проанализировав документы, размещенные на сайте СФ РФ в разделе «Мероприятия» Комитета по бюджету и финансовым рынкам¹⁸⁴.

В современных условиях пандемии видится преимущественным проведение парламентских слушаний посредством сети Интернет. Особую актуальность это обретает в связи с недавно озвученными позициями официальных представителей органов законодательной власти РФ. Так, глава Комитета Госдумы по контролю и Регламенту Ольга Савастьянова заявила, что меры по борьбе с COVID-19 в Государственной Думе включают в себя, в том числе, сокращение числа парламентских слушаний¹⁸⁵. В сложившихся условиях перед органами законодательной власти встают первостепенные задачи по обеспечению усовершенствования механизмов информационного взаимодействия между обществом и государством.

Пока вопрос по проведению публичных слушаний в 2020 году еще решается, мы можем наблюдать, как его урегулировали на региональном¹⁸⁶ и местном¹⁸⁷ уровнях, где публичные слушания по проекту бюджета и отчету о его исполнении, в отличие от федерального уровня, являются обязательными.

Так, например, в Архангельской области публичные слушания «Об исполнении областного бюджета за 2019 год» прошли в онлайн-формате. Доступ и участие граждан в публичных слушаниях организован посредством направления жителями Архангельской области своих вопросов и предложений по теме публичных слушаний на адрес элек-

---

183 Государственная Дума РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet-bn.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya/item/16452108/> (дата обращения: 18.08.2020).

184 Совет Федерации РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 18.08.2020).

185 Савастьянова рассказала о мерах по борьбе с коронавирусом в Госдуме // Парламентская газета. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/savastyanova-rasskazala-o-merakh-po-borbe-s-koronavirusom-v-gosdume.html> (дата обращения: 18.08.2020).

186 П. 6 ст. 26.13 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (Ч. I). Ст. 8454.

187 П. 3 ст. 28. Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Ч. II). Ст. 5133.

---

179 Парламентские слушания // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet-bn.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya> (дата обращения: 18.02.2019).

180 Ст. 39, 71 Регламента ГД РФ.

181 Ст. 90 Регламента СФ РФ. На примере, Информационно-аналитический материал Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/DxFOpx5WRPXFRCUwzxpQc76FwOESTa4K.pdf> (дата обращения: 18.02.2019).

182 Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам. «О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации до 2016 года и параметрах проекта федерального бюджета на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» (8.10.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/35469/> (дата обращения: 18.02.2019).

тронной почты органа, организующего эти слушания¹⁸⁸.

Аналогичным образом публичные слушания проведены на местном уровне в Нижнем Новгороде¹⁸⁹, Тюмени¹⁹⁰, Омске¹⁹¹ и др.

Однако следует отметить, что не все публично-правовые образования пошли по этому пути. На Госсобрании Башкортостана принято решение о приостановлении действия норм республиканского закона «О бюджетном процессе в РБ», которые предписывали обязательное проведение публичных слушаний при принятии бюджета республики и рассмотрении отчета о его исполнении¹⁹².

Научные работники, занимающиеся проблемами повышения эффективности диалога власти и общества в интернет-коммуникациях, обращают внимание на неразработанность механизмов информационного взаимодействия, которое тормозит развитие самоорганизационных процессов и становление гражданского общества, предлагают разработать соответствующие технологии и механизмы информационного взаимодействия как внутри структур государства, так и с внешними по отношению к ней структурами¹⁹³.

Поддерживая данное предложение, в целях создания условий для общественного участия в парламентских слушаниях по вопросам бюджета, за исключением секретных статей федерального бюджета, в сети Интернет полагаем возможным закрепить в соответствующих право-

---

188 Публичные слушания по отчету об исполнении областного бюджета за 2019 год пройдут в режиме онлайн // Сетевое издание «DVINANEWS». [Электронный ресурс]. URL: <http://dvinanews.ru/-otx0o999> (дата обращения: 18.08.2020).

189 Публичные слушания. Официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода. [Электронный ресурс]. URL: <https://admgor.nnov.ru/Municipalitet/Publichnye-slushaniya> <https://www.youtube.com/watch?v=K8N9pLuCRWw&feature=youtu.be&t=3426> (дата обращения: 18.08.2020).

190 В Тюмени из-за коронавируса перенесли публичные слушания по исполнению бюджета в 2019 году // Информационное агентство «Znak». [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2020-06-22/v_tyumeni_iz_za_koronavirusa_pereenesli_publichnye_slushaniya_po_ispolneniyu_byudzheta_v_2019_godu (дата обращения: 18.08.2020).

191 Публичные слушания по городскому бюджету пройдут в новом формате // Официальный сайт Администрации города Омска. [Электронный ресурс]. URL: https://admomsk.ru/web/guest/news/-/asset_publisher/mh3W/content/919673 (дата обращения: 18.08.2020).

192 Пандемия – удобный предлог для отмены публичных слушаний // Idel. Реалии. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.idelreal.org/a/30650746.html> (дата обращения: 18.08.2020).

193 Бочкарева Е.А. Организационно-правовые вопросы цифровизации деятельности Счетной палаты Российской Федерации // Право и практика. 2019. № 2. С. 193–198; Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: методическое пособие / под общ. ред. Л.А. Василенко, Е.В. Тарасовой. М.: Проспект, 2015. 112 с.

вых актах внесение дополнений в раздел «Бюджет» на едином портале бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» (<http://budget.gov.ru>) в части формирования подраздела «Общественное обсуждение по вопросам бюджета» с соответствующим интерфейсом и функционалом. Несмотря на то, что Министерство финансов Российской Федерации является функциональным заказчиком портала бюджетной системы, а создание и ведение портала бюджетной системы осуществляется Федеральным казначейством, указанный ресурс является наиболее известным и высоко посещаемым в отличие, например, от сайта Совета Федерации Российской Федерации (<http://council.gov.ru/>) или Государственной Думы Российской Федерации¹⁹⁴. Это преимущество, на наш взгляд, позволит привлечь наиболее широкие круги общественности к онлайн-участию в публичных слушаниях по вопросам бюджета, что будет способствовать эффективной реализации бюджетно-правового принципа прозрачности (открытости) в период пандемии.

Аргументами в пользу нашего предложения являются положения действующих правовых актов: Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹⁹⁵ и Концепции, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О долгосрочном социально-экономическом развитии Российской Федерации на период до 2020 года»¹⁹⁶. В последней указано, что «только воплотив в повседневную практику жизни общества формулу развития «демократия – человек – технологии», Россия сможет реализовать свои потенциальные возможности и занять достойное место среди ведущих мировых держав» (п. 5, ч. 1)¹⁹⁷.

---

194 Проведена проверка через инструмент веб-мастера SEOgadget. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seogadget.ru> (дата обращения: 17.08.2020). Результат проверки по состоянию на 20.06.2019: 1300 посещений в день на сайте «Электронный бюджет» и 400 посещений – на сайте «Открытых данных».

195 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

196 О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

197 О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

§ 15 Финансово-правовые механизмы сбалансированности бюджетной системы в аспекте противодействия последствиям пандемии¹⁹⁸

Угрозы, дестабилизирующие финансовый статус государства и ослабляющие его финансовую безопасность, чрезвычайно многообразны. Чаще всего в научной литературе указывают и анализируют дисбаланс в мировой экономике¹⁹⁹, происходящие в ней процессы глобализации²⁰⁰, неэффективность правового регулирования и неразвитость правоприменительной практики²⁰¹, коррупцию, криминализацию и «теневилизацию» различных сфер жизни²⁰², а из последнего – развитие IT технологий и всеобщей цифровизации²⁰³.

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)²⁰⁴ стало внезапной, «шоковой» угрозой привычному укладу жизни и уже разделило новейшую историю государства и права на периоды «до» и «после». Борьба с ней и последствиями введения ограничительных мер потребовала беспрецедентных по масштабам финансовых вливаний из бюджетов бюджетной системы и разработки соответствующего правового регулирования. Так, за период с марта по июль 2020 года на федеральном уровне были приняты порядка 400 нормативных право-

198 Данный параграф выполнен Е.А. Бочкаревой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № № 17-03-14080 (2017 год) «Всероссийская научно-практическая конференция “Административное и финансовое право в условиях новой экономической реальности: опыт и перспективы”», № 19-111-50255 (2019 год) «Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований».

199 См.: Букреев В.А. Пути повышения финансовой безопасности экономических систем // Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в.: материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. А.Ю. Румянцевой и др. СПб., 2017. С. 190.

200 См.: Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. Том 17. № 1. С. 169-177.

201 См.: Гузко Д.С. Ключевые угрозы финансовой безопасности российского государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 253-256.

202 См.: Саяпин А.В. Теневилизация социальной сферы как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности России: материалы II Всероссийского форума по экономической безопасности: в 2 т. / Под общ. ред. Т.А. Бондарской. Тамбов, 2019. Вып. 2. С. 28-31.

203 См.: Маады А.-Х.Ю. К вопросу о правовом регулировании основ экономической безопасности в Российской Федерации // Наука и общество. 2018 № 2. С. 70.

204 Далее по тексту – коронавирусная инфекция, COVID-19.

вых актов, устанавливающих антикризисные меры поддержки (финансовой, материальной, организационной) пострадавшим отраслям экономики, отдельным хозяйствующим субъектам и населению.

Предоставляемые меры поддержки весьма многообразны: это и безвозмездные денежные субсидии для субъектов малого и среднего предпринимательства на сохранение занятости и оплаты труда своих работников²⁰⁵, и снижение размеров страховых взносов во внебюджетные фонды в соответствии с Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 102-ФЗ²⁰⁶, и безвозмездная помощь семьям, имеющим детей, регламентация предоставления которой осуществлялась актами Президента и Правительства²⁰⁷, и несколько видов бюджетной поддержки банковских организаций, задействованных в процессе минимизации кредитной нагрузки потребителей финансовых услуг²⁰⁸, и выплаты медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании

---

205 Постановление Правительства РФ от 24.04.2020 г. № 576 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/WRawsdDrM9q9YWntswaxH4t0BJ074jUk.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

206 Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 3 апреля.

207 Указ Президента РФ от 07.04.2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // <http://kremlin.ru/events/president/news/63553> (дата обращения: 03.09.2020); Постановление Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 485 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 346 и приостановлении действия отдельных положений Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными». URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/XxrABQivsKa7BrDx6czFiE7nSoAYHATm.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

208 Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 410 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства» URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 03.09.2020); Постановление Правительства РФ от 23.04.2020 г. № 566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240007> (дата обращения: 03.09.2020).

медицинской помощи гражданам, у которых выявлен COVID-19²⁰⁹, и многое другое.

Реализация этих мер на фоне падения доходов из-за снижения экономической активности (в частности, по оценкам министра финансов А.Г. Силуанова, недопоступление налогов и других доходов федерального бюджета в 2020 году может составить более 1 триллиона рублей)²¹⁰ потребовала задействовать ресурсы Фонда национального благосостояния и привлечения триллионов рублей заимствований. На выполнение положений Указа Президента РФ от 7.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» были направлены остатки бюджетных средств (профицит федерального бюджета) прошлых периодов²¹¹.

Также источником финансирования стал резервный фонд Правительства, ресурсы которого в размере более 5 млрд руб., согласно постановлению № 1312 от 29.08.2020 г., будут направлены на финансовое обеспечение расходов, связанных с предоставлением выплат стимулирующего характера большому кругу лиц, оказывающих медицинскую помощь заболевшим гражданам, и лицам из групп риска заражения коронавирусом, а также осуществляющим государственный санитарно-эпидемиологический надзор, санитарноэпидемиологические (профилактические) мероприятия и мероприятия по его обеспечению в рамках

---

209 Постановление Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 484 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 03.09.2020).

210 См.: Силуанов оценил потери российского бюджета из-за коронавируса. URL: <https://ria.ru/20200416/1570154043.html> (дата обращения: 03.09.2020).

211 См.: Федеральный закон от 12.11.2019 г. № 367-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году» // Российская газета. 2019. 15 ноября.

деятельности по противодействию распространения COVID-19²¹². Непосредственными получателями указанных выплат станут сотрудники организаций, находящихся в ведении Министерства здравоохранения, Минобрнауки, Минобороны, Минтруда, Минэкономразвития, МВД, Росгвардии, ФСБ и ФСИН²¹³.

Существенные бюджетные потери (как в части непоступления запланированных доходов, так и в части осуществления дополнительных расходов) несут субъекты Российской Федерации, что приводит к несбалансированности регионального уровня национальной бюджетной системы. Например, по данным международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, дефицит бюджета Иркутской области составляет 8,6 млрд руб., Кузбасса – 7,2 млрд руб., Красноярского края – 5,5 млрд руб.²¹⁴. Потери республиканского бюджета Бурятии на середину июля 2020 года составили около 10 млрд рублей²¹⁵, в Самарской

---

212 Постановление Правительства РФ от 29.08.2020 г. № 1312 «Об установлении в 2020 году выплаты стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку и выплаты стимулирующего характера за сложность выполняемых задач медицинским работникам, военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, сотрудникам, имеющим специальные звания и проходящим службу в учреждениях и органах уголовноисполнительной системы, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, организаций, учреждений, воинских частей, органов управления, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, а также федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова", оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией, а также осуществляющим государственный санитарно-эпидемиологический надзор (санитарноэпидемиологические (профилактические) мероприятия) и мероприятия по его обеспечению в рамках деятельности по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации». URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/A5C6Guyb7IrhmAzFSjwGj5QJe0LLOp79.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

213 Михаил Мишустин подписал постановление о новых стимулирующих выплатах для работников, участвующих в борьбе с коронавирусом. URL: <http://government.ru/docs/40338/> (дата обращения: 03.09.2020).

214 Расходы регионов Сибири превысили их доходы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4466333> (дата обращения: 03.09.2020).

215 В Бурятии оценили потери из-за коронавируса. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3003373.html> (дата обращения: 03.09.2020).

области прогнозируют падение доходов до 30 млрд руб.²¹⁶

В качестве источников сбалансированности субъекты федерации используют средства резервных фондов (так, например, поступило правительство Санкт-Петербурга²¹⁷) и механизмы кредитования²¹⁸.

Однако основным внешним источником сбалансированности их бюджетов стала федеральная финансовая помощь, в структуре которой можно выделить: во-первых, предоставление ресурсов непосредственно публично-паровым образованиям в форме межбюджетных трансфертов; во-вторых – опосредованную поддержку, например, реструктуризацию бюджетных кредитов, обременяющих региональные бюджеты.

В сложный для всех период пандемии был расширен бюджетно-правовой статус высокодотируемых субъектов Российской Федерации²¹⁹, которые в соответствии со статьей 130 Бюджетного кодекса РФ имеют ограничения по установлению и исполнению определенных расходных обязательств. До конца 2020 года эти участники бюджетных правоотношений могут осуществлять расходные обязательства по финансовому обеспечению мероприятий, связанных с предотвращением влияния ухудшения экономической ситуации на развитие отраслей экономики, с профилактикой и устранением последствий распространения коронавирусной инфекции, а также иные расходные обязательства, определенные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (местной администрацией)²²⁰.

Как видим, в условиях противодействия последствиям пандемии коронавируса нагрузка на бюджетную систему государства существенно возросла. Потребовалось не только обеспечить поддержку боль-

216 Потери бюджета Самарской области из-за коронавируса могут составить 30 млрд рублей к концу 2020 года. URL: <https://www.niasam.ru/Ekonomika/--Poteri-byudzheteta-Samarskoj-oblasti-iz-za-koronavirusa-mogut-sostavit----mlrd-rublej-k-kontsu-----goda--153695.html> (дата обращения: 03.09.2020).

217 Смольный оценил ущерб для бюджета от эпидемии коронавируса. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/20/69043303/> (дата обращения: 03.09.2020).

218 Потери бюджета Белгородской области из-за коронавируса оценивают в 15 млрд рублей. URL: <https://bel.ru/news/economy/02-06-2020/poteri-byudzheteta-belgorodskoy-oblasti-iz-za-koronavirusa-otsenivayut-v-15-mlrd-rublej> (дата обращения: 03.09.2020).

219 К высокодотируемым автор относит субъекты Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации.

220 Федеральный закон от 01.04.2020 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения федерального бюджета в 2020 году”» // Российская газета. 2020. 3 апреля.

шого количества отраслей экономики и субъектов хозяйственной деятельности, но и постараться выполнить все ранее взятые социальные обязательства. Анализ принимаемых в этих целях правовых актов, а также обращение к данным о результатах бюджетной деятельности субъектов Российской Федерации показал, что в этих обстоятельствах основными финансово-правовыми механизмами сбалансированности национальной бюджетной системы стали межбюджетные трансферты, использование переходящих остатков прошлого года на бюджетных счетах, реструктуризация бюджетных кредитов, а также расходование средств Фонда национального благосостояния и резервных фондов высших органов исполнительной власти.

§ 16 Право на доступ к экологической информации в условиях цифрового общества

«Развитие информационного общества является одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности и инновационного развития национальной экономики, совершенствования системы государственного управления, повышения зрелости гражданского общества», – отмечено в Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, которая утверждена на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 г. № 26. Как справедливо отметила Т.Н. Михеева: «Цифровизация является объективной реальностью»²²¹.

В Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (Женева, 2003 г.) содержится тезис, что «информационное общество ... должно основываться на принципах, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека, и характеризоваться универсальным доступом к информации и ее использованием в целях создания, накопления и распространения знаний...». Беларусь стояла у истоков ООН и является участником данной международной организации.

Основываясь на принципах международного права, ст. 34 Конституции Республики Беларусь закрепляет право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни,

221 Михеева Т.Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 115.

состоянии окружающей среды²²².

В Республике Беларусь действует Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, которая разработана в соответствии с законодательными актами страны, регулирующими вопросы информатизации, создания информационных технологий, систем и сетей, формирования информационных ресурсов, обеспечения защиты информации, и результатами научных исследований, а также практическим опытом создания и развития информационно-коммуникационных технологий²²³.

Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ в редакции от 18 июня 2019 г. № 201-3 в числе основных принципов охраны окружающей среды называет принцип гласности в работе государственных органов, общественных объединений по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения граждан полной, достоверной и своевременной экологической информацией. Данный нормативный правовой акт устанавливает права и обязанности граждан, общественных объединений в области охраны окружающей среды, включая право обращаться в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, в органы государственного управления, иные организации и к должностным лицам для получения полной, достоверной и своевременной экологической информации.

Несмотря на наличие правовой основы в сфере обеспечения права на доступ к экологической информации, в настоящее время она, безусловно, нуждается в совершенствовании. В республике отсутствуют современные комплексные научные исследования по исследуемой теме.

С целью повышения качества уровня эколого-правовой образованности населения необходимо создание современной информационной и коммуникационной инфраструктуры, обеспечение максимально широкого доступа к экологически значимой информации.

По мнению А.А. Лазаревича, «на рубеже XX-XXI вв. информация превратилась в «точку опоры» или стержневой принцип, от которого во многом зависят другие социально-экономические и духовно-культурные процессы»²²⁴. Безусловно, что информация в целом и экологи-

222 Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы: Проставление Совета Министров Респ. Беларусь 23.03.2016 № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

223 Конституция Республики Беларусь Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г, с изм. от 24 ноября 1996 г. (в ред. Республиканского референдума от 17.11.2004 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

224 Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / НАН Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларус. навука, 2015. С. 171.

ческая информация в частности, а также доступ к ней являются одним из эффективных способов взаимодействия людей в контексте обеспечения устойчивого развития общества.

Право на доступ к экологической информации является одним из основных прав, составляющих право на благоприятную окружающую среду.

Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, принятая под эгидой Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций на IV Конференции Комитета экологической политики Европейской экономической комиссии 23–25 июня 1998 г. в городе Орхусе, Дания (далее – Орхусская конвенция), утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 14 декабря 1999 г. № 726. В статье 2 указанной конвенции содержится понятие «экологическая информация», под которой понимается любая информация в письменной, аудиовизуальной, электронной или иной материальной форме о: элементах среды; факторах, оказывающих воздействие на элементы; состоянии безопасности.

Орхусская конвенция (п. 2 ст. 5) устанавливает требование для государств, чтобы процедуры предоставления общественности экологической информации государственными органами были понятны, а информация была легкодоступной. Все заинтересованные в получении информации стороны не должны испытывать сложностей при определении, у кого и какую информацию необходимо истребовать. В этой связи констатирую, что нуждается в совершенствовании административная практика Республики Беларусь относительно доступа общественности к информации, которая касается принятия экологически значимых решений.

Изменения в информационных технологиях кардинальным образом изменили систему сбора, хранения, передачи и доступа к информации государственными органами и общественностью. Эти изменения нашли отражение и в Орхусской конвенции, которая обязывает Стороны принимать меры по обеспечению доступа к экологической информации в электронной форме. Конвенция предусматривает, что после создания электронных баз данных Стороны обязаны сделать их легкодоступными для общественности. Поэтому предлагаю сформировать и поддерживать в актуальном состоянии Единый государственный портал экологической информации о документах планирования, решениях по конкретным видам деятельности и другим подобным решениям в контексте реализации статей 6-8 Орхусской конвенции.

Экологическая информация поступает из многочисленных источников и хранится различными государственными органами. Она может

значительно различаться как по содержанию, так и по форме. Экологический портал значительно упростит работу по сбору и хранению экологически значимой информации государственными органами. Кроме того, создание единого государственного портала экологической информации будет способствовать имплементации статьи 5 Орхусской конвенции, согласно которой необходимо, чтобы система, посредством которой государственные органы собирают экологическую информацию, активно распространяла ее среди общественности без всяких запросов. Поддержание в актуальном состоянии единого общедоступного электронного ресурса экологической информации подразумевает под собой наличие баз данных, кадастров, реестров и регистров, доступных для общественности на безвозмездной основе, в рамках так называемого «активного» доступа.

Экологический портал может быть организован по принципу интегрированной базы данных, в которой можно было бы производить поиск в большом массиве информации. Это был бы инструмент, направленный на координацию самого разного характера надлежащей экологической информации, доступной в Интернете. Основная его цель – улучшить доступ к экологической информации, которая хранится в государственных органах или собирается для них. Такой портал может выполнять функции системы общего уведомления лиц, которые заинтересованы в принятии экологически значимых решений, выполнять функции для публичного уведомления заинтересованной общественности.

Портал должен быть доступен для общественности и на нем необходимо размещать информацию о процессе принятия экологически значимых решений (с начального объявления об инициировании разработки документа планирования, сборе комментариев общественности, текстов проектов документов планирования, экологических докладов, протоколов о проведении общественных обсуждений и т.д.; подобные документы должны быть открытыми для общественности и в отношении решений по конкретным видам деятельности с самого начального этапа – заявления инвестора о намерениях, до заключения экспертизы и выдачи разрешения на строительство).

Подобные порталы экологической информации созданы в ряде зарубежных государств. Их опыт может быть полезен для административной практики Республики Беларусь.

Таким образом, предложение о создании в Республике Беларусь Единого государственного портала экологической информации основывается на анализе опыта зарубежных стран с учетом национальных интересов, находится в русле выполнения пункта 3 статьи 5 Орхусской конвенции, которая обязывает Стороны активизировать работу по

сбору и распространению информации с использованием электронных информационных систем.

Внедрение указанного экологического портала повлечет необходимость внесения дополнений и изменений в законодательство, что будет следующим важным шагом на пути совершенствования правовой основы доступа к экологической информации.

Основной целью дальнейшего поступательного развития эколого-правовой информатизации является создание единой системы информационно-правовых ресурсов государственных органов, научных учреждений, иных субъектов правоотношений, основанной на единой технологии создания, предоставления, обработки, организации и доступа к общедоступной эколого-правовой информации на всех стадиях процесса правового регулирования общественных отношений.

§ 17 Проблемы правового регулирования использования генетической информации и персональных данных в условиях цифровой трансформации²²⁵

В современной науке генетическая информация стала объектом детально изучения не только в рамках биологических, химических, медицинских и других естественнонаучных исследований, но и предметом мировой юриспруденции. Очевидно, что генетические данные нуждаются в особой правовой и технической защите. В настоящее время их использование строго регламентируется законодательством многих стран, будь то банки генетических данных, созданные для медицинских исследований, диагностики и терапии, или, в судебной области, досье ДНК-идентификации. Однако с внедрением новых биотехнологий, появлением так называемой «геномики больших данных» использование генетической информации становится все более распространенным явлением, появляются новые участники этого «рынка», многочисленные посредники, а также крупные транснациональные корпорации, занимающиеся обработкой больших данных. Возникают и обостряются многие этические вопросы, которые являются новыми как для индивидов информационного общества, так и для самих государств. Риски генетических манипуляций, новая социальная дискриминация на основе генетического детерминизма, вера в «новые» или «чистые» биологические данные, которые считаются совершенными, в абсолютную генетическую истину – все это вопросы нуждаются в научном рассмотрении в

²²⁵ Данный параграф выполнен И.М. Рассоловым, С.Г. Чубуковой, А.А. Моховым, Р.В. Шагиевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14033 «Правовые проблемы защиты генетической информации».

контексте защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сегодня новым вызовом является развитие синтетической биологии и синтетической эмбриологии, т.е. таких направлений в биологии, когда синергия биологии и других наук, в т.ч. информатики, позволяет разрабатывать биологические системы путем модификации, проектирования и конструирования *de novo*.

Отдельной задачей является правовое регулирование деятельности с применением ДНК-технологий при проведении в научных целях добровольных массовых ДНК-скринингов населения, стремительно развивающегося и таящего серьезные правовые проблемы исследования ДНК в медицинских целях и иные виды генетических исследований.

В России генетические исследования регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²²⁶, Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»²²⁷ и Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»²²⁸. Это достаточно «скромное» российское законодательство практически не регулирует деятельность по получению и обработке генетической информации человека в случаях, не связанных с раскрытием и расследованием преступлений.

Примером более широкого и детального регулирования указанной сферы является законодательство Европейского Союза. Анализ показывает, что по европейскому (например, Генеральный регламент о защите персональных данных (GDPR)) и российскому законодательству к персональным данным относится любая информация, касающаяся непосредственно идентифицированного физического лица (например, фамилия и имя, пол, возраст и др.). Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»²²⁹ определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (статья 3 Закона).

Подобная идентификация субъекта может быть осуществлена при помощи:

- различных идентификаторов, например, номера мобильного

226 Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

227 Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

228 Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

229 Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

телефона; номера банковского счета; регистрационного номера транспортного средства; номера полиса обязательного социального страхования; IP-адреса лица;

- точных данных о местоположении субъекта: например, почтовый адрес; дата; время; место; геолокационные данные со смартфона или планшета;
- одного или нескольких элементов, характерных для физиологической, генетической, психологической, культурной или социальной идентичности субъекта (например, изображение лица; отпечатки пальцев; история болезни; «цифровые» следы и др.);
- дополнительной информации о человеке: например, cookie-файлы, размещенные на компьютере.

Персональные данные имеют очень разнообразный характер. Они могут иметь отношение к профессиональной деятельности лица, его доходам, недвижимости, частной и семейной жизни, состоянию здоровья, описывать «цифровые следы» лица в кибернетическом пространстве, а также касаться вещей, которые гражданин использует или использовал. В любом случае эти данные могут и должны быть привязаны к человеку, идентифицировать его или его поведение.

В последнее время генетическим данным дано несколько законодательных определений, которые основываются на разных доктринальных подходах. Так, Совет Европы предложил две формулировки:

- это данные любого рода, связанные с наследственными характеристиками индивидуума, составляющими наследие группы лиц, связанных с ним;
- это любые данные, относящиеся к обмену любой генетической информацией (генами), касающейся отдельного лица или генетической линии в отношении любого аспекта здоровья или заболевания, независимо от того, является ли это идентифицирующим признаком или нет²³⁰.

16 октября 2003 г. ЮНЕСКО приняла Декларацию о генетических данных человека, в которой подчеркивается, что это информация, касающаяся наследственных характеристик отдельных лиц, полученная путем анализа нуклеиновой кислоты или другого научного анализа²³¹.

230 Рекомендация R (97) 5 от 13 февраля 1997 г. о защите медицинских данных (Recommendation No. R (97) 5 on the Protection of Medical Data. Feb. 13, 1997) // [Электронный ресурс] URL: <http://humanrts.umn.edu/instree/coe recr97-5.html> (дата обращения: 15.05.2019).

231 Международная декларация о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года // [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 15.02.2019).

В статье 4 Генерального регламента о защите персональных данных (GDPR) содержится определение, в котором учитываются последние достижения в области генетики и предусматривается разнообразие их биологического происхождения, значения и метода их получения. Сюда относятся все персональные данные, касающиеся генетических характеристик, унаследованных или приобретенных от физического лица, которые предоставляют уникальную информацию о физиологии или состоянии здоровья этого физического лица и которые, в частности, являются результатом анализа биологического образца данного физического лица. В пункте 34 анализируемого Регламента GDPR указывается, что эта информация может быть получена, в частности, из анализа хромосом, дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) или рибонуклеиновой кислоты (РНК), или из анализа другого элемента для получения эквивалентной информации.

Синтез этого знания показывает, что все существующие в доктрине определения «генетической информации» как родового понятия не должны приводить к недооценке огромного разнообразия того, что подпадает под категорию «генетических данных». На самом деле, как мы считаем, это «семейство данных» одного и того же характера, поскольку все они представляют собой сведения, иногда полные, а иногда и частичные, биологического образца, к которому они относятся. Содержание генетических данных варьируется в зависимости от преследуемой цели, характера хранимых результатов, требуемой степени точности и методов анализа ДНК.

Так, в действующем европейском законодательстве уточняется, что образцы биологических материалов человека состоят из тканей и клеток, полученных из организма человека и их производных, органов, крови, ее компонентов и продуктов переработки. Они могут быть получены из образца человеческой ткани, собранного для исследовательских целей или из определенного места (например, с места преступления). В ходе своего анализа они могут содержать большой объем конфиденциальных данных о человеке, особенно о состоянии его здоровья, поскольку они содержат большой объем сведений, включая генетическое наследие, предрасположенность. Такие сведения носят исключительно приватный характер. Поэтому важна их связь с личностью и защитой его личной тайны.

Так, например, на сегодняшний день можно выделить пять типов генетического анализа, который позволит получить более или менее полное представление о первоначальном биологическом образце. Но на данном этапе развития технологий можно отметить, что генетическая информация сама по себе не идентифицирует человека напрямую. Как и в случае любого идентификатора, который не обязательно связан

с идентификацией субъекта данных в официальном документе или в справочной базе данных, необходимо связать его с другими категориями сведений, например, с данными реестра записей актов гражданского состояния, для того чтобы иметь возможность идентифицировать лицо, к которому эта информация относится. Эта работа будет весьма сложной. Хотя в будущем можно прогнозировать появление «всеобъемлющего» досье, которое могло бы содержать генетические «отпечатки» всего населения страны.

Действительно, генетическая информация всегда ассоциируется с другими данными, прямо или косвенно связанными с первоначальными, например, правовой статус индивида; адрес его регистрации; дата и место сбора данных или фенотипические признаки, т.е. данные, касающиеся соответствующего гражданина или его семьи, приобретенные в результате его индивидуального развития (например, физиология, здоровье, отношение к религии, спортивные достижения и др.).

В 1985 году английским биологом Алемом Джеффрисом было введено понятие генетической дактилоскопии. Государства быстро начали внедрять эти знания в практику. Почти неизменяемые характеристики генома объясняют, почему анализ ДНК стал чрезвычайно точным методом идентификации личности; и он выиграл от быстрого развития молекулярной биологии.

Использование «отпечатка» ДНК для идентификации человека заключается в сравнении результатов анализа неопознанного биологического образца с образцом ДНК этого человека. ДНК рассматривается как наилучший «инструмент» идентификации. Он считается наиболее надежным, хотя в действительности он зависит от качества проведенного анализа (аналитические ошибки возможны всегда), количества и расположения маркеров, а также качества используемого биологического образца, которое, в свою очередь, зависит от условий, в которых образец отбирается, обрабатывается, готовится и хранится.

По меньшей мере 76 стран мира, включая 35 европейских стран, обладают базой данных ДНК, которая чаще всего используется для целей судебной идентификации по этому принципу. Великобритания давно является лидером в этой области, располагая наибольшим количеством профилей ДНК в национальной базе данных ДНК собственного населения.

Генетические данные как личные данные заслуживают особого рассмотрения по нескольким причинам. Во-первых, они касаются самого глубокого и потаенного биологического «измерения» личности: его генетического наследия. С момента появления человека разумного и вплоть до последнего времени они оставались нечитаемыми, неизвестными большинству людей нашей планеты. Во-вторых, генетические

данные могут касаться и интимной жизни индивида, его болезней, патологий. Они тесно связаны с такими личными аспектами, как происхождение; родство; прошлое, настоящее и, возможно, будущее состояние здоровья.

Подобная «уникальность» генетических данных каждого человека связана с тем, что они могут выступать важным фактором для принятия решений в социуме, например, при устройстве на работу, назначении на должность, выборе потенциального супруга или супруги и др. Несмотря на то, что эти данные позволяют идентифицировать отдельное лицо среди миллионов других, в случае возможных отклонений они могут выступать дискриминационными основаниями и служить предметом разнообразных споров между людьми.

Право на уважение частной жизни побудило законодателей ряда европейских стран с 90-х г. принять специальные законы о биоэтике и подтвердить факт того, что изучение генетических данных человека может проводиться только в целях медицинских или научных исследований и только после получения согласия гражданина.

Аналогичным образом, попытка идентифицировать лицо по «генетическим следам» может осуществляться в рамках судебного разбирательства или в медицинских, или научно-исследовательских целях, в последнем случае – с согласия соответствующего лица. Таким образом, здесь требуется ясно выраженное дозволение лица на обработку его генетической информации.

В 2008 году Европейский суд по правам человека подтвердил, что «профили ДНК и образцы клеток представляют собой [...] персональные данные по смыслу Конвенции о защите данных, поскольку они относятся к идентифицированным или поддающимся идентификации лицам»²³².

Особенностью данных человеческого организма также является то, что они могут быть легко собраны третьими лицами без ведома носителя. ДНК не исключение из этого правила. Любой человек оставляет вокруг себя, порой не подозревая, бытовые следы (например, волосы), из которых можно извлечь ДНК и которые можно использовать для его идентификации.

Итак, синтез анализируемого нами знания подтверждает тот факт, что генетическая информация является структурной, «связанной», неподвижной. Она является результатом определенной «биологической реальности», существует во времени и в пространстве и, следовательно, должна оставаться «истинной» на протяжении всей жизни человека; лицо не может освободиться от нее.

²³² CEDH, 4 décembre 2008, S. et Marper c. Royaume-Uni, req. no 30562/04 et 30566/04.

Уникальность комбинации генетических данных традиционно определяется на основе базовых характеристик, которые позволяют описать исходный контекст:

во-первых, эти данные относительно статичны, не развиваются сами по себе в течение жизни;

во-вторых, они в принципе неизменны: мы не можем добиться успеха в модификации одновременно всех идентичных генов, присутствующих во всех клетках одного и того же организма;

в-третьих, они могут быть инвариантны по отношению к своему носителю, отчасти выходя за рамки индивидуального носителя посредством передачи от поколения к поколению.

Эти наши суждения могут быть отчасти дополнены выводами Рабочей группой по защите данных «Европейского центра по защите данных». В своем Докладе группа заявила о том, что «генетическая информация зачастую неизвестна самому носителю и не зависит от его индивидуальной воли, поскольку генетические данные не поддаются изменению»²³³.

Эти особенности существенно отличают режим защиты генетической информации от правового режима защиты личной тайны. Вместе с тем последнее положение, по нашему мнению, нуждается в уточнении, принимая во внимание научный прогресс, достигнутый в области геномной инженерии в последнее время благодаря новым технологиям. Если верно, что ген редко подвергается изменениям в течение жизни человека, то только потому, что существует большое количество защитных механизмов, призванных гарантировать стабильность генома. Однако мутации могут происходить, как правило, случайно, в результате ошибок в копии ДНК во время деления клеток. Кроме того, если генетическое наследие, присутствующее во всех клетках индивидуума, при нынешнем состоянии знаний не может быть изменено одновременно, даже если оно ограничено несколькими весьма специфическими областями генома, время от времени появляется техническая возможность изменять определенные гены в пределах отдельных клеток. Такова цель геномной терапии, которая заключается в введении генов в четко определенную больную ткань организма.

С другой стороны, если оставить в стороне модификации зародышевых клеток, которые могут привести к зачатию генетически модифицированных людей, запрещенных по этой причине в нашей стране, остается невозможным модифицировать все копии одного и того же гена в отдельности.

В лучшем случае, в рамках своего генетического наследия можно сосуществовать с новыми генами, полученными в результате геномной

²³³ G29, Document de travail sur les données génétiques, 17 mars 2004.

терапии; с генами, которые должны были быть модифицированы и которые в любом случае должны оставаться в гораздо большей пропорции. Масштабные генетические модификации, которые практикуются на животных, до сих пор ни разу не обеспечивали жизнеспособности объекта, особенно из-за слишком большого количества нежелательных побочных мутаций, которые возникают в результате этих операций. Таким образом, говоря о «наследственных или приобретенных генетических данных», Генеральный регламент о защите персональных данных GDPR учитывает, как ход генной терапии, так и существование генетических элементов, связанных с непреднамеренной мутацией, независимо от того, происходит ли она в репродуктивных клетках или на эмбриональной стадии развития. В этих случаях необходимо говорить лишь о некоторых «приобретенных характеристиках», поскольку ни один из родителей не имел их изначально.

Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, с молекулой ДНК, помимо ее индивидуальности, связано и другое основополагающее свойство – наследственность и способ передачи наследственной информации. Таким образом, молекула ДНК является носителем не только индивидуальной информации о конкретном индивидууме, но способна передавать наследственную информацию о родителях и родственниках данного лица.

Из этого следует, что, давая согласие на обработку своей генетической информации, субъект персональных данных также разрешает доступ к генетической информации своих родственников. А это, с точки зрения законодательства о персональных данных, требует получения их согласия.

Эти особенности генетической информации позволяют сделать вывод, что неправильно относить ее только к персональным данным конкретного лица. Такая информация в значительной мере относится и к неограниченному кругу лиц – родственников, предков и потомков. Поэтому генетическая информация представляет собой самостоятельный вид конфиденциальной информации, сбор, хранение, использование и распространение которой возможны только в соответствии с положениями законодательства и не определяются только согласием субъекта.

С точки зрения автоматизированной обработки, проблемы защиты генетической информации связаны, в первую очередь, с созданием и использованием банков биометрических данных. В практике многих стран первоначально методы генетической регистрации использовались только в отношении граждан, которые совершали или являлись подозреваемыми в совершении преступлений.

Данная проблема была предметом судебного разбирательства в

деле *S. and Marper v. The United Kingdom*²³⁴. В своем решении ЕСПЧ подчеркнул, что концепция частной жизни является весьма широкой по своей природе и ей нельзя дать исчерпывающее определение. Само хранение информации о физическом лице является вмешательством в частную жизнь, однако необходимость и обоснованность такого вмешательства следует рассматривать применительно к конкретному делу и учитывать тип информации, способ ее использования и получаемый результат. Суд также указал на то, что хранение самих образцов ДНК в течение длительного времени является вмешательством в частную жизнь гражданина, поскольку существует вероятность того, что в будущем, при развитии технологий в сфере генетики, будет существовать возможность нарушения прав человека.

Еще одним важным моментом является регулирование количества информации, которое может быть получено в результате такой регистрации. В европейском законодательстве происходит разделение понятий «некодирующие» сегменты ДНК и «кодирующие» сегменты ДНК.

Целью анализа так называемых «кодирующих» последовательностей является получение информации о здоровье соответствующего лица (например, генетическое уродство, предрасположенность к заболеванию). «Некодирующие» сегменты ДНК предназначены для идентификации человека. Так, статья 706-54 Уголовно-процессуального кодекса Франции предусматривает, что генетические отпечатки пальцев, сохраненные в Национальном автоматизированном файле генетических отпечатков пальцев (*Fichier national automatisé des empreintes génétiques, FNAEG*), производятся только из «некодирующих» сегментов ДНК. Единственная цель, которую преследует эта обработка, – это получение «генетической подписи» человека, а не информации о его физиологических, морфологических, наследственных характеристиках. Генетическая идентификация направлена на идентификацию человека, а не на его изучение.

Данную норму разъясняет решение Конституционного суда Франции, согласно которому данный файл составлен только для облегчения идентификации и исследований лиц, совершивших определенные преступления, и не позволяет изучать генетические характеристики лиц, которые были объектом такого отбора²³⁵. На этом основании запрещено использовать кодирующую часть ДНК. Только пол подозреваемого может быть раскрыт следователям, другие элементы его личности (возраст, рост, вес, этническое происхождение, цвета глаз и т.п.) не должны

234 *Case of S. and Marper v. The United Kingdom* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2008/1581.html> (дата обращения: 15.11.2018).

235 *Conseil constitutionnel. Décision no2010-25 QPC. 16 septembre 2010.*

определяться.

Однако есть несколько причин предполагать, что с учетом последних достижений в области генетики отличие кодирующей и некодирующей частей ДНК стало менее заметно. Методы анализа ДНК быстро развиваются. По общему признанию, генетические характеристики, содержащиеся в кодирующих областях, сохраняются и используются только в медицинских целях или для научных исследований, тогда как генетические отпечатки пальцев, используемые полицией и правосудием, касаются только маркеров пола и идентификации. Однако развитие генетических методов привело к тому, что некоторые из сегментов, входящих в FNAEG, позволяют определять наследственные морфологические, физиологические, патологические, этнические и другие характеристики. Генетики продемонстрировали, что по крайней мере три из сегментов, зарегистрированных в FNAEG с самого начала, являются значимыми маркерами, поскольку они генетически связаны с генетическим заболеванием²³⁶. Эти открытия привели к тому, что Советом ЕС в 1997 году было принято решение, что государства не должны больше использовать маркер при обмене результатами ДНК, если научная эволюция показала, что он содержит информацию о наследственных характеристиках. Кроме того, рекомендуется, чтобы государства-члены были готовы уничтожить результаты анализов ДНК, которые они получили, если окажется, что эти результаты включают информацию о конкретных наследственных характеристиках²³⁷.

Таким образом, во всех странах Европейского Союза в настоящее время происходит обработка исключительно некодирующих частей ДНК. Именно этот вид информации может рассматриваться с позиций законодательства о персональных данных. На основе некодирующих элементов ДНК создается генетический паспорт – документ, содержащий информацию о генетической индивидуальности человека. Содержащаяся в нем информация универсальна и достаточна для идентификации конкретного человека. Молекулярно-генетическую экспертизу зачастую называют генетической дактилоскопией. Используемая в паспорте кодировка генетической информации не несет сведений о признаках человека, его физиологических и психических особенностях, а также о наследственных заболеваниях. Сверяя данные, полученные с помощью анализа любого биологического материала, с информацией, указанной в генетическом паспорте, специалист-генетик с точностью делает заключение о принадлежности биологического материала человеку, генетический паспорт которого подготовлен заранее. Един-

²³⁶ CCNE. Avis № 98 «Biométrie, données identifiantes et droits de l'homme».

²³⁷ Résolution du Conseil du 9 juin 1997 relative à l'échange des résultats des analyses d'ADN.

ственная проблема – это половая принадлежность индивида, т.к. при операциях по смене пола меняется только внешность, генетическая же половая принадлежность остается неизменной.

Отдельной задачей является правовое регулирование деятельности с применением ДНК-технологий при проведении в научных целях добровольных массовых ДНК-скринингов населения, стремительно развивающегося и таящего серьезные правовые проблемы исследования ДНК в медицинских целях и иные виды генетических исследований.

Необходима комплексная разработка правового обеспечения деятельности, связанной с получением, обработкой, накоплением и дальнейшим использованием ДНК-информации и биологического материала государственными органами, научно-исследовательскими институтами и коммерческими организациями.

Проведенный анализ позволил выявить следующие проблемы и предложить пути их решения.

Во-первых, генетическая информация является структурной, «связанной», неподвижной. К ней можно применить по аналогии правовой режим тайны, учитывая особенности источника происхождения генетической информации и особых правил ее обработки. Вместе с тем существующие режимы информации ограниченного доступа не учитывают особенности генетических данных.

Во-вторых, отличие генетической информации от других охраняемых в режимах персональных данных и врачебной тайны сведений состоит в том, что в ней кроме самого носителя информации могут быть заинтересованы другие члены семьи – кровные родственники, супруг или супруга, что в действующем российском законодательстве не учитывается.

В-третьих, предыдущий вывод предполагает введение особых механизмов правовой защиты геномной информации, которые следуют закрепить в специальном законе «О генетической информации».

§ 18 Влияние больших вызовов на трансформацию правового регулирования научно-технологической сферы²³⁸

Право как система социальных регуляторов находится в постоянном развитии, обусловленном, прежде всего, изменением общественных отношений. Регулирование правоотношений, возникающих в научно-технологической сфере, в этом смысле не являются исключением. Ярким свидетельством происходящих процессов выступает включение

²³⁸ Данный параграф выполнен А.А. Гумеровым при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 10-03-29311а/ В/ 2010

в 2020 г. в текст Конституции Российской Федерации норм, касающихся научно-технологического развития (п. «е» ст. 71; п. «в. 1» ст. 114).

Данное обстоятельство также отражено в утвержденной Президентом России «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия НТР), в которой указывается, что научно-технологическое развитие Российской Федерации является одним из приоритетов государственной политики и определяется комплексом внешних и внутренних факторов, формирующих систему больших вызовов²³⁹. Исходя из изложенного, учитывая, что право является одним из ключевых средств реализации государственной политики, становится очевидной предстоящая трансформация правового регулирования общественных отношений, возникающих в научно-технологической сфере, в ответ на большие вызовы.

В настоящее время в научных исследованиях отсутствует единообразное понимание термина «большие вызовы»²⁴⁰. Полагаем целесообразным для дальнейшего совершенствования правового регулирования руководствоваться понятием, использованным в Стратегии НТР, в которой под большими вызовами понимается объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов (пп. б п. 4 раздела 1). Рассматриваемый документ к большим вызовам относит, в частности: исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов; демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения, что в совокупности приводит к новым социальным и медицинским проблемам, в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций и др. Следует положительно оценить подход, использованный разработчиками

²³⁹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

²⁴⁰ Дутов А.В., Клочков В.В., Рождественская С.М. «Большие вызовы» для авиации, авиастроения и развития авиационных технологий. М.: ФГБУ «НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», 2017. С. 8-11; Фалько С.Г., Рыжикова Т.Н., Агаларов З.С. Анализ тенденций, определяющих научно-технологическое развитие космической отрасли в условиях больших вызовов // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 6 (т. 19). С. 996-1014.

Стратегии НТР, позволивший объективно и достоверно определить перечень больших вызовов. Ярким подтверждением данного вывода является период пандемии, вызванный распространением новой коронавирусной инфекции.

Считаем необходимым обратить внимание на принципиальное положение, изложенное в приведенном выше определении о том, что проблемы, угрозы и возможности не могут быть решены, предотвращены и реализованы только за счет увеличения ресурсов, другими словами, за счет увеличения количества общепринятых средств. Отсюда следует, что необходим иной, возможно, принципиально иной подход к их разрешению. Указанное со всей определенностью относится и к праву как средству, оказывающему регулятивное воздействие на общественные отношения.

Генезис и эволюция научно-технологической сферы, представляющей собой цивилизационно значимую часть социальной действительности, в пределах которой непрерывно реализуются процессы генерирования знаний и их опредмечивания, воплощения в технологиях, выявляет необходимость формирования адекватной современным вызовам системы права, поскольку сложившийся его уровень отстает от объективной реальности, не удовлетворяет насущные потребности участников взаимодействия в данной сфере²⁴¹.

В современных условиях в научно-технологической сфере наблюдаются две противоположные тенденции, первая из которых связана с научно-техническим прогрессом, а другая – с регрессными процессами. Государство заинтересовано в прогрессивном развитии научно-технологической сферы и предпринимает в данном направлении различные усилия, однако имеющаяся отсталость материально-технического оснащения, недостаточность квалифицированных кадров, несоответствие правового регулирования, периодически возникающие техногенные катаклизмы влекут к регрессу научно-технологической сферы. В связи с этим полагаем возможным выделить ряд противоречий, которые определяют развитие данной сферы в целом и трансформацию регулирования соответствующих правоотношений в частности.

Первое противоречие связано с несоответствием между уровнем развития научно-технологической сферы и состоянием правового регулирования возникающих в ней общественных отношений. Например, наблюдается поступательное развитие технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Несмотря на тенденцию принятия норм права их регламентирующих, в настоящее время правовое регу-

²⁴¹ См. подробнее: Гумеров Л.А. Понятие и виды юридических гарантий реализации субъективных прав и свобод в научно-технической сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 132-135.

лирование указанных вопросов отличается фрагментарностью. Обратный пример наблюдается в сфере нанотехнологий. Государственная поддержка, в том числе через правовое регулирование, стимулирует развитие сферы нанотехнологий, которая в настоящее время недостаточно сформирована.

Второе противоречие вызвано несоответствием между задачами государства, поставленными перед научно-технологической сферой, и результативностью данной сферы. Основной задачей государства в современных условиях, обусловленной формированием постиндустриального информационного общества, является модернизация экономики, связанная с разработкой и внедрением наукоемких технологий, передовых научных достижений и технических устройств в различных сферах жизнедеятельности. Во многих концептуальных документах, например, в ежегодных посланиях Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, в Государственной программе Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (Утв. Постановлением Правительства РФ от 29.03.2019 № 377) определяются направления деятельности государства в научно-технологической сфере. Однако имеющийся уровень ее материально-технического, кадрового и иного обеспечения не в полной мере способствует достижению требуемого результата. В связи с этим возникает насущная потребность развития научно-технологической сферы исходя из интересов государства и общества.

Третье противоречие связано с отставанием правового регулирования отношений, возникающих в научно-технологической сфере, от тех задач государства, которые определяют его политику в указанной сфере на современном этапе. В качестве примера следует привести актуальную задачу, поставленную государством, связанную с развитием инновационной деятельности и наличием пробелов и коллизий в правовом регулировании. Указанное противоречие между поставленной задачей и правовым регулированием является фактором развития права, доказательством чего является внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный закон «О науке и ГНТП»)²⁴², а также неоднократное внесение в Государственную Думу России проектов федеральных законов, связанных с инновационной деятельностью.

Полагаем, что в современных условиях больших вызовов простым увеличением количества норм права, регулирующих соответствующие отношения, создать эффективную систему регулирования не удастся. По нашему мнению, ключевое значение в преодолении существующих

проблем правового регулирования общественных отношений, возникающих в научно-технологической сфере, имеет выбранная концепция понимания права. Методологически важно определиться с подходом к построению системы права, которая будет способна ответить на возникающие большие вызовы.

Анализ норм Федерального закона «О науке и ГНТП» позволяет сделать вывод, что правовое регулирование общественных отношений в научно-технологической сфере ограничивается законодательством, а именно нормативно-правовыми актами государства (ст. 1). В этой связи важно отметить, что внутригосударственные принципы и нормы права имеют объективные пределы правового регулирования, обусловленные содержательными и территориальными факторами. Данный аспект приобретает особую актуальность в связи с глобализационными процессами, которые достаточно ярко проявляются в научно-технологической сфере. Преодоление больших вызовов и глобальных проблем современности, возникших в результате научно-технологического развития, зачастую требует усилий мирового сообщества в целом, а эффективность дальнейшего научно-технического прогресса, перешедшего в стадию научно-технологического развития, зависит от объединения потенциалов различных государств. Общественные отношения в научно-технологической сфере давно вышли за пределы государств, однако имеющееся правовое регулирование не отвечает современным условиям. В частности, следует отметить отсутствие адекватных современным вызовам основополагающих для данной сферы нормативного правового акта и правового договора на внутригосударственном и международном универсальном уровнях соответственно.

Вышеизложенные объективные процессы должны найти адекватное отражение в системе права, и правовое регулирование, безусловно, не может ограничиваться исключительно внутригосударственным правом. Из этого можно сделать заключение, что формы международного права имеют особое значение в регулировании отношений, возникающих в научно-технологической сфере.

Представляется, что изменить сложившуюся ситуацию может методологический подход, основанный на формировании единой системы права, состоящей из принципов и норм внутригосударственного и международного права. Указанный подход позволяет объединить в единую систему регуляторы, содержащиеся в различных формах внутригосударственного права, прежде всего, в нормативных договорах, нормативных правовых актах, правовых обычаях, а также в формах международного права – международных договорах, правовых обычаях, нормативных правовых актах международных межправительственных организаций. Важно обратить внимание, что к регуляторам необ-

²⁴² Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

ходимо относить и принципы международного и внутрисударственного права, которые не имеют письменную форму.

Фактически речь идет об ином подходе к пониманию права, который, как указывалось выше, не сводится к простому «увеличению ресурсов» юридического позитивизма, а заключается в принципиально другом осознании права, его понятия, структуры и составляющих элементов. В юридической литературе такой подход получил название научно обоснованной концепции интегративного понимания права²⁴³.

Подводя итог рассмотрению, отметим, что в современных условиях влияния больших вызовов необходимо адекватное средство преодоления глобальных проблем, противостояния угрозам, обеспечения получения преимуществ от новых возможностей в виде соответствующих правовых регуляторов. Указанные факторы, безусловно, влияют на трансформацию правового регулирования. В условиях глобализации и конвергенции систем права теоретически обоснованно, а практически более продуктивно возможно достичь регулятивного эффекта путем формирования многоуровневого правового регулирования, основанного на принципах и нормах, содержащихся в единой системе форм как национального, так и международного права.

§ 19 Влияние цифровизации на состояние источников по истории русского права²⁴⁴

Влияние цифровизации на исторические исследования становилось предметом обсуждения на различных научных мероприятиях²⁴⁵, выступало темой специальных публикаций²⁴⁶. Актуальность проблемы подтверждается изданием с 2012 г. профильного журнала, выпускаемого в настоящее время под названием «Историческая информатика». Сформировалось некоторое сообщество, объединяющее преимущественно профессиональных историков и архивистов, занимающихся данной проблематикой. Значительное место среди публично артикули-

243 См. подробнее: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.

244 Данный параграф выполнен Т.Ф. Ящук при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII–XX вв.».

245 Бородкин Л.И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3-4. С. 56–67.

246 Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 1–5.

руемых вопросов занимают те, которые связаны с изучением воздействия цифровизации на условия бытования и использования исторических источников.

Источники по истории права, входя в общий корпус исторических источников, обладают рядом особенностей.

Традиционно они ассоциируются с письменными актами, и только обращаясь к ранним периодам генезиса государственно-правовых институтов, исследователи прибегают к цифровым реконструкциям, используя в качестве первоосновы объекты материальной культуры. Например, установленные в результате археологических раскопок размеры площади в Новгороде позволили сделать вывод о представительном характере вече, всех мужчин-домохозяев города площадь вместить не могла.

Значительная часть письменных источников по истории права, особенно тех, которые известны широкому кругу читателей и включены в учебные программы подготовки юристов, является законодательными актами. Традиционно они помещались в хрестоматиях, сборниках документов, которые в настоящее время свободно распространяются в виде цифровых копий. Кроме того, многие акты воспроизводятся на отдельных сайтах, в подборках документах и различных электронных изданиях. Перекося в сторону тиражирования законодательных актов создает предпосылки для формирования узкого понимания правовой материи, исключения из нее правоприменительной практики. В качестве иллюстрации можно привести следующий пример, заимствованный из собственного преподавательского опыта. При изучении Конституции РСФСР 1918 г. студенты верно трактуют содержание ст. 65, которая предусматривала лишение избирательных прав отдельных категорий лиц (живущих на нетрудовые доходы, прибегающих к наемному труду и др.), правильно объясняют причины ее появления. Однако на задаваемые вопросы, как часто применялась данная норма, какова была доля «лишенцев» в общем числе избирателей, прослеживается ли ее динамика применительно к отдельным избирательным кампаниям, различается ли она в отношении городского и сельского населения, даются совершенно ошибочные ответы, существенно искажающие социальные и политические последствия действия данной конституционной нормы.

Цифровизация усугубила проблему неравного использования исторических источников. Наиболее активно в научный оборот будут вовлекаться оцифрованные источники. Поскольку процесс оцифровки не может быть одномоментным, то в первую очередь будут создаваться электронные копии наиболее ценных документов. Среди разнообразных материалов по истории права в такую категорию попадут в первую

очередь законодательные акты, другие нормативные акты, исходящие от высших органов власти и управления. Документы, отражающие правовую реальность, «жизнь права» будут оставаться менее доступными. Помимо удаленного доступа государственные архивы стали практиковать размещение отдельных документов в локальной сети, что ускоряет изучение их исследователями. Архивные дела, которые остаются не оцифрованными, могут оказаться менее востребованными или остаться за пределами источниковой базы, которую использует ученые.

Следует признать отсутствие достаточно полных изданий, включающих подборку документов, которые бы отражали генезис и развитие отечественного права на протяжении его истории. Девятитомное собрание «Российское законодательство X–XX вв.» завершается актами 1917 г. В некоторой степени очевидную лауну в презентации источников права восполняют хрестоматии и сборники законодательства, издаваемые в учебно-методических целях. Однако их дидактическая направленность задает ограничительные параметры и по общему объему, и по содержанию. Например, широко используемая в учебном процессе хрестоматия по истории государства России под реакцией Ю.П. Титова из актов советского периода включает только тексты конституций²⁴⁷. Традиция более пропорционального представления нормативных актов различных периодов истории государства и права поддерживается в изданиях, инициируемых кафедрой истории государства и права МГУ. Хрестоматии по истории государства и права СССР кафедра изначально выпускала в двух томах, посвященных, соответственно, дореволюционному и советскому периоду истории отечественного государства и права. На аналогичных основаниях строятся и современные издания²⁴⁸.

В хрестоматиях и подобных сборниках тексты многих нормативных актов даются с сокращениями и пропусками в виде отдельных фрагментов. Для облегчения восприятия архаичных текстов составители зачастую заменяют устаревшие формулировки современными лексическими конструкциями, адаптированными к современным правилам. Распространение таких «улучшенных» и «обновленных» версий исторических документов в электронной среде создает неверное представление, что весь массив источников права может быть сведен к некоторому перечню актов, небольших по объему, достаточно про-

247 Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005.

248 Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2004; Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997; Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 1. XI–XIX века / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2006; Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 2. XX век / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2009.

стых и однозначных по содержанию. Скорректировать искаженную картину позволило бы дополнение учебно-методических материалов фундаментальными научными изданиями, изначально создаваемыми в цифровом формате, с удобной системой навигации, поиска, настройкой фильтров и т.д.

Новым явлением можно считать сохранение в доступном для использования виде источников, изначально создаваемых в цифровой форме. Например, при проведении юридических исследований широко используются материалы, размещенные на официальных сайтах организаций, что находит отражение в справочно-библиографическом сопровождении публикаций. Указание в ссылке даты обращения к электронному источнику подтверждает его бытование в определенное время и при необходимости облегчает решение технической задачи по его воспроизведению. Сложнее обнаружить источник, на который не делалось ссылок. Велика вероятность, что к моменту, когда такой источник потребуется исследователю, он уже будет перемещен в архив, серьезно изменен или вообще удален. Очевидно, что при таком исходе часть необходимой и значимой для последующего научного изучения информации может быть утрачена.

Цифровизация задает параметры исследовательского поиска. Каждый историк права самостоятельно устанавливает пределы необходимой и достаточной источниковой базы. Зачастую ее формирование связано с организационными и финансовыми затруднениями, как например, пандемия 2020 г. существенно ограничила физическое присутствие ученых в библиотеках, архивах, музеях и вынудила их обратиться к источникам, доступ к которым обеспечивал домашний компьютер. Однако далеко не всегда это позволяло делать обоснованные научные выводы. Например, известно, что во все советские конституции неоднократно вносились изменения и дополнения. Однако в размещенных на отдельных сайтах или в справочно-правовых системах электронных версиях конституций в лучшем случае фиксируется дата, по состоянию на которую дается редакция документа, но даже это делается далеко не всегда. Поэтому для точного установления, какая норма действовала на конкретную дату или в конкретный временной промежуток, необходимо обращаться к исходным печатным текстам. Только такой подход позволяет избежать искажений исторической действительности. Необходимость постоянной сверки отдельных положений электронного документа с первоисточником возникает при изучении почти любого нормативного правового акта. В итоге цифровизация не ускоряет, а, напротив, замедляет научную продуктивность, и, в первую очередь, добросовестных исследователей. «Слепое» доверие к электронному документу зачастую приводит к нарушению исторического и хронологиче-

ского принципов в интерпретации фактов, формулировании выводов.

Цифровизация, выразившаяся в создании электронных копий документов и изменившая условия к ним доступа и последующего использования, породила ряд новых проблем, которые осознаются научным сообществом и указываются в современных публикациях. Ключевой проблемой называется «определенная «незамкнутость» процесса создания электронных копий, позволяющая на любом этапе технологического цикла и представления копии внести в нее изменения, которые практически невозможно обнаружить без доступа к оригиналу»²⁴⁹.

В процессе создания цифровой копии исполнители могут ввести в публичное использование новый источник, относящийся к истории права, хотя изначально перед ними такая задача не ставилась. Например, в процессе выполнения исследовательского проекта в рамках гранта РФФИ, касающегося систематизации советского законодательства, использовались две книги²⁵⁰: сначала в обычном (печатном) формате в читальном зале библиотеки, а позднее (для уточнения некоторых позиций) – в электронной библиотеке. В первом случае были выданы обычные библиотечные экземпляры, а во втором – первоисточником для создания электронной копии послужили книги, принадлежащие ранее конкретным ученым, о чем свидетельствуют дарственные надписи от авторов на форзацах. Так, книга «Теоретические вопросы систематизации» была подарена 26 марта 1963 г. А.Л. Маковскому, в то время молодому ученому, активно участвующему в законопроектной деятельности в области гражданского права. Свои автографы после слов «Дорогому Александру Львовичу Маковскому от авторов» оставили почти все члены авторского коллектива – 17 человек. Среди них значились ученые, которые во многом задавали вектор развития юридической науки: С.Н. Братусь, И.С. Самощенко, Л.С. Явич, А.С. Пиголкин, А.Ф. Шибанов и др. Вторая книга «Подготовка и издание систематических собраний» также предположительно передана для использования в электронную библиотеку семьей А.Л. Маковского. Она содержит множество пометок и комментариев, которые могут стать самостоятельным предметом изучения для специалистов, занимающихся историей юридической науки.

Таким образом, наиболее очевидно влияние цифровизации на источники по истории права проявляется двояким образом. Во-первых,

249 Юмашева Ю.Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2014. № 6. С. 19.

250 Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина. М.: Юридическая литература, 1969; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962.

создаются источники, которые кроме виртуальной не имеют иной формы, что порождает их неустойчивость и изменчивость. Во-вторых, значительная часть исторических источников, имеющих электронную форму, является копиями с письменных документов. Однако остаются открытыми вопросы сопоставимости и тождественности печатной и электронной версий одного источника.

§ 20 Telework as a variety of the individual labour contract

Many countries on the continent have seen large-scale economic shifts over the past five decades, away from employment in manufacturing and towards information and telecommunication-enabled service and knowledge-based jobs. This development coincided with an increasing demand for flexible workplace and working time policies at the national, sectoral and company levels, fuelled by a steady rise in dual-earner households owing to increasing female labour market participation²⁵¹.

The spread of the coronavirus pandemic in the first quarter of 2020 has led to major re-evaluations of aspects regarding the organization of economic activities and highlighted the necessity of implementing certain confinement measures concerning both national and foreign inter-state arrangements. When comparing the confinement policies in different countries, these measures are broadly similar when imposing restrictions on personal freedoms, economic activity and labour conditions; although there are important differences in the way countries have dealt with the definition of essential activities and those that should mandatorily be closed²⁵².

In the reality created by the global pandemic, the importance of atypical ways of organizing work, which will be reliable over a long period of time, is increasing. Being used to the traditional provisions of individual labour contracts specific for each branch of the global economy, employers are faced with a stringent need to adapt their workplace policies, while ensuring the safety and wellbeing of their employees. A concept, quite often referred to, in the given circumstances, is telework, as a form of organizing working time outside the employer's premises.

Despite the fact that regulations regarding work arrangements performed outside of the employers premises, have been invoked in many national labour laws starting from the early 2000's, now we can truly put

251 Telework in the 21st Century, An Evolutionary Perspective, International Labour Organization. 2019. P. 36. URL: <https://www.elgaronline.com/view/ed-coll/9781789903744/9781789903744.00007.xml>.

252 Fana, M., Tolan, S., Torrejón, S., Urzi Brancati, C., Fernández-Macías, E., The COVID confinement measures and EU labour markets, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2020. P. 4.

into practice and develop contractual guarantees for telework employees. An interesting example of regulating telework is the European Union, which embedded policy-making and social dialogue into a framework agreement for telework on the supranational level in 2002. What awakens interest is the nature of the framework. Thus, the European Union, alongside many of its member states, have opted for the “soft” regulation of this type of work arrangement, as opposed to the classic hard law provisions, which are more common in the continental law legal systems. At the same time, the lack of classic regulation is also considered as one of the most pressing issues in the implementation of teleworking practices at a transnational level.

Telework can be defined as a form of organizing and/or performing work, using information technology, where work, which could also be performed at the employers premises, is carried out away from those premises on a regular basis²⁵³.

This form of a work arrangement has reached a tipping point as more and more companies and institutions have introduced it in an effort to keep their employees safe, while ensuring the continued delivery of critical services. Yet, differences in prior telework experience and other factors make the transition more challenging for some workers and employers. New economic trends during recent decades have resulted in working hours that are increasingly diverse, decentralized and individualized. They have also led to greater tensions between workers’ needs and preferences and enterprises’ business requirements. These developments include an increased use of results-based employment relationships, the division of working time into smaller segments, and the expansion of operating and shop opening hours towards a “24/7” economy²⁵⁴.

Thus, the following main characteristics of telework could be synthesised:

- the basis of telework is an employment contract or an employment relationship;
- telework is a form of organisation of work, and thus, a special clause in the individual work contract;
- telework is carried out on a regular basis;
- information technology is used;
- telework is carried out away from the employers premises, but the work tasks could also be performed at these premises.

As we can see from the abovementioned characteristics of telework, one

253 Implementation of the European framework agreement on telework, Report by the European Social Partners, adopted by the social dialogue committee on 28 June 2006. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Framework%20agreement%20on%20telework%20EN.pdf.

254 Guide to developing balanced working time arrangements, International Labour Organization, Geneva. 2019. P. 1. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_706159.pdf.

of the main aspects, which differentiate it from other form of organization of work, is the location of the work carried out. As mentioned in the European framework agreement on telework, this form of organizing the work process is of voluntary nature and, in other circumstances, could be carried out of the employer’s premises, and due to subjective circumstances is not. In general, telework is implemented at the request of the employee (usually with the aim of improving their autonomy, flexibility and work–life balance) or of the employer (if, for example, the work requires the employee to visit clients or as a way to reduce costs or to increase efficiency and productivity), or a combination of both²⁵⁵. In the given circumstances, it is highly important for the employer to be able to ensure the same amount of legal guarantees while assuring the realization of the fundamental right to work.

When it comes to working time, telework offers a certain amount of freedom to the employee to set own time boundaries, which should be proportional to the deadlines and results indicated by the employer. In this sense, the overall rule concerning the teleworker is that the workload and performance standards of the teleworker are equivalent to those of comparable workers at the employer’s premises²⁵⁶. He/she does so within the limits of national legislation, collective agreements and company rules, which means that the general rules concerning working time and rest (number of hours that have to be worked) are the same for the teleworker as for other workers at the employers premises. The teleworker can decide himself when to start work, when to take a break and when to finish work²⁵⁷.

With regard to working time of teleworkers, the European Commission took the view that all laws, regulations and contractual rules (rest breaks, maximum working time, annual leave, night work, etc.) should apply in full. However, it considered that some allowance could be made for flexibility vis-à-vis the working hours of employees working at the firm’s premises. While the total working time must remain the same, some flexibility could be granted in order to allow teleworkers to organise their working time more freely outside fixed slots when they have to be on call²⁵⁸.

255 Telework and ICT-based mobile work: Flexible working in the digital age, New forms of employment series, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2020. P. 6. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf.

256 European framework agreement on telework, 2002 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10131>.

257 Voluntary agreement on Telework, European trade union confederation. Brussels. 2003. P. 21. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Telework%20-%20ETUC%20interpretation%20guide%20EN.pdf.

258 Commission staff working paper - Report on the implementation of the European social partners’ - Framework Agreement on Telework. Brussels. 2008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008SC2178&from=EN>.

In spite of the autonomy and flexibility of working hours offered by teleworking arrangements, the blurring of boundaries between working time and private time is a particular problem for employees who work from home, as it can be difficult to maintain a clear division between the two. This can be exacerbated when, due to workload or a personal work ethic related to career advancement, work done from home supplements the work done at the employer's premises rather than replacing it²⁵⁹.

By the notion itself, telework implies the use of information technologies and telecommunications. Thus as a rule, the employer is responsible for providing, installing and maintaining the equipment necessary for performing telework²⁶⁰. Being given that, we must also point that the employee is materially liable for the equipment provided. In such cases, the two parties of the individual labour contract sign a formal agreement concerning the responsibility of the employee for any damage caused to the equipment.

Taking into account the peculiarities of this form of organizing the work performed by the employee, we can firmly say that telework, in the future years will become one of the most probable choice of work arrangements for employers and employees.

According to a recent study by the European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, across the EU telework is most widespread in the Scandinavian countries: 38% and 33% of the workforce in Denmark and Sweden, respectively, work in this way. Other EU countries with relatively high shares of teleworkers are the Netherlands (31%), Luxembourg (29%), the United Kingdom (27%), France (26%) and Estonia (25%). This suggests that teleworking arrangements are more common in the north and west of Europe, although there are some exceptions, such as Germany, which is below the EU average with 13%, and Estonia, which is above it with 24%²⁶¹.

Labour arrangements have gone through multiple changes throughout history and during times faced with health threats and a variety of social

259 Telework and ICT-based mobile work: Flexible working in the digital age, New forms of employment series, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2020. P. 17. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf.

260 European framework agreement on telework. 2002. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10131>.

261 Telework and ICT-based mobile work: Flexible working in the digital age, New forms of employment series, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2020. P. 7-8. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf.

behaviour. Being given these, we can only try to adapt to the newly created reality. Teleworking arrangements are in many ways advantageous for workers compared to the traditional setup of being based in a single workplace outside the home, offering workers unprecedented flexibility in where they work and when they work. It can become a feasible solution to reality of our modern society allowing employers from different branches of economy to obtain desired results for their enterprise while reporting greater autonomy, better work–life balance, higher productivity and reduced commuting times for employees.

§ 21 Правовое регулирование местных публичных услуг в Румынии и Республике Молдова

The concept and definition of “public service” appeared, for the first time, in French legal doctrine, in the “Administrative Law Treaty”, published under the authority of Professor Maurice Haurion (1892). So far, the French doctrine is one in which the issue of public services has found one of the most detailed approaches. In this respect, it is noted that Francois Rachline's work on services public, économie de marché²⁶², which examines both the basic concepts of public services and the role of public administration in organizing and managing them in the form of delegated management, in particular concession.

Public service is undoubtedly a complex, evolutionary, controversial concept and is also a key concept of administrative law. No law has ever determined what is meant by public service. In the laws, this term has often been used and used, being considered an activity (or mission) and a structure. Moreover, what citizens understand by public service is not always the same as the case law recognizes the expression “public service” simultaneously evokes three meanings: Institutional, legal and ideological. The combination of the three meanings of public service has long played a role as a vector for ethical expansion: The expansion of public management, imposed by the weak resilience of economic and social Regulation mechanisms, has helped to shape a state that can respond to all public problems.

The state and the territorial-administrative units, as organizational forms of life and activity of their members, are intended to provide the inhabitants with the necessary conditions of living-economic, social, cultural, security, etc. To this end, it is constantly and permanently organized a multitude of organizational structures, frequently referred to in normative acts, but also

262 Rachline F. Services publics, économie de marché. Paris: Presse de Sciences Politiques, 1996. P. 116.

in the legal doctrine of specialized public services, which it provides for them to function properly with: Financial and material resources, specialists, etc. Some of these public services are organized only by the State, others may also be organized by local authorities recognized by the State. In the first case, we are talking about state public services, in the second case of public services of the municipality, city or county, as appropriate. Professor Paul Negulescu defined the public service as an administrative body set up by the State, county or commune, with a competence and powers, with financial means provided from the general patrimony of the creative public administration, made available to the public to meet regularly and continuously a general need, to which the private initiative could only give him an incomplete and intermittent satisfaction²⁶³.

Public services meet wherever it is a state activity. It is also argued that the executive function of the State is carried out through public services and that the whole of these services forms the administration. Defined as an activity, the public service has the following characteristics: 1) it is a technical legal activity; 2) it operates regularly and continuously; 3) it is an activity for the fulfillment of public interests; 4) activity not aimed at material gain; 5) activity which can be subject to changes. It can therefore be concluded that the concept of a public service has two meanings: The first is that of an organ and the second is that of an activity.

However, given the fact that the administration system in the Republic of Moldova is primarily similar to that in Romania, it is obvious that Romanian literature is of particular interest when studying the role of public administration in organizing and managing services.

Thus, the paper “public services”²⁶⁴, of the authors Ioan Alexandru and Lucica Matei, which study both the theoretical notions of public services and the applicable management procedures, as well as the relevant international administrative practices relating to public matters, must be mentioned.

According to the authors Ioan Alexandru and Lucica Matei “public services”²⁶⁵, a public service can be managed in three forms:

263 Paul Negulescu, The Romanian printing houses, the Romanian printing houses, the Romanian printing houses, 1925. P. 621.

264 Alexandru I. Matei L. Public services. Legal/administrative approach. Management. Marketing. Bucharest: Economical, 2000. P. 206.

265 Alexandru I. Matei L. Public services. Legal/administrative approach. Management. Marketing. Bucharest: Economical, 2000. P. 102.

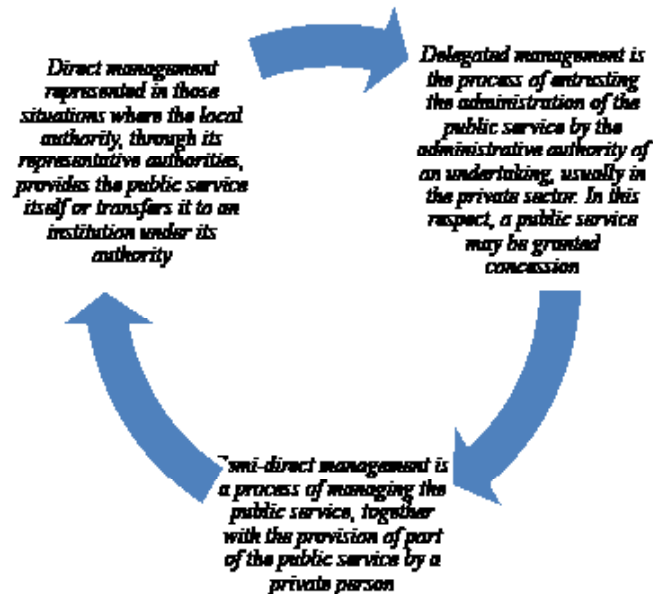

Figure number 2.1. Management of applied public services in the Republic of Moldova

Direct management. Public authorities are directly responsible for the organization and functioning of a public service. There are two possible situations in this respect: A) state management; b) local public administration management. In the Republic of Moldova, the regulatory framework of the management of public services (or more specifically of a specific category of public services of municipal household) is established by the Law of the Republic of Moldova of public services of municipal household, No 1402 of 24.10.2002, which, in article 17, provides that the management of public community services shall be organized by: (a) direct management; (b) indirect management; or public-private partnership; (c) service contract. Direct management shall have the following characteristics: (A) the local authority shall take responsibility for the organization and operation of a public service; (b) the operation and organization of the service shall be determined by decisions of the deliberative and executive bodies of the authority; (c) the community budget, which also includes the revenue from the provision of services, provides the means for carrying out the services; (d) the staff of the service are recruited from among the officials of the

community; (e) the service assets belong to the public and private domain of the community²⁶⁶.

Public services which cannot be entrusted to private individuals will be managed directly by the public administration, given the particular interest they defend and promote²⁶⁷. In direct management, local public administration authorities assume all tasks and responsibilities relating to the organization, management, management, administration, operation and operation of the service²⁶⁸. Each public service established and operated under direct management shall operate under organization and functioning regulations drawn up and approved by the local public administration authority in accordance with the provisions of the standard Regulation, drawn up and approved by the specialized central public authority.

Indirect management (delegated). The administration may entrust the management of a public service to a private, natural or legal person. This procedure may also be called “concession”. According to the French doctrine, “concession is a system in which public power (local or national) concession to an undertaking (private or public) is responsible for producing and distributing local collective services”²⁶⁹.

The concession is open to all public services and their particular objectives²⁷⁰. According to Victor Mocanu, in the case of the management concession, the public administration authority granting the public service may obtain some advantages, because:

- it defines the content of the public service itself;
- it does not provide any material performance of the service, but it controls the manner in which the activity is carried out; the operator shall pay a fee.

Thus, in the case of (indirect) concession management, the State frequently uses this method to contract the management of public services or to obtain the performance of a public activity by a private individual, with whom it concludes a concession contract. The legality of the legality verification is subject to the legality verification. For these reasons, the legislator has established a “full competition obligation”, obliging the delegation of the management of public services (concession) only through

---

266 Local elected Guide. Chisinau: Publishing house of the public Administration Academy, 2007. P. 131.

267 Trăilescu A. Administrative law. Bucharest: AllBeck, 2005. P. 112.

268 Muntean M. Organization and operation of water supply and sewerage service // Economy & local Government Magazine. 2008. No. 8 (162). P. 27.

269 Rachline F. Services publics, économie de marché. Paris: Presse de Sciences Politiques, 1996. P. 14.

270 Decision of the Government of the Republic of Moldova for approval of the Regulation on the concession of public Community household services, No 1006 of 13.09.2004 // Official Gazette of the Republic of Moldova. No 171 of 17.09.2004. Point 9.

public tendering, organized under the law²⁷¹. In conclusion, when it comes to establishing or ensuring the functioning of a public service, we must first of all start with the needs of citizens, who are ultimately less interested in who provides the service, the main one being that it exists. In other words, public administration must not bear the “burden” of organizing and operating public services alone, but can delegate this responsibility.

In accordance with the provisions of Article 22 of the Community Utilities Law No 51/2006, republished, as amended by Law No 225/2016, the local public administration authorities are free to decide how to manage the public services under their responsibility, having the possibility of directly managing the services, by way of a decision giving them administration, or of entrusting their management, that is to say all or part of their own powers and responsibilities relating to the provision of a service or of one or more activities included in that service, under a management delegation contract.

The management mode is determined by the nature and condition of the service, the need to ensure the best price/quality ratio, the current and prospective interests of the territorial-administrative units, and the size and complexity of the public utilities systems. The method of management, i.e. direct management or delegated management, shall be determined by decisions of the deliberative authorities of the territorial administrative units, based on an opportunity study.

Under the provisions of Article 28(1) of the framework law, direct management shall mean the mode of management in which the deliberative and executive authorities, on behalf of the territorial administrative units they represent, assume and exercise directly all the legal powers and responsibilities relating to the provision of the service and to administration respectively, the operation and operation of their public utilities. Direct management is carried out through public or private operators, without applying the provisions of Law No 98/2016 on public procurement, Law No 99/2016 on sectoral procurement and Law No 100/2016 on works concessions and Service concessions.

According to the provisions of Article VII of Law No 225/2016 for amending and supplementing the Law on Community services of public Utilities No 51/2006, within 1 year from the date of entry into force of the law, the local public administration authorities are obliged to reorganize functional compartments without legal personality, organized in the structure of the specialized apparatus of the mayor or of the county council, in public services of local interest with legal personality, organized under the authority of local councils or county councils, as appropriate.

---

271 Amaral M., Saussier, S. Auction procedures and competition in public services: The case of urban public transport in France and London / Utilities Policy; June 2009, vol. 17 Issue 2. P. 167.

Under the provisions of Article 29(1) of the Community Utilities Law No 51/2006, republished, as amended and supplemented thereafter, the delegated management of public utilities services implies the making available to operators of public utilities related to delegated services, and their right and obligation to manage and operate these systems.

Potrivit definiției prevăzute de art. 2, lit. j) din Legea nr. 51/2006, sistemul de utilități publice reprezintă ansamblul bunurilor mobile și imobile, dobândite potrivit legii, constând din terenuri, clădiri, construcții și instalații tehnologice, echipamente și dotări funcționale, specific unui serviciu de utilități publice, prin ale cărui exploatare și funcționare se asigură furnizarea serviciului. The same Article mentions that the goods making up public utilities are part of the public or private domain of territorial administrative units. It should be noted in this context that Article 866 of the Civil Code States that rights in rem corresponding to public property are rights of administration, concession and right of use free of charge.

According to Article 868 of the Civil Code, the right to administer lies with the autonomous regies or, as appropriate, with the authorities of central or local public administration and other public institutions of national, county or local interest. The notion of making public property available is not governed by public property law, while the right and obligation to exploit public property are linked to the content of the concession right.

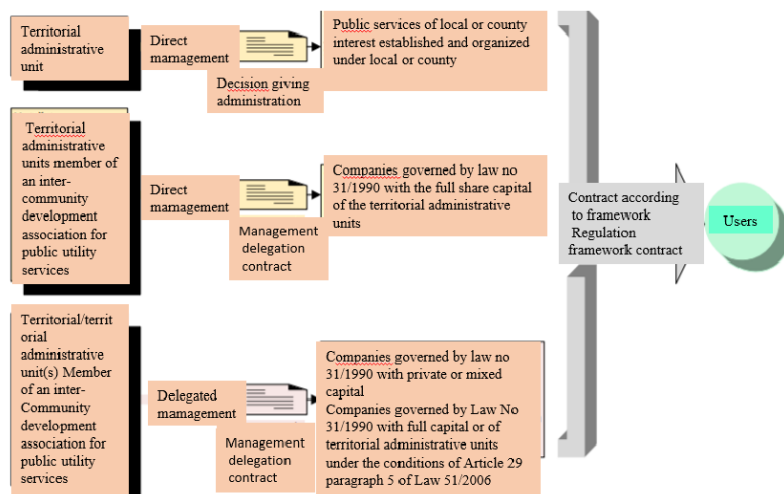

Figure number 2.2. Management of public services implemented in Romania

Delegated management is carried out through private law operators, which may be companies governed by the republished companies Act No 31/1990, as amended and supplemented, by private share capital or mixed share capital.

As follows from the provisions of Article 29(5) of the Community Utilities Law No 51/2006, republished, as amended and supplemented, Operators under private law with public full share capital may participate in procedures for the award of contracts for the delegation of the management of public utility services within the territorial area of competence of territorial-administrative units exercising a dominant influence over them, or outside that area, if the operator does not have a directly awarded delegation contract.

Local public services are created by local public administration authorities in order to satisfy the general and specific interests of the members of the community they represent. Local public services are created by law or by law by a public administration authority vested with that competence. For example, Article 14 and Article 43 of Law 436 of 28.12.2006 “on local public administration of the republic of Moldova” delimit the competences between first-level local and second-level local councils of public administration, and articles 29 and 51 of the same law – the powers of the mayor and the president of the district as the leader of public services.

Local public services are equipped with public functions, powers, competences, responsibilities to fulfill certain public interests.

Each service is designed to satisfy a specific or general interest determined by the competence of the service (health care, education, training, social protection, environmental protection).

The public service carries out regular and continuous activity throughout its existence, following a program brought to the attention of the members of the community (drinking water supply, sanitation, farm advisory service, etc.).

The local public service shall be offered on an equal basis for the community All members of the community have equal access to the public service they need (civil status services, drinking water supply, sanitation, etc.). Legal acts for the provision of local public services are, as a rule, administrative acts.

Local public services to meet specific interests can use the public power (security, public order, liquidation of the consequences of natural disasters).

Local public services meet specifically those specific needs of the Community which at the given stage constitute the general interest of the given community (building a bridge over a river, building a local market, road parts, gasification of the city, etc.).

The material basis necessary for the activity of local public services is provided by public or private assets and by the state or local budget.

Although some public services generate their own revenues, the State, the county and the municipality are obliged, where appropriate, to subsidize their activity because, through the public services, the State, the county and the municipality are primarily seeking to satisfy the general interests of the members of the company and only secondly, to realize the benefits (public social, educational, healthcare services).

Local public services are provided for payment or free of charge, depending on the type of service and its way of providing it. The public administration authority decides how the service is provided, the fees for the users of the services, the amount of subsidies from the state or local budgets.

Public services have different names, such as secretariats, agencies, institutes, administrations, departments, offices, hospitals, schools, autonomous administrations, companies. Whatever it may be called, we will be in the presence of a public service, provided the following conditions are met: It is established for the purpose of satisfying the requirements of the members of the company, by the State, county or commune, the establishment was carried out by acts of authority, their activity is carried out in the realization of the state authority, having powers, powers and powers to satisfy public, general interests, are legal persons, with all their specific rights and obligations, material means are provided through budget subsidies, either from their own revenues, and carries out a continuous activity.

ГЛАВА II.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

§ 1 Коммуникативная теория права А.В. Полякова и ее возможное действие в гражданском судопроизводстве

Правовые коммуникации обозначают передачу какой-либо правовой информации от одного лица к другому, при этом важно, чтобы правовая информация имела свойство идентичности, а именно выразалась в одинаковом ее восприятии всеми участниками коммуникативной деятельности. Не каждая коммуникация имеет правовую сущность, так как требуется реализация взаимных полномочий у субъектов. А.В. Поляков считает, что «суть правовой коммуникации и коммуникативной теории в том, что в отличие от всех других видов взаимодействия, правовое взаимодействие представляет собой институциональное и легитимное взаимодействие субъектов на основе их прав и обязанностей»²⁷². Именно А.В. Поляков положил начало в исследовании правовых коммуникаций²⁷³. Невзирая на то, что данная наука довольно молодая, в юриспруденции ей уделяется огромное внимание, анализируется ее место в правовой системе, объект и предмет, межотраслевые функции ее действия.

Гражданскому процессу присущи основные черты коммуникативной теории права, где право – это своего рода коммуникация, (взаимодействие, опосредуемое текстом закона). При реализации коммуникативной теории права происходит взаимодействие коммуницирующих субъектов, которые при изучении текста закона выделяют для себя необходимые права и обязанности, в частности, для инициирования гражданского процесса и его дальнейшего развития.

Особое значение играет интерпретация текста, которая реализуется через толкование смысла норм права, уяснения закона субъектом гражданского процесса. Иными словами, это не просто поиск конкретный нормы, ее текста, а именно смысл соответствующего положения. Возникает необходимость в фундаментальном исследовании правовых коммуникаций в рамках гражданского судопроизводства, особенно при рассмотрении и разрешении дел с участием иностранного элемента, так как одним из участников процесса в таком случае будет ино-

²⁷² Поляков А.В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 94–100.

²⁷³ Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002.

странное лицо, и ему намного тяжелее правильно истолковать и применить правовую информацию.

Главным элементом правовой коммуникации выступает судебная коммуникация, обозначающая общение в судебном разбирательстве. Судебная коммуникация включает официальное общение, и оно строго регламентировано в законе. Осуществление правосудия разрешает правовой спор между истцом и ответчиком посредством применения права, активность данных сторон будет отражена в предоставлении доказательств.

О.В. Красовская считает, что «неполное рассмотрение судом основной темы или игнорирование значимой для дела побочной темы является основанием для отмены судебного решения»²⁷⁴. Ю.П. Боруленков пишет, что «суд как сфера, где реализуется конфликтная коммуникация»²⁷⁵. Данная коммуникативная сфера, считаем, содержит властный субъект коммуникации (суд), его воля обязательна для всех остальных участников и невластный субъект (все иные участники коммуникаций в гражданском судопроизводстве), такой круг субъектов, точнее, их роли, установлен ГПК РФ. Определенные процессуальным законом правила обеспечивают участие вышеперечисленных субъектов в судебном заседании, то есть придают гражданскому процессу наглядность и единообразие. Тем не менее это не исключает каких-то уникальных ситуаций, в рамках которых судебное разбирательство пойдет немного по иному пути, в частности, это касается индивидуальных характеристик субъектов при рассмотрении дел с участием иностранных лиц. Своеобразным будет язык судебного разбирательства, так как в судебной речи он выступает главным источником для получения информации. Передает данную информацию суду в данной категории дел иностранное лицо, которое зачастую не владеет русским языком, в связи с чем точная передача информации практически невозможна. Судебное разбирательство дает право быть здесь и сейчас. Таким образом, формируются проблемные вопросы при реализации коммуникативной теории права, так как сам гражданский процесс проходит в устной форме. Кроме того, интерпретация иностранных документов проходит довольно длительную и трудную процедуру, в частности легализацию, перевод и само истолкование текста.

Коммуникативная теория права реализуется в гражданском про-

274 Красовская О.В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филологич. наук. Волгоград, 2012. С. 20.

275 Будилов В.М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А.В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник СПбГУ. 2017. № 1. С. 13-14.

цессе как спор равных сторон по схеме «субъект – субъект», который рассматривается независимым арбитром по заранее установленным правилам. Данная схема не может действовать в полной мере, так как у иностранных лиц особый статус, несмотря на предоставление им процессуальным законом прав и обязанностей как у российских граждан. Безусловно, такое различие заключается в определении международной подсудности. Соглашение об определении международной подсудности регулируется в том числе иностранным материальным и процессуальным правом. Применение иностранных норм просто необходимо, если соответствующее право зарубежного государства не допускает заключения соглашения о выборе подсудности. Также в соглашении об определении подсудности применяется терминология иностранного права, в связи с чем необходимо решить вопрос о правильном толковании таких понятий. Иначе правовая коммуникация будет функционировать с нарушениями, так как нет единого понимания.

Отметим, что И.А. Чеснов определяет «интерсубъективность как объективность и субъективность права»²⁷⁶. Правовая объективность характеризует нормы независимого от каких-либо явлений, желаний, знаний и поведения отдельных людей. Оценка дается участниками правоотношений и внешним наблюдателем, который абстрагирован от взаимоотношений с субъектами. Субъективная составляющая права определяется как оценка права субъектами по внутреннему своему убеждению, опираясь на нормы права. Тем самым, объективная сторона – это суд, как властный участник гражданского процесса, который разрешает спор, опираясь на нормы закона, а субъективная сторона – это другие участники судопроизводства, в том числе истец и ответчик, выражают позиции касательно возникшего конфликта. Особую роль играет процесс доказывания, где стороны интерпретируют смысл закона, как действует «право тут» (норма, добытая в процессуальной борьбе, признанная судом правильной и подходящей для данной ситуации).

Более того, правовая коммуникация позволяет уйти от привычного понимания права, что позволяет разглядеть новые его грани – нравственность, история, философия и культура²⁷⁷. По делам с участием

276 Чеснов И.А. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под редакцией М.В. Антонова, И.А. Чеснова. СПб.: ООО Издательский Дом «Альф-Пресс», 2014. С. 23-26.

277 Будилов В.М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А.В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. № 1. С. 11.

иностранных лиц будет функционировать межкультурная коммуникация, так как именно здесь рассматривается общение лиц из разных правовых культур. В гражданском судопроизводстве суд и иные субъекты судебного разбирательства должны освоить хотя бы косвенную межкультурную коммуникацию, которая носит преимущественно односторонний характер, где информационным источником выступают нормы права.

Резюмируя сказанное выше, правовая коммуникация предполагает сконцентрированное внимание для интерпретации норм в том значении, в каком они должны быть, но с определенными отхождениями в зависимости от категории дел, именно получение значимой информации для дела позволяет породить эффективную связь между судом и иными участниками процесса, что способствует своевременному и правильному разрешению спора.

§ 2 О реализации принципа публичности цивилистического процессуального права с учетом цифровых технологий²⁷⁸

Очевидно, что всякая отрасль права должна базироваться на определенных идеях, которые имеют формальное законодательное закрепление или смысловым образом вплетены в правовую ткань²⁷⁹. Данные идеи, отчасти носящие политико-правовой характер, отражают определенные общественные потребности, государственные стратегические цели и задачи, а равно интересы отдельных наиболее активных социальных групп. Любые институциональные изменения внутри политической, экономической и правовой системы обязательно влекут за собой надлежащую трансформацию в сфере основ конкретной отрасли права²⁸⁰.

Российское цивилистическое процессуальное право и судопроизводство не составляют исключения. При этом нужно понимать, что различие сути первого и второго юридического явления предопределяются особенностями предмета правового регулирования с учетом ст. 118 Конституции РФ, провозглашающей, что правосудие в Российской Федерации реализуется только судом, а власть судебная осуществля-

278 Данный параграф выполнен С.Ф. Афанасьевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

279 См.: Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78.

280 См.: Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 107–113.

ется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Следовательно, правосудие обладает следующими признаками: оно претворяется в жизнь специальными государственными органами и от имени государства; его властная реализация происходит в рамках строго установленной процессуальной формы, предполагающей вынесение общеобязательных правоприменительных актов²⁸¹.

Легко заметить, что такие юрисдикционные органы, как третейские суды, нотариат и прочие, за исключением государственных судебных учреждений, не отвечают вышеописанным признакам и не отправляют правосудие в Российской Федерации, руководствуясь процессуальными нормами права. Именно поэтому современное цивилистическое процессуальное право – это система процессуальных норм, регулирующих общественные отношения в сфере осуществления правосудия судом по гражданским и административным делам, а равно порядок принудительного исполнения судебных постановлений, имеющих общеобязательный характер.

Заметим, что с принятием федеральных законов от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» и от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения в Российской Федерации» в юридической литературе появились утверждения, что порядок исполнения связан скорее с административным законодательством и поэтому не относится к цивилистическому процессуальному праву. Однако, как подчеркнул Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества “Разрез «Изыхский»» со ссылкой на п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда».

Следуя данной выше тезе, цивилистическое процессуальное право необходимо отличать от цивилистического процесса. Если первое нужно характеризовать именно как совокупность процессуальных норм, которые по содержанию подразделяются на дефинитивные (раскрывающие основные понятия) и регулятивные (устанавливающие права и обязанности), то последняя категория есть логически выстроенная система целенаправленных процессуальных действий органа правосудия

281 См.: Панкова О.В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

и иных участников производства, имеющих место при рассмотрении и разрешении гражданских или административных дел. Воплощаясь в процессуальной форме, которая как свод строго определенных правил и способов оформления деятельности тех или иных субъектов отличается нормативностью, обязательностью, упорядоченностью, стабильностью и универсальностью²⁸², эта система действий приобретает завершенный вид, выражаясь в цивилистическом судопроизводстве.

При таком подходе очевидно, что цивилистическое процессуальное право шире по своему содержанию, чем цивилистическое судопроизводство, и закрепляет в себе положения (в том числе и принципы), отражающие специфику деятельности по отправлению правосудия по гражданским и административным делам, а также по принудительному исполнению судебных актов.

Логически сконструированная совокупность общих начал цивилистического процессуального права в их взаимосвязи составляет систему принципов. Эта взаимосвязь может обнаруживать себя различно: в зависимости от роли принципа в системе и его значимости или от его видовой принадлежности, а также от возможности действовать самостоятельно или в связке с другими базовыми принципами. При этом в силу объективности своего возникновения принципы не могут быть многочисленными, изменяться и дополняться произвольно, поскольку в этом случае под сомнение ставится существующая система принципов, отличающаяся сложностью и стройностью, что в свою очередь влечет трансформацию сути всей отрасли права²⁸³.

Теперь обратимся к принципу публичности, который в системе существующих принципов гражданского процессуального права в целом соотнобразуется с отечественными и международными правовыми стандартами, иногда превосходя последние, что обусловлено ст. 123 Конституции РФ. Во всех трех кодексах (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ) стрелку барометра права на публичное судебное разбирательство по гражданским и административным делам удалось удержать в равновесии, поскольку, с одной стороны, предписывается рассматривать цивилистические казусы гласно и открыто, в присутствии всех желающих, в том числе средств массовой информации, которые могут фиксировать все происходящее письменно либо с помощью аудиозаписи (разрешение суда нужно получить лишь для фотосъемки, видеозаписи, трансляции по радио, телевидению или сети Интернет); с другой – процессуальный

282 См.: Алексеев А.А. Развитие понятия «гражданская процессуальная форма» в России во второй половине XX века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 41–46.

283 См.: Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000. С. 10–12.

закон называет обязательные и факультативные случаи проведения закрытого судебного заседания для того, чтобы соблюсти баланс между стремлением общественности обрести определенные сведения и защитой различных аспектов частной жизни.

Вместе с тем конструкция права на публичное судебное разбирательство далека от идеала, она имеет отдельные изъяны, нуждающиеся в устранении. В первую очередь это касается неоднозначности целевых установок транспарентности; широкого употребления законодателем оценочных категорий, которые хотя и придают гибкость, а равно универсальность процессуальной форме, но и одновременно создают почву для несоразмерного применения ситуационного судебного усмотрения. В частности, ст. 10 ГПК РФ дает санкцию на проведение закрытых судебных заседаний при возникновении «иных обстоятельств, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела». Следовательно, а priori всякое обращение в суд за защитой субъективных прав и законных интересов может сопровождаться отступлениями от принципа гласности, если будет на то ходатайство лица, участвующего в деле, и усмотрение судьи. Причем нельзя забывать о взаимосвязи ст. 10 и ст.ст. 182, 185 ГПК РФ, поскольку последние запрещают судам без согласия любых граждан, а не только участников судопроизводства, оглашать в зале судебного заседания их переписку, телеграфные сообщения, воспроизводить аудио- или видеозаписи.

Наиболее серьезные дефекты права на публичное судебное разбирательство по гражданским и административным делам присутствуют в области доступа к различным документам, среди прочего электронным. Это особенно важно, ведь, как известно, чего нет в судебных документах, того не существует на свете (*quod non est in actis non est in iundo*). Согласно действующему процессуальному закону, а также инструкциям по делопроизводству вне зависимости от того, рассматривалось ли дело в закрытом или открытом заседании, лишь лица, участвующие в деле, вправе получить копии необходимых документов, притом что им вменяется в обязанность передавать представляемые письменные доказательства в ходе процесса не только суду, но и друг другу.

Все остальные субъекты процессуальных отношений и не только они (например, сторонние лица, считающие, что их права и законные интересы нарушены принятым по делу решением; средства массовой информации и др.) не обладают правомочием оперативного доступа к деловым бумагам и прежде всего к судебному решению.

Таким образом, действующий механизм процессуального регулирования в рамках реализации принципа публичности конституирует ограниченный набор легальных приемов получения тех или иных све-

дений о функционировании органов правосудия для ограниченного круга участников гражданского судопроизводства. Часть документов элиминирована из информационного пространства. Все это не может не вызывать справедливые нарекания, в том числе и со стороны Европейского Суда по правам человека²⁸⁴.

§ 3 Слабая сторона коммерческого договора как участник упрощенного арбитражного судопроизводства²⁸⁵

Субъекты предпринимательской деятельности при заключении и исполнении коммерческого договора, а также при возникновении судебного спора заведомо пребывают в неравном имущественном и фактическом положении: имеют различный хозяйственный опыт при совершении сделки на соответствующем рынке товаров, работ или услуг; располагают асимметричными сведениями о предмете и способах исполнения обязательства, отличаются уровнем юридического сопровождения договора, когда одна непрофессиональная сторона принимает условия контрагента, являющегося профессионалом в специальной области предпринимательства, а затем ограничена в доказывании нарушенных прав. Конституционный Суд РФ признает подобное неравенство участников гражданско-правовых отношений, указывает на необходимость создавать правовые преференции для экономически более слабой и зависимой стороны в гражданско-правовых отношениях и не видит в том нарушения свободы договора²⁸⁶. Тем самым слабость стороны договора, прежде всего, оценивается как очевидное имущественное или профессиональное превосходство над ней другой стороны соглашения. На устранение дисбаланса при осуществлении гражданских и процессуальных прав и обязанностей направлены принципы добросовестности и юридического равенства сторон перед законом и судом. При этом слабая сторона в порядке исключения получает дополнительные основания и способы защиты.

1. Однако гражданское законодательство и арбитражное процес-

284 См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 января 2008 г. «Бирюков против России» (Birukov v. Russia) // СПС «КонсультантПлюс».

285 Данный параграф выполнен А.Ф. Бакулиным при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00857 «Современные тенденции развития доктрины защиты слабой стороны в российском договорном праве».

286 Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сафарова Руслана Амерхановича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». URL: <http://www.krsf.ru>.

суальное законодательство не знают и не используют термин «слабая сторона». Его сущность и признаки исследуются цивилистикой и находят отражение в отдельных актах судебной практики. В науке гражданского права обращено внимание на проблемы формирования доктрины защиты слабой стороны договора от навязывания явно обременительных условий при переговорном неравенстве, поскольку ни в российском, ни в зарубежном договорном праве доктрина не получила пока достаточно ясного закрепления ввиду известных трудностей описания в позитивном праве добросовестности, разумности и справедливости, установления их взаимопроникновения и соотношения с автономией воли участников гражданского оборота и свободой договора²⁸⁷. Представляется, что деление сторон по имущественному неравенству может и не совпадать с правовым содержанием слабости стороны при формировании условий договора. Более того, на наш взгляд, слабость стороны предпринимательского договора следует отыскивать не столько в имущественном или профессиональном превосходстве другой сильной стороны соглашения, сколько юридическая слабость сводится к невозможности активно и беспрепятственно участвовать в согласовании условий договора на стадии его заключения. Например, коммерческий банк при заключении договоров поставки, подряда, энергоснабжения, страхования, возмездного оказания юридической помощи вполне может оказаться слабой в юридическом понимании стороной, сохраняя экономическое превосходство над контрагентами. Поэтому слабой стороной договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности с ограничением ее участия в обсуждении проекта, по общему правилу признается непрофессиональный и неопытный в конкретной сфере должник, обязанный оплатить товары, работы, услуги.

2. В российский гражданский оборот на основании пунктов 2 и 3 статьи 428 ГК РФ введены новые нормы о том, что сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. По существу, с нашей точки зрения, вместо узко понимаемого договора присоединения как

287 См. подробнее: Кузьмина А.В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 698-727.

специальной договорной конструкции²⁸⁸ законом установлена аналогичная, но распространяемая на любые процедуры заключения договора, включая торги, общая правовая категория: договор с неравенством переговорных возможностей²⁸⁹.

Доказательственное подтверждение явного договорного неравенства позволяет не применять в отношении слабой стороны несправедливое условие коммерческого договора, несмотря на то, что оно не противоречит закону и допускается его нормами. Арбитражные суды все чаще решают споры в пользу стороны, потерпевшей от недобросовестного и иного злоупотребительного поведения лица, создавшего проект договора на крайне невыгодных для другой стороны условиях и склонившего ее к заключению такого соглашения: о завышенном размере ответственности слабой стороны и освобождении другой стороны от ответственности за нарушение договорных обязательств; о навязывании дополнительной обязанности по заключению договора с конкретным третьим лицом; об обременительных доплатах; о территориальной подсудности спора или третейской оговорке вопреки интересам слабой стороны договора; о праве на внесудебный немотивированный отказ от договора или на его произвольное изменение только для одной сильной стороны; о заведомо неисполнимых сроках проведения работ. Несправедливое условие предпринимательского договора может быть оспорено в судебном порядке при доказанности одного из следующих признаков: 1) его заведомой выгодности для сильной стороны, создавшей для себя преимущества сверх добросовестно понимаемых пределов осуществления субъективных прав; 2) очевидной затруднительности исполнения обязанностей слабой стороной в силу неразумных обременений и излишних расходов на исполнение; 3) явного ущемления и иного умышленного ограничения разумно понимаемых прав и интересов слабой стороны; 4) несоразмерного распределения прав и обязанностей, мер ответственности в пользу сильной стороны. Обязательным процедурным признаком несправедливости договорных условий, входящим в обособленный предмет доказывания, является ограничение переговорных возможностей слабой стороны в согласовании спорного условия, создание препятствий для его обсуждения, иное недобросовестное навязывание взаимных прав и обязан-

288 См.: Витрянский В.В. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства // Гражданское право и современность: Сб. ст., посвященный памяти М.И. Брагинского / Под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. М., 2013; Цыпленкова А.В. Договор присоединения как особая категория гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

289 См. подробнее: Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. О договорах с неравенством переговорных возможностей при осуществлении предпринимательской деятельности // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019. № 2. С. 80–109.

ностей без соблюдения баланса интересов сторон²⁹⁰.

Защита слабой стороны от несправедливого договорного условия осуществляется различными способами: оспариванием его недействительности; иском об изменении явно обременительного условия; требованиями о расторжении договора и возмещении убытков, причиненных недобросовестной стороной; возражениями слабой стороны о неприменении несправедливого условия по иску об исполнении договорного обязательства в связи со злоупотреблением правом сильной стороной.

3. По заявлению о несправедливости договора доказыванию подлежат как факты недобросовестного ограничения переговорных возможностей по согласованию индивидуального спорного условия, так и крайней невыгодности и неразумности договорного условия при его исполнении. Между тем слабая сторона договора при разрешении предъявленного к ней иска обычно оказывается и в статусе слабой стороны доказывания. Существенно усугубляют ее положение процессуальные нормы, регулирующие императивно обязательный упрощенный порядок рассмотрения договорных споров по исковым заявлениям о взыскании денежных средств, если цена иска не превышает для юридических лиц восемьсот тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей – четыреста тысяч рублей. АПК РФ не содержит специальных норм о стандартах доказывания и лишь ориентирует ответчика на активное документальное обоснование возражений против иска в жестко определенные сроки под угрозой удовлетворения требования по доказательствам истца.

Упрощенное производство представляет собой специальный порядок, установленный законом для рассмотрения определенных категорий дел и обладающий чертами именно сокращенной модели совершения сторонами процессуальных действий. Дело в упрощенном порядке ведется по правилам электронного правосудия: материалы дела формируются в электронном виде, каждая из сторон получает к ним код ограниченного доступа, исковое заявление, отзыв на иск, документальные доказательства могут представляться электронным способом через систему «Мой Арбитр», результаты рассмотрения заявлений, ходатайств лиц, участвующих в деле, иные процедурные определения арбитражного суда, а также резолютивная часть принятого по спору решения, иного итогового судебного акта размещается в открытом доступе на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не позднее следующего дня после дня ее принятия. Рассмотрение дела в упрощенном письменном произ-

290 Бакулин А.Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20–27.

водстве осуществляется только по доказательствам, представленным сторонами в сроки, установленные арбитражным судом. Документы, поступившие в арбитражный суд по истечении указанного им срока, не рассматриваются арбитражным судом и немедленно возвращаются лицу, участвующему в деле. Тем самым исключается проведение судебного заседания. Однако состязательность сторон сохраняется в процессуальной обязанности сторон заблаговременно направлять друг другу и в арбитражный суд доказательства, заявления, ходатайства. Упрощенное производство одновременно является и ускоренной процедурой разрешения спора. Решение по делу выносится только в резолютивной форме в пределах определенного законом двухмесячного срока рассмотрения дела.

Слабая сторона договора лишена возможности возразить против возбуждения дела в упрощенном порядке, поскольку по спорам о взыскании основного долга и санкций за нарушение договорных обязательств применение упрощенного производства не зависит от воли сторон или усмотрения арбитражного суда, считается явным процессуальным нарушением принятие искового заявления к производству и назначение предварительного судебного заседания по делам, которые подлежат упрощенному и ускоренному разбирательству. Согласие сторон на рассмотрение дела в таком порядке не требуется.

4. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства не исключает наличие спора о праве. Поэтому, ссылаясь на неравенство переговорных возможностей, ответчик вправе в своем отзыве заявить о незаключенности договора или недействительности его отдельного условия, о неприменении этого условия в силу несправедливости, о заведомой ошибочности квалификации договорного обязательства, требующей представления дополнительных доказательств, о явном завышении неустойки. Само по себе непризнание иска, отраженное в отзыве, не является безусловным и обязательным основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

АПК РФ не предусматривает обязательного перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства в случае заявления об этом лица, участвующего в деле и считающего, что дело должно быть рассмотрено в этом порядке, а не в порядке упрощенного производства. Если ходатайство ответчика содержит сведения о намерении завершить спор миром, о необходимости выяснить дополнительные обстоятельства или исследовать дополнительные доказательства, а назначить экспертизу или заслушать свидетельские показания, то арбитражный суд удовлетворяет независимо от позиции истца ходатайство ответчика и переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

5. После принятия искового заявления для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства в целях выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств ответчик вправе заявить ходатайство о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства по правилам пункта 2 части 5 статьи 227 АПК РФ. Такое ходатайство подлежит удовлетворению, если слабая сторона сделки предъявила встречный иск о недействительности несправедливого условия договора, об изменении или расторжении договора с момента его заключения. Встречный иск принимается арбитражным судом в случае, если удовлетворение встречного иска исключает полностью или в части удовлетворение первоначального иска; между встречным и первоначальными исками имеется взаимная связь и их совместное рассмотрение приведет к более быстрому и правильному рассмотрению дела (часть 3 статьи 132 АПК РФ). Если встречное исковое заявление подано по истечении срока, установленного в определении арбитражного суда для представления возражений по заявленным требованиям, в отсутствие ходатайства о его восстановлении с обоснованием невозможности его представления в установленный судом срок и без приложения доказательств, подтверждающих наличие таких причин, то такое встречное исковое заявление возвращается лицу, которым было подано встречное заявление²⁹¹. Между тем в силу части 5 статьи 227 АПК РФ арбитражный суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства, если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства принят встречный иск. Таким образом, принятие встречного иска является безусловным основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Слабая сторона договора не утратит в полной степени права на оспаривание обременительного условия договора и в том случае, когда принятое в упрощенном порядке решение о взыскании денежных средств вступило в законную силу. Большинство арбитражных дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, завершаются вынесением решения в резолютивной форме без составления полного текста решения. При принятии резолютивной части решения арбитражный суд устанавливает факты по делу по представленным лицами, участвующими в деле, доказательствам. В силу части 2 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. Однако факты анализируются и уста-

²⁹¹ Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2018 № 304-ЭС18-19576 по делу № А75-17591/2017 // СПС «Гарант».

навливаются в мотивировочной части решения, поэтому отсутствие мотивировки лишает их преюдициальности. Поэтому при наличии этих же фактов в другом деле по иску об оспаривании несправедливого договора с теми же участниками они должны быть вновь доказаны.

6. Процессуальная ограниченность слабой стороны в действиях по доказыванию объясняется как скорым и сокращенным порядком исследования доказательств в упрощенном производстве, так непосредственно следует из гражданско-правового договорного неравенства. В науке процессуального права не разработана доктрина слабой стороны судебного разбирательства. Представляется важным для таких и аналогичных категорий споров, основанных на материально-правовом неравенстве субъектов, ввести презумпцию, согласно которой «неравенство переговорных возможностей предполагается, пока сторона, определившая условия договора, не докажет обратное». Для судебной практики изложенное будет означать, что бремя доказывания добросовестности ведения переговоров, разъяснения нетипичных условий сделки, соблюдения баланса интересов сторон следует возлагать именно на offerenta, разработавшего проект договора. Слабая сторона обязана подтвердить невыгодность навязанного ей несправедливого условия по общему стандарту доказывания, основанному на оценке разумной степени достоверности фактов, которые проявились не только в ограничении ее имущественных прав или в создании для нее особых дополнительных обязанностей, но и привели к закреплению льгот и преимуществ для стороны, разработавшей проект договора²⁹². Приведенное понимание правил доказывания может стать дополнительной гарантией защиты прав слабой стороны договора при разрешении арбитражным судом спора с ее участием в порядке упрощенного производства.

§ 4 Суд как субъект «электронных» гражданских процессуальных правоотношений²⁹³

Основным субъектом гражданских процессуальных правоотношений является суд. Гражданский процессуальный кодекс РФ регулирует процессуальные полномочия суда по осуществлению правосудия по гражданским делам, корреспондирующие процессуальным правам

292 См. подробнее: Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. № 2. 2020. Том 10. С. 204–251.

293 Данный параграф выполнен В.Ф. Борисовой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

и обязанностям иных участников гражданского дела. Суд императивно контролирует ход судебного процесса в аспекте соблюдения гражданской процессуальной формы. В настоящее время она претерпевает трансформацию, обусловленную внедрением цифровых технологий в сферу правосудия.

Согласно Приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 электронное правосудие – это «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»²⁹⁴. Принципиальным является условие о регламентации совершения действий через автоматизированные информационные системы со стороны закона, то есть обретение ими процессуальной формы. Функции автоматизированных информационных систем можно подразделить на опции, обслуживающие:

- судебное делопроизводство в целом (ведение архива, статистическая отчетность, аналитические запросы и др.);
- электронный документооборот по гражданским и административным делам (заполнение картотеки, регистрация входящих и исходящих документов, распределение дел, формирование списка дел, назначенных к слушанию, передача информации между инстанциями и т.д.);
- реализацию процессуальных полномочий суда и лиц, участвующих в деле (звукозапись судебных заседаний, СМС-извещения, участие в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, экспорт электронного образа дела, формирование исполнительных документов, и пр.).

Несколько иную классификацию предлагают Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев, обосновывающие существование элементов электронного правосудия, среди которых авторы выделяют:

- элементы, отражающие открытость правосудия (сведения о суде, доступ к судебной практике, трансляции из зала суда, функционирование информационно-справочных киосков);
- элементы, направленные на взаимодействие суда, и лиц, участвующих в деле (информация о движении дела, подача документов в суд посредством АИС, рассмотрение обращений граждан, видео-

294 См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

конференц-связь, «электронное дело», аудиопротоколирование, доступ к судебным актам в электронном виде, направление судебного акта в форме электронного документа для исполнения, а также документов суда участникам процесса);

- элементы, направленные на обеспечение деятельности суда и межведомственное взаимодействие (организация работы суда, взаимодействие суда с другими органами, автоматическое распределение дел)²⁹⁵.

Несмотря на различие в понимании составляющих частей электронного правосудия и его функций, суть дифференциации примерно одинакова: не все опции автоматизированных информационных систем судов имеют отношение к деятельности судов по осуществлению правосудия и, следовательно, нуждаются в фиксации на уровне ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ.

Исследование изменения комплекса полномочий суда в связи с действием автоматизированных информационных систем следует проводить в двух основных направлениях:

- в направлении исследования служебных полномочий, возлагаемых на технический персонал суда;

- в направлении исследования процессуальных действий суда в связи с использованием автоматизированных информационных систем.

Первое направление касается деятельности судов, непосредственно не связанной с осуществлением правосудия по гражданским делам. В целях обеспечения электронного документооборота и делопроизводства на суд возлагается выполнение множества служебных функций: регистрация в системе поступающих исковых заявлений, жалоб, исковых заявлений с приложенными документами; распечатка поступивших через систему ГАС «Правосудие» документов; контроль за автоматическим распределением дел между судьями; обеспечение проведения судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи; размещение информации о судебных заседаниях на сайте судов; заполнение электронной картотеки гражданских дел и многое другое.

Второе направление непосредственно касается процессуальных действий суда, осуществляемых в связи с применением электронных технологий. Правовому регулированию на уровне кодексов подверглась сравнительно небольшая область «электронных» полномочий суда. Среди них извещение путем СМС-сообщений, выполнение судебных постановлений в форме электронного документа, представление в суд документов в виде цифровой записи либо подписанных электронной цифровой подписью. Закон закрепляет возможность

²⁹⁵ См.: Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62.

проведения судебных заседаний в формате видео-конференц-связи, а также аудиопротоколирования судебных процессов. Кроме того, допускается направление судом «электронного» судебного приказа судебному приставу-исполнителю. Ряд полномочий судов регулируется на уровне постановлений Верховного Суда РФ, приказов и инструкций, что приводит к расширительному толкованию правовых норм и увеличению обязанностей судей, дополнению федеральных документов разъяснениями регионального значения. Между тем суд как основной участник гражданских процессуальных правоотношений должен строго руководствоваться федеральным законом. В настоящее время судебная практика активно адаптирует правила рассмотрения и разрешения гражданских дел с использованием цифровых технологий к повседневной деятельности. Надо отдать должное российским судам, которые на базе имеющихся правил создают эффективные схемы реализации процессуальных прав и обязанностей участников судопроизводства.

Судебный процесс начинается с обращения истца в суд с иском заявлением, в том числе посредством заполнения электронной формы на сайте суда. Правила обращения в суд через сеть Интернет утверждены Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»²⁹⁶. Позднее эти правила были уточнены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»²⁹⁷. Исходя из этих документов, действия суда по проверке поступившего в суд электронного обращения не считаются процессуальными, что вызывает сомнения. Действительно, ряд совершаемых действий имеют служебный характер, однако многие из полномочий суда требуют нормативного закрепления.

Согласно п. 4.4 Приказа просмотр документов, поступивших в суд в электронном виде, осуществляет работник суда, ответственный за прием документов. В его задачу входит проверка документов на предмет соответствия установленным требованиям, в том числе в отношении

²⁹⁶ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

²⁹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

электронной подписи. В случае положительного результата проверки лицу направляется уведомление о получении документов судом. В п. 4.5 Приказа перечислены причины, по которым документы отклоняются на основании уведомления. Таким образом, в автоматизированных системах при подаче заявлений (документов) применяются статусы, не урегулированные гражданским процессуальным законодательством. В ГПК РФ отсутствует такое понятие, как «технический отказ» или «отклонение заявления», а также правила его процессуального оформления. Перечень причин содержит обстоятельства, которые вполне подходят под основания, предусмотренные действующим ГПК РФ, и должны отклоняться на основании определения.

Формулировка п.п. 1 п. 4.5 Приказа, предполагающая отклонение документов, поданных в электронном виде, в связи с тем, что «обращение не адресовано данному суду», может охватывать различные ситуации:

- рассмотрение заявления вообще не входит в компетенцию суда, и это обстоятельство является основанием для отказа в принятии искового заявления по ч. 1 ст. 134 ГПК РФ;

- дело неподсудно данному суду общей юрисдикции или подсудно арбитражному суду, и это обстоятельство является основанием для возвращения искового заявления на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ.

Отклонение электронного обращения в связи с тем, что оно идентично ранее направленному обращению (п.п. 2 п. 4.5 Приказа), аналогично процессуальному основанию для возвращения искового заявления, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, когда в производстве суда или третейского суда уже имеется тождественный иск. Риском предположить, что электронное обращение может быть продублировано дважды, и в этом случае повторное обращение подлежит отклонению. Если эта ситуация имела место, то выносить определение о возвращении искового материала действительно нецелесообразно, однако в этом случае необходимо изменить звучание основания для технического отказа. Непринятие электронного обращения по мотиву неприложения документа, подтверждающего полномочия представителя на предъявления в суд документов, дублирует соответствующее основание для оставления искового заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ).

Отклонение документов по классическим процессуальным основаниям можно было бы оправдать оперативной реакцией суда на подачу электронного обращения. Однако для правильного решения вопроса о компетенции суда, а также для определения родовой, территориальной подсудности, подсудности дел арбитражному суду необходимы юридические знания. Риск совершения ошибки работником суда достаточно велик, учитывая, что, по сути, проверка искового заявления – это со-

держание процессуальной деятельности судьи. Допущенную ошибку не удастся устранить, поскольку уведомление, в отличие от определения, нельзя обжаловать в вышестоящие инстанции.

При наличии на подаваемом в суд заявлении усиленной электронной цифровой подписи суд должен идентифицировать лицо, которому она принадлежит, на основании удостоверенного сервисным центром сертификата ключа проверки электронной подписи. Результат онлайн-проверки позволяет суду установить действительность сертификата, владельца и издателя подписи, ее правильность. Суд может отклонить заявление на основании п.п. 9 п. 4.5 Приказа в связи с тем, что электронная подпись не соответствует виду, установленному Порядком подачи документов, а также если усиленная квалифицированная электронная подпись не прошла проверку: на момент подписания документа срок действия сертификата электронной подписи истек, электронная подпись не соответствует документу, документ был изменен после подписания его электронной подписью. Сведения о результатах проверки усиленной квалифицированной электронной подписи электронного документа приобщаются к делу.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» уточняется, что квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи не должен иметь ограничений для обращения в суд. В настоящее время существуют удостоверяющие центры, подготовляющие электронные подписи для обращения в суд через ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр». Кроме того, в указанном Постановлении предъявляется дополнительное требование к доверенности: если обращение в суд подписано усиленной квалифицированной электронной подписью, то доверенность также должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью представляемого лица и (или) нотариуса. При этом Гражданский процессуальный кодекс РФ прямо не возлагает на судью обязанность по проверке усиленной квалифицированной электронной подписи при принятии обращения. Эти действия совершает работник, принимающий электронное заявление. К сожалению, подача документов в электронном виде не влечет за собой «электронный» процессуальный отклик судьи. Определения о принятии искового заявления, отказе в принятии искового заявления, об оставлении его без движения или возвращении традиционно оформляются на бумажном носителе и направляются истцу по почте. При необходимости исправления искового заявления этот способ влечет значительные временные потери за счет почтового пробега и представления в суд исправленного иска

или дополнительных документов. Оперативное получение истцом (заявителем) судебных актов в режиме ограниченного доступа и создание электронного сервиса для устранения недостатков искового заявления оптимизировали бы этот процесс.

После принятия заявления к производству суд совершает целый ряд «электронных» действий, вытекающих из предписаний ведомственных актов прямо, но не зафиксированных в законе. Одним из них является полномочие суда по извещению лиц, участвующих в деле, по электронной почте при использовании презумпции согласия субъекта на данный способ извещения, выраженного посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд. Само по себе применение такого способа извещения без получения прямого волеизъявления адресата по аналогии с получением расписки на СМС-извещение достаточно сомнительно, поскольку не гарантирует прочтения текста извещения. Удивляет срок получения судебной корреспонденции адресатом в рамках данной презумпции – извещение считается полученным в день направления по электронной почте. Отметим, что, во-первых, такой презумпции законодательно не существует, а во-вторых, указание электронной почты в тексте заявления никаким образом не свидетельствует о поступлении и прочтении информации, направленной судом. Причины могут быть самыми различными – от попадания письма в папку «Спам» до неправильно указанного адреса электронной почты. Тем не менее направление судом повесток по электронной почте претендует на эффективный способ судебного извещения при условии соблюдения гарантий достоверного уведомления.

В настоящее время в судах общей юрисдикции затруднен доступ к материалам гражданских дел в электронном виде. В тексте Гражданского процессуального кодекса РФ не фигурирует оборот «электронное дело», хотя если предположить, что опция «доступ к делу», имеющаяся в ГАС «Правосудие», станет активной, то материалы гражданского дела должны быть опубликованы в виде электронных документов или электронных образов документов. Обеспечение реализации данного права участников процесса обусловлено перспективным переходом от бумажного сканирования к формированию дел, состоящих из электронных документов, с учетом обеспечения нормативной базой соответствующих полномочий суда.

Значительная группа «электронных» полномочий появляется у суда в связи с приобщением к делу «электронных» доказательств, которые не имеют статуса самостоятельного средства доказывания. По логике закона полномочия судьи должны сводиться к исследованию распечатанного документа, будь то электронная переписка, скриншот сайта или электронный договор. Однако п. 22 Постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 разрешает судье провести осмотр страниц сайтов в сети Интернет, если к обращению в качестве доказательств обоснованности заявленных требований приложены распечатанные копии страниц сайта. По сути, суду предоставляется полномочие по исследованию электронного доказательства. Необходимо учитывать, что электронные доказательства не ограничиваются текстовыми записями. Исследование нетекстовых электронных доказательств сопряжено с дополнительными техническими трудностями. Например, доступ к онлайн-ресурсу может осуществляться через пароль либо с помощью технического специалиста. Широкое распространение получает представление в суд в качестве доказательства пространственно-временной информации, полученной средствами глобальных навигационных систем (ГЛОНАСС, специализированных программ РЖД); систем видеофиксации; систем, основанных на принципе радиочастотной идентификации; систем фиксации фактов обращения и персонализации, систем мобильной связи. Большие объемы данных сложно воспроизводятся на бумаге стандартного формата, в связи с чем исследование их по правилам письменных доказательств не представляется возможным. Такое положение свидетельствует об острой необходимости расширения полномочий суда в сфере доказывания в тех случаях, когда используются электронные доказательства. Вносит свои коррективы в реализацию полномочий суда по исследованию доказательств и проведение судебных заседаний в формате видео-конференц-связи. Данный режим предоставляет право удаленного участия в рассмотрении гражданского дела, однако процесс представления и исследования доказательств весьма ограничен. По общему правилу, необходимые документы направляются в суд, рассматривающий дело, через портал ГАС «Правосудие», а подлинники или заверенные копии – Почтой России или курьерской почтой. Такой способ не всегда удобен из-за большого объема представляемых документов и временных затрат на доставку отправления. Судьи «изобрели» двухсторонний способ исследования доказательств, предъявляемых во время видео-конференции: судья, присутствующий в зале суда, обеспечивающего видео-конференц-связь, принимает от лица, участвующего в деле, документы, сканирует их и направляет по внутренней электронной почте на электронную почту суда, рассматривающего дело, тем самым обеспечивая достоверность доказательства при исследовании его оригинала. Такой способ представления и исследования доказательств законом не урегулирован и заставляет задуматься об участии в процессе доказывания судьей обоих судов.

§ 5 Проблемы направления судебных поручений в России и за рубежом в свете развития цифровых технологий²⁹⁸

В связи с настоящим стремительным развитием электронного правосудия в стране и в мире перед органами правосудия и государством в целом стоит задача по принятию оперативных мер для полного перехода на автоматизированные системы с целью улучшения взаимодействия между судебными органами и внутри них, повышения результативности и эффективности, прозрачности. Чтобы в конечном итоге прийти к электронному правосудию, необходимо продумать работу многочисленных элементов в едином полностью автоматизированном механизме.

Одним из таких элементов является институт судебных поручений. Выработывая наиболее совершенные подходы в использовании тех или иных институтов в рамках применения информационных технологий в российском судопроизводстве, необходимо изучить опыт иностранных государств и международный опыт.

Согласно ст. 62 ГПК РФ суд, рассматривающий дело, при необходимости получения доказательств, находящихся в другом городе или районе, поручает соответствующему суду произвести определенные процессуальные действия. Согласно ст. 73 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия.

Выполнение поручений иностранных учреждений юстиции образует основу понятия «правовая помощь».

В процессуальной теории определение понятия «правовая помощь» никогда не было предметом острых дискуссий и, как правило, означает содействие, оказываемое судами и другими учреждениями юстиции одного государства судам и иным учреждениям других государств в связи с рассмотрением гражданских и уголовных дел²⁹⁹.

Таким образом, суды РФ могут обращаться к иностранным судам с поручениями о выполнении отдельных процессуальных действий (допросе свидетелей, вручении судебных повесток и т.д.) и, в свою очередь, исполняют поручения иностранных судов. ГПК РФ и АПК РФ не

298 Данный параграф выполнен И.В. Воронцовой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

299 Процессуальное право. Энциклопедический словарь / Под ред. Т.Е. Абовой, П.А. Лупинской, Т.Г. Морщаковой, Н.Г. Салищевой, М.С. Шакарян. М., 2003. С. 373.

связывает исполнение таких поручений по гражданским делам только с наличием у РФ международного договора на этот счет с соответствующим государством, т.к. поручения в РФ могут быть исполнены и при отсутствии договора. В Российской Федерации имеется Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам», согласно которому при поступлении в суд иностранного судебного поручения от государства, не связанного с Российской Федерацией соответствующими обязательствами по международному договору, поручение следует исполнить, кроме случаев, указанных в пункте 2 статьи 407 ГПК РФ, где к исключениям относится отказ суда в исполнении, если исполнение поручений может нанести ущерб суверенитету РФ или угрожает безопасности РФ, а также в случае, если исполнение поручения не входит в компетенцию суда. Пункт 2 статьи 256 АПК РФ к основаниям для отказа также относит случай неустановления подлинности документа, содержащего поручение о выполнении отдельных процессуальных действий. В других случаях отказ в оказании правовой помощи рассматривается как нарушение начал международной вежливости.

В договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, под правовой помощью, как правило, понимается выполнение процессуальных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны. В частности, это допрос сторон, свидетелей, экспертов, проведение экспертиз, судебный осмотр, передача вещественных доказательств, признание и исполнение судебных решений по гражданским делам, вручение и пересылка документов и т.д. В связи с развитием электронных процедур необходимость в судебных поручениях отмечается и в случае требования судьи о представлении оригинала документа направленного в суд в электронном виде, если участник процесса использует свое право на участие в судебном заседании с помощью средств видео-конференц-связи. В такой ситуации совершенно оправданной представляется возможность использовать институт судебных поручений: поручить суду, осуществляющему организацию видео=конференц-связи, сравнить представленный лицом оригинал документа и его копию в электронном виде³⁰⁰.

В области международного правового регулирования судебных извещений и судебных поручений особую значимость представляют Гааг-

300 Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

ская конвенция о вручении судебных документов 1965 года и Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам в 1970 года. Однако даты их принятия свидетельствуют о невозможности прогнозирования в то время мощного развития цифровых технологий, которые наблюдаются нами в настоящее время.

В мировой практике выделяют прямой и опосредованный вид процедур обращения к иностранным государствам за правовой помощью. Опосредованный вид подразумевает, что судебные поручения через центральные органы юстиции, дипломатических, консульских или уполномоченных представителей. Прямой способ передачи судебных поручений предполагает направление судебного поручения судебным органом одного государства непосредственно в судебный орган другого государства. Он оценивается как наиболее современный и мобильный, допускающий использование, в том числе электронных средств связи. Однако в настоящее время непосредственное сношение предусмотрено только ст. 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, согласно которой при оказании правовой помощи компетентные суды и другие органы государств – участников Содружества Независимых Государств сносятся друг с другом непосредственно. Иные международные договоры с участием РФ судебной практике неизвестны.

Комментируя положения Конвенции, Р.М. Ходыкин отмечает, что специальная комиссия рекомендовала принимать запросы о правовой помощи, полученные посредством современных средств связи, например, по электронной почте. Он также отмечает, что многие центральные органы и суды иностранных государств уже начали принимать судебные документы из-за границы, поступившие посредством электронной почты, поэтому в целях ускорения получения доказательства из-за границы можно рекомендовать судебным органам направлять копию судебного поручения по электронной почте с одновременным направлением оригинала по почте или посредством курьерской службы³⁰¹.

Однако правовое регулирование с той поры остается неизменным. Так, в п. 6.7 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» от 29.04.2003 № 36 в ред. от 21.10.2019 содержится только положение о направлении судебных поручений через территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации.

Следует полностью поддержать критическое отношение к сложившейся ситуации К.А. Брановицкого, который отмечает, что трудно по-

301 Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 1.

верить, но в XXI в., эпохе технологического прогресса и искусственного интеллекта, в международном гражданском процессе извещение «по умолчанию» через центральные органы может в зависимости от государства занимать от месяца до полугода³⁰².

Действительно, сегодня назрела крайняя необходимость для совершенствования порядка сношений на межгосударственном уровне и соответствующей подготовки более оптимального способа направления судебных поручений в другие государства (например, с помощью средств электронной связи).

Опыт иностранных государств показывает, что для оповещения судом участников процесса, обмена иной информацией и организации системы электронного документооборота используются следующие технические средства:

- электронная почта;
- информационные ресурсы и электронные системы судов, в том числе ресурсы и электронные сервисы, доступ к которым осуществляется с помощью сети Интернет;
- служба смс-сообщений³⁰³.

Так, еще начиная с марта 2005 года в Окружном суде США Восточного округа штата Луизиана действует система извещений по электронной почте. Зарегистрировавшись в системе CM/ЕCF, пользователь тем самым выражает согласие на получение извещений и процессуальных документов по электронной почте. В электронной форме он указывает основной и дополнительный адрес электронной почты, и в дальнейшем информация будет направлять по всем указанным им адресам.

В Италии каждый судебный район вправе запустить электронную систему гражданского судопроизводства и оповещения участников процесса, но только в качестве дополнения к традиционному судопроизводству. Это свидетельствует о том, что стороны сами могут выбирать между электронной или «бумажной» процедурой. Но, выбрав электронное гражданское судопроизводство, участники тем самым соглашаются на получение уведомлений и процессуальных документов исключительно в электронном виде, как это сделано в США. Аналогичным образом электронная коммуникация между судом и участниками процесса не является обязательной в Германии. Данная форма выступает лишь дополнением к традиционному порядку судопроизводства.

В то же время в Финляндии, поскольку повестка необязательно должна быть подписана и в большинстве случаев не требуется отпра-

302 Брановицкий К.А. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 41.

303 Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017. С. 87.

лять оригинал заявлений, суд может направить извещение по электронной почте, так как отправка файлов давно уже автоматизирована и в системе SANTRA, и в системе TOOMAS. В Южной Корее также сохраняются элементы бумажного документооборота, однако повестки гражданам страны могут быть направлены и при помощи СМС. А в английском гражданском процессе, если сторона сообщает адрес электронной почты или номер факса, считается презумпцией, что она будет надлежащим образом уведомлена посредством данных технических средств.

В России есть разные примеры использования технических средств. Так, в российском судопроизводстве система извещений регламентирована в отношении СМС-уведомлений. Порядок извещения участников судопроизводства данным способом отражен в Регламенте организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений, утвержденном Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 25.12.2013 № 257. Однако отправка судебного извещения по почте, пусть и по всем правилам, не гарантирует, что оно будет получено, и иногда может лишить возможности принять участие в разбирательстве. Проблема СМС-уведомлений заключается в том, что суд не получает сведений, что извещение действительно получено и именно адресатом³⁰⁴.

Кроме того, электронные способы уведомления также применяются. Так, согласно ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные органы и организации могут извещаться судами лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда, если они были извещены надлежащим образом о времени и месте первого судебного заседания. Согласно ч. 6 ст. 121 АПК РФ лица, участвующие в деле, после получения определения о принятии искового заявления или заявления к производству и возбуждении производства по делу, а лица, вступившие в дело или привлеченные к участию в деле позднее, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи.

Практический интерес представляет способ извещений, регламентированный Постановлением Правительства РФ от 29.06.2016 № 606 в редакции от 20.11.2018 «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-испол-

нителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб». В данном постановлении установлено, что извещение считается доставленным с момента, когда лицо, участвующее в исполнительном производстве, входило в личный кабинет с использованием единой системы идентификации и аутентификации. Уведомление о факте доставки передается в Федеральную службу судебных приставов для принятия судебным приставом-исполнителем решений по исполнительному производству. Данный способ извещения представляется наиболее оптимальным, так как прохождение идентификации позволяет с большей степенью достоверности убедиться в получении соответствующей информации, адресованной конкретному лицу. Таким образом, наиболее совершенной на сегодняшний день технической возможностью для оповещения судом участников процесса, обмена иной информацией и организации системы электронного документооборота являются информационные ресурсы и электронные системы судов, в том числе ресурсы и электронные сервисы, доступ к которым осуществляется с помощью сети Интернет.

Представленное позволяет увидеть, что правовое регулирование судебных извещений хаотично как на межгосударственном уровне, так и в отдельно взятых странах. Однако если в отдельно взятых странах порядок направления судебных поручений все же совершенствуется, то на межгосударственном уровне этот процесс оставляет желать лучшего. Сложившаяся ситуация в современном мире заставляет обратить пристальное внимание на эту проблему, так как извещение участников процесса о судебном разбирательстве является одним из критериев доступности правосудия.

Так, обращает на себя внимание распоряжение Калифорнийского судебного совета, которым было утверждено временное чрезвычайное правило № 12, согласно которому адвокаты должны в электронном виде отправлять и получать уведомления и документы по всем гражданским искам. Правило будет оставаться в силе в течение 90 дней после того, как губернатор объявит об отмене чрезвычайного положения, связанного с пандемией COVID-19, или после внесения изменений или отмены советом. Адвокаты сообщают, что во время случившейся пандемии некоторые стороны отказываются соглашаться на электронный обмен документами и настаивают на обычных почтовых направлениях. Новое временное правило делает его обязательным для представляемых сторон, но только добровольным для самостоятельно представленных тяжущихся сторон. Данным распоряжением установлены и исключения

³⁰⁴ Шарапова Д.В. Электронная коммуникация между судом и адвокатом: проблемы и перспективы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 53.

из общего временного правила³⁰⁵.

Последнее время можно наблюдать стремительное развитие электронного правосудия. Так, появилось множество элементов электронного правосудия, удобных опций и возможностей. Постепенный переход на электронное правосудие влияет на все гражданское судопроизводство, его стадии и виды. Несмотря на то, что на пути становления электронного правосудия в Российской Федерации очень многое уже сделано, предстоит сделать еще очень много.

§ 6 Цифровизация как способ оптимизации регулирования правовых отношений в гражданском процессе на период пандемии

В условиях происходящих в мире глобальных процессов турбулентности очевидно, что цивилизационные вызовы и возникший кризис в обществе приведут к неизбежным переменам в жизни практически всех государств. Современные вызовы позволяют признать наступление нового цивилизационного этапа, который требует переосмысления многих правовых вопросов, включая развитие системы информационного права, активного внедрения «цифры» как формы объективизации, бытия информации. Перед юридической научной общественностью ставятся вопросы о том, как соотносится в сегодняшнем информационном пространстве информационное право и цифровое, что такое «цифра» не только с технической точки зрения, но и с правовой.

В начале 2020 года мировое сообщество столкнулось с беспрецедентным по масштабам и последствиям событием: распространением нового коронавируса (COVID-19), признанного пандемией и повлекшего серьезные угрозы жизни и здоровью граждан по всему миру. Наряду с социальными последствиями, распространение COVID-19 стало триггером к падению фондовых рынков и замедлению важнейших экономических процессов, обернувшихся для многих предприятий банкротствами³⁰⁶. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности изучения процессов интеграции информационных технологий в отечественное гражданско-процессуальное право для совершенствования отношений, связанных с защитой прав участников предпринимательской деятельности.

Спад деловой активности в условиях пандемии имеет ряд специфи-

305 California Rules of Court, Rule 2.251. Electronic service (Revised September 1, 2020). URL: https://www.courts.ca.gov/cms/rules/index.cfm?title=two&linkid=rule2_251.

306 Цветков В.А., Дудин М.Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 4 (174). С. 334–344.

ческих признаков. В качестве наиболее существенных из них следует выделить: всеобъемлющий характер; стремительное глобальное распространение инфекции; длительное воздействие в отсутствие эффективных медицинских средств; перегруженность организаций здравоохранения; стойкую утрату трудоспособности населения, приводящую к дефициту рабочей силы; необходимость в межотраслевом и международном взаимодействии для эффективной борьбы с пандемией³⁰⁷.

Цифровизация, как главный тренд государственного, социального и экономического развития 21 века, с распространением пандемии, позволила выявить ряд существенных проблем в сфере гражданского процесса, связанных с необходимостью соблюдения сроков, качественного уровня правосудия, эффективностью исполнительного производства, недостаточного уровня правосознания граждан. Существующая в настоящее время судебная система продемонстрировала свою негибкость и неспособность адаптироваться к условиям вынужденной самоизоляции граждан.

Анализ принятых в последнее десятилетие нормативных актов, регламентирующих вопросы интеграции цифровых технологий в гражданское судопроизводство, позволил выявить ряд проблем, препятствующих оптимизации регулирования правовых отношений в период осложнения эпидемиологической обстановки.

Первая проблема связана с тем, что в подавляющем большинстве российских судов используются явно устаревшие и несовместимые технологии. Так, с 1 января 2017 года суды общей юрисдикции, помимо исков в бумажном виде, могут принимать иски, поданные в электронном виде. Однако в системе «Электронное правосудие» отсутствует механизм внутреннего документооборота между различными судами. По этой причине при использовании некоторых автоматизированных систем на практике приходится дублировать стандартные процедуры обмена документами, осложняя при этом производство по гражданским делам³⁰⁸.

Основные тенденции цифровизации общества и бизнеса сводятся к созданию правовой основы, регламентирующей использование технологии блокчейн, искусственного интеллекта, распределения баз данных, big data и др. Однако, по нашему мнению, применительно к сфере гражданского судопроизводства необходимо относиться с осто-

307 Клышева Д.А., Зелененко А.И., Гаерфанов И.Ф., Маркина Ю.В. Влияние COVID-19 на мировую экономику // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2020. С. 56–59.

308 Аносов А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 142–147.

рожностью к вопросу внедрения вышеуказанных технологий. Если использование искусственного интеллекта показывает весьма успешные результаты в юридической сфере, от систем ведения протоколов судебных заседаний до юридических консультантов-ботов³⁰⁹, то интеграцию технологий блокчейн и облачных сервисов хранения информации легко поставить под сомнение. Помимо безусловных преимуществ указанных технологий, способных повысить прозрачность судебной системы и ускорить отправление правосудия, существует и ряд недостатков. В условиях пандемии существующая инфраструктура информационно-телекоммуникационных сетей показала, что не готова к работе в условиях повышенных пропускных способностей, а действующее законодательство – неготовность воспринимать новые технологии в рамках производства по гражданским делам.

Вторая проблема связана с возможными сбоями в компьютерах и информационно-телекоммуникационных сетях, приводящих к массовой утечке информации. Так, обязательность аудиопроколирования судебных заседаний с 1 сентября 2019 года привела к формированию огромного массива информации, а существующая материально-техническая база судов не всегда позволяет осуществлять качественное хранение и обеспечить доступ к ней³¹⁰. Вопрос защиты информации в гражданском судопроизводстве является одним из наиболее актуальных в текущей ситуации. Например, доступ к отдельным заседаниям в режиме онлайн неограничен по числу лиц, что может привести к утечке конфиденциальной информации. Отдельного внимания заслуживает вопрос создания зашифрованных каналов связи для проведения закрытых судебных заседаний.

Третья проблема связана с недостаточным уровнем специальных знаний в области информационных технологий у работников судебного корпуса. Полноценное использование средств электронного правосудия и последних достижений в области цифровых технологий требует знания большого количества специальных терминов, не охватываемых программами высшего образования. Такое положение дел на практике может привести к затруднению цифровизации судебной системы, поскольку судьи, их помощники и секретари – представители гуманитарных профессий.

Подводя итог настоящего исследования, отметим, что даже краткий анализ вопроса трансформации отечественного гражданско-процессу-

309 Степанов Д.В. Право и роботизация // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 113–118.

310 Стразина Т.С. Аудиопроколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 158–161.

ального права под условия ограниченного взаимодействия населения в реальном мире позволил выявить нам ряд проблем и предложить научно обоснованные варианты их разрешения. Во-первых, представляется необходимым отказ от применения явно устаревших информационных технологий при обмене документами, так как их использование затрудняет процесс обновления и совместимости средств цифровизации. Тем не менее следует с осторожностью подходить к процессу интеграции новых технологий, не нарушая при этом принципы судопроизводства и права его участников. Во-вторых, важна разработка нормативных основ, регламентирующих процессы интеграции и использования новых цифровых технологий, права и обязанности субъектов их использования, процессы оцифровки и хранения документов в электронной. В-третьих, по нашему мнению, необходимы разработка и включение в программы профессионального образования и переподготовки юристов специальных дисциплин «Информационные технологии в гражданском судопроизводстве». Особое внимание следует уделить вопросу технического оснащения судебной системы, включая эффективные системы защиты информации и организацию обобщенных хранилищ информации.

§ 7 Правовое регулирование удаленной работы в условиях цифровизации

Одними из наиболее распространенных отношений в современном мире являются трудовые отношения. Последние изменения в мире объективно стали новой, прекрасной базой для появления, внедрения и развития новой формы работы, которая внезапно ворвалась в реальность и начала ее менять – дистанционная и удаленная работы. По данным Минтруда России, в период эпидемии коронавирусной инфекции почти 11% работающих граждан трудились удаленно. В настоящее время продолжают работать удаленно 9,5% трудоустроенных граждан. По прогнозам Минтруда России, до 5% трудящихся продолжают работать удаленно. Наиболее востребованным удаленный режим работы стал в городах, где наблюдался значительный масштаб распространения коронавирусной инфекции. Например, в Москве и Санкт-Петербурге на удаленный формат работы перешли 29% работников³¹¹.

Новый вид занятости переводит отношения работника и работодателя на новый уровень:

311 Гусева Л. Поправки в Трудовой кодекс РФ о дистанционной работе устранят правовые пробелы, проявившиеся в период пандемии. URL: <https://dep22.duma.mos.ru/news/20948> (дата обращения: 05.09.2020).

утрачивается необходимость обеспечения рабочим местом, оргтехники, сопутствующими товарами, необходимыми для осуществления трудовых функций (начиная от канцелярских принадлежностей заканчивая бытовой химией).

Временная дистанционная занятость подразумевает возможность работать «вне стационарного рабочего места, находящегося под контролем работодателя». Необходимо отметить, что в этом есть несомненный плюс того, что теперь работник может стать не заложником системы, а развивать свое внутреннее понимание и ведение его работы, максимально эффективно планируя свое время и распределяя свой потенциал, что, возможно, будет влиять на личностный рост человека в целом. Но, так или иначе, за рабочее место, пусть в новом пространственном виде, ответственность несет работодатель. В юридическом смысле рабочее место – место занятости у работодателя – связано со всеми рабочими зонами, в которых в связи с работой должен находиться или куда должен прибыть работник³¹². Рабочее место в юридическом смысле не обязательно связано с рабочим местом в физическом смысле, контролируемом работодателем, и может быть связано с иным местонахождением, контролируемом иным субъектом права, например, при аутсорсинге или работе за пределами территории работодателя (в командировке, иных случаях)³¹³.

Такая детальность в понимании термина «рабочее место» нужна для решения юридических вопросов в условиях рыночной экономики, поскольку даже в ситуациях, когда работодатель фактически не управляет реальными условиями труда работника, его юридическая ответственность за причиненный во время этого труда вред работнику остается.

Исходя из рассмотренного понимания термина «рабочее место», прямой контроль предполагает наличие у работодателя прав по распоряжению, пользованию и владению помещением, объектами, территорией, а также необходимыми для работы оборудованием и инструментами;

основная часть общения работника и работодателя происходит без личного присутствия. Для выполнения определенной трудовым договором трудовой функции, осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, используются информационно-телекоммуникационные сети общего

312 Свистунова Н. Дистанционные работники: беседа с экспертами. URL: <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=13283> (дата обращения: 05.09.2020).

313 Агешкина Н. Дистанционная работа: понятие и особенности регулирования. URL: <https://www.tls-cons.ru/services/pravovoy-konsalting/stati-nashikh-yuristov/distsionnaya-rabota-ponyatie-i-osobennosti-regulirovaniya/> (дата обращения: 05.09.2020).

пользования, в том числе сеть Интернет.

Подобный процесс обмена информацией урегулирован Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». В большинстве случаев взаимодействие между дистанционным работником и работодателем осуществляется путем обмена электронными документами, при этом могут быть использованы усиленные квалифицированные электронные подписи (см. ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ), также необходимо предусмотреть введение верификации сообщений;

суть трудовых отношений фактически не меняется, возможно лишь заключение дополнительного соглашения для перевода на удаленную работу, вопросы материального обеспечения остаются на урегулировании работника и работодателя. Можно рассчитывать на равноценную оплату труда, если объем работ не уменьшен;

электронный документооборот становится характерным не только для отчетности за проделанную работу, но и для заключения трудового договора о дистанционной работе и соглашения об изменении условий договора путем обмена электронными документами. Стоит заметить, что электронный кадровый документооборот уже внедрен, но не всеми поддерживается.

Отягощают электронный обмен документы и тот факт, что для доказательств в суде этого зачастую недостаточно или это вообще не учитывается судом. Это наталкивает на острую необходимость создания специальных правовых норм для электронных документов, изменения политики Кодексов РФ, судов и органов государственной власти.

Для работодателя, помимо организации работника (рабочей техникой), необходимо предусмотреть четкий план обмена отчетами-заданиями, составления специального реестра, базы обмена информацией в различных форматах ЭВМ.

Должно быть предусмотрено резервное копирование документов, их интеграция и защита – на данном этапе не исключена необходимость привлечения специальных программистов более высокого уровня, что в свою очередь влечет возникновение на рынке спроса на специалистов технического обеспечения и необходимость создания специальных, защищенных от взлома программ.

В учетной политике компании необходимо прописать возможность использования электронных документов, в частности пункт о том, что первичные документы могут составляться в электронном виде и подписываться электронной подписью. Также рекомендуется включить пункт о передаче электронных документов через ЭДО в шаблоны имеющихся в компании договоров.

§ 8 Гражданский оборот: понятие и проблемы в условиях цифровой экономики

Необходимо предусмотреть маршрут документооборота, его цикл работы должен быть грамотно составлен и корректно отображаться в различных системах ЭВМ, не усложняя и не меняя вид электронного документа³¹⁴.

Главное преимущество электронного документооборота через специализированную сеть – легкий доступ сотрудников к документам, который не ограничен жесткой памятью только одного стационарного компьютера. Если работник трудится на ПК, риск утери важных файлов велик, в этом случае единая внутренняя сеть обмена играет важную роль.

Также необходимо учитывать класс систем, связанных с мониторингом работы сотрудников. Мониторинг помогает увидеть, кто и сколько отправляет писем или сообщений, как долго человек работает от первого до последнего входа, как много человек тратит времени для ответа на конкретное письмо, есть ли у него конфликты. На основании этой статистики можно принимать дальнейшие решения о том, эффективно ли работает данный сотрудник.

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что совершенствование ЭДО способно оказать положительное влияние не только на работников, но и на работодателей. ЭДО позволяет работодателю избавиться от лишней работы, связанной с обработкой значительного массива документов. Кроме того, упрощается процесс оформления и снижаются издержки на приобретение, ведение и хранение бумажных документов.

Новые возможности перевода документооборота в цифровой формат поспособствуют упрощению работы в целом, но для стабильности данного необходимо совершенствование системы законодательства в области кадрового электронного документооборота. Некоторые изменения уже наблюдаются: так, Федеральным законом от 16.12.2019 № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» были введены трудовые книжки в электронном виде. А Федеральный закон от 24.04.2020 № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» ввел эксперимент по использованию в электронном виде без дублирования на бумажном носителе документов, связанных с работой.

Гражданское право является одной из ведущих отраслей, обеспечивающих гражданский оборот, среди тенденций развития которого в последнее время все большее внимание привлекает цифровизация.

Определимся с подходами к понятийному аппарату.

Понятие «гражданский оборот» не получило однозначного определения ни в правовых актах, ни в доктрине.

Термин «оборот» используется в п. 1 ст. 2, ч. 1 п. 2 ст. 15, п. 4 ст. 49, ч. III п. 2 ст. 51, ч. II п. 1 ст. 53.1 ГК РФ и др., «гражданский оборот» – в постановлении Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Складной, Р.М. Складной и В.М. Ширяева»³¹⁵, определении Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 г. № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества «Викон» и гражданки Лоховой Алевтины Павловны на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации»³¹⁶, определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.12.2009 г. № ВАС-13944/09 по делу № А56-31225/2008³¹⁷ и др.

Наиболее плодотворны, на взгляд автора, определения гражданского оборота, оборота, обращения в ст. 1 Модельного закона о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах от 16.11.2006 г.318, в ст. 1 Модельного закона о противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств от 04.12.2004 г.319, в подп. 12 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³²⁰, в подп. 4.1) п. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»³²¹, в ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³²², в ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»³²³, в ГОСТе Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. «Торговля. Термины

315 Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

316 Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

317 По: СПС «КонсультантПлюс».

318 Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. 1). С. 116–194.

319 Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2005. № 35 (ч. 1). С. 162–183.

320 СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48 (с изм.).

321 СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252 (с изм.).

322 СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219 (с изм.).

323 СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681 (с изм.).

314 Архипова К. Как организовать удаленную работу сотрудников компании в период пандемии. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a110/1010156.html> (дата обращения: 05.09.2020).

и определения», утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 г. № 582-ст³²⁴, которые выходят на классическую формулу «П – Р – О – П» (производство – распределение – обмен – потребление).

В юридической литературе высказаны позиции о соотношении общественного, экономического и гражданского оборота³²⁵, о том, что гражданский оборот – это система правоотношений³²⁶, действий³²⁷, т.е. динамика отношений³²⁸.

Термин «цифровая экономика» (digital economy) (электронная, интернет-экономика) впервые был употреблен в 1995 г. американским ученым из Массачусетского университета Николасом Негропonte при разъяснении преимуществ новой экономики в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203, цифровая экономика определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных

324 По: СПС «КонсультантПлюс».

325 См.: Астахова М.А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4. С. 5; Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71; Он же. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 68-69; Гальперин С.И. Учебник русского торгового и вексельного права. Вып. 1: Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий. Екатеринбург, 1907; Долинская В.В. Проблемы гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 3-8; Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957. С. 10; Михайлова Н.С. Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации: Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2007. С. 3, 5 и др.; Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2002. С. 11; Цветков С.Б. О сущности и понятии гражданского оборота // Свобода. Право. Рынок. Вып. 5. Волгоград, 2007. С. 154.

326 См.: Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 54-55.

327 См.: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 67.

328 Разные варианты этих идей см.: Полуяхтов И.А. Указ. соч. С. 7; Ельникова Е.В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России: дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2006. С. 12, 25; Пасикова Т.А. Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения: дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2008. С. 8; Ражков Р.А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: Автореф. дис. ... к.ю.н. Иркутск, 2007. С. 8; Шаповалова Е.В. Гражданско-правовые формы оборота информации: дис. ... к.ю.н. М., 2008. С. 96.

видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»³²⁹.

Автор воспринимает цифровизацию как одно из средств хранения, поиска и передачи информации, т.е. информационную технологию³³⁰.

В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»³³¹ основной целью направления (одного из пяти), касающегося нормативного регулирования, является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики).

Регулированию подлежат отношения. В гражданском обороте, являющемся формой экономического и подвергающемся цифровизации, относительно четко выделяются отношения, объектом которых является информация, и отношения, где действия с информацией выступают как служебные по сравнению с основными³³².

Первая группа подпадает под действие ч. 4 ГК РФ: Раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

Вторая весьма разнообразна. Мы выделяем в ней: 1) информационные отношения по определению статуса субъекта (его идентификация) и реализации его прав; 2) отношения по квалификации объекта прав и учету этих прав на него; 3) информационное обеспечение деятельности – сделок, решений и т.п. (в частности, служебные информационные отношения в сфере договорного права и служебные информационные

329 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017; СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

330 См.: Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). Springer, 2019. P. 3-15. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030133962>.

331 URL: <http://government.ru/info/35568/>

332 Эта авторская идея (см., например: Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4; Она же. Информационно-правовое обеспечение гражданского (хозяйственного) оборота: Глава 5 // Стратегия современного социохозяйственного развития России: экономические и правовые аспекты: монография / под ред. В.В. Долинской, А.О. Иншаковой, В.В. Сорокожердьева. Краснодар, 2014; Она же. Информационное общество, информационные отношения и право // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 3) легла в основу и специальных исследований, например: Гринь Е.С., Королева А.Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 90-97.

отношения в сфере ответственности)³³³. Кроме того, выявлены проблемы в определении источников права при регулировании общественных отношений в условиях цифровой экономики.

При общем согласии с тем, что Интернет является только способом передачи и получения информации³³⁴, автор все же считает необходимым развитие и модернизацию источников права, регулирующих отношения в сфере цифровизации, виртуального пространства.

С одной стороны, порочна, на наш взгляд, практика подмены правовых актов техническими регламентами, регулирование общественных [выделено мной – В.Д.] отношений на основе алгоритмического кода (*lex informatica*), смарт-код контракта.

С другой стороны, принципы алгоритмизации могут быть использованы в качестве средства борьбы с дефектами права³³⁵. Кроме того, формируется *lex electronica*, пока воспринимаемые, в первую очередь, как правила, которые могут принимать форму обычаев, используемых в условиях заключаемых в киберпространстве договоров (например, Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1996 г. «Об электронной торговле»³³⁶).

Примечательно, что в потребительских отношениях понятие «законодательство» в отличие от ст. 5 ГК используется не в узком – гражданско-правовом (п. 2 ст. 3 ГК), а в широком смысле, и правовые обычаи, в т.ч. в электронной торговле, в интернет-пространстве, договоры и локальное правотворчество владельца агрегатора поставлены по юридической силе ниже не только федеральных законов, но и иных правовых актов: Правительство РФ с целью усиления правовых гарантий защиты прав потребителей, приобретающих товары в сети Интернет, вправе издавать для потребителя и продавца, в т.ч. владельца агрегатора, правила, обязательные при заключении и исполнении публичных договоров (договоров розничной купли-продажи, энергоснабжения, о выполнении работ и об оказании услуг (ч. 2 п. 2 ст. 1 Закона РФ «О за-

333 См. подробнее: Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте.

334 См. подробнее: Kablan S.A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculté de droit. Université Laval Québec. 2008. URL: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>.

335 О дефектах права см., например: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобр. решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. URL: <http://www.ksrf.ru/>

336 URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/05-89452_Ebook.pdf.

щите прав потребителей»)³³⁷.

Применительно к определению статуса субъекта новеллами являются, например: 1) создание системы унифицированного учета сведений о населении Российской Федерации, обеспечивающей их актуальность и достоверность³³⁸; 2) перевод книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг) в электронную форму³³⁹; 3) переход (с 01.01.2021 г.) к «реестровой модели» в сфере лицензирования отдельных видов деятельности – отказ от предоставления лицензий в бумажном виде в пользу электронного документооборота и ведения реестра лицензий в цифровом формате³⁴⁰; 4) закрепление правового статуса специального субъекта – оператора электронной площадки³⁴¹.

Первое так же, как в случае с Конвенцией о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28.01.1981 г.)³⁴² и Регламентом ЕС 2016/679 от 27.04.2016 г. «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС (Общие положения о защите данных)» (General Data Protection Regulation,

337 Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 144-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2020; СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2722.

338 Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 08.06.2020; СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3742.

339 Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 254 «Об утверждении Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг)». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.03.2017; СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1571 (с изм.).

340 Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2019; СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7796 (с изм.).

341 Постановление Правительства РФ от 08.06.2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.06.2018; СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3843 (с изм.).

342 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2013; СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 419 (для России вступил в силу с 01.09.2013 г.).

GDPR)³⁴³, связано с поиском баланса между обеспечением и защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, с одной стороны, и обеспечением устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры, с другой³⁴⁴ (п. 8 Доктрины информационной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646³⁴⁵).

И только последнее обусловлено спецификой работы в вирте.

Обзор норм права приводит к выводу, что специфика правового статуса участников гражданского оборота в условиях цифровизации сводится к повышению требований (например, более высокий размер уставного капитала), эксклюзивности видов их деятельности и цифровизации информации об этих субъектах.

Сложнее обстоит ситуация с объектами. Здесь выявлены две тенденции: 1) изменение правового режима классических объектов и 2) появление новых объектов прав.

Гражданский оборот ряда объектов требует подтверждения их существования и учета прав на них. Например, реестры Единого государственного реестра недвижимости, кадастровые карты и книги учета документов ведутся, а реестровые дела хранятся в электронной форме³⁴⁶. Что касается ценных бумаг, записи по лицевым счетам (иным счетам), записи в учетных регистрах, записи в регистрационном журнале, записи в системе учета документов – учетные записи должны содержаться и храниться в электронных базах данных³⁴⁷.

Новеллой ГК является включение с 01.10.2019 г. в число имущественных прав цифровых прав (ст.ст. 128, 141.1). К ее достоинствам отнесем попытки дать определение цифровых прав (ст. 141.1 ГК) и обозначить их правовой режим (в главах об объектах и сделках). Явными недостатками выступают: а) неопределенная правовая природа прав

343 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // *Официальный журнал Европейского Союза* – OJ. L 119. 04.05.2016. P. 1–88; URL: <https://base.garant.ru/71936226/>

344 См. подробнее: Долинская В.В. Защита прав в сфере персональных данных в России и ЕС // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. С. 22–29.

345 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016; СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

346 П. 3 ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2015; СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344 (с изм.).

347 П. 4.1 Положения Банка России от 27.12.2016 г. № 572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг». URL: <http://www.cbr.ru/>, 20.02.2017; *Вестник Банка России*. 2017. № 25.

(«обязательственные и иные права»); б) отсылочная норма («названные в таком качестве в законе... права»); в) обусловленность «содержания и условий осуществления» соответствием правилам информационной системы, т.е. содержания – способом фиксации; г) соответствие информационной системы установленным законом признакам (но закон³⁴⁸ содержит незначительный перечень обязательных требований к государственным и муниципальным информационным системам, в отношении иных информационных систем порядок создания и эксплуатации определяется операторами таких систем).

Примечательно, что в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³⁴⁹ упоминается только о правах в цифровой среде применительно к созданию общественной сетевой платформы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обеспечивающей развитие сервисов управления такими правами в цифровой среде (открытая общественная технологическая инфраструктура) и общественно-государственной организации, обеспечивающей функционирование указанной инфраструктуры.

Следующим этапом явилась легализация видов цифровых прав – выпуск, учет и обращение которых связаны исключительно с базами данных и алгоритмами – в качестве цифровых финансовых активов и еще дальше отстоящей от реальных объектов прав цифровой валюты³⁵⁰, а также утилитарных цифровых прав и цифровых свидетельств – неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг, не имеющих номинальной стоимости, удостоверяющих принадлежность их владельцу утилитарного цифрового права, причем последний может только требовать оказания определенных услуг, а распоряжаться им имеет возможность обязанное лицо – депозитарий, осуществляющий учет этого права³⁵¹.

Легализованная цифровая валюта демонстрирует то же свойство, что и такие результаты интеллектуальной деятельности, как виртуальные объекты и виртуальные миры – имитация свойств реальных объ-

348 Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448 (с изм.).

349 URL: <http://government.ru/info/35568/>

350 Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020; СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

351 Ст.ст. 8 и 9 Федерального закона от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.08.2019; СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (с изм.).

ектов и миров. В авторском видении реальности и/или в создании и использовании программ для ЭВМ можно обнаружить творческий элемент. Но это еще одна фикция в праве.

По разбросу в правовых актах близко к предыдущему вопросу информационное обеспечение деятельности.

Все большее число видов деятельности обязательным условием содержит раскрытие информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (например, ст. 3.1 Федерального закона от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»³⁵²).

Взаимодействию услугодателей и потребителей посвящен Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»³⁵³.

В 1994 г. юристом и криптографом Ником Сабо введено в научный оборот понятие «смарт-контракт» – компьютерный протокол, исполняющий условия контракта и преследующий цель разработать удовлетворительные условия договора (условия оплаты, залога, конфиденциальности, принудительного исполнения и т.п.), в т.ч. направленные на предотвращение нарушений, а также на разрешение необходимости наличия доверенных посредников³⁵⁴.

Сейчас в мире существует два основных подхода к определению смарт-контракта: юридический – когда термин «смарт-контракт» используется в отношении юридического контракта или его элементов, представленных и исполненных посредством программного обеспечения, и технический, в соответствии с которым смарт-контракт понимается как компьютерный код, разработанный для выполнения определенных операций в случае наступления заранее определенных событий.

В России определение смарт-контракта присутствует в Р. 6 Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.09.2018 г. № 2101-р: технологии самоисполняемых кодов выполнения обязательств («смарт»-контракты)³⁵⁵.

352 СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40 (с изм.).

353 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014; СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4210 (с изм.).

354 См.: Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.htm; Обзор современных определений см.: Зенин С.С., Кутейников Д.А., Ижаев О.А., Япрынцева И.М. Правотворчество в условиях алгоритмизации права // Lex russica. 2020. Т. 73. № 7. С. 97–104.

355 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2018; СЗ РФ. 2018. № 42 (ч. II). Ст. 6480.

С дополнением в 2019 г. ст. 309 ГК частью второй («Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки») стали говорить о легализации смарт-контрактов, хотя ни в ГК, ни в Федеральном законе от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сам термин не используется.

Наконец, обратим внимание на то, что Концепция развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга, утв. Распоряжением Правительства РФ от 21.02.2020 г. № 381-р³⁵⁶, различает электронные договоры и смарт-контракты.

Заключение последних также связывают с инвестиционными платформами³⁵⁷.

Даже такой краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что наряду с формированием нового понятийного аппарата мы наблюдаем несогласованность между правовыми актами, недостаточную проработку правовых и технических требований к гражданскому обороту в условиях цифровой экономики. К этому добавляется названный в п. 24 Доктрины информационной безопасности РФ такой негативный фактор, как недостаточный уровень развития отечественной отрасли информационных технологий. В связи с вышеизложенным эта проблематика требует более тщательной проработки на доктринальном и законодательном уровне.

§ 9 О возможных перспективах развития досудебного урегулирования и примирительных процедур в условиях осложнения эпидемиологической ситуации³⁵⁸

Реалии конца 2019 года – начала 2020 года, с которыми пришлось столкнуться мировому сообществу в связи с осложнением эпидемиологической ситуации, связанной с распространением коронавируса (2019-nCoV), потребовали от государства принятия ряда антикризис-

356 URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.03.2020; СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1357.

357 Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ.

358 Данный параграф выполнен А.Н. Ермаковым, И.Ю. Захарьящевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00509-ОГН РГНФ «Правовые механизмы и процедуры защиты экологических прав: национальный и международный аспекты».

ных мер в сфере труда, экономики и иных сферах. При этом в сложившихся условиях немаловажным виделось сохранение и обеспечение гарантий, установленных Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), одной из которых является право на защиту (ст. 45-46 Конституции РФ).

Напомним, что в целях недопущения завоза и распространения коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, а также снижения таких рисков, Верховным Судом Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) были установлены особые правила работы судов³⁵⁹. Новый формат деятельности органов судебной власти, вызвавший немало дискуссий, конечно, не следует рассматривать с точки зрения снятия с себя государством некоторых конституционных обязательств по обеспечению надлежащих форм защиты прав, но вместе с тем позволяет по-новому взглянуть на социальную значимость и объективную целесообразность развития ряда правовых институтов, в том числе досудебного урегулирования и примирительных процедур.

Право участников гражданско-правовых отношений на выбор альтернативных средств разрешения споров без обращения в суд основано на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 отмечено, что содействие развитию альтернативных средств разрешения споров – одна из задач судебной власти Российской Федерации, реализуемая на основании норм ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) в пределах, предусмотренных федеральным законом³⁶⁰.

В российской юридической практике альтернативное разрешение споров и примирительные процедуры нередко рассматриваются как схожие или даже синонимичные понятия, которые в ряде нормативных правовых актов получили в настоящее время законодательное закрепление. Для таких форм характерно также то, что урегулирование и разрешение споров осуществляется без привлечения соответствующих государственных органов и представляет собой единство прав и взаимных интересов сторон, достигаемое на основе соглашения между спо-

359 См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08 апреля 2020 г. № 821 «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (СJVID-19) (документ утратил силу).

360 См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

рящими сторонами и путем управления конфликтом юридически равными субъектами. Примирительным процедурам, в сравнении с судебным производством, свойственны большая оперативность, меньшая формализованность, упрощенный характер и конфиденциальность.

Под примирительными процедурами мы понимаем согласованную деятельность участников правового спора, осуществляемую совместно, а в некоторых случаях при участии третьих незаинтересованных лиц, и направленную на полное или частичное прекращение спора посредством достижения соглашения на взаимоприемлемых условиях.

Примирительные процедуры в том значении, в котором они упоминаются в нормах ГПК РФ и АПК РФ, могут применяться для урегулирования только тех споров, дела по которым возбуждены и приняты к производству судом. В связи с этим претензионный порядок и иные досудебные процедуры урегулирования споров, обязательные в силу закона или соглашения сторон, судебными процедурами признаны быть не могут. Такой вывод следует из необходимости понимания досудебного порядка как одного из условий обращения с иском в суд.

Количественный состав примирительных процедур разнообразен, поскольку в силу превалирования диспозитивных начал их правового регулирования стороны могут прибегнуть к любым способам урегулирования материального спора, как названных, так и не названных в законодательстве, используя только одну процедуру или комбинируя несколько из них. Перечень примирительных процедур, закрепленных в судебно-цивилистических кодексах, выглядит следующим образом (ст. 153.3 ГПК РФ, 138.2 АПК РФ): переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение. Указанный перечень, разумеется, является открытым. Важным является указание на то обстоятельство, что примирительные процедуры не должны противоречить федеральному закону.

Целью примирительных процедур является прекращение спора без дискреционного вмешательства органа правосудия. Это означает, что суд как основной субъект процессуальных правоотношений не может принимать участия в самой процедуре урегулирования правового конфликта. Однако суд, не будучи участником самой примирительной процедуры, играет важную роль в примирении сторон. Эта роль судов в настоящее время стала более четко выраженной в процессуальных законах, что проявляется в различных действиях судов (содействие мирному урегулированию спора на этапе подготовки и судебного разбирательства; организация судебного примирения и т.д.).

Размышляя о перспективах примирительных процедур в условиях осложнения эпидемиологической ситуации, можно констатировать, прежде всего, нивелирование их потенциала при рассмотрении и раз-

решении спора судом. К примеру, в связи с ограничениями в работе судов в апреле 2020 года вряд ли можно предположить, что деятельность суда по оказанию содействия в примирении выйдет за рамки формального упоминания в судебных определениях о праве сторон обратиться к посреднику, заключить мировое соглашение и пр. С учетом того, что в таких условиях суд нацелен на рассмотрение дел и материалов безотлагательного характера, совершение так называемых вспомогательных действий по оказанию содействия в примирении сторон технически и фактически затруднено. В этом аспекте, на наш взгляд, более предсказуемо, обоснованно и целесообразно акцентировать внимание на досудебном урегулировании гражданско-правовых споров.

Досудебное урегулирование правового спора направлено не только на его разрешение, но и на достижение компромисса между спорящими сторонами. В этом случае суть урегулирования споров о праве представляет собой самостоятельную форму правовой защиты, которая заключается в совместных действиях спорящих сторон по ликвидации возникшего конфликта³⁶¹. В такой ситуации разрешение конфликта обусловлено не полным отказом всех сторон, кроме одной, от стремления достичь своих целей и выиграть конфликт (например, при рассмотрении дела судом), а подразумевает более разнообразные решения – компромиссы (временные или постоянные), соглашения, достигнутые между оппонентами, фундаментальными началами которых выступают добровольность, самостоятельность, сотрудничество.

Используя досудебное урегулирование, субъекты-участники правового спора принимают непосредственное, активное участие в его устранении. То есть конфликт урегулируется добровольно в двустороннем (многостороннем) порядке силами самих участников, между которыми возникло спорное правоотношение.

В судебной практике под досудебным порядком урегулирования споров понимается закрепление в договоре или законе условий о направлении претензии или иного письменного уведомления одной из спорящих сторон другой стороне, а также установление сроков для ответа и других условий, позволяющих разрешить спор без обращения в судебные инстанции. Досудебный, в том числе претензионный, порядок разрешения споров служит целям добровольной реализации гражданско-правовых прав и обязанностей без обращения за защитой в суд, добровольного и самостоятельного урегулирования сторонами имеющихся спорных гражданско-правовых обязательств при наличии добросовестного поведения контрагентов. Совершение спорящими

сторонами обозначенных действий после нарушения (оспаривания) субъективных прав создает условия для урегулирования возникшей конфликтной ситуации еще на стадии формирования спора, то есть стороны могут ликвидировать зарождающийся спор, согласовав между собой все спорные моменты, вследствие чего не возникает необходимости в судебном разрешении данного спора³⁶². Действительно, сущность претензионного порядка урегулирования заключается в том, что в случае неисполнения установленных договором обязательств одной из сторон другая сторона направляет письменное требование (претензию) о своевременном исполнении взятых на себя обязательств по договору со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, обоснованием обстоятельств, на которых основаны требования и приложением доказательств, подтверждающих эти обстоятельства. Причем такое требование обязательно должно быть направлено до предъявления соответствующего иска в суд.

Следует также отметить, что в настоящее время досудебное урегулирование рассматривается не только как письменный процесс урегулирования разногласий с участием сторон спора (письменный процесс переговоров), но и как своеобразное «квазиправосудие» с участием третьего лица, уполномоченного на вынесение решения по спору. В данном случае речь идет о службе финансового уполномоченного, который учрежден в целях защиты прав граждан – потребителей финансовых услуг и осуществляет свою деятельность на основании Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Финансовый уполномоченный осуществляет досудебное урегулирование споров между финансовыми организациями и их клиентами – физическими лицами, позволяя избежать обращения в суд. До направления обращения финансовому уполномоченному потребитель обязан направить претензию в финансовую организацию. В случаях, предусмотренных законом, потребители финансовых услуг вправе заявлять требования к финансовой организации в судебном порядке только после обращения к финансовому уполномоченному.

Тем самым, досудебный порядок урегулирования правовых конфликтов (разновидностью которого выступает претензионный порядок) – это одна из форм защиты гражданских прав, которая заключается в попытке урегулирования спорных вопросов непосредственно между сторонами договора по исполнению обязательств до передачи дела в суд, и зачастую является необходимым условием доступности судебной защиты.

361 См. подробнее: Савельева Т.А. Правовые основы альтернативных форм гражданской юрисдикции: опыт и перспективы / Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: Сборник научных статей. Часть I. Саратов, 2000.

362 См., например: Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16 апреля 2018 г. по делу № А40-246851/17-35-2107; Решение Арбитражного суда Смоленской области от 14 декабря 2018 г. по делу № А62-5182/2018 и др.

Как указал Верховный Суд РФ, «претензионный порядок урегулирования спора в судебной практике рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы. Такой порядок урегулирования спора направлен на его оперативное разрешение и служит дополнительной гарантией защиты прав³⁶³». При этом не имеет значения, о каких видах споров и о каких судах идет речь, поскольку суть претензионного порядка и его гарантирующая защиту прав суть не меняются.

Действительно, наиболее известным и в большей степени императивно-урегулированным в российской практике является претензионный порядок урегулирования. Претензионный порядок урегулирования рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы, направлен на оперативное разрешение спора и служит дополнительной гарантией защиты прав³⁶⁴.

В настоящее время ч. 5 ст. 4 АПК РФ определяет следующие правила соблюдения досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров:

- споры о взыскании денежных средств по требованиям, возникшим из договоров, других сделок, вследствие неосновательного обогащения, могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию;
- иные споры, возникающие из гражданских правоотношений, передаются на разрешение арбитражного суда после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора только в том случае, если такой порядок установлен федеральным законом или договором.

При решении вопроса о необходимости соблюдения претензионного порядка в отдельных случаях следует учитывать материалы судебной практики. В частности, можно отметить следующие позиции судов за 2019 год, в которых отмечается, когда соблюдение претензионного порядка не требуется, например: при увеличении размера исковых требований (хотя следует отметить, что в данном случае практика неоднозначна, так как отдельные арбитражные суды указывают на необходимость соблюдения претензионного порядка, оставляя иск в

363 Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. (с изм. и доп.).

364 См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2015 г. № 306-ЭС15-1364 // Правовые позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процесса. Выпуск 1 (август 2014 г. – август 2018 г.) / сост. А.Е. Солохин, Д.Е. Дугинов. М.: М-Логос, 2018.

части без рассмотрения³⁶⁵); при взыскании внедоговорных убытков³⁶⁶; при взыскании ущерба в порядке суброгации по требованию страховой компании³⁶⁷.

И, наоборот, по отдельным спорам суды обращают внимание на необходимость соблюдения претензионного порядка: до подачи иска о понуждении к заключению договора³⁶⁸; до подачи иска о взыскании неосновательного обогащения³⁶⁹; при взыскании взносов на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома³⁷⁰.

ГПК РФ также предусматривает необходимость соблюдения претензионного порядка. Вместе с тем в новой редакции норм статей 131, 132 и 135 ГПК РФ законодатель отказался от договорного претензионного порядка урегулирования, предусмотрев, что выполнение досудебного порядка урегулирования спора является обязательным, если такой порядок установлен федеральным законом.

АПК РФ устанавливает общий срок, по истечении которого претензионный порядок считается соблюденным – 30 календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом или договором. В зависимости от категории спора обязательный порядок предъявления претензии, сроки ее рассмотрения, содержания и иные условия претензионного урегулирования регламентируются различными федеральными законами. Следует учитывать, что на практике применяются и иные нормативные правовые акты, регламентирующие претензионный порядок урегулирования. Обоснованность их применения определяется тем, что правила предъявления и рассмотрения претензий по отдельным категориям дел приняты во исполнение и в целях конкретизации соответствующих федеральных законов.

К примеру, в целях совершенствования и оптимизации договорной и претензионной работы в ОАО «РЖД» применяется Положение о договорной и претензионной работе, устанавливающее единый порядок

365 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2019 г. по делу № А40-54227/2019.

366 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04 декабря 2019 г. по делу № А40-174613/2019.

367 См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 апреля 2019 г. по делу № А40-74192/2018.

368 См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 мая 2019 г. по делу № А35-10380/2017.

369 См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 мая 2019 г. по делу № А56-135868/2018.

370 См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17 апреля 2019 г. по делу № А83-18930/2018.

ведения договорной и претензионной работы в ОАО «РЖД»³⁷¹. Также, к примеру, в данном юридическом лице действуют Методические указания, детально регламентирующие структуру процессов и детализацию подпроцессов, происходящих на каждой стадии договорной и претензионной работы³⁷².

Как видится, в условиях профилактики распространения коронавирусной инфекции (2019-nCoV) письменный процесс урегулирования разногласий, отвечающий всем канонам возможной самоизоляции, является наиболее оптимальным. Но вместе с тем правовая регламентация соблюдения претензионного порядка в настоящее время ограничена либо общими нормами ГПК РФ и АПК РФ, либо «точечными» формулировками соответствующих законов. И если по таким спорам лицо, предъявляющее претензию, может изучить алгоритм предъявления претензии, регламентированный в нормативно-правовых актах, то договорной претензионный порядок, как показывает практика, в большинстве случаев ограничивается стандартными фразами без четких формулировок соблюдения процедуры. Согласимся, что «не всякая документальная переписка может относиться к досудебному порядку урегулирования определенного спора³⁷³».

Именно поэтому, в целях доступности правовой помощи и правовой защиты, на наш взгляд, необходимо разработать и принять Правила применения претензионного порядка урегулирования гражданско-правовых споров, установленного договором. В содержательном контенте данных правил необходимо отразить форму составления претензии, способы подачи, содержание претензии, срок рассмотрения и другие вопросы. Такие правила могут применяться в случае, если стороны указали об этом в договоре. Претензионная оговорка в договоре может звучать следующим образом: «Стороны устанавливают и обязуются соблюдать обязательный досудебный (претензионный) порядок урегулирования всех споров и разногласий, вытекающих из договора или в связи с ним, в том числе касающиеся его исполнения,

---

371 См.: Положение о договорной и претензионной работе в ОАО «РЖД», утв. Приказом ОАО «РЖД» от 14 февраля 2020 г. № 18.

372 См.: Методические указания по ведению договорной и претензионной работы в ОАО «РЖД», утв. ОАО «РЖД» 31 марта 2016 г. № 261 (ред. от 11.11.2019).

373 См.: Бородин С.С., Новоселова А.А. Проблемы досудебного урегулирования споров, связанных с осуществлением отдельных видов неимущественных прав / Примириательные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции 26-27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 2 / под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катужковой / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Астерион, 2019. С. 33.

нарушения или действительности. Порядок соблюдения претензионного порядка определяется Правилами применения претензионного порядка урегулирования гражданско-правовых споров, установленного договором»³⁷⁴.

В контексте повышения эффективности примирения заслуживает внимания также идея активного внедрения элементов дистанционного взаимодействия сторон. К примеру, в ряде иностранных государств «онлайн медиация» уже прочно вошла в практику разрешения споров, позволяя экономить не только финансовые расходы, но и время участников спорных правоотношений. Что касается российского законодательства, то ни процессуальное законодательство, ни Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ни иные правовые акты не предусматривают так называемые «электронные виды примирительных процедур» или, вернее, соответствующие процедуры с использованием дистанционных интернет-технологий и иных технических средств связи, хотя в современных условиях актуальность данного направления становится очевидной. Поскольку участие государства в сфере медиации минимально, полагаем, что именно профессиональное сообщество медиаторов должно выступить с инициативой в разработке и внедрении электронной медиации.

Перспективным в этом ключе видится и развитие такой процедуры, как переговоры, которая позволяет не только разрешить все спорные вопросы в максимально быстрые и удобные для сторон сроки, но и варьировать формат взаимодействия сторон: от очной встречи до онлайн-конференции. Представляется, что в разработке и реализации этих направлений имеется заинтересованность как государства, так и самих субъектов гражданских правоотношений.

§ 10 Проблемы аутентификации и идентификации электронных доказательств на примере судопроизводственных правил зарубежных стран³⁷⁵

В цивилистическом процессе теория судебных доказательств яв-

---

374 Справедливости ради отметим, что в российской практике уже был подобный документ – Положение о претензионном порядке урегулирования споров, утвержденный Постановлением Верховного Совета РФ 24 июня 1992 г. № 3116-1 (утратил силу).

375 Данный параграф выполнен И.В. Воронцовой, М.Н. Зарубиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

ляется чуть ли не самой стабильной и устойчивой к всевозможным реформам и изменениям. Эволюция процесса доказывания в основе своей всегда сводилась к двум направлениям: следственному или состязательному началу судопроизводства. Соответственно, ключевым элементом в этой системе становится судебная активность при рассмотрении и разрешении гражданского или административного дела. Порядок и методы исследования доказательств зависят именно от того, какими полномочиями наделен суд, имеет ли он такую дискрецию, которая бы лишала стороны действовать по своему усмотрению.

В соответствии с ч. 3 ст. 67 ГПК РФ, ч. 3 ст. 84 КАС РФ, ч. 2 ст. 71 АПК РФ, ч. 1 ст. 88 УПК РФ суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Стадия оценки доказательств – это не финальная стадия доказывания, а регулярная, кропотливая работа суда и других участников процесса по поиску истины на протяжении всех этапов судебного процесса. Однако ответственность за неправильное и незаконное судебное постановление, вынесенное на дефектном доказательстве, лежит полностью на судебных органах, а не на ком-либо еще.

Сложность исследования доказательств, полученных в электронной форме, состоит, прежде всего, в определении их достоверности и допустимости по понятным причинам: потенциальная возможность изменить содержимое на электронном носителе; несвоевременное их обеспечение, а также отсутствие правового регулирования порядка обеспечения электронных доказательств нотариусом, не являющимся специалистом в IT-сфере; идентификация лица, подписавшего электронный документ; интеллектуальный подлог; потеря данных о месте и времени появления данных; удаление информации на сайте; нарушение конституционного права гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений при получении электронного доказательства и прочее.

В юридической среде зачастую говорится о проблеме готовности электронного доказательства к его предъявлению в суд, хотя ни слова в законодательстве об этом нет речи, в чем нам видится большая угроза соблюдения права на справедливое судебное разбирательство, гарантирующим равные возможности сторон при защите прав и законных интересов в суде. Цифровой мировой прогресс заставляет предпринимать меры для поиска решений по оптимизации электронного документооборота в различных государственных органах и частных компаниях, однако гражданин также вовлечен в информационную среду и не может активно не принимать участие в этом процессе. Он подчинен многим трендам и инновациям, однако у него должно быть во-

оружие для противостояния незаконным действиям сильным мира сего. И здесь не проходит то, что на деле происходит с электронными доказательствами сегодня в судах – в одних случаях они принимаются, в других – нет. Например, при наличии нотариального протокола у одной стороны суд отказывает в удовлетворении ходатайства об осмотре электронного доказательства другой стороны, считающей, что информация не является достоверной. Позиция судебного игнорирования при необходимости тщательной проверки объекта спора (в данном случае информации) в ситуации правового вакуума тормозит развитие электронного правосудия и подрывает основные гарантии эффективности судебной защиты.

Проверка аутентификации и идентификации электронных доказательств – основное требование, которое должен соблюсти суд при их оценке. В противном случае встает вопрос о недопустимости такого доказательства, поскольку происхождение появления информации, имеющей значение для дела, на техническом носителе не определено и, следовательно, нарушена процессуальная форма. Достоверность сведений зависит от доброкачественности источника и от того, были ли произведены действия внешнего характера, изменяющие характеристики объекта и его содержание, что также подлежит изучению, ведь речь может идти о базах данных, веб-документах, никогда не существовавших на бумажных носителях. Следует констатировать полное отсутствие в современном российском процессуальном законодательстве процедурных правил проверки электронного доказательства судом.

Предлагаем обратиться к опыту других стран. В 2016 году Европейским комитетом по правовому сотрудничеству (CDCJ) было проведено масштабное исследование³⁷⁶ об использовании электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве в различных странах, преимущественно Западной Европы. Выводы противоречивы. В рамках поставленной темы нас заинтересовали три вопроса: 1) нужны ли специальные познания, чтобы проверить подлинность электронного доказательства? 2) можно ли обеспечить электронное доказательство в самом суде до начала судебного разбирательства? и 3) закреплена ли в национальном праве презумпция надежности такого доказательства? Ответы были двойственными и неоднозначными, что свидетельствует о неопределенности законодательств многих стран в отношении правового статуса электронного доказательства. По нашим подсчетам, на первый вопрос положительно ответили только 1/10 часть опрошенных стран при всем при том, что большая часть государств

376 См.: Mason S., Rasmussen U. The use of electronic evidence in civil and administrative law proceedings and its effect on the rules of evidence and modes of proof // Strasbourg, 27 July 2016 CDCJ (2015)14. URL: <https://rm.coe.int/1680700298>.

отрицает презумпцию надежности такого вида доказательств (Россия между тем признает), апеллируя тем, что все-таки их лучше осмотреть или обеспечить в судебном порядке. В некоторых странах, например, в Англии, не видят необходимости не доверять электронным доказательствам, потому что там предусмотрена суровая ответственность для адвоката, занимающегося фальсификацией и невыполняющим свои профессиональные и этические обязанности вплоть до пожизненного лишения статуса и права заниматься юридической деятельностью.

Столкнувшись с масштабными проблемами исследования и оценки электронных доказательств с недостаточным правовым материалом, компетентные департаменты Совета Европы подготовили ряд полезных научно-практических рекомендаций и алгоритмов работы национальных судов с такими доказательствами³⁷⁷. К примеру, выработаны следующие принципы: электронные устройства и данные не должны быть изменены, повреждены; процесс получения и сохранения информации на электронном носителе должен быть последовательно документирован, а значит, и воспроизведен при необходимости; поддержка специалиста; компетентные лица должны быть обучены навыкам извлечения информации с электронных носителей; ответственность государственных органов.

Однако наиболее последовательно, на наш взгляд, подходит к проблеме США, закладывая практически в каждое правоотношение, имеющее электронный формат взаимодействия его участников, правила хранения, обработки, получения данных. Аутентификация и идентификация электронных доказательств разного качества не представляет в связи с этим ничего сверхъестественного и применяется в судах повсеместно³⁷⁸.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Аутентификация и идентификация электронных доказательств неизбежна на предмет проверки их допустимости и достоверности.
2. Заявление о фальсификации не является основным методом по выявлению процессуального нарушения. Предварительно, то есть до принятия электронного доказательства, суд должен выяснить, а представившая в суд сторона доказать его подлинность.
3. Сторона, которая нарушила эту обязанность, должна нести комплексную процессуальную ответственность – штраф в размере 100 000 рублей для физических лиц / должностных лиц, 500 000 рублей – для

³⁷⁷ См.: Electronic evidence guide a basic guide for police officers, prosecutors and judges // Version 2.0. (Cybercrime Division Directorate General of Human Rights and Rule of Law Strasbourg, France 15 December 2014).

³⁷⁸ См., напр.: Introducing Digital Evidence in California State Courts.

юридических лиц, а также возложение бремени несения судебных расходов.

§ 11 Международно-правовое и национальное регулирование рабочего времени в условиях пандемии COVID-19³⁷⁹

Условия пандемии COVID-19 вынудили работодателей практически всех экономически развитых государств мира применять различные методики защиты здоровья работников от заражения вирусной инфекцией, которые включили в себя меры по охране труда (использование индивидуальной защиты, санитарную обработку окружающей среды), а также новые механизмы регулирования рабочего времени. Наиболее востребованными из них стали: организация рабочего процесса с измененным временем начала работы (входы на работу в шахматном порядке), ротация и сменная работа для уменьшения совместного присутствия работников, минимальное пребывание в местах общего пользования, встречи между коллегами только в случае срочности и, наконец, «умная работа», то есть гибкие формы работы, в том числе дистанционный (удаленный) труд работников на дому³⁸⁰. Пожалуй, именно пандемия вызвала беспрецедентный интерес к работе на дому и прочим формам гибкой занятости и спровоцировала дискуссии о целесообразности использования такого вида организации труда в дальнейшем и уменьшении доли работающих на обычных рабочих местах.

В то же время именно пандемия COVID-19 и последовавшее за ней изменение режима рабочего времени значительного количества работников, переведенных на так называемую «удаленную занятость» или «удаленный режим работы», вскрыло весьма болезненный вопрос, связанный с защитой времени отдыха работника и неприкосновенности его частной жизни.

Необходимо признать, что Международная организация труда, весьма оперативно реагируя на складывающуюся обстановку, сформулировала основные требования к социальной политике в условиях пандемии, включая четыре ключевых направления по противодействию COVID-19 на основе международных трудовых стандартов: 1) стиму-

³⁷⁹ Данный параграф выполнен Т.А. Избиеновой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00466 А «Проблемы и перспективы гармонизации и унификации законодательства о представительных органах работников в странах-участницах Евразийского экономического союза».

³⁸⁰ Sario B., Nunzio D., Vittorio L. Azione sindacale e contrattazione collettiva per la salute e sicurezza nei luoghi di lavoro al tempo del Covid-19 Trade union action and collective bargaining for the health and safety in the workplace at the time of covid-19 – Osservatorio FDV-CGIL sulla contrattazione decentrata // 2020. № 1. P. 11.

лирование экономики и занятости (фискальная и денежная политика, поддержка отдельных секторов); 2) поддержка предприятий, рабочих мест и доходов; 3) защита работников на рабочих местах; 4) использование социального диалога для поиска решений и иные меры³⁸¹. Меры, предпринимаемые работодателями для защиты работников на рабочих местах, как раз и стали способом реализации политики МОТ.

Появление нового, законодательно не легитимированного, так называемого «удаленного режима работы» в России было связано с Рекомендацией Минтруда России в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», а также дополнением к ней, в которых говорилось о возможности перехода работников на удаленный режим работы³⁸². Удаленный режим работы в контексте рекомендаций предполагает работу на дому с широким использованием цифровых технологий и электронно-технических устройств – смартфонов, планшетов, компьютеров.

В дальнейшем группой депутатов был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» № 973264-7³⁸³, которым глава 49.1 кодекса может быть дополнена таким видом организации нестандартной занятости, как дистанционная (удаленная) работа.

Необходимо отметить, что еще до использования данного режима в форс-мажорных условиях подобная организация работы уже получила значительное распространение в мировой практике. Так, особенности, обусловленные таким режимом работы, стали предметом исследования МОТ и Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда, выразившегося в докладе «Работа в любом месте в любое время и ее влияние на сферу труда»³⁸⁴.

Авторы исследований о вопросе соотношения между работой и личной жизнью утверждают, что при эффективном управлении уда-

381 Лютов Н.А. Защита населения, работодателей и рынка труда в условиях пандемии: Россия в глобальном контексте // Актуальные проблемы российского права. 2020. 15(8). С. 110.

382 Дополнение к Рекомендациям работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». URL: <https://rosmintrud.ru/labour/relationship/380> (дата обращения: 14.05.2020).

383 Проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 22.05.2020).

384 Working anytime, anywhere: The effects on the world of work. P. 1-4. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_544138.pdf (дата обращения: 14.05.2020).

ленная работа оказывает благотворное влияние на организационные показатели. В распространении подобной работы усматривают значительное количество положительных моментов, в частности, стимул на создание рабочих мест, привлечение квалифицированных работников³⁸⁵, повышение производительности труда и уменьшение числа прогулов, снижение текучести кадров³⁸⁶, снижение уровня загруженности городского транспорта, уменьшение загрязнения окружающей среды и энергопотребления. И, напротив, при не эффективной организации такой труд может иметь неблагоприятные последствия для сотрудников и организации. Негативными результатами, связанными с дисбалансом между работой и личной жизнью, являются рост семейных конфликтов, стресса, связанного с работой, усталости, ухудшение состояния здоровья и рост психических расстройств³⁸⁷. В наибольшей степени нарушение баланса между трудовой и частной жизнью проявляется в отношении так называемых «высокомобильных» работников³⁸⁸, чья работа может с большей вероятностью негативно сказаться на их здоровье и благополучии.

Действительно, растущая цифровизация работы зачастую ставит под сомнение саму возможность дифференциации между рабочим местом и личной жизнью. Работник, носящий при себе смартфон, становится доступным для связи круглосуточно. Он может начать работу практически мгновенно, вне зависимости от того, где бы он ни находился – дома, в отеле, в зале ожидания в аэропорту. Если эти возможности действительно используются, границы между работой и свободным временем становятся абсолютно размытыми. Интернет устраняет пространственные и систематические барьеры³⁸⁹, а социальные сети, главным образом Google, Street View, Facebook, широко используемые работодателями для подбора персонала и поддержания коммуникаций, ведут к утрате частной жизни и личного пространства, которая получила идеологическое закрепление в концепции «Post-Privacy». Основные

385 См., например, Citation: Syed, J. (2015). Work-life balance. In Syed, J., & ...zbilgin, M. (Eds.) *Managing Diversity and Inclusion An International Perspective*. P. 296-297.

386 Citation: Syed, J. (2015). Work-life balance. In Syed, J., & ...zbilgin, M. (Eds.) *Managing Diversity and Inclusion: An International Perspective*, P. 296; *Working anytime, anywhere: The effects on the world of work*. P. 1-4. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_544138.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

387 Hitt, M., Miller, C. and Colella, A. 2009. *Organisational Behaviour* 2nd edition. New York: Wiley.

388 Citation: Syed, J. (2015). Work-life balance. In Syed, J., & ...zbilgin, M. (Eds.) *Managing Diversity and Inclusion An International Perspective*. P. 296.

389 Däubler W. Challenges to Labour Law // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. № 1. P. 196-197.

ее последователи – Петер Шаар и Кристиан Хеллер³⁹⁰ – признают размывание граней между приватностью и общественностью в цифровом обществе и неизбежное наличие в широком доступе открытых данных буквально во всех сферах, включая частную жизнь.

Безусловно, последствия этих процессов для трудового права и, в частности, рассматриваемого вопроса регулирования рабочего времени значительны. Традиционное фордистское трудовое отношение, в котором центральным элементом традиционно принято считать субординацию, или несамостоятельный характер труда, сформировалось в период промышленной революции и регламентировало институт рабочего времени и времени отдыха, исходя из того, что классический работник – это фабричный рабочий³⁹¹, стоящий у станка с восьми утра до пяти часов вечера. Но как можно определить, сколько часов человек работал дома, в поезде или в гостиничном номере? Безусловно, технически это возможно путем регистрации всех действий работника на рабочих платформах, в мессенджерах путем использования специальных компьютерных программ. Например, предлагаемые на российском рынке программные продукты системы StaffCop и ActivTrak позволяют сделать удаленно скриншот с удаленного компьютера (домашнего ноутбука сотрудника, используемого в рабочих целях) по заданному интервалу времени и/или при смене активного окна. Это дает возможность контролировать действия сотрудников в рабочее время и определить вводимые поисковые запросы, проверить фактически запущенные на компьютере приложения, используемые файлы, документы, графические материалы и т.п. Программные продукты Kickidler проводят онлайн-мониторинг компьютеров сотрудников (просмотр экранов сотрудников в реальном времени) и готовят отчеты по рабочему времени сотрудников, как то: учет рабочего времени, анализ эффективности, динамика активности, рейтинг сотрудников по продуктивности, рейтинг наиболее часто используемых приложений, детали дня и иное.

Для контроля рабочего времени на дому используют регулярную переписку по электронной почте, установление на личный компьютер базы 1С, телефонии и корпоративной почты, а также предоставление доступа к рабочим системам, через которые работник получает и выполняет рабочие задания. Однако велика вероятность, что такой контроль за рабочим временем, проводимый при помощи компьютерной программы на том же смартфоне, приведет к полному наблюдению за

390 Schaar P. Das Ende der Privatsphäre: Der Weg in die Überwachungsgesellschaft. Bertelsmann, München, 2007; Heller C. Post Privacy: Prima leben ohne Privatsphäre. München, 2011.

391 Лютов Н.А. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 103.

человеком и стиранию границ между личной жизнью и рабочим процессом, что не вписывается в концепцию неприкосновенности частной жизни, гарантированной значительным массивом международных договоров – Всеобщей декларацией прав человека 1948 г., Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенцией Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. и другими.

Еще большую проблему вызывает недостаточная урегулированность данного вопроса российским законодательством. Так, часть 4 ст. 91 ТК РФ устанавливает общее правило о том, что работодатель обязан вести учет времени, фактически отработанного каждым работником. Однако норма не содержит механизмов, гарантирующих реализацию данной обязанности. В подобной ситуации сам работодатель вводит и использует любую технически удобную для него систему учета рабочего времени, которая может не учитывать нюансов относительно распределения трудовой нагрузки на работника или распределения этого рабочего времени. Так, использование лишь компьютерной программы и автоматическое фотографирование рабочего места, скорее всего, не позволит провести хронометраж части рабочего времени, проведенного не за персональным компьютером или смартфоном.

Ранее упомянутый проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» содержит статью 312.7 «Взаимодействие работодателя с дистанционным работником и работником, находящимся в режиме временной дистанционной (удаленной) работы, в период времени отдыха работника», которая содержит достаточно декларативную норму о праве работника на неприкосновенность времени отдыха.

По мнению авторов законопроекта, для решения вопросов о регламентации режима рабочего времени стороны трудового договора устанавливают порядок взаимодействия, предусматривающий конкретное время выполнения дистанционным работником трудовой функции в пределах рабочего времени, установленного трудовым договором о дистанционной работе. Порядок взаимодействия устанавливается локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором о дистанционной работе. Время взаимодействия работника с работодателем в период времени отдыха работника должно включаться в рабочее время.

Взаимодействие работодателя с работником в период времени отдыха работника без его предварительного письменного согласия допу-

скается в ряде исключительных случаев, схожих с правовыми основаниями для привлечения к работе в выходные и нерабочие праздничные дни.

Кроме того, в порядке взаимодействия работника и работодателя, по смыслу изменений в статью 312.4 ТК РФ, может быть предусмотрена обязанность дистанционного работника отвечать на звонки, электронные письма и запросы работодателя, сделанные в иной форме, а также срок, в течение которого дистанционный работник обязан реагировать на запросы работодателя, связанные с выполнением трудовой функции, то есть по логике и в нерабочее время, если стороны предварительно «договорились» об этом. Работник не обязан отвечать на запросы работодателя, сделанные в любой форме, вне времени, установленного порядком взаимодействия. В случае, если порядок взаимодействия не был согласован сторонами трудового договора о дистанционной работе либо работник не был ознакомлен с соответствующим локальным нормативным актом в порядке, предусмотренном настоящей главой, работник не может быть привлечен к ответственности за несвоевременный ответ или отсутствие ответа на запросы работодателя, связанные с выполнением трудовой функции. В случае производственной необходимости работодатель может с согласия работника привлечь его к выполнению трудовой функции вне времени, установленного порядком взаимодействия, с оплатой данной работы в порядке, установленном для оплаты сверхурочной работы».

Таким образом, законопроект, гарантируя повышенную оплату труда за работу во внерабочее время, фактически не обеспечивает защиту времени отдыха работника, который под влиянием работодателя согласился на установление порядка взаимодействия, предполагающего связь между сторонами трудового договора за пределами нормы рабочего времени.

Положительная практика решения вопроса охраны времени отдыха в Западной Европе начала формироваться благодаря решению Европейского Суда от 14 мая 2019 г. (С-55/18), которым европейская юстиция постановила, что государства-члены должны обязать работодателей создать систему, которая может измерять ежедневный рабочий день сотрудников. Государства-члены должны принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы работники действительно пользовались минимальными ежедневными и еженедельными периодами отдыха и максимальным недельным рабочим временем, установленным в Директиве Европейского Союза 2003/88 о рабочем времени. Данное обстоятельство обусловлено тем, что работник должен рассматриваться как более слабая сторона в трудовых отношениях. Сами государства-члены должны определить конкретные механизмы внедре-

ния такой системы. По мнению Европейского Суда, это единственный способ гарантировать защиту здоровья работников, что фактически будет контролироваться властями и судами³⁹².

Защите времени отдыха может способствовать и легализация в российском законодательстве так называемого права работника «на отключение» от социальных сетей, корпоративных порталов во внерабочее время, по примеру, предпринятому во Французской Республике, где закон, вступивший в силу с 2017 года, обязует компании, где работает более 50 человек, совместно со своими сотрудниками определить часы, когда те имеют право не отвечать на деловые письма, чтобы избежать «вмешательства работы в их частную жизнь». Это право распространяется на электронную почту, мессенджеры и телефонную связь после окончания рабочего дня³⁹³.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что положительные аспекты опыта европейских стран по вопросам регулирования отношений, связанных с домашним офисом и учетом рабочего времени, следует учесть и российскому законодателю, что значительным образом позволит сохранить здоровье работников.

§ 12 Охраняемая законом тайна в современном правосудии по гражданским делам

В учебной литературе по гражданскому процессу традиционно выделяется в качестве принципа гражданского судопроизводства, действующего только в одной (хотя и основной) его стадии – стадии судебного разбирательства – принцип гласности (открытости)³⁹⁴. В современной процессуальной теории содержание и наименование данного принципа может варьироваться от гласности до транспарентности и публичности³⁹⁵, но существо его остается во многом прежним. Это существо определяется простым тезисом – судебное разбирательство

392 Member States must require employers to set up a system enabling the duration of daily working time to be measured. Court of Justice of the European Union PRESS RELEASE No 61/19. Luxembourg, 14 May, 2019. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-05/cp190061en.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

393 France to give workers right to ignore emails after hours. URL: <https://www.thelocal.fr/20160216/french-workers-to-get-right-to-ignore-emails-after-hours> (дата обращения: 05.09.2020).

394 См.: Гражданское процессуальное право России в 2 т. Том 1: учебник для бакалавриата и магистратуры / С.Ф. Афанасьев [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 68.

395 См., подробно: Исаенкова О.В., Соловьева Т.В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 165-171.

открыто, кроме случаев охраняемой законом тайны.

При этом действие принципа открытости оказывается, по нашему мнению, не уменьшенным вне зависимости от электронизации и цифровизации правосудия, хотя и значимо видоизменным. Полагаем, что таковые изменения вполне заслуживают отдельного научно-практического анализа применительно к прогрессивным технологиям, с одной стороны, и охраняемой законом тайны, с другой стороны. Под охраняемой законом тайной, как правило, понимают сведения, незаконное разглашение которых субъектами права наносят вред или создают угрозу причинения вреда правам и законным интересам граждан, общества и государства, и законами установлены юридическая ответственность за их разглашение, режим конфиденциальности, особые правила охраны, обработки и использования³⁹⁶.

Действительно, наступление прогрессивных технологий на все сферы деятельности предполагает изменение привычных сфер общественной жизни, и так называемое влияние «базиса» на «надстройку» в настоящее время начинаем замечать и в сфере правосудия по гражданским делам, где прогресс применения электронных технологий за последнее время находится в стадии интенсификации. Молодые ученые справедливо констатируют, что все большее значение приобретает концепция «электронного государства», состоящая из «множества различных аспектов, среди которых особое значение имеет электронное правосудие»³⁹⁷.

Цифровизация и электронизация современного общества влияют на гражданское судопроизводство, изменяя не только отдельные моменты гражданской процессуальной формы, но и его основные начала – принципы гражданского процессуального права вообще и открытость судебного разбирательства в частности. Как метко отмечает В.В. Ярков, «... будет изменен юридический ландшафт, который ранее ассоциировался с бумажной горой, а в будущем будет ассоциироваться с электронными системами»³⁹⁸.

Однако цифровизация правосудия в ее понимании Верховным Судом как совокупности новых программных комплексов, обновленных систем аудиопотоколирования и видео-конференц-связи, с учетом расширения использования онлайн-сервисов и веб-конференций, на что указывает Председатель Совета Судей В.В. Момотов, «поможет гарантировать прозрачность (курсив мой – О.И.) судебной системы,

396 Топоркова С.А. Разглашение охраняемой законом тайны как основание расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя: дис. ... канд. юр. наук. СПб, 2014. С. 9.

397 Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2018. С. 2.

398 Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

но не стоит забывать о безопасности информации»³⁹⁹. Термин «прозрачность», упомянутый Виктором Викторовичем, по нашему мнению, тесно и непосредственно связан с принципом открытости – традиционным принципом гражданского процесса, включается в содержание обозначенного принципа, а его справедливое предупреждение о безопасности информации возвращает нас к охраняемой законом тайне как обязательному исключению из открытости и ограничению так называемой «прозрачности» правосудия.

Следует отметить, что охраняемая законом тайна как законодательно закрепленная процессуальная категория появилась гораздо позже охраняемой тайны в других областях правоприменительной деятельности, она берет свое официальное начало с 1864 года, и связано это с Уставом гражданского судопроизводства, статьей 325 которого предполагалось проводить закрытые судебные заседания в тех случаях, когда его открытость нарушала основы нравственности, общественного порядка, религии и т.п.⁴⁰⁰.

Действующий ГПК РФ закрепляет принцип открытости в ст. 10, раскрывая конституционное положение, установленное в 1 ст. 123 Конституции РФ: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Ч. 2 ст. 10 ГПК перечисляет изначально всего два подвида тайн, обязательно охраняемых законом: государственную тайну и тайну усыновления (удочерения) ребенка, но при этом оставляя перечень открытым путем использование отсылочной формулировки: «а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом». Помимо указанных подвигов тайн, которые мы классифицировали как обязательные, указанная норма ст.10 ГПК РФ допускает исключение из принципа открытости для сохранения еще двух подвигов тайн: коммерческой тайны и тайны (сохранение неприкосновенности) частной жизни граждан. При этом указанные подвиды тайн не являются обязательными, для их применения необходимо, во-первых, иницирующее ходатайство лица, участвующего в деле, которое ссылается на необходимость сохранения тайны второго вида, и, во-вторых, ответственное на такую инициативу действие суда по удовлетворению заявленного ходатайства. Помимо двух указанных подвигов тайн, при тех же условиях может быть удовлетворено ходатайство лица, участвующего

399 Момотов В. При этом цифровизация права требует выработки допустимых рамок использования цифровых технологий, с тем чтобы их применение не создавало препятствий в доступе к правосудию // Цифровизация правосудия и эффективность новых судов: итоги Совета судей. URL: <https://pravo.ru/story/216641/>

400 Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшими узаконениями для местностей. С.-Петербург, 1913. С. 495.

§ 13 Перспектива внедрения искусственного интеллекта для исследования доказательств в гражданском процессе

в деле, по иной охраняемой законом тайны, или даже «иных обстоятельств, гласное обсуждение которых способно помешать правильно-му разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина».

Приведенная формулировка относительно «иных обстоятельств» представляется нам весьма широкой, даже необоснованно широкой. И этого помимо того, что, как подсчитали правове-ды, прямо занимающиеся проблемами тайн, ежегодно принимается более 40 федеральных законов, в которых так или иначе упоминаются различные виды охраняемых законом тайн⁴⁰¹.

Как известно, принципы образуют каркас отрасли, ее основу и все исключения из них должны быть обусловлены серьезными причинами и прямо, без расширительного толкования, указаны в законе. Как справедливо отмечает А.А. Исаенков, ни в одном процессуальном институте не имеют место быть «правила, которым бы следовало руководствоваться вне точного знания процессуальной нормы»⁴⁰². Увы, охраняемая законом тайна относительно принципа открытости (или гласности, как его обозначают в теории права, изменение названия, однако, на его значительность применительно к судебному разбирательству, по нашему мнению, не влияет) не отвечает требованиям четкого перечисления исключений из принципа, допуская весьма широкое судебское усмотрение в данной области на основе инициативы (ходатайства) любого лица, участвующего в деле.

Полагаем, таким образом, в целях правильной реализации открытости судебного разбирательства, тем более в условиях всеобщей информатизации, электронизации правосудия, предлагающей как фиксацию хода судебного разбирательства и совершения отдельных процессуальных действий при помощи цифровых технологий, так и открытость принятого решения, размещенного в информационном пространстве, а именно в Государственной автоматизированной системе «Правосудие», которая объединяет официальные сайты всех судов общей юрисдикции РФ, исключить из ст.10 ГПК РФ момент, касающийся неких «иных» обстоятельств, которые прямо не установлены законом в качестве охраняемой тайны.

401 Бондарь И.В. Тайна по российскому законодательству (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004. С. 4.

402 Исаенков А.А. Позитивизм как основа определения основных начал гражданского процессуального права // Вопросы российского и международного права. 2014. № 8-9. С. 75.

Двадцать первый век – век цифровых технологий. Важными достижениями можно считать открытия в разработке искусственного интеллекта и робототехники. Но существуют некоторые аспекты, которые до сих пор вызывают множество вопросов и провоцируют дискуссии, например, этические и правовые категории. Использование компьютерного интеллекта слабо урегулировано международно-правовой и национальной нормативной основой. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, решение многих юридических вопросов, например, таких как правосубъектность искусственного интеллекта, ответственность за вред, причиненный при его использовании, и технические регламенты работы, усложняется из-за отсутствия точной юридической дефиниции искусственного интеллекта. При этом слова «искусственный интеллект» используются в правовых стратегических актах России в сфере цифровых технологий.

Во-вторых, образуется проблема наделяния искусственного интеллекта качествами субъекта права. На данный аспект можно посмотреть с двух позиций. Первая из них: искусственный интеллект – это техническое средство с правовым режимом вещи. Вторая: за компьютерным интеллектом закрепляется положение электронного лица по аналогии с юридическим лицом через использование приема правовой фикции.

В-третьих, возникает вопрос, касающийся ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. В научной литературе рассматривается несколько моделей возложения деликтной ответственности:

- на обладателя прав на устройство, снабженное искусственным интеллектом;
- на разработчика программного обеспечения;
- на оператора, обслуживающего искусственный интеллект⁴⁰³.

А.В. Понкин и А.И. Редькина предлагают интересное определение искусственного интеллекта. По их мнению, это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или переданными ей вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия. П.М. Морхат, в свою очередь, выдвигает подобное определение: «искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная

403 Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 24.

виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, наделенная такими способностями и возможностями: как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное мышление, анализ и оценка; самоподдержания себя в гомеостазе; обучения и самообучения; антропоморфно-разумного самостоятельного принятия решений, выполнения задач и выявления проблем»⁴⁰⁴.

Мы не нашли легального определения «искусственный интеллект», закрепленного в нормативно-правовых актах, но с оговоркой «только для целей стратегии» определение «искусственный интеллект» содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁴⁰⁵.

Если проанализировать различные подходы к понятию «искусственный интеллект», то с легкостью можно выделить некоторые признаки: первый, и самый очевидный, – наличие компьютерного устройства, способного принимать, передавать, обрабатывать и обобщать информацию; определенная автономность работы такого устройства и способность его к обучению.

Применение искусственного интеллекта в юридической сфере, по мнению Эдвины Риссланд, могло бы существовать в двух направлениях: моделирование юридических обоснований при помощи систем искусственного интеллекта, в том числе на основе прецедентного права; так же в рамках юридической практики и научных исследований возможно создание вычислительных инструментов, основанных на искусственном интеллекте⁴⁰⁶. Подготовка типовых юридических документов является еще одним направлением юридической практики, где помощь искусственного интеллекта как никогда кстати. Например, он может сравнить договоры и найти их альтернативные формы, которые в большей мере будут удовлетворять стороны.

Обратимся к «Европейской этической хартии о применении искус-

404 Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1. С. 94.

405 Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

406 См.: Риссланд Э.А. Искусственный интеллект и право: ступенька к модели правового мышления // Йельский юридический журнал. 1990. Том. 99. № 8. С. 1957–1981.

ственного интеллекта в судебных системах», которая является первым международным документом об использовании искусственного интеллекта в правосудии, утвержденным Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы в декабре 2018 года.

В хартии сформулировано пять принципов применения искусственного интеллекта: принцип соблюдения прав человека, в силу которого применение компьютерной программы не должно противоречить принципу состязательности процесса и праву на справедливое судебное разбирательство; принцип недопущения дискриминации; принцип качества и безопасности, который предполагает использование сертифицированного программного обеспечения, оценка которого проводится как техническими специалистами, так и юристами; принцип прозрачности, в соответствии с которым все применяемые технологии должны быть доведены до всех людей в понятной форме.

Рассмотрим подробнее «принцип пользовательского контроля». Данный принцип не вызывает дискуссий, поскольку с ним невозможно не согласиться. Ведь у судьи всегда должна быть возможность не согласиться с решением, которое выдвинул искусственный интеллект. Во многих случаях внутреннее убеждение судьи будет являться более правильным, чего и требует от судьи процессуальное законодательство. В зависимости от конкретных обстоятельств в одном случае доказательства могут быть отвергнуты, в другом, наоборот, могут оказаться важными и повлиять на исход дела⁴⁰⁷.

Согласно ст. 67 ГПК «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Хартия призывает не отдавать полномочия по отправлению правосудия искусственному интеллекту, ведь вышеизложенные нравственные категории ему не свойственны.

Использование искусственного интеллекта при установлении фактических обстоятельств дела вызывает определенные сложности, ведь данный процесс основан на доводах лица, имеющего значительный жизненный опыт, а не на толковании правовых актов. Для получения некоторых доказательств процесс допроса свидетелей требует способности использовать речь, понимать человеческое поведение. Очевидно, что оборудовать компьютерную систему средствами восприятия, равными человеческим, на сегодняшнем этапе развития технологий невозможно. Необходимо принять во внимание Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года «О развитии искусственного интеллекта в Рос-

407 URL: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-nebudet-nejtralen-k-cheloveku/>

сийской Федерации»⁴⁰⁸.

Поговорим о соотношении искусственного интеллекта с электронным правосудием. Н.А. Петухова и М.В. Чинова высказывают интересную позицию, согласно которой в термин «электронное правосудие» не входит само фактическое правосудие, то есть деятельность суда по разрешению споров и рассмотрению дел, осуществляемая в установленной процессуальной форме⁴⁰⁹. Поэтому предлагается использовать термин «электронное обеспечение судебной деятельности» – осуществление судами разрешения правовых споров путем совершения процессуальных действий посредством электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которого отображаются в информационной системе⁴¹⁰. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что инструмент, посредством которого осуществляется электронное правосудие, это и есть искусственный интеллект.

Не будем забывать о принципах справедливости и гуманизма, требованиях разумности и добросовестности в гражданском праве, ведь именно этими оценочными и ценностными критериями руководствуется суд при принятии решений. Все это не получится вписать в программный алгоритм, ведь понимание таких морально-этических категорий формируется у человека в процессе социализации и воспитания. А вот в приказном производстве искусственный интеллект применять целесообразно, например, при рассмотрении уже упоминавшихся бесспорных требований, поскольку это не связано с анализом правоотношений сторон.

Считаем, что искусственный интеллект возможно использовать для истребования и оценки письменных, аудиовидеодоказательств, различных документов, поскольку такие доказательства могут быть проанализированы и проверены на подлинность с помощью компьютерных технологий. Представляется, что такая проверка будет объективнее и в несколько раз быстрее. Например, при проверке подлинности расписки или подписей специалист по почерковедческой экспертизе тратит на проведение такой экспертизы несколько дней, и всегда будет существовать небольшой процент погрешности, который может оказаться значимым для дальнейшего хода разбирательства и вынесения решения в целом. Применяя искусственный интеллект, сроки данной экспертизы значительно сократятся (до нескольких часов), а процент допущения ошибки сократиться до минимума. Также проверку подлинности фото-

408 Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

409 Петухов Н.А., Чинов М.В. Соотношение понятий «правосудие» и «электронное правосудие» // Российское правосудие. 2015. № 6. С. 13–18.

410 Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.

, аудио-, видеодоказательств можно значительно упростить с помощью искусственного интеллекта. Например, современные компьютерные технологии за считанные минуты могут проверить, есть ли «склейки», искусственно созданные помехи на видеофайлах, фотопшоп на фотоматериалах, искажение голоса, добавление посторонних звуков на звуковых дорожках. Проводя экспертизы таким способом, можно сократить время на их проведение, минимизировать процент ошибок и облегчить работу специалистам. А вот такой вид получения доказательств, как допрос свидетелей, может осуществляться только человеком. Иногда в качестве свидетелей в зал судебного заседания вызываются дети. Конечно же, маленькому человеку с несформировавшейся психикой будет проще общаться непосредственно с судьей, нежели с машиной, потому что судья обладает должным уровнем морально-этических качеств, знает, в какой момент задать тот или иной вопрос, а когда полностью прекратить допрос несовершеннолетнего свидетеля. Во многих делах, например, семейных, гражданских, очень много иррационального, а не формально-логического, именно поэтому искусственный интеллект до конца не сможет понять фабулу таких дел, поскольку он может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики и никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики. Также искусственный интеллект может внедряться в судебную деятельность еще по двум направлениям: судебное делопроизводство и судебная статистика.

Это стало реальностью в настоящее время. Имеется Государственная автоматизированная система «Правосудие». Например, в Москве суды общей юрисдикции оснащены Комплексной информационной системой (КИС СОЮ). Она, в свою очередь, включает в себя несколько подсистем: центр обработки данных, видеозаписи судебных заседаний, конференц-связи во время судебных заседаний, публикацию информации о рассмотренных в суде делах, ведение статистической отчетности и так далее. Также стало возможным грамотно распределять судебные дела с учетом графика работы судов, их загруженности и специфики дел.

Существуют роботы *Baxter* и *Sawyer*, способные выполнять несложную работу, на которую их запрограммирует специально обученный человек⁴¹¹. Полагаем, что с их помощью можно упростить работу суда, ведь на любом этапе судебного делопроизводства эти роботы будут полезны, к примеру, в оформлении корреспонденции, ведь искусственный интеллект без проблем сделает всю бумажную работу самостоятельно: распечатает копии, рассортирует бумаги, сошьет дело. Также *Baxter* и *Sawyer* могут разобраться с документацией, упорядочить ее,

411 См.: Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-MANAGEMENT. 2018. Т. 1. № 1. С. 43–51.

сформировав дело.

На этапе рассмотрения дела в суде такой электронный помощник тоже может пригодиться в вопросе оперативного приобщения новых документов к делу. Искусственный интеллект может внести значительный вклад в работу судебных архивов. Скажем, сортировать старые дела по дате их окончания, находить потребовавшееся дело. На наш взгляд, применение этих роботов или иного искусственного интеллекта значительно упростит жизнь судов. Отметим, что на сегодняшний день реализуется система Watson Discovery, разработанная компанией IBM. Она также может быть внедрена в судебную деятельность. Данная система имеет статистическую направленность и функцию взаимодействия с клиентами. С помощью нее можно улучшить процесс изучения общественного мнения об организации и качестве судебной системы и выработать стратегию по ее улучшению⁴¹². Необходима повсеместная установка данной системы в российских судах либо ее аналогов.

В последнее время многие люди стали с опаской относиться к внедрению искусственного интеллекта в различные сферы жизни, поскольку переживают, что автоматизированные системы могут вытеснить человеческий труд, что приведет к потере работы, в частности в госсекторе. Вторая категория граждан не против, чтобы искусственный интеллект занимался, например, налогами и социальным обеспечением. Это позволит избежать ошибок в расчетах, в оформлении документации и значительно сэкономит время. Думается, что не стоит бояться доверять некоторые виды работ компьютерным системам. В любом случае, заниматься организацией деятельности искусственного интеллекта, его программированием, следить за тем, как он выполняет работу, а также нести ответственность за возможные ошибки системы будут специально обученные люди. И не стоит забыть о том, что искусственный интеллект возможно внедрить далеко не во все сферы деятельности людей.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о перспективности использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Однако повторим, многие вопросы требуют правового регулирования.

В завершение хочется ответить на вопрос: так в чем же состоит принципиальное отличие искусственного интеллекта от человеческого? На наш взгляд, искусственный интеллект – это модель человеческого интеллекта, к которому он стремится. Первое, искусственный интеллект действует по заданному алгоритму и не способен к преобразованиям, исходя из этого, основное отличие – бессознательность. Только человек обладает сознанием с элементами целеполагания, целесообразности и творчества. Второе, запрограммировать машину на определен-

412 IBM. URL: <https://www.ibm.com/watson/services/discovery/> (дата обращения: 23.08.2020).

ные действия может только человек. Иными словами, искусственный интеллект выступает помощником, с его помощью можно выполнять обыденную бумажную работу, которая не требует творческого подхода. Тем самым, искусственный интеллект функционирует, основываясь на принципах ограниченности, выборочности и приоритетности решений человека. Без сомнения, применение искусственного интеллекта в рамках осуществления правосудия по гражданским делам, а также при выполнении стандартной работы с документами обеспечит выполнение более эффективной и оперативной процессуальной деятельности суда и иных участников процесса.

§ 14 Опыт правового регулирования электронного правосудия в Канаде⁴¹³

В 2016 г. в канадской провинции Британская Колумбия начал функционировать Трибунал по разрешению гражданских споров (Civil Resolution Tribunal) – «ТРС»⁴¹⁴, который вполне можно рассматривать в качестве одного из передовых примеров реализации электронного правосудия.

Уникальность этого судебного органа, интегрированного в судебную систему провинции Британская Колумбия, заключается в том, что он представляет собой не реформированную, существовавшую ранее, структуру, а нечто принципиально новое. В этом смысле ТРС успешно решает многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются стороны традиционного судебного разбирательства (к которым в первую очередь относятся существенные материальные, временные и эмоциональные издержки, связанные с рассмотрением гражданских дел). Средством решения этих проблем стали информационные технологии, использование которых весьма эффективно решает поставленные перед ТРС задачи⁴¹⁵.

ТРС рассматривает гражданско-правовые споры, размер исковых требований по которым не превышает 5.000 долларов. Со временем планируется увеличить эту цифру в пять раз.

Всё производство предполагает использование компьютерных технологий и состоит из пяти стадий, каждая из которых реализуется с помощью программного обеспечения, размещенного на официальном

413 Данный параграф выполнен В.В. Кулаповым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

414 Официальный веб-сайт ТРС: <https://civilresolutionbc.ca>.

415 См. подробно об этом: Salter, Shannon. Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal.

веб-сайте ТРГС: 1) первоначальное обращение в ТРГС, в рамках которого заявитель предоставляет информацию о своей проблеме и получает рекомендации относительно возможных вариантов ее решения; 2) подача искового заявления в ТРГС; 3) прямые переговоры истца и ответчика относительно возможности заключения мирового соглашения; 4) переговоры истца и ответчика с участием профессионального посредника – сотрудника ТРГС; 5) рассмотрение дела членом ТРГС, который, не приглашая стороны для непосредственного участия в разбирательстве, на основе представленных ими в электронном виде доказательств (а также сведений, представленных ими с помощью телефонной и видеоконференцсвязи) выносит юридически обязательное решение.

Удобство описанной процедуры несомненно. Тем не менее, она вызывает некоторую настороженность у многих исследователей, поскольку предполагает отказ от важнейшего принципа состязательности судебного разбирательства. В ответ на этот довод Верховный Суд Канады замечает, что «далеко не всегда наилучшим средством разрешения спора является наиболее сложная процедура»⁴¹⁶.

В любом случае, опыт функционирования ТРГС представляет существенный интерес, поскольку он демонстрирует действительно эффективное решение проблем, стоящих перед судебной системой любого государства, а очевидных препятствий для его заимствования, в той или иной степени, не существует.

§ 15 Проблемы дистанционного рассмотрения дел в арбитражных судах

Как известно, в настоящее время выдача судебного приказа и упрощенное производство в арбитражном процессе практически полностью осуществляется без личного контакта судьи арбитражного суда со сторонами, что находится в русле современных тенденций развития российского правосудия⁴¹⁷.

⁴¹⁶ См. там же.

⁴¹⁷ В.В. Ярков в качестве основных тенденций развития гражданского судопроизводства называет его «деритуализацию», понимаемую как уход от классической модели рассмотрения дел в порядке гражданского и административного судопроизводства через облегчение и упрощение судебного процесса, введение новых судебных производств, исключающих из своего состава целый ряд процессуальных действий сложного характера для ускорения и рационализации рассмотрения дела, а также его «дематериализацию», которая предполагает организацию электронного взаимодействия суда с участниками процесса, облегчение доступа к правосудию, использование новых средств доказывания в электронной форме. См.: Ярков В.В. Проект процессуальной реформы: quo vadis // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 11.

В то же время без личного контакта судьи арбитражного суда со сторонами могут быть рассмотрены и иные дела. Так, в соответствии со статьей 153.1 АПК РФ с 2010 г.⁴¹⁸ возможно дистанционное рассмотрение дела путем использования систем видео-конференц-связи при рассмотрении арбитражным судом дела по общим правилам искового производства или по правилам административного судопроизводства. Указанный институт позволяет участвующему в деле лицу и (или) его представителю без физического присутствия в суде, рассматриваемому делу, принимать участие в судебном заседании (давать объяснения, задавать вопросы, заявлять ходатайства, следить за ходом судебного заседания и т.д.). Однако есть несколько недостатков.

В целях обеспечения доступа к дистанционному рассмотрению дел участвующих в деле лиц затраты на приобретение и поддержку в рабочем состоянии оборудования и программного обеспечения для видео-конференц-связи, содержание помещений, обеспечение защищенного канала связи государство взяло на себя. Для участников процесса рассмотрение дел с использованием систем видео-конференц-связи бесплатное.

Помимо увеличения финансового бремени увеличились и трудозатраты со стороны суда. Как известно, при организации видео-конференц-связи задействовано несколько судов. Основная задача осуществляющего содействие суда состоит в проверке личности и полномочий явившихся лиц. После совершения указанных процессуальных действий судья, как правило, удаляется. Однако помощник судьи или секретарь судебного заседания в содействующем суде остается и вынужден присутствовать до окончания судебного заседания.

Для участвующих в деле лиц также не все однозначно и удобно. Рассмотрение дела путем использования систем видео-конференц-связи решает проблему явки в рассматривающий дело суд, но предполагает явку в суд, осуществляющий содействие в организации видео-конференц-связи. Дистанционное рассмотрение дел с использованием описываемой технологии в этой ситуации по факту решает для участвующих в деле лиц только одну задачу – экономит средства на междугородние командировки, но не исключает их явку в суд, осуществляющий содействие в организации видео-конференц-связи.

Таким образом, можно свидетельствовать о реализации дистанционного рассмотрения дел в арбитражном процессе, памятуя при этом об имеющихся недостатках.

В условиях распространения новой коронавирусной инфекции весной 2020 года проблемы дистанционного рассмотрения дел посред-

⁴¹⁸ См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

ством видео-конференц-связи проявились более отчетливо, а в повестке дня появился вопрос о полноценном дистанционном рассмотрении не только упрощенных дел и выдачи судебных приказов, но и остальных дел. Стало очевидно, что использование видео-конференц-связи в соответствии с действующей редакцией ст. 153.1 АПК РФ не способно решить эту задачу (несмотря на рекомендацию использовать указанный институт, в суд все равно требовалось) – необходимо искать более простые и удобные формы.

Еще в конце августа 2019 г. на портале Госуслуг было представлено пять прототипов суперсервисов, в том числе «Правосудие онлайн», который подразумевает реализацию онлайн следующих функций: 1) в целях предотвращения ошибки при выборе суда суд для подачи иска будет определяться автоматически; 2) документы и уведомления можно будет получать в электронном виде; 3) в личном кабинете онлайн можно будет ознакомиться с материалами дела; 4) на каждом этапе процесса с пользователем будет интерактивный помощник, который ответит на все возникшие вопросы; 5) пошлина будет автоматически рассчитываться по требованиям иска из заявления и будет реализована возможность оплаты госпошлины на портале; 6) будет возможным удаленное участие в процессе из любого места. Идентификация участника процесса будет происходить по биометрическим данным⁴¹⁹. При этом часть функций, в частности удаленное участие в процессе, должно быть доступно в 2022 г., а другая часть (биометрическая аутентификация участника судебного процесса) – в 2024 г.⁴²⁰

26 марта 2020 г. Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас и зампред Комитета по экономической политике Алексей Русских направили в Правительство и Верховный Суд РФ поправки в ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 153.1 АПК РФ, ст. 142 КАС РФ, суть которых заключается в разрешении использования средств видео-конференц-связи участников арбитражного процесса при подключении их к системам видео-конференц-связи судов⁴²¹. Министерство юстиции России приступило к подготовке законопроекта, который позволит сторонам участвовать в заседаниях суда из дома или офиса через Интернет⁴²². Однако на момент написания статьи указанный законопроект не стал предметом рассмо-

419 На Госуслугах появились еще пять прототипов суперсервисов. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_08_27_super_services.

420 См. там же.

421 Сенаторы Клишас и Русских вместе с Бюро адвокатов «Де-юре» предлагают радикально упростить доступ к видео-правосудию. URL: <https://pravo.ru/news/219927/>

422 Минюст готовит законопроект о возможности участия в заседании суда из дома или офиса. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8389941>.

трения Государственной Думы РФ.

Поскольку «сверху» в оперативном порядке в условиях пандемии ничего подходящего не предлагали, судьи стали самостоятельно решать проблему обеспечения дистанционного рассмотрения дел. Так, в постановлении Невьянского городского суда Свердловской области от 30 марта 2020 г. указано, что дело рассмотрено «путем видеозвонка с использованием мессенджера WhatsApp»⁴²³. По данным другого периодического издания «в Татарстане суд в тот же период времени рассматривал дело по Skype (заседание было отложено)»⁴²⁴. Следует отметить появившуюся практику использования мессенджеров и в зарубежных судах (британские суды решили проводить видеоконференции через программу Skype for Business в НМСТS, в штате Техас США судьи решили использовать программу Zoom)⁴²⁵.

21 апреля 2020 г. Верховный Суд РФ провел первое онлайн-заседание⁴²⁶. Уже к середине мая 2020 г. такая возможность была реализована практически во всех арбитражных судах⁴²⁷.

Для того чтобы принять участие в онлайн-заседании, участники процесса должны 1) иметь учетную запись в единой системе идентификации и аутентификации⁴²⁸, что направлено на обеспечение решения вопроса установления личностей лиц, участвующих в деле; 2) посредством заполнения электронной формы в информационной системе «Мой Арбитр» подать в арбитражный суд ходатайство об участии в он-

423 Штейн О. На Урале суд рассмотрел дело через мессенджер // Российская газета. 1 апреля 2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/01/reg-urfo/na-urale-sud-rassmotrel-delo-cherez-messendzher.html>.

424 Коробка Е. Эксперты прокомментировали рассмотрение судом дела с помощью видеозвонка по WhatsApp // Адвокатская газета 8 апреля 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokomentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/>

425 Науменко Е. Споры через Skype и Zoom: как работают суды при коронавирусе. URL: https://pravo.ru/story/220052/?desc_emb=

426 Корня А. Верховный суд начнет рассматривать дела по интернету // Ведомости. 20 апреля 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=828523-sud-internetu&utm_medium=social&utm_source=telegram_ved.

427 К системе онлайн-заседаний подключились 60 арбитражных судов. URL: https://pravo.ru/news/221997/?desc_search=

428 Получение соответствующих учетных записей осуществляется в порядке, предусмотренном Правилами использования федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 584.

лайн-заседании⁴²⁹; 3) в случае удовлетворения ходатайства в запланированное время присоединиться к судебному онлайн-заседанию.

Несмотря на всплеск количества ходатайств об участии в онлайн-заседании сразу после появления такой возможности⁴³⁰, правоприменители достаточно настороженно относятся к указанной новелле – в настоящее время в судах фиксируется снижение количества указанных ходатайств. Причиной этого является ряд неразрешенных вопросов.

Стоит отметить, что практиков не останавливают доктринальные проблемы. Так, учитывая императивно-диспозитивный метод правового регулирования арбитражного процессуального права, процессуальные действия судей арбитражных судов строго регламентированы на уровне закона. Как выше отмечалось в АПК РФ, никаких изменений не вносилось. Правомерность проведения онлайн-заседаний отличается от использования других мессенджеров (WhatsApp, Skype, Zoom и т.п.) более высокими гарантиями того, что ходатайство подписано уполномоченным лицом – за это отвечает регистрация на портале Госуслуг. Между тем указанный результат может быть получен и иным путем. Ограниченный доступ к материалам дела в системе «Мой арбитр», возможность подачи документов в электронном виде, подписанных электронной подписью, также способны гарантировать полномочия подписанта. Кроме того, решенная проблема идентификации на стадии подачи ходатайства возникает на следующем этапе – в начале судебного онлайн-заседания установить по копии паспорта личность участника может быть проблематично. Для надежности некоторые судьи требуют предъявить паспорт в развернутом виде. При этом выбор удобной платформы для онлайн-заседания законом не ограничен хотя бы потому, что сами онлайн-заседания в последнем пока не предусмотрены. Поэтому при технической проблеме официальной платформы онлайн-заседания гипотетически можно воспользоваться альтернативной. Развивая эту мысль дальше, можно прийти к выводу о возможности участия представителя по его ходатайству в судебном заседании посредством обычной телефонной связи, в частности, если изображение есть, а звука нет. Таким образом, практика использования альтернативных платформ настолько же не предусмотрена законом, как и используемое в настоящее время решение. Полагаем, что проверочные инстанции очень осторожно должны подходить к вопросу отмены судебных актов в связи с использованием новых технических средств и способов

429 См.: Инструкция для участия в судебном онлайн-заседании Арбитражного суда Уральского округа. URL: <https://fasuo.arbitr.ru/node/16134>.

430 За первые три месяца использования новой технологии в арбитражных судах состоялось более 60 тыс. онлайн-заседаний. См.: Климачева К., Малаховский А. Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация. URL: https://pravo.ru/story/223787/?desc_search=

связи, не предусмотренных законом. При этом главное в возможности участвующего в деле лица реализовать свои права на защиту, а «транспорт» (видео-конференц-связь, онлайн-заседание или использование иного мессенджера) может быть различным.

Преимуществом видео-конференц-связи, осуществляемой на оборудовании судов, является защита от угроз информационной безопасности – используется защищенный канал связи, что препятствует несанкционированному присоединению посторонних лиц и утечке информации. Однако и этот вопрос пока не является столь актуальным для представителей, которые принимают участие в онлайн-заседаниях, находясь в аэропорту, торговом центре, кафе и т.п. – никаких ограничений по этому поводу нет. Учитывая принцип гласности (ст. 11 АПК РФ) доступность судебного онлайн-заседания для посторонних лиц вряд ли является поводом для тревог. В силу ч. 6 ст. 11 АПК РФ использование средств аудиозаписи и систем видеоконференц-связи в закрытом судебном заседании не допускается. Соответственно, онлайн-заседания по таким делам также невозможны.

В то же время останавливает представителей от использования нового сервиса технические проблемы. Безусловно, проблема цифрового неравенства все еще стоит⁴³¹ – не все являются пользователями портала Госуслуг, не все имеют высокотехнологичные средства связи и т.п. Однако практика показывает, что проблема в большей степени находится в технической стороне поддержки сервиса (проблемы с соединением, некачественный низкоскоростной канал связи, плохое разрешение камеры, проблемы со звуком и т.п.)⁴³². В условиях отсутствия оперативной связи и быстрого решения проблем службой технической поддержки своевременно определить, на чьей стороне имеется проблема и как быстро ее решить, представители отдают предпочтение традиционному личному участию в судебном заседании.

Следует напомнить, что судебное заседание, осуществляемое по видео-конференц-связи как на оборудовании суда, так и с использованием оборудования сторон, имеет существенный недостаток – теряется непосредственность. Реакция другой стороны и суда на выступление становится трудно уловимой, а иногда это имеет значение. В силу принципа устности сторона вправе лично в словесной форме донести до суда свою позицию или ограничиться письменными заявлениями. Онлайн-заседания являются чем-то средним между письменной пози-

431 «Цифровое неравенство» – отсутствие доступа к компьютерам и Интернету у большого количества граждан отмечает С.Н. Миронова. См.: Миронова С.Н. Использование возможностей сети Интернет для разрешения гражданско-правовых споров. М., 2010. С. 148-149.

432 Климачева К., Малаховский А. Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация. URL: https://pravo.ru/story/223787/?desc_search=

цией и устным выступлением. Поэтому в ряде дел онлайн-заседания имеют ограниченное использование.

Немаловажной причиной являются и интересы представителей, гонорар которых значительно варьируется при личном участии, в том числе при выезде в другой город, и онлайн-заседании.

Для судов также не все однозначно. Помимо отсутствия правовой регламентации новой технологии на уровне закона возникают иные вызовы деритуализации. Прежде всего, следует обратить внимание на отсутствие атрибутов судебной власти в помещении представителя. На практике возникает также вопрос: нужно ли требовать от представителя вставать при даче показаний и оглашении резолютивной части или нет (сторона, участвующая лично, в зале судебного заседания это делает – не является ли это проявлением неравенства сторон)? Практика по этому поводу складывается разная: одни судьи требуют вставать участников онлайн-заседаний, другие – нет. Следующий вопрос касается возможности осуществления правосудия судьей из своего дома: если представителям можно не приходить в суд, то почему судья обязательно должен находиться в зале судебного заседания? Если все дело будет находиться в цифровой форме, то какие для этого препятствия (мантию, флаг и герб судья может иметь дома)?

В силу отсутствия правовой регламентации не зафиксированы этические требования: можно ли представителю участвовать из шумного места (аэропорта, торгового центра, кафе и т.д.), не установлены и требования к внешнему виду представителя (можно ли принимать участие в домашней или пляжной одежде).

В ходе онлайн-заседания может быть проблематично удостовериться в добровольности участия и совершения процессуальных действий (суд не контролирует все помещение представителя, который может давать объяснения вообще под дулом пистолета).

Подводя итог, можно сделать несколько выводов:

полноценное дистанционное участие в судебном заседании по части дел востребовано практикой. В силу недостатков предусмотренной в ст. 153.1 АПК РФ видео-конференц-связи даже при отсутствии законодательного регулирования возникло и реализуется дистанционное участие в судебном заседании с использованием оборудования лиц, участвующих в деле;

дистанционное участие имеет границы своего применения и не является универсальным решением для рассмотрения и разрешения всех без исключения дел;

при использовании дистанционного рассмотрения дел возникают доктринальные, практические, этические, технические и иные вопросы, скорость решения которых напрямую влияет на перспективу дальнейшего развития этой новеллы и всего судопроизводства.

§ 16 Единство судебной власти в контексте цифрового взаимодействия⁴³³

Единство судебной власти как таковое представляет собой ряд формализовано закрепленных идей⁴³⁴, среди которых можно отдельно выделить лишь несколько, имеющих особую ценность для настоящего исследования. Так, к числу наиболее интересных положений данной концептуальной идеи можно отнести следующее: «соблюдение всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства; применение всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации; признание обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу». Системный анализ данных положений, определенных законодателем, приводит к выводу о том, что единство судебной власти сопряжено с единой процессуальной базой деятельности судебной системы, единой материально-правовой базой, а также с отсутствием пространственных ограничений действия судебного акта в рамках территории Российской Федерации. Подобный подход, унифицируя и «облегчая» рассматриваемую правовую материю, позволяет более подробно изучить взаимодействие, взаимовлияние и отдельные особенности правоприменительной практики, идеи единства судебной власти и процессов цифровизации как современного общества в целом, так и судебной системы в частности, через призму цифрового взаимодействия.

При этом для целей настоящей работы под цифровым взаимодействием следует понимать совокупность отдельных положений, которые также характеризуются широтой подхода, связанной не только с процессами отправления правосудия. Во-первых, это существование, развитие и работа «электронного правительства». И здесь необходимо сделать оговорку о том, что эксперты ООН определяют электронное правительство как «использование интернета и всемирной сети для доставки государственной информации и сервисов гражданам», а данным инструментом, по состоянию на 2018 год, пользуются все страны-члены ООН, в том числе и Россия. Во-вторых, это существование и работа си-

433 Данный параграф выполнен Н.Н. Маколкиным при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

434 См. подробнее: ст. 3 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 30.10.2018).

стем электронного документооборота как на уровне государства, так и на уровне отдельных организаций и даже физических лиц. И в-третьих, это несколько полярная идея по отношению ко второй, идея о том, что цифровое взаимодействие – это трансформация самого интерфейса документа, уход от традиционной формы, от понятной визуальной модели к шифрованным цифровым кодам, которые как повышают безопасность и сохранность информации, так и облегчают ее использование, сокращая объемы единиц информации. Одним из примеров практической реализации данной идеи может выступить оформление доверенности с использованием технологии blockchain. При этом сразу стоит оговориться, что в данной технологии при классическом ее использовании теряется элемент конфиденциальности, который может достигаться путем применения шифрования и предоставления ключа доступа ограниченному кругу лиц, что может способствовать сохранению конфиденциальности как факта оформления данного документа, так и персональных данных его сторон.

Возвращаясь к основному вопросу данного исследования, следует отметить, что единство судебной власти в контексте цифрового взаимодействия также может быть воспринято многогранно. Так, с одной стороны, если рассматривать данный вопрос с точки зрения цифрового взаимодействия и электронного правительства, то сразу появляется несколько аспектов. Первый аспект – это существование площадок ГАС «Правосудие» и «Мой Арбитр», доступ к которым обеспечивается посредством авторизации через ЕСИА, которая, в свою очередь, является ключевым элементом электронного правительства при взаимодействии государства и граждан. Таким образом, напрашивается вывод о том, что существует единый процедурный, а равно и процессуальный механизм удостоверения личности и идентификации стороны по делу для судебной системы в целом и конкретного судьи, рассматривающего тот или иной спор, в частности. При этом повсеместное распространение мобильной связи и повышение уровня доступности подключения как с финансовой, так и с технической точки зрения к сети Интернет не только свидетельствуют о повышении уровня качества жизни, но и является дополнительным драйвером поступательного совершенствования судебной системы в части повышения доступности отправления правосудия. Другим аспектом, связанным с электронным правительством, является возможность использования документов, полученных через портал «Госуслуги», в качестве элементов доказательственной базы по делу, что также соответствует положениям процессуального законодательства, а соответственно, отвечает требованиям идеи единства судебной власти. Тут в качестве иллюстрации может быть приведена справка о наличии судимости, которая по тому или иному делу мо-

жет выступить опосредованным доказательством, характеризующим участника процесса, при этом данная справка может быть получена в электронном виде и приобщена к материалам дела в виде распечатки, что, исходя из материально-правовых требований к данному рода документам, делает его допустимым, в процессуальном смысле.

Другой стороной, характеризующей единство судебной власти в условиях цифрового взаимодействия, является как возможность обмена информацией в электронном виде между отдельными судами при наличии такой необходимости, так и между судами и иными государственными или муниципальными органами, например, в рамках исполнения последними судебного запроса. Также заслуживает внимания и то, что судебные акты, завершающие рассмотрение дела, публикуются в открытом доступе, что может быть воспринято в качестве дополнительного элемента электронного взаимодействия внутри судебной системы при решении вопросов как о преюдициальности того или иного решения, так и при решении вопросов о принятии к рассмотрению того или иного искового заявления в контексте наличия судебного акта, связанного с тем же спорным правоотношением и с теми же основаниями обращения за судебной защитой.

Таким образом, следует вполне логичное предположение о том, что на сегодняшний день в Российской Федерации сложился такой уровень цифрового взаимодействия как внутри судебной экосистемы, так и за ее пределами с учетом оговорки наличия взаимосвязей с судебной экосистемой, который, представая в различных ипостасях, соответствует отдельным требованиям в части единства судебной власти, а равно способствует сохранению упомянутого единства. Одновременно с этим развитие делового оборота и повышение уровня интегрированности современных информационных технологий и их влияние на различные сферы общественной жизни обуславливают формирование дополнительных триггеров развития судебной системы. В этой связи можно упомянуть не только затронутую ранее технологию blockchain, но и отдельные идеи, связанные с полной оцифровкой дел, а равно, в перспективе, с распознаванием и анализом текста, а также идеи, связанные с переводом законов в машиночитаемую форму⁴³⁵, которая способна обеспечить понимание законов машиной, а соответственно, исключить человеческий фактор на стадии первичного анализа спорного правоотношения, также переведенного в машиноисполняемую логику, что позволяет как моделировать конкретные ситуации, так и, обеспечивая единообразное применение норм процессуального права, сугубо формально оценивать отдельные аспекты спорного правоотношения, переданного на судебное урегулирование.

⁴³⁵ Самарин А.В. Далее только цифровая трансформация // Цифровая экономика. 2019. 3 (7). С. 81–92.

§ 17 Ограничения действия принципа состязательности цивилистического процесса в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)

Принцип состязательности выступает одной из гарантий права на судебную защиту в цивилистическом процессе. Неотъемлемой составляющей состязательной формы гражданского (в широком смысле) судопроизводства является возможность лиц, участвующих в деле, участвовать в судебном заседании и лично или с помощью представителя отстаивать свою позицию по делу, что обеспечивается правом заявлять отводы, ходатайства, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения суду по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств, приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам; знакомиться с ходатайствами других лиц, возражать против их ходатайств и доводов, задавать вопросы другим участникам процесса и т.д. (ст. 12 и 35 ГПК РФ, ст. 9 и 41 АПК РФ, ст. 14 и 45 КАС РФ).

На протяжении нескольких лет данное право последовательно подвергается ограничению со стороны законодателя, о чем свидетельствуют, например, первоначальное лишение лиц, участвующих в деле, возможности участвовать в судебных заседаниях по делам упрощенного производства⁴³⁶, а затем и полное исключение проведения судебных заседаний по таким делам⁴³⁷, включая суды проверочных инстанций⁴³⁸, установление рассмотрения в апелляционном порядке без извещения лиц, участвующих в деле, жалоб и представлений на определения судов первой инстанции⁴³⁹, установление рассмотрения без извещения лиц, участвующих в деле, жалоб на определения кассационного суда общей юрисдикции об оставлении кассационных жалобы, представления без движения и о возвращении кассационных жалобы, представления⁴⁴⁰, жалоб на определения арбитражного суда кассационной инстанции о

436 См.: ч. 4 ст. 228 АПК РФ (в ред. от 24 июля 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

437 См.: ч. 5 ст. 228 АПК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ), ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

438 См.: ст. 335.1 ГПК РФ, ст. ст. 272.1, 288.2 АПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

439 См.: ч. 3 ст. 333 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 436-ФЗ), ч. 5 ст. 39 АПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

440 См.: ч. 2 ст. 379.2 ГПК РФ.

возвращении кассационной жалобы⁴⁴¹ и т.д.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ⁴⁴² статья 154 АПК РФ дополнена частью 4.1: «Председательствующий в судебном заседании вправе ограничить от имени суда выступление участника судебного разбирательства, если он самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом», что также свидетельствует о возможности ограничения принципа состязательности по усмотрению суда⁴⁴³.

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) вызвало введение не предусмотренных процессуальным законодательством ограничений права на участие в судебном заседании со стороны уже судебных органов.

Так, в период с 19 марта по 08 апреля 2020 г. судам на основании постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах»⁴⁴⁴, а в период с 08 апреля по 11 мая 2020 г. на основании постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁴⁴⁵ предписано приостановить личный прием граждан в судах, рассматривать только дела и материалы безотлагательного характера, а также дела в порядке приказного и упрощенного производства, дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным, ограничить доступ в суды лиц, не являющихся участниками дел.

Возобновление с 12 мая 2020 г. работы судов также оказалось сопряжено с ограничениями, ставящими под сомнение возможность участия в судебных заседаниях для большей части лиц, участвующих в деле.

441 См.: ч. 1 ст. 291 АПК РФ.

442 Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.

443 Необходимо отметить, в свете последующих рассуждений, что право суда ограничить выступление участника судебного разбирательства законодатель связал с нарушением им порядка в судебном заседании, в то время как на практике судами, особенно в проверочных инстанциях, уже в подготовительной части судебного заседания нередко устанавливаются ограничения времени выступления (например, пятью минутами), не обусловленные какими-либо нарушениями.

444 СПС «КонсультантПлюс».

445 СПС «КонсультантПлюс».

Например, 08 мая 2020 г. на сайте Арбитражного суда Амурской области размещена информация для представителей лиц, участвующих в деле, проживающих в других регионах Российской Федерации о необходимости после прибытия на территорию Амурской области обеспечить режим самоизоляции в домашних условиях (по месту временного пребывания) на срок 14 календарных дней со дня такого прибытия⁴⁴⁶.

В тот же день Арбитражным судом Забайкальского края помимо информирования о необходимости обеспечения представителями лиц, участвующих в деле, проживающими в других субъектах Российской Федерации, режима самоизоляции перед явкой в суд, таким представителям настоятельно рекомендовано временно воздержаться от участия в судебных заседаниях либо прибывать на территорию Забайкальского края с учетом времени, необходимого для обеспечения самоизоляции, а кроме того, отмечено, что должностное лицо службы судебных приставов вправе не допустить представителя, не проживающего на территории Забайкальского края, в здание суда в случае установления факта его прибытия на территорию Забайкальского края незадолго до даты судебного заседания⁴⁴⁷.

Нетрудно заметить, что соблюдение проживающим на территории другого субъекта Российской Федерации лицом, участвующим в деле, или его представителем режима самоизоляции на протяжении 14 календарных дней для участия в одном судебном заседании является чрезвычайно обременительным как с временной, так и с финансовой стороны и с учетом возможного отложения судебного заседания сводит реальность участия в разбирательстве дела практически к нулю либо вынуждает лиц, участвующих в деле, нанимать представителей из числа граждан, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, где находится суд.

Помимо необходимости обеспечения режима самоизоляции перед явкой в судебное заседание отдельными судами были установлены ограничения по времени допуска лиц, участвующих в деле, и их представителей в здании судов⁴⁴⁸, ограничения на передвижение по зданию суда (только в сопровождении судебного пристава), ограничения на

446 См.: URL: <https://amuras.arbitr.ru/node/15742> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

447 См.: URL: <https://chita.arbitr.ru/node/13591> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

448 Так, 27 мая 2020 г. на сайте Девятого арбитражного апелляционного суда опубликовано объявление о возобновлении с 1 июня 2020 г. работы суда, где указано, что доступ в здание суда будет осуществляться не ранее чем за 10 минут до судебного заседания при предъявлении документов, удостоверяющих личность, документа, подтверждающего полномочия, а также определения о назначении судебного заседания. См.: URL: <https://9aas.arbitr.ru/node/16980> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

нахождение в здании суда (обязанность покинуть здание немедленно после рассмотрения дела, ожидание оглашения судебного акта на улице)⁴⁴⁹, ограничения на количество представителей, допускаемых к участию в судебных заседаниях⁴⁵⁰.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в точном соответствии с размещенным на официальном сайте суда сообщением о том, что «личное участие в судебных заседаниях не предоставляет каких-либо льгот и преимуществ в сравнении с участием в судебных заседаниях посредством систем видео-конференц-связи и (или) веб-конференции... По делам, назначенным к рассмотрению с 12 мая 2020 года... судом может быть принято решение о рассмотрении дела посредством веб-конференции с применением оборудования, находящегося в изолированном помещении Первого кассационного суда общей юрисдикции...»⁴⁵¹, ввел практику рассмотрения дел по веб-конференции внутри здания суда, когда состав суда находится в одном помещении (в зале судебного заседания), а участники процесса – в другом (в подвальном помещении в здании суда).

Обоснованность подобного решения вызывает сомнения, поскольку преимущество личного контакта лиц, участвующих в деле, и суда, опосредующего принципы устности, непосредственности и состязательности, в литературе является общепризнанным⁴⁵². Кроме того, действующие процессуальные кодексы связывают участие в судебном заседании путем видео-конференц-связи с заявлением и, следовательно, удовлетворением судом соответствующего ходатайства (ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ⁴⁵³), в то время как Первый кассацион-

449 См.: URL: <https://chita.arbitr.ru/node/13591> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

450 Если Девятый арбитражный апелляционный суд только настоятельно рекомендовал лицам, участвующим в деле, направлять в суд не более 1 представителя, то на сайте Арбитражного суда Московского округа 15 мая 2020 г. прямо указано на допуск в судебные заседания не более 1 представителя от каждого участника процесса. См.: URL: <https://fasmo.arbitr.ru/node/16352> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

451 См.: URL: <https://1kas.sudrf.ru> (дата обращения: 27 сентября 2020 г.).

452 См., например: Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. С. 435–436; Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд. СПб., 1913 // Цит. по: Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие. 3-е изд. / Под ред. проф. М.К. Треушниковой. М.: Издательский Дом «Городец», 2015. С. 229; Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. М.: Издательство «Наука», 1981. С. 164–166 (автор главы – В.М. Семенов).

453 Стоит отметить, что ч. 1 ст. 142 КАС РФ допускает принятие решения об участии лица, не имеющего по объективным причинам возможности присутствовать в судебном заседании, если его присутствие необходимо для правильного рассмотрения и разрешения административного дела, путем использования систем видеоконференц-связи по собственной инициативе суда.

ный суд принимает решение о рассмотрении дела посредством веб-конференции с применением оборудования, находящегося в изолированном помещении суда, не только в отсутствие соответствующего ходатайства, но даже без учета и без выяснения мнения на этот счет лиц, участвующих в деле, что противоречит и процессуальному закону и п. 5 постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821.

Думается, ограничения, накладываемые распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), обусловившие приведенные примеры безграничной фантазии судов в части допуска участников процесса в здания судов, не должны умалять процессуальных прав участников гражданского судопроизводства и лишать их возможности полноценно отстаивать свою позицию в судебном заседании. Напротив, следует сосредоточиться на совершенствовании имеющихся и разработке новых процессуальных средств, с помощью которых право на участие в судебном заседании было бы всемерно защищено и гарантировано.

§ 18 Динамическая модель как способ измерения цифровых преобразований в процессуальной сфере⁴⁵⁴

В период цифровой трансформации российского общества появляется отчетливое понимание, что гуманитарному направлению требуется определение способа, некоего индикатора, указывающего на возникновение новых тенденций, делающих замер с момента возникновения новых явлений, и условная классификация развития этапов тенденций, теряющих свойство новизны и приобретающих определенные характеристики, становящихся «условно постоянными», которые вместе с тем постоянно видоизменяются. Особенно интересен данный анализ с точки зрения юридической науки, как цифровая трансформация, принципиально новый технологический уклад взаимодействия членов общества, общества и государства, публичных органов влияет на характеристики нормативных регуляторов, закрепляющих данные изменения и влияние технологических преобразований на характер общественных отношений.

Ранее Д.Х. Валеевым⁴⁵⁵ при анализе процессуальных последствий

⁴⁵⁴ Данный параграф выполнен А.Г. Нуриевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

⁴⁵⁵ Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Процессуальные последствия динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2020. № 7. С. 60–64.

динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики был предложен подход, согласно которому следует выделить «контрольные точки» в рамках процессуальных отношений для прогнозирования динамики развития процессуальных отношений и трансформации отдельных процессуальных институтов, на наш взгляд, следует опираться на принципы, закрепленные в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях с тем, чтобы выработать контрольные точки, сигнализирующие о динамике улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики, и оценить их процессуальные последствия.

Указанный подход, направленный на выделение контрольных точек, позволит определить степень влияния цифровизации на развитие процессуальных отношений в динамике качественного преобразования структуры общественных отношений.

Соответственно, можно выделить следующие преобразования в процессуальной сфере, которые явились следствием цифровой трансформации российского общества.

Одной из основных контрольных точек цифрового преобразования процессуальной сферы является сервис предъявления процессуальных документов в электронном виде либо образе электронных документов через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, который ежегодно увеличивает долю в общей статистике обращений в суд. Указанная технологическая платформа становится инструментом реализации конституционного права на судебную защиту.

Следующим важным индикатором является «Модуль распределения дел», который реализует в своей деятельности алгоритмы искусственного интеллекта и тем самым создает объективные предпосылки для распределения дел между судьями. Таким образом, обеспечивается еще одна важная гарантия в реализации принципа независимости судей.

Важной контрольной точкой, обеспечивающей реализацию принципа гласности, выступает возможность отследить движение дела через портал ГАС «Правосудие», реализуемая через раздел «Судебное делопроизводство» на официальных сайтах суда. Если ранее участники дела могли ознакомиться с информацией о состоянии дела лишь на основе письменных источников, изложенных на бумажном носителе, что ограничивало скорость передачи информации и ее открытость как для участников процесса, так и общества в целом, которое также должно иметь возможность внешнего аудита за системой отправления правосудия.

В настоящее время любой пользователь, благодаря ресурсу «Судеб-

ное делопроизводство», на странице интересующего его суда может ознакомиться с информацией о движении дела, о принятии процессуальных решений судьей. Это приводит к возможности моментального реагирования на действия судьи и, как следствие, к процессуальной экономии. Важным ресурсом, открывающим доступ к судебной практике, является «Банк судебных решений» на портале ГАС «Правосудие».

Цифровые сервисы в настоящее время направлены в первую очередь на автоматизацию судебного делопроизводства, которые вместе с тем, исходя из практики высших судебных инстанций, рассматриваются в единстве с понятием «электронное правосудие»⁴⁵⁶.

§ 19 К вопросу о теоретико-методологических (доктринальных) основах метода правового регулирования «электронных» правоотношений в сфере гражданского судопроизводства⁴⁵⁷

Обоснование необходимости пересмотра доктринальных взглядов. По мере все большего приближения к полноценной модели электронного правосудия в практике судопроизводства в России наблюдается все более тесное переплетение технико-правовых и процессуальных норм в структуре гражданского процессуального, арбитражно-процессуального права, а равно и административно-процессуального законодательства. Ввиду этого дальнейшее позиционирование правовой регламентации использования электронно-информационных технологий в качестве составной части лишь информационного права и в отрыве от соответствующих процессуальных отраслей российского права будет весьма проблематичным, поскольку рассматриваемые технико-правовые нормы станут неотъемлемой частью процессуальной формы разрешения гражданских споров.

Соотношение и взаимосвязь процессуального правового регулирования и технических регламентов. Техническое правовое регулирование признается составной частью, одним из специфических элементов

⁴⁵⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 2546-О по делу «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назаренко Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 38 и 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», а также пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵⁷ Данный параграф выполнен В.В. Ныrkовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

метода правового регулирования гражданско-процессуальных отношений, которое в то же самое время вполне закономерно оказывает трансформирующее воздействие на иные уже традиционные элементы упомянутого метода. В этой связи требует разрешения такая фундаментальная для современного правоведения проблема, как соотношение и взаимосвязь процессуального права и норм технического правового регулирования сквозь призму учения о предмете и методе правового регулирования.

Предложения по разграничению предмета регулирования между процессуальными кодексами и техническим регламентом в сфере электронного правосудия:

- к предмету правового регулирования процессуальных кодексов следует отнести комплекс отношений, связанных с институтами подачи иска в электронной форме, с правилами доказывания и оценки электронных доказательств, с определением круга электронных документов и требований к ним, с установлением гарантий процессуальных прав лиц, использующих электронные технологии в ходе судопроизводства, с порядком извещения лиц судом посредством электронно-информационных средств, возложения ответственности и перераспределения бремени несения негативных последствий за невиновное нарушение процессуальных норм и технико-юридических предписаний в сфере электронного правосудия (защита прав на началах риска от технических сбоев, ошибок и т.д.);

- в предмет регулирования единого технического регламента предлагается включить вспомогательные отношения по обеспечению беспрепятственной реализации сторонами процесса и судом юридически значимых действий (собственно самих процессуальных отношений как основных), осуществляемых посредством электронной формы в рамках судопроизводства, одним из субъектов которых выступают технические специалисты суда, операторы электронных платформ, провайдеры, операторы связи и иные.

Пределы технико-юридической регламентации отношений в сфере электронного правосудия четко определяются недопустимостью ее вмешательства в вопросы установления новых или изменения уже имеющихся процессуальных прав и обязанностей участников судебного процесса, компетенции суда, в институт представления и оценки доказательств, в правила о процессуальной ответственности и защиты от невиновного нарушения правил судопроизводства ввиду рисков использования электронных средств и технологий.

Предпосылки модернизации метода правового регулирования процессуального права. Наблюдается взаимопроникновение программных продуктов, технических норм, сопряженных с их использованием на

базе АИС, соответствующих платформ и норм процессуального права. Последние органически должны дополняться целым комплексом именно технико-юридических норм, имеющих не просто технический характер, а именно технико-правовое содержание, поскольку за их нарушение должны следовать конкретные юридически значимые последствия в виде мер юридической ответственности, юридического механизма распределения рисков использования электронно-информационных ресурсов (защиты) между участниками судебного разбирательства, а также и государством, отвечающим за надлежащую работу подобных технических инструментов и платформ.

На настоящем этапе развития правовой науки и российской судебной практики опыт информационного права в вопросе разработки специфического метода правового регулирования информационно-коммуникационных отношений⁴⁵⁸ представляется весьма ценным, полезным в плане его рецепции со стороны процессуального права и адаптации под условия и специфику судопроизводственной деятельности.

Предложения по модернизации метода правового регулирования:

- необходимо системное рассмотрение содержания и структуры метода правового регулирования процессуальных отношений⁴⁵⁹, что позволяет учитывать в процессуальных юридических науках и на практике наиболее точным образом происходящую трансформацию процессуального законодательства ввиду внедрения в судебную практику электронно-цифровых технологий;

- в кратком виде метод правового регулирования процессуальных отношений представляется целесообразным определить в качестве единого комплекса, системно организованного на основе соответствующих принципов, средств и способов правового регулирования в сфере отправления правосудия по гражданским, арбитражным и административным делам;

- в модернизированном виде метод должен содействовать приближению правосудия по гражданским, арбитражным и администра-

---

458 См.: Волков Ю.В. К вопросу о методе информационного права // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 62; Минбалева А.В. Характеристика метода правового регулирования (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 2. С. 91–94.

459 См.: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1969. С. 10-11; Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1974. С. 48; Комаров В.В. Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. С. 11-12; Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.

тивными делам по ряду параметров, по функционалу и доступности к публично-правовой услуге, оказываемой государством;

- технологии внедрения электронного правосудия делают целесообразным предложение о пересмотре и существенном изменении следующих основных элементов метода правового регулирования цивилистических процессуальных отношений – процессуальная форма, принципы процессуального права, процессуальная ответственность и способы защиты права, пределы процессуально-правового регулирования, а также его связь с технической правовой регламентацией;

- в трансформированном виде метод регулирования процессуальных отношений должен быть дополнен новыми принципами, отражающими специфику электронной формы судопроизводства, а ряд уже традиционных принципов процессуального права подлежит изменению (например, принцип непосредственности, принцип устности и др.);

- сложноструктурированный метод правового регулирования процессуальных отношений предлагается дополнить таким относительно новым элементом, как технико-правовой способ отправления правосудия;

- предлагается выделять относительно обособленный комплекс процессуальных и тесно с ними связанных технико-правовых норм, регламентирующих применение информационно-электронных средств в цивилистическом процессе к настоящему моменту. Следовательно, исходя из общетеоретической методологической установки о существовании наряду с отраслевым методом правового регулирования и относительно самостоятельных методов правового регулирования у институтов права, становится возможной трактовка анализируемого технологического способа отправления правосудия в качестве специфической разновидности последней группы методов.

Структурная модель электронно-технологического способа отправления правосудия как составная часть единого метода правового регулирования процессуальных отношений. Она должна включать в себя следующие моменты:

- обязательное наличие в ее структуре и содержании специфических способов правового регулирования, в том числе интегрированных из других сфер научного знания, в первую очередь, технической;

- предоставление участникам процессуальных отношений правовых гарантий и дополнительных прав по защите персональных данных, гарантий соблюдения тайны личной и семейной жизни, установление процессуального и технико-инструментального обеспечения равного доступа к информации о деятельности судов и к судебной защите через электронные ресурсы;

- наличие правовых средств по предотвращению информационных угроз и инструментов по минимизации их возможных негативных последствий в случае реализации;

- закрепление дополнительных правовых ограничений и запретов в отношении подделки электронных форм документов, искажения электронных доказательств и неправомерного внесения изменений в электронно-цифровые образы судебных актов;

- определение критериев правовой защиты процессуальной информации ограниченного доступа, а также обеспечение должной реализации публичных информационных интересов по защите государственных электронно-информационных ресурсов от несанкционированного доступа (имеются ввиду ГАС «Правосудие» и др.);

- наличие технико-правовых норм, предусматривающих порядок пользования информационным интерфейсом, определение порядка информационного обмена и учет последнего в качестве элемента определения правосубъектности (например, электронно-цифровая подпись как техническое средство идентификации субъекта в судебном процессе);

- включение информационного допуска и доступа в качестве технических элементов в состав процессуальных юридических фактов;

- средства процессуальной и технико-юридической фиксации действий субъектов по обмену юридически значимой информацией и документами в электронном виде;

- требования об обязательности размещения в электронном виде определенной информации и документов участниками процесса и судом, а также наличие законодательных запретов на размещение, распространение в электронно-информационных системах определенных судебных и иных правовых актов, документов, охраняемых данных и сведений под угрозой процессуальной и иной юридической ответственности.

§ 20 Злоупотребление цифровыми технологиями в гражданском процессе

В настоящее время процессы цифровизации и информатизации затрагивают все сферы общественной жизни, в том числе гражданский, арбитражный процесс и административное судопроизводство. Современные информационные технологии позволяют суду и участникам судопроизводства более эффективно добиваться достижения целей правосудия в гражданском процессе. Особенно ярко возможности электронного правосудия были продемонстрированы в период панде-

мии COVID-19, когда только использование цифровых технологий позволило отечественным судам безопасно разрешить многие споры.

Однако у цифровизации есть не только плюсы. Как справедливо отмечается в юридической науке, цифровизация гражданско-процессуального процесса несет значительные риски, связанные легкостью внесения в электронные доказательства изменений, повышает вероятность подлога и искажения содержащейся в них информации⁴⁶⁰. В результате поспешной и непродуманной цифровизации возможны утечка личной, конфиденциальной информации лиц, участвующих в деле, получение несанкционированного доступа к материалам дела, подмена лиц, участвующих в электронном процессе, что может стать препятствием для осуществления эффективной защиты прав и интересов лиц, упомянутых в ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ и ст. 3 КАС РФ.

К сожалению, в современной России злоупотребляют возможностями, предоставляемыми цифровыми технологиями и государственные органы, а суды не всегда в состоянии заметить такие злоупотребления.

Так, например, 5 апреля 2017 года гражданка О., получившая 31 марта 2017 г. письменный отказ налогового органа в перерасчете имущественного налога за 2015 год, обратилась с административным иском об оспаривании бездействия налогового органа в Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону. Административный истец понес по данному делу расходы на оплату услуг представителя, а также почтовые расходы, связанные с направлением искового заявления в суд.

Решением от 17 мая 2017 года в иске было отказано. В основу такого решения было положено представленное административным ответчиком в материалы дела налоговое уведомление № 157425192 от 30 марта 2017 года, в котором имущественный налог пересчитан, то есть ИФНС добровольно удовлетворила заявленные требования, а также сведения о том, что данное уведомление размещено в тот же день в личном кабинете налогоплательщика гражданки О.⁴⁶¹.

Представленные административным ответчиком сведения о раз-

460 См.: Афанасьев С.Ф. О праве на ложь в гражданском процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. 2020. № 1. С. 22-28; Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. О некоторых новеллах электронного документооборота в современном гражданском судебном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 51-54; Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12. С. 85-98; Бранивицкий К.А. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59-70; Борисова В.Ф. Проблемы и перспективы обращения в суд в электронной форме // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 14-16; Ясков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

461 См. Материалы дела № 2а-1563/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону.

мещении уведомления в личном кабинете налогоплательщика якобы за пять дней до обращения административного истца в суд убедили суд в том, что административный ответчик свою обязанность по правильному исчислению налога на имущество и уведомлению об этом гражданки О. исполнил до обращения в суд административным иском. Это обстоятельство и послужило основанием как для отказа в иске, так и основанием для отказа в компенсации административному истцу судебных расходов.

Доводы административного истца и его представителя о том, что до последнего судебного заседания (17.05.2017 г.) административный ответчик о добровольном удовлетворении заявленных требований не сообщал, но напротив возражал против иска, что, собственно говоря, и послужило причиной обращения с административным иском в суд. А также доводы о том, что гражданке О. о существовании налогового уведомления № 157425192 не было известно, что к моменту рассмотрения дела ей исполнилось более 70 лет, никакого личного кабинета никогда и нигде она не регистрировала, доступа к личному кабинету налогоплательщика никогда не имела, что ни компьютером, ни Интернетом она пользоваться не умеет, более того, не в состоянии даже открывать и читать СМС-сообщения на своем кнопочном телефоне суд первой инстанции проигнорировал.

После рассмотрения дела судом первой инстанции представитель административного истца смогла получить в ИФНС по месту жительства гражданки О. документ, подтверждающий факт регистрации личного кабинета налогоплательщика на имя сотрудниками ИФНС с паролем администратора без ее ведома, а также то, что доступ пользователю не выдавался. Иными словами, было получено доказательство, подтверждающее то, что гражданка О. не только не имела доступа к личному кабинету налогоплательщика, но и не знала о его существовании. Следовательно, даже если признать обоснованным вывод суда о надлежащем исполнении административным ответчиком обязанности по правильному исчислению налога, то обязанность по уведомлению об этом административного истца была не исполнена, и именно бездействие налогового органа повлекло обращение административного истца в суд, в связи с чем у него, согласно ст. 113 КАС РФ, возникло право на компенсацию судебных расходов.

Позднее, возможно уже после возбуждения дела по иску гражданки О., сотрудники налоговых органов, воспользовавшись имевшимися правами администратора, разместили в указанном личном кабинете ответ на многократные просьбы гражданки О. о перерасчете налога, что и послужило основанием для отказа в иске. Письменные доказательства, подтверждающие регистрацию личного кабинета сотрудни-

ками ИФНС без ведома истца, наличие у них доступа с правами администратора и отсутствие такого доступа у истца были представлены в суд апелляционной инстанции.

Однако апелляционная и кассационная инстанции обстоятельства, связанные с созданием личного кабинета налогоплательщика, возможностью доступа к нему работников административного ответчика и временем размещения ответа ИФНС, проигнорировали и решение суда первой инстанции было оставлено без изменения⁴⁶².

На наш взгляд, именно отсутствие в цивилистическом процессе четкого регулирования порядка исследования письменных доказательств, имеющих источником своего происхождения электронный документооборот, приводит к тому, что некоторые судьи уклоняются от исследования подобных документов, а некоторые, принимая такие доказательства, предъявляют к ним собственные требования⁴⁶³. Возможно, именно из-за отсутствия надлежащей регламентации суд в проанализированном в настоящей статье деле не смог верно оценить исследованные электронные доказательства и обстоятельства их возникновения.

Процедура оценки электронных доказательств в процессуальных кодексах регламентирована фрагментарно. Качество регулирования, безусловно, несколько улучшилось после вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»⁴⁶⁴, однако продолжает оставаться не достаточным и на настоящий момент, несмотря на попытки конкретизации, предпринятые в Постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»⁴⁶⁵, Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»⁴⁶⁶ и Приказе Судебного департамента при ВС РФ от 11.09.2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме

462 Подробный анализ данного дела см.: Самсонов Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 40–54.

463 Чамуров В.И. Электронные документы в сети Интернет как доказательства в российском судопроизводстве // Информационное право. 2013. № 4. С. 32–34.

464 Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.

465 Российская газета. 2017. № 297.

466 Бюллетень актов по судебной системе. Февраль. 2017. № 2.

электронного документа»⁴⁶⁷.

Мы полагаем, что для минимизации негативных последствий, возникающих при использовании электронных доказательств, а также других отрицательных проявлений цифровизации в цивилистическом процессе необходима выверенная, достаточно подробная регламентация таких элементов электронного правосудия, как обращение в суд в электронном виде, представление в суд электронных документов, использование технологически современных способов уведомления участников процесса о движении гражданских дел, проведение дистанционных судебных заседаний, а прежде всего, нужна тщательная регламентация процедуры проверки достоверности электронных документов и верификации информации, поступающей в суды в электронном виде.

На наш взгляд, применение самых совершенных технологий не может и не должно лишать граждан и иных участников процесса права на справедливое судебное разбирательство⁴⁶⁸, изменять сущность правосудия. Поэтому нам представляется разумной мысль о необходимости разработать дополнительные критерии проверки достоверности электронных доказательств, аналогичные закрепленным в ч.ч. 6, 7 ст. 67 ГПК РФ правилам оценки письменных доказательств, для чего следует прямо предусмотреть в процессуальном законодательстве обязанность суда, рассматривающего дело, выяснять обстоятельства, связанные с созданием электронных документов и иных цифровых доказательств, в том числе возможность регистрации электронных кабинетов посторонними лицами и возможность получения к ним несанкционированного доступа, особенно если об этом заявляют стороны.

§ 21 Отдельные аспекты цифровизации правосудия: обзор международной практики⁴⁶⁹

Повсеместное внедрение цифровых технологий и коммуникационных средств в общественные отношения – уже не подлежащий со-

467 Бюллетень актов по судебной системе. Октябрь. 2017. № 10.

468 О праве на справедливое судебное разбирательство в цивилистическом процессе см.: Воронцова И.В. Справедливость в российском гражданском процессе // Современное право. 2011. № 4. С. 74–76; Воронцова И.В. Справедливость как задача гражданского судопроизводства и требование, предъявляемое к решению суда // Юрист. 2011. № 23. С. 17–20.

469 Данный параграф выполнен О.А. Солдаткиной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

мнению факт. Как следствие, меняется право, являющееся основным социальным регулятором: появляются новые информационные правоотношения, требующие сопровождения; органы государственной власти все больше в своей работе опираются на электронные системы документооборота; цифровые технологии внедряются в деятельность органов внутренних дел, прокуратуры, в нотариальную деятельность. Судебная система также не остается в стороне. Более того, процесс здесь настолько глобальный, что возникло сначала такое понятие, как электронное, а позже – цифровое правосудие.

Однако изменения на основе информационных технологий в процессе отправления правосудия имеют как плюсы, так и минусы, при неграмотной трансформации способные свести на нет все плюсы и даже ухудшить ситуацию. Одним из свойств цифровой среды является ее нейтральность относительно социальных процессов, только способы ее использования позволяют поставить знак. Информационные технологии в судебной деятельности позволяют оптимально организовать процесс, не затягивать сроки рассмотрения дел, производить электронную регистрацию дела, следить за прохождением дела в суде, за соблюдением процессуальных сроков, поддерживать связь с представителями сторон, определять судебные расходы, готовить и вести судебную статистику⁴⁷⁰. С другой стороны, сейчас на информационном поле судов общей юрисдикции, например, существует несколько дублирующих проектов, таких как ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и КИС СОЮ, что не только требует утроенного финансирования, но и увеличивает нагрузку на суды. Не стоит на месте и уровень развития цифровых технологий: появляются новые их виды, совершенствуются старые, увеличивается скорость линий связи и их пропускная способность, виртуальные коммуникации становятся основными. Меняются, соответственно, и запросы граждан – сейчас уже многим из них недостаточно простых сервисов по подаче обращений, люди ждут большей интерактивности.

Все это подводит к очевидной мысли о необходимости единой стратегии цифровой модернизации судов, чтобы избежать бросания из одной системы в другую и повысить присутствие судов в виртуальном пространстве, но и тут тоже не все так просто.

Становление электронного правосудия в нашей стране еще с 2002 г. происходило в рамках концепций, начиная с Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамен-

470 См.: Решетняк В.И. Зарубежный опыт использования информационных технологий для организации деятельности судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 298–302. URL: www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=24822.

та, утвержденной постановлением Совета судей РФ от 11.04.2002 № 75, предусматривавшей обеспечение единства подходов к разработке методов и средств информатизации, внедрение электронного документооборота по трем основным направлениям. Далее концепции менялись, но оставляли за собой комплекс глобальных вопросов, в совокупности приведших к тому, что к пандемии и карантину суды оказались не готовы. Значит, сами концепции и программы должны строиться на других принципах, в числе которых, на наш взгляд, должен быть и всесторонний анализ эффективных зарубежных информационных систем и решений.

Рассмотрим далее электронное правосудие в отдельных зарубежных странах (формат статьи не позволяет сделать полноценный обзор, поэтому ограничимся двумя странами) с позиции оценки возможности имплементации интересных опций и подходов в наш судебный процесс с целью повышения открытости и доступности правосудия.

Начнем с Федеративной Республики Германия. Эта страна выбрана нами не случайно. Ее развитое гражданское общество – известный факт, а взаимодействие органов государственной власти со своими гражданами практически образцовое. Кроме того, Германия, как и Россия, является федеративным государством с кодифицированным законодательством, а значит, ее опыт с большой долей вероятности может быть использован в отечественной судебной системе.

Что касается цифровизации, Германия традиционно занимает высокие места в мировых рейтингах, например, рейтинге развития электронного правительства. Одним из главных пунктов программы по созданию немецкого электронного правительства стало повышение компьютерной грамотности населения. Еще в 2000 г. канцлер Германии Герхард Шредер в обращении к парламенту отметил в качестве важнейшего шага на пути к формированию электронного правительства то, что навыки пользования Интернетом должны стать частью общего образования. В результате в ходе реализации проектов по развитию электронного правительства власти ФРГ получили также и общественную среду, подготовленную к новшествам и трансформации к цифровому виду.

Что же касается электронного правосудия в Германии, то оно достаточно развито. Само электронное правосудие понимается в немецкой юридической доктрине как собирательное явление, охватывающее различное использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности судов. В состав немецкого электронного правосудия входят электронная коммуникация между судом и участниками процесса, электронные судебные дела, различные электронные реестры, ведение которых отнесено к компетенции судов, размещение

в банках данных судебных решений, использование видео-конференц-связи и ряд других элементов⁴⁷¹, что в целом соответствует общей политике Европейского Союза (далее – ЕС) в данном вопросе.

При этом собственно информатизация не является самоцелью, важнее сделать правосудие доступным для каждого человека. Ориентированность на удобство граждан на сайтах судов и прочих правовых сайтах проявляется даже в мелочах: так, предоставленная информация изложена не сложным формализованным юридическим языком, а во вполне понятных населению терминах; адаптированы сайты и для людей с ограниченными способностями⁴⁷².

Стоит отметить, что при безусловном влиянии ЕС некоторые компоненты были созданы еще на самом раннем этапе информатизации, сразу после того, как были разработаны основные правовые условия для электронного правосудия. Учитывая особенности судебной системы страны, власти ФРГ не смогли избежать типичной ошибки, традиционно возникающей на ранних этапах информатизации: разница в применяемых информационных системах в различных федеративных единицах и вызываемая ей сложность коммуникации.

Вопросы коммуникации, или «электронного правового оборота»⁴⁷³, призвана решать система «Электронный судебный и административный почтовый ящик»⁴⁷⁴ (Elektronisches Gerichts und Verwaltungspostfach, далее – EVGP). Отдельные ее компоненты начали разрабатываться еще в 2004 г., позже появились так называемые почтовые ящики: для нотариусов (beN) (2016 г.), для органов власти (beVPO) (2018 г.). Все это позволяет быстро передавать документы в электронном виде в суды и органы власти, однако при этом из-за проблем с безопасностью и неудобно построенным интерфейсом этот канал коммуникации используется слабо⁴⁷⁵.

Другим каналом передачи электронных документов в суды и органы власти является специальный безопасный электронный почтовый ящик адвоката (*besonderer elektronischer Anwaltspostfach, beA*), создан

471 Berlit, Uwe. 2007. E-Justice – Chancen und Herausforderungen in der freiheitlichen demokratischen Gesellschaft. JurPC (Web-Dok. 171) Abs. 2-14, 32 (accessed January 15, 2018). URL: <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20070171>.

472 Муромская Ю.В., Батурина Н.А. Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-forma-sudoproizvodstva-za-rubezhom>.

473 Проскурякова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnnoe-pravosudie-v-germanii-aktualnoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 04.09.2020).

474 Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach. URL: <https://egvp.justiz.de/>

475 См.: Проскурякова М.И. Указ. соч.

ный в соответствии с § 31a Федерального положения об адвокатуре, являющегося федеральным законом⁴⁷⁶. В немецком судебном процессе в большинстве случаев само лицо не может вести свой процесс в суде, а его интересы должен представлять адвокат⁴⁷⁷, поэтому данный вид коммуникации приобретает ключевое значение. Чтобы избежать «стрессового» варианта внедрения данной технологии в практику, немецкий законодатель предусмотрел поэтапный переход на использование адвокатами электронных средств связи для общения с судами.

Что же касается электронных дел как основы документооборота в судебной системе, то работа в этом направлении началась в ФРГ с 2001 г. Возможность ведения в немецких судах электронных дел впервые была установлена в 2005 г. Законом «Об использовании электронных форм коммуникации в сфере юстиции»⁴⁷⁸. Однако процесс внедрения электронных дел несколько затянулся, и в настоящее время лишь в нескольких судах в рамках пилотных проектов ведутся электронные дела. Стоит отметить, что с 2026 г. эта обязанность будет возложена на все суды (кроме конституционных), так что серьезная работа по унификации судебных информационных систем еще идет.

Между тем некоторые виды судопроизводства могут осуществляться полностью в электронном виде. Электронные документы можно подавать в любое время. Несмотря на то, что технические требования устанавливаются нормативными актами федеральных земель, существует особый формат компьютерного интерфейса интерактивных служб OSCI. Иск, поданный через электронную систему, можно отозвать, как и обычный. При инициировании разбирательства через Интернет ответчик сам выбирает, как ему отвечать. Допустима и подача апелляции в электронном виде, если это предусмотрено соответствующим регламентом в рассматриваемом суде.

Большое внимание в ФРГ уделяется защите информации и безопасности данных. При доступе к веб-сайту автоматически собираются данные о типе веб-браузера, используемой операционной системе, доменном имени интернет-провайдера и другая информация, технически необходимая для правильной доставки запрошенного контента и для оптимизации веб-сайта. Суровой является и политика работы с персональными данными – добровольно предоставленные на веб-сайт, они не передаются третьим лицам, а хранятся и используются только для целей, для которых они были предоставлены, и только до тех пор, пока

476 Bundesrechtsanwaltsordnung v. 1.8.1959 zul. geändert am 30.10.2017 // BGBl. 1959. I. Nr. 35. S. 565; BGBl. 2017. I. Nr. 71. S. 3618.

477 См.: Проскуракова М.И. Указ. соч.

478 Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz – JkomG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.

это необходимо для достижения этих целей.

Таким образом, систему электронного правосудия в Германии нельзя назвать совершенной. Между тем в ней есть и некоторые существенные достижения, которые можно учесть при выстраивании отечественного информационного пространства судебной системы, а именно:

1. Активная работа с населением и специалистами для создания благоприятной общественной среды при внедрении информационных технологий.

2. Эволюционный путь развития судебных систем, учитывающий разницу в программном обеспечении различных субъектов Федерации.

3. Использование единого формата компьютерного интерфейса интерактивных служб.

4. Уделение особого внимания вопросам коммуникации не только внутри судебной системы, но и с «внешними» по отношению к ней адвокатами и нотариусами.

5. Разработка систем на основе современных стандартов шифрования и при строгом соблюдении стандартов информационной безопасности, в том числе и общей для ЕС политики работы с персональными данными.

6. Ориентированность систем на доступность правосудия для граждан без ущерба для удобства работы судей.

Второй страной возьмем США. Это выбор так же не случаен – при, казалось бы, существенном отличии в форме правовой системы в целом и организации российской и американской судебных систем в частности Америка обладает несомненным лидерством по уровню развития электронного правосудия.

Основной системой, использующейся в качестве сервиса электронного правосудия в США, является система публичного доступа к электронным записям PACER, предлагающая своим пользователям достаточно широкий и постоянно обновляющийся функционал:

– 24-часовой доступ к электронным документам через Интернет;
– возможность скачивать и распечатывать документы прямо из суда;

– доступ к информации о деле, включая список всех сторон, хронологию событий по делу, решения и сведения о статусе дела;

– реестр исков (журнал регистрации поступивших требований);

– реестр судебных актов апелляционных судов;

– ознакомления с аудиозаписями судебного заседания;

– возможность поиска дела по наименованию сторон, по сущности спора, а также по суду, рассматриваемому делу.

Базу PACER поддерживают все Федеральные суды США, процесс запроса и доступа к сведениям в каждом сервисе PACER является оди-

наковым, тогда как формат и содержимое предоставляемых системой федерального суда сведений может несколько отличаться. Множество параметров сведений, установленных в системе по каждому суду, передается каждый вечер в U.S. Party/Case Index (Указатель сторон/дел), находящийся в сервисном центре PACER.

Кроме того, все суды США используют систему «Управление делом / электронный реестр дел (CM/ECF)», являющуюся основной электронной платформой, посредством которой федеральные суды взаимодействуют с населением и управляют своими делами и документами. Для доступа к этой системе, позволяющей сторонам, их представителям, адвокатам подавать документы непосредственно в суд, необходимо стандартное оборудование: компьютер, доступ в сеть Интернет, программное обеспечение для обработки документов в формате PDF.

У системы CM/ECF есть интересная особенность: правила доступа в отношении конфиденциальной информации требуют, чтобы определенные программы редактировали персональную информацию⁴⁷⁹, а также предупреждение пользователей об ответственности за раскрытие конфиденциальной информации, согласие на добросовестное использование предоставленной информации.

Из соображений безопасности управление системами децентрализовано. Каждый из федеральных судов страны имеет свой собственный сервер, и это способствует созданию менее нагруженной архитектуры.

Что же касается электронного и традиционного документооборота, пока суды США еще пребывают в переходном периоде, так же выбрав эволюционный путь без резкого перехода. Например, в Верховном Суде США действует новая электронная система регистрации: официальная форма подачи документов остается бумажной, но все стороны, представленные адвокатом, должны через систему представлять электронные версии документов; заявки же от сторон, не являющихся адвокатами, представляются только в бумажном виде, но затем они сканируются.

Так же, как и ФРГ, в США целью создания электронного правосудия является обеспечение доступа к судебной информации гражданам, которые не имеют профессиональных навыков в этой области путем предоставления множества учебно-методических материалов или при помощи мобильной версии банка судебных дел.

Наличие общего банка данных о делах имеет еще один скрытый плюс – речь идет о попутном создании хорошей среды для развития LegalTech, сильно упрощающих работу юристов. Важнейшей техноло-

479 Proposed amendment to the federal rules of appellate procedure // Официальный сайт судебной системы США. URL: http://www.uscourts.gov/Viewer.aspx?doc=/uscourts/RulesAndPolicies/rules/AP_25.pdf.

гией здесь являются системы искусственного интеллекта, в основном пока используемых в юридической сфере как некий «продвинутый» способ поиска и сортировки релевантной информации⁴⁸⁰, а также на вспомогательных работах. В отдельных случаях боты могут использоваться и для решения простых дел (типа оспаривания штрафов за неправильную парковку). Применение искусственного интеллекта вызывает массу вопросов как юридического, так и этического характера, но эта технология остается одной из самых перспективных и активно внедряемых.

Таким образом, сочетание децентрализованного управления системами судов и наличие общего, их объединяющего, банка данных по судебным делам – это именно то, что делает электронное правосудие США удобным для граждан с одной стороны и относительно безопасным – с другой. Такая техническая модель организации взаимодействия выглядит на сегодня, пожалуй, самой удачной и может быть рекомендована для использования при организации электронной версии отечественной системы отправления правосудия. Тем более, пример подобной государственной информационной системы уже имеется, – речь идет, конечно, о госуслугах.

Еще раз упомянем и стремление обеспечить доступность судебных электронных систем для граждан без ущерба их функциональности и удобства для судей, свойственное электронному правосудию и в США, и в ФРГ. Ориентированность на потребности граждан – это то, чего в принципе не хватает отечественной судебной системе. Цифровые технологии в состоянии помочь с этим вопросом, но могут и усугубить положение, запутать процессы и окончательно подорвать доверие граждан, именно поэтому так важно обратить внимание на опыт других государств в данном вопросе.

§ 22 Иск о признании отсутствия задолженности как способ защиты

В российском праве известны иски о признании, которые в определенной степени «произошли» из преюдициальных исков, известных еще римскому праву⁴⁸¹. Еще в XIX веке в Устав гражданского судопроизводства было внесено положение о том, что «к спорам о праве гражданском относятся и иски о признании существования или несуще-

480 McGinnis J.O., Russel G.P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services // Fordham Law Review. 2013. № 82. P. 3041–3066. P. 3047.

481 Султанов А.Р. Можно ли предъявить в суде требование о признании незаконными действий коммерческих организаций // Арбитражная практика. 2010. № 12. С. 44–49.

ствования юридического отношения, коль скоро истец, в данное время, имеет законный интерес в подтверждение сего отношения судом»⁴⁸².

Как таковой иск о признании изначально не открывает в большинстве случаев перспективы совершения исполнительных действий, как отмечает С.А. Сеницын, именно по причине отсутствия принудительной силы исполнения решения суда возможность применения иска о признании долгое время отвергалась советской судебной практикой⁴⁸³ (более подробно см.: Зейдер Н.Б. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1939. С. 184).

Хотя возможность предъявления исков о признании признавалась и советскими процессуалистами. Так, М.А. Гурвич писал: «Иском о признании истец добивается подтверждения, т.е. установления определенности правоотношений, в случае оспаривания их существования или содержания, либо объема, в частности, их количественной стороны»⁴⁸⁴.

«Исками о признании могут быть признаны лишь такие обращения к суду, которые направлены на установление определенности (только определенности) в вопросе о существовании или отсутствии известного правоотношения»⁴⁸⁵, данный иск может быть соединен в один с иском о присуждении⁴⁸⁶. Причем иск о признании может успешно применяться и для пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, а также и для защиты уже нарушенного права⁴⁸⁷.

Доктринальное обоснование признания права отсутствующим как негативного иска о признании представлено в работах Р.С. Бевзенко⁴⁸⁸, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского⁴⁸⁹. Иски о признании отсутствующим вещных прав в настоящее время уже прочно вошли в судебную практику. Что же касается исков о признании задолженности, то они известны судебной практике, но порой приходится доказывать нали-

482 Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. XIII.

483 Сеницын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015. 340 с.

484 Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды). М., 1981. С. 13.

485 Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961. С. 66.

486 Иск в гражданском судопроизводстве: Сб. / Исаенкова О.В., Демичев А.А., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н.; под ред. О.В. Исаенковой. (Автор главы 2 «Иски о признании, иски о присуждении, преобразовательные иски» главы III «Виды исков» - Демичев А.А.). М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».

487 Там же.

488 Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 4-30; № 6. С. 5-29; 2012, № 1. С. 4-34.

489 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М., 1998. С. 153.

чие такого способа защиты.

Так, в учебнике «Гражданское право» под ред. Б.М. Гонгало упоминается, что в практике судов общей юрисдикции иски о безденежности займа формулируются как иски о признании задолженности отсутствующей⁴⁹⁰.

Возможность заявления иска о признании задолженности отсутствующей соответствует требованиям ст. 12 ГК РФ, в соответствии с которой защита гражданских прав осуществляется путем пресечения действий, создающих угрозу нарушения прав, а также путем признания права и прекращения правоотношения. Признание задолженности отсутствующей вносит правовую определенность в отношения сторон и может устранить пребывание под угрозой возможности предъявления требования задолженности при ее отсутствии и избавиться от «статуса должника». Для реализации некоторых гражданских прав наличие задолженности может быть препятствием.

Так, например, в судах общей юрисдикции уже достаточно давно рассматриваются иски о признании задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг отсутствующей, обязанности отозвать информацию о задолженности (Апелляционное определение Московского городского суда от 04.12.2012 по делу № 11-27208). Также заявление исков о признании задолженности отсутствующей достаточно часто применяются в кредитных отношениях. Некоторые коллеги полагают, что иногда единственным эффективным средством защиты будет подача иска о признании кредитной задолженности отсутствующей⁴⁹¹.

Уже сложилась судебная практика рассмотрения исков о признании отсутствующей задолженности по договору энергоснабжения (Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2017 г. № 310-ЭС17-17037; Определение Верховного Суда РФ от 30 октября 2017 г. № 304-ЭС17-15967), в области арендных отношений (Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 2018 г. № 307-ЭС18-15171).

Такой способ защиты права, как признание отсутствующей обязанности, применяется и в банкротных делах (Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2018 г. № 308-ЭС18-3841).

Существует также практика, где при рассмотрении вопроса о приращении последствий недействительной сделки суд применяет такой способ защиты участника сделки, как признание отсутствующей обязанности. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 21 декабря 2015 г. № 309-ЭС14-5788 отражено «...оспариваемые сделки признаны недей-

490 Гражданское право: В 2 т.: учебник (том 2) (3-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. Б.М. Гонгало). М., 2018.

491 Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М., 2016. 480 с.

ствительными, применены последствия их недействительности в виде признания отсутствующей обязанности должника...».

В нашей собственной практике мы столкнулись с тем, что конкурсные управляющие трех компаний, находящихся в процедуре банкротства, заявили ряд необоснованных требований, пытаясь в обособленных спорах рассматривать требования о признании сделок недействительными и применении последствий некоторых сделок, которые представляли собой части взаимосвязанных сделок. То есть была угроза рассмотрения частей сделок, а не в их взаимосвязи. Учитывая, что встречные иски в банкротных делах не были приняты, на наш взгляд, единственным эффективным средством защиты была подача иска о признании задолженности отсутствующей ко всем лицам, участвовавшим в сделках, с заявлением всех обстоятельств, имеющих отношение к данным сделкам.

Подача такого иска показала правильность избранного способа защиты, поскольку фактически ни один из ответчиков даже не стал доказывать наличие задолженности, поскольку, рассматривая все элементы взаимосвязанных сделок в их совокупности, было очевидно, что они правом требования задолженности не обладают.

Арбитражный суд РТ иски удовлетворил и решением от 17 июня 2020 года по делу № А65-22440/2019 признал задолженность истца перед ответчиками отсутствующей. Суд согласился с возможностью использования такого способа защиты, как заявления иска о признании задолженности отсутствующим, процитировав правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 04.07.2019 г. № 305-ЭС18-22976, согласно которой указанный способ защиты носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий.

В дальнейшем Ответчики данное решение не оспорили, а апелляция жалобы третьего лица была отклонена. Фактически наличие задолженности не доказывалось, а лишь ставилось под сомнение наличие такого способа защиты.

Суд апелляционной инстанции в Постановлении 24 сентября 2020 года отметил, что «целью судебной защиты в данном случае является внесение правовой определенности в отношения сторон спора, а потому вывод о том, является ли избранный истцом способ защиты надлежащим применительно к статье 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьям 11, 12 ГК РФ, следует оценивать таким образом, насколько действия ответчиков создают существенные препятствия истцу для реализации его гражданских прав и (или) возлагают на него необоснованные обязанности. По результатам

такой оценки суд первой инстанции пришел к выводу о том, что охраняемые законом интересы истца требуют судебного вмешательства на существующей стадии правоотношения и, соответственно, выбранный способ защиты прав истца являлся в данном случае правомерным. Доводы заявителя жалобы о неисполнимости данного решения не могут быть приняты во внимание, поскольку таким исполнением, в сущности, является подчинение действий ответчиков судебному акту, которым констатирована правота истца в отношении объема его обязательства перед ответчиками».

Полагаем, что такой подход в полной мере соответствует российской процессуальной доктрине, расценивающей иск о признании как иск о судебном подтверждении правоотношения⁴⁹².

§ 23 Агрегаторы информации о гостиницах (иных средствах размещения): понятие, тенденции, проблемы

В настоящее время граждане покидают место постоянного проживания и активно перемещаются по миру, часто сталкиваясь с отсутствием свободных мест в гостиницах (иных средствах размещения). Чтобы исключить данную ситуацию туристы, с учетом своих запросов, бронируют гостиничный номер «по старинке» в самой гостинице (ином средстве размещения) либо пользуются услугами агрегаторов информации о гостиницах (иных средствах размещения) (далее – агрегаторов).

Агрегаторы предоставляют индивидуальным туристам, туристским организациям, корпоративным клиентам (далее – клиентам) информацию о наличии свободных мест в гостиницах, которые можно забронировать либо онлайн через платформу (сайт) агрегатора, сайт гостиницы (иного средства размещения), либо офлайн (от стойки гостиницы, по телефону и т.д.).

Организация полноценной работы агрегатора информации о гостиницах (иных средствах размещения) требует создания технологической платформы – специальной системы, включающей в себя компьютерные программы, обеспечивающие безопасность обмена, обработки информации; базы данных; веб-сайт агрегатора; его доменное имя и др.

По сути деятельность агрегатора представляет собой деятельность «посредника» между гостиницей (иным средством размещения) и клиентом.

Гостиница (иное средство размещения) направляет оферту агрегатору посредством электронного обращения на его сайт с указанием сведений о гостинице (звездности – «пять звезд», «четыре звезды»,

⁴⁹² Гордон В.М. Указ. соч. С. 45.

«три звезды», «две звезды», «одна звезда», «без звезд», категории – «сюит», «апартамент», «люкс», «джуниор сюит», «студия», номера с I по V категории и наличие свободного номерного фонда, дополнительных); ценах на основные и дополнительные гостиничные услуги, которые могут быть изменены гостиницей (средством размещения) в любой момент; специальных предложениях, скидках, дополнительных услугах для потребителей на платформе агрегаторов информации; правилах размещения в гостинице и т.д. После чего агрегатор: а) размещает данную информацию на своей платформе (сайте), она становится доступной для поиска и бронирования индивидуальными туристами, туристскими организациями, корпоративными клиентами. Отметим, что на агрегатора законодатель наложил обязанность по возмещению убытков, причиненных потребителю вследствие предоставления недостоверной/неполной информации о гостиничной услуге или исполнителе – гостинице (ином средстве информации), если был заключен договор возмездного оказания гостиничных услуг (абз. 1 п. 2.1 ст. 12 Закона о защите потребителей⁴⁹³), при этом если информация была неверно указана гостиницей, то агрегатор освобождается от возмещения убытков (абз. 3 п. 2.1 ст. 12 Закона о защите потребителей); б) осуществляет онлайн-общение с клиентами; формирует заявку на бронь в гостинице (средстве размещения) с учетом потребностей клиентов, направляет последним подтверждение брони в гостинице (средстве размещения); в) обеспечивает по безопасным соединениям с максимальной скоростью прохождение через свою платформу платежей между гостиницей (иным средством размещения) и клиентами, для чего использует передовые технологии шифрования и надежно защищает данные банковских карт клиентов; г) аккумулирует и публикует реальные отзывы клиентов о гостинице (ином средстве размещения) на известных во всем мире платформах TripAdvisor, Hotels.com, Expedia, trivago.

Размещение большого объема информации на платформе (сайте) агрегатора позволяет клиентам без прямого обращения в гостиницу сравнивать и выбирать оптимальные варианты проживания среди конкурирующих гостиниц (иных средств размещения), а гостиницам (иным средствам размещения) – предоставлять большой пакет комплексных гостиничных услуг.

Для самих агрегаторов информации – новичков на рынке – привлечение на свою платформу не только гостиниц (иных средств размещения), но и клиентов сопряжено с колоссальными финансовыми затратами. Так, например, общий объем затрат агрегатора Booking.com (Booking Holdings Inc), действующего по всему миру, составил при-

⁴⁹³ Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 № 2300-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

мерно 4,4 млрд долларов США⁴⁹⁴. В этой связи выход на рынок новых игроков – агрегаторов информации о гостиницах (иных средствах размещения) затруднен. Наличие в договоре крупнейшего в мире агрегатора информации о гостиницах (иных средствах размещения) пункта о предоставлении гостиницами лучшей цены для Booking Holdings Inc свидетельствует о наличии признака недобросовестной конкуренции и злоупотребления доминирующим положением⁴⁹⁵.

На практике новые агрегаторы информации о гостиницах (иных средствах размещения) в рамках действующего законодательства могут получить конкурентные преимущества, только повышая качество предоставляемых услуг.

Пандемия коронавируса, охватившая весь мир, внесла свои коррективы и в гостиничный бизнес, гостиницы в течение долгого времени стояли пустыми, туристы массово отменяли туры, деловые и личные поездки. Исключением из общего списка «замерших» гостиниц стали те из них, что предоставили номера для медиков, работающих в «красной зоне», или организовали обсервации для пациентов с коронавирусом. Например, московская гостиница «Radisson Славянская» предоставила медицинскому персоналу из «красной зоны» в период с марта по июнь 2020 г. не только 421 номер для проживания, но и ежедневные бесконтактные завтраки и ужины, стирку, химчистку и места для парковки.

Деятельность агрегаторов информации о гостиницах (иных средствах размещения) в этот период также была остановлена. Но позднее отдельные агрегаторы предприняли максимум усилий для сохранения клиентской среды. Так, например, Woosing.com инициировал для своих клиентов, забронировавшим ранее гостиничные номера (места в гостиничных номерах) в средствах размещения, выплату вознаграждения в размере 15% от стоимости бронирования на поездки в будущем, когда они станут безопасными, но на период не позднее 30 апреля 2021 г., максимальный размер вознаграждения ограничен 100 дол США. Предложение действует для брони, заключенной до 31 декабря 2020 г.⁴⁹⁶

Гостиничная сеть Хиатон по всему миру запустила для агрегаторов информацию о: а) «программе чистоты» в своих отелях; б) внедрении

⁴⁹⁴ Отчет Booking Holdings Inc за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sec.gov/cgi-bin/srch-edgar/data/1075531/bkng> (дата обращения: 05.08.2020).

⁴⁹⁵ ФАС запретил Booking.com требовать лучшую цену от отелей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontdesk.ru/news/fas-zapretil-bookingcom-trebovat-luchshuyu-cenu-ot-oteley> (дата публикации: 12.11.2019).

⁴⁹⁶ Booking.com предлагает скидку за восстановление отмененных бронирований из-за коронавируса // Вестник РГА. 2020. № 04-05 (111-112). [Электронный ресурс]. URL: <https://rha.ru/vestnik/vestnik-rga-02-03-109---110-2> (дата обращения: 05.06.2020).

бесконтактного заселения в гостиницу, так клиент через специальное приложение «HiltonHonors» может самостоятельно зарегистрироваться в гостиницах сети Хилтон и получить цифровой ключ от номера; в) предоставлении в полном объеме услуг фитнес-центров и бассейнов, но с обязательной несколько раз в день дезинфекцией помещений и оборудования; г) безопасном (расстановка столов и стульев в кафе и ресторанах гостиниц сети осуществляется на безопасной дистанции) и бесконтактном оказании услуг питания (подача еды в специальной биоразлагаемой посуде).

Недостаточное правовое регулирование деятельности агрегаторов информации о гостиницах (иных средствах размещения), отсутствие в настоящее время у хозяйствующих субъектов необходимых финансовых средств не способствуют развитию деятельности российских агрегаторов, способных конкурировать с известными во всем мире системами бронирования.

§ 24 Трудовые отношения в условиях пандемии COVID-19: опыт адаптации к удаленной (в т.ч. дистанционной) работе в Беларуси и за рубежом

Республика Беларусь в связи с пандемией коронавируса Covid-19 не объявляла карантин, не вводила чрезвычайное положение или иных подобных ограничительных мер, связанных с приостановлением работы тех или иных секторов экономики и организаций бизнеса. Вместе с тем в законодательство Беларуси на подзаконном уровне было введено понятие «самоизоляция» и принят ряд постановлений Правительства, Министерства здравоохранения Республики Беларусь, которые были призваны минимизировать распространение инфекции и обеспечить быстрое и эффективное выздоровление заболевших лиц.

Белорусские, российские и европейские ученые-юристы уже исследовали некоторые практические вопросы применения трудового законодательства, которые вызывают наибольшие вопросы у практиков⁴⁹⁷. Вместе с тем анализ практики применения с марта 2020 г. в связи с пан-

497 Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России за рубежом. 2020. № 3. С. 3–8; Лютов Н.А. Защита населения, работодателей и рынка труда в условиях пандемии: Россия в глобальном контексте // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 108–117; Томашевский К.А. Режим самоизоляции граждан и ограничение прав человека в условиях пандемии COVID-19: белорусский и зарубежный опыт правового регулирования // Юстиция Беларуси. 2020. № 8. С. 15–20; Sagan A. Covid-19 and labour law in Germany // A. Sagan, Ch. Schüller // European Labour Law Journal. 2020. Vol. 11. Issue 3. P. 292–297.

демией коронавируса Covid-19 обновленного трудового законодательства Беларуси до настоящего исследования не проводился, что говорит о новизне и высокой степени актуальности данного исследования.

В настоящей статье на примере норм гл. 25-1 Трудового кодекса Республики Беларусь проанализируем эффективность имеющихся норм трудового права, регулирующих особенности трудовых отношений при дистанционной работе и проблемы с их применением в Беларуси с учетом российского и иного зарубежного опыта.

До объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии коронавируса Covid-19 в Беларуси сформировалось кодифицированное трудовое законодательство, основу которого составляет Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 (далее – ТК Беларуси). В 2019–2020 гг. ТК Беларуси был существенно реформирован в результате принятия Закона Республики Беларусь от 28.07.2019 № 219-З, который вступил в силу 28.01.2020. Данным ТК Беларуси был дополнен гл. 18 об особенностях контрактов как вида срочных трудовых договоров и гл. 25, закрепляющей особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу. Таким образом, к началу пандемии коронавируса Covid-19 в ТК Беларуси приняты специальные нормы, при помощи которых можно организовать трудовые отношения на условиях дистанционной занятости.

В кадровой практике и в СМИ в период пандемии коронавируса Covid-19 получил широкое распространение термин «удаленка» или «удаленная работа». При этом многие обыватели, а порой и юристы ставят знак равенства между «удаленкой» и «дистанционной работой», что не совсем корректно. Как верно пишет С.Ю. Головина, «понятие “удаленная работа” шире, чем “дистанционная работа”, и включает в себя различные варианты выполнения трудовой функции вне стационарного рабочего места, находящегося под контролем работодателя, включая предусмотренные законодательством надомный труд и дистанционную работу»⁴⁹⁸. Тот же автор правильно отмечает, что удаленная работа, в отличие от дистанционной, не всегда связана с использованием Интернета, а от себя добавим – и иных информационно-телекоммуникационных технологий. Некоторые авторы используют такое словосочетание, как «удаленная (дистанционная) работа»⁴⁹⁹, что представляется не совсем корректным, поскольку может приводить к неверному выводу об отождествлении этих двух понятий, которые все же

498 Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России за рубежом. 2020. № 3. С. 5.

499 Еремина С.Н. Удаленная работа в условиях распространения COVID-19 // Трудовое право в России за рубежом. 2020. № 3. С. 9, 20.

не являются синонимами, а соотносятся как род (удаленная работа) и вид (дистанционная работа).

Как в российской, так и в белорусской правоприменительной и кадровой практике, в условиях пандемии Covid-19 на протяжении первой половины 2020 г. чаще всего использовался следующий алгоритм действий по переходу на удаленную (в т.ч. дистанционную) работу:

- работник писал заявление с просьбой о переходе на удаленную (вариант: дистанционную) работу;
- наниматель (работодатель) готовил дополнительное соглашение к трудовому договору (контракту) и подписывал его с работником;
- на основании заявления и дополнительного соглашения издавался приказ (распоряжение) и переходе на удаленную (вариант: дистанционную) работу.

Заметим, что использование в этих случаях термина «перевод» на удаленную (в т.ч. дистанционную) работу не вполне корректно, поскольку понятие перевода четко определено в ст. 30 ТК Беларуси и связано исключительно с тремя модификациями в сторону и содержании трудового договора (изменение трудовой функции, нанимателя или получение работу в другой местности). Сам по себе переход работника с работы в офисе на работу на дому, но в той же местности, переводом не является.

При этом ТК Беларуси оказался не в полной мере адаптирован к ситуации Covid-19 из-за пробельности вопроса о механизме перехода на дистанционную работу. Так, одни юристы квалифицируют такой переход как изменение существенных условий труда (ст. 32 ТК Беларуси)⁵⁰⁰, другие – как изменение трудового договора, требующего получения согласия работника (ч. 4 ст. 19 ТК Беларуси) с оформлением дополнительного соглашения к трудовому договору⁵⁰¹.

Полагаем, что при переходе на удаленную (в т.ч. дистанционную работу) нельзя вести речь об изменении существенных условий труда, поскольку такой случай не вытекает не из ч. 2 ст. 32 ТК Беларуси, ни из других норм трудового законодательства, поэтому такой переход в любом случае требует предварительного согласия работника, причем не вынужденного, а добровольного, а в случае отказа работника – не может повлечь его увольнение в связи с отказом от продолжения рабо-

500 Кашин Р. «Подводные камни» перевода на дистанционную работу // Юрист (Минск). 2020. № 4. С. 71–75; Котова С. «Удаленка» по кодексу // Беларуски час. 2020. 3–9 апреля. № 14. С. 4.

501 Семенихина С. Как сэкономить на оплате труда в период кризиса: варианты для нанимателя // Юрист (Минск). 2020. № 4. С. 79; Томашевский К.А. Оптимизация трудовых отношений в условиях пандемии коронавирусной инфекции // Отдел кадров. 2020. № 4. С. 70.

ты в связи с изменением существенных условий труда (по п. 5 ч. 2 ст. 35 ТК Беларуси).

В дополнительном соглашении о переходе на дистанционную работу важно указать срок такого перехода, а также все те обязательные и дополнительные условия, которые требуются для данной нестандартной формы занятости, перечисленные в ст. 307-1–307-4 ТК Беларуси, в частности:

условия обмена между нанимателем и работником, выполняющим дистанционную работу, электронными документами или сообщениями в электронном виде (в том числе СМС-сообщениями, файлами и записями), содержащими письменные задания, иную информацию для исполнения трудовых обязанностей, результаты выполненной работы, заявления и объяснения работника, уведомления, приказы и иные документы нанимателя, связанные с изменением и прекращением трудового договора;

условие об обязанности работника, выполняющего дистанционную работу, использовать при исполнении трудовых обязанностей оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства, предоставленные или рекомендованные нанимателем;

порядок и сроки обеспечения работников, выполняющих дистанционную работу, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, порядок и сроки представления работниками, выполняющими дистанционную работу, отчетов о выполненной работе;

размер, порядок и сроки выплаты компенсации за использование работниками, выполняющими дистанционную работу, принадлежащих им либо арендованных ими оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, порядок возмещения иных связанных с выполнением дистанционной работы расходов;

иные расходы, связанные с исполнением трудовых обязанностей (к примеру, частичное возмещение расходов на потребленную электроэнергию или услуги мобильной связи);

способы и периодичность рабочих контактов работника, выполняющего дистанционную работу, с нанимателем;

иные обязанности нанимателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда, помимо предусмотренных ТК Беларуси и законодательством об охране труда;

режим рабочего времени и времени отдыха работника, организация учета рабочего времени и времени отдыха, необходимость предо-

ставления перерывов в течение рабочего дня, порядок предоставления отпусков.

Для сравнения: попытка урегулирования «дистанционной (надомной) работы как особого режима работы была предпринята в Украине путем внесения Законом Украины от 30.03.2020 № 540-IX изменений и дополнений в ст. 60 КЗоТ Украины 1971 г., хотя эти точечные корректировки, коснувшиеся института рабочего времени, небесспорны по своим формулировкам и вызывают критику даже со стороны украинских ученых-юристов⁵⁰².

В заключение доклада сформулируем основные выводы:

- реформированный в 2019-2020 гг. ТК Беларуси оказался не в полной мере подготовленным к вызовам, связанным с пандемией коронавируса Covid-19, к примеру, недостаточно четко в законодательстве урегулирован механизм перехода со стационарной (офисной) на удаленную (в том числе дистанционную работу);
- при последующем совершенствовании трудового законодательства следует предусмотреть нормы, предусматривающие четкий механизм временного перехода на удаленную работу (в т.ч. в условиях пандемии), при котором стороны могут не использовать электронные документы с цифровой подписью, чтобы избежать дополнительных временных и финансовых затрат для нанимателей (работодателей) и работников.

§ 25 Некоторые вопросы использования технологий видео-конференц-связи и веб-конференции в цивилистическом процессе⁵⁰³

Использование видео-конференц-связи (далее по тексту – ВКС), с одной стороны, выступает дополнительной гарантией реализации принципа непосредственности и устности судебного разбирательства, с другой стороны, не лишено проблем организационно-технического характера⁵⁰⁴, в целом влияющих на доступность правосудия для участ-

502 Симутина Я.В. Новеллы регулирования дистанционного труда и гибкого режима рабочего времени в трудовом законодательстве Украины // Трудовое и социальное право. 2020. № 2 (34). С. 26-27.

503 Данный параграф выполнен А.Х. Хисамовым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

504 Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают. URL: <https://pravo.ru/story/201570/>; Карпунина Н. Актуальные вопросы развития информационно-технического обеспечения отправления правосудия. URL: <https://www.garant.ru/interview/1166742/>

ников процесса⁵⁰⁵.

Нормативное закрепление использования ВКС в арбитражном процессе произведено Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», а в гражданском процессе Федеральным законом от 26 апреля 2013 № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», закрепившими порядок использования в процессе рассмотрения дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции систем ВКС как в судах первой инстанции, так и на стадиях пересмотра и обжалования судебных постановлений⁵⁰⁶.

Обращаясь к сущности и правовых характеристик проблем использования систем ВКС при рассмотрении дел в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, необходимо отметить, что, по мнению профессора В.М. Решетняка, с технической точки зрения ВКС – это интерактивное участие двух и более удаленных абонентов телекоммуникационных технологий, при котором в режиме реального времени происходит между абонентами обмен аудио- и видеoinформацией. Весь смысл данной технологии заключается в том, что в момент ее пользования происходит замена физического присутствия лица в суде изображением на мониторе, то есть данное лицо является полноценным и полноправным участником гражданского процесса⁵⁰⁷.

Вместе с тем идентичная с технической стороны сущность применения ВКС в гражданском и арбитражном процессе в контексте своего правового регулирования не может быть использована в виде модельного компонента системы электронного правосудия, реализуемого на тождественных принципах в гражданском и арбитражном судопроизводстве, ввиду следующего.

Наблюдается необоснованное различие в правовом регулировании организационно-технологического компонента использования ВКС в процессуальных кодексах.

Так, в части 1 статьи 153.1 АПК РФ предусмотрено, что лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в арбитражных судах или судах общей юрисдикции технической возможности осуществления видео-конференц-связи.

505 Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21-41.

506 СЗ РФ. 29.04.2013. № 17. Ст. 2033.

507 Решетняк В.И. Применение видеоконференц-связи арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 154-159.

В то же время в части 2 статьи 155.1 ГПК РФ регламентировано, что для обеспечения участия в судебном заседании лиц, участвующих в деле, их представителей, а также свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков путем использования систем видео-конференц-связи используются системы видео-конференц-связи соответствующих судов по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения указанных лиц. Для обеспечения участия в деле лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы, могут использоваться системы ВКС данных учреждений.

При этом в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции» (далее по тексту – Приказ № 401) особо оговорено, что использование ВКС в арбитражных судах Российской Федерации осуществляется в соответствии с АПК РФ и Инструкцией по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100 (далее по тексту – Постановление № 100).

Приведенная выше Инструкция содержит в себе положение о том, что система ВКС – это комплекс программно-аппаратных средств арбитражных судов, позволяющих производить обмен информацией между арбитражными судами посредством передачи аудио- и видеосигналов в режиме реального времени.

Таким образом, в настоящее время нормы арбитражного процессуального законодательства, допускающие использование при организации ВКС аналогичных технологических компонентов системы судов общей юрисдикции, по сути, не могут быть реализованы в связи с приведенными выше разъяснениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, предполагающими использование комплекса программно-аппаратных средств именно арбитражных судов.

В то же время нормы гражданского процессуального законодательства и утвержденный во исполнение указанных выше норм Регламент организации применения ВКС в федеральных судах общей юрисдикции системно не противоречат друг другу, но ни кодифицированный акт, ни Регламент не предусматривают возможность участия в сеансе ВКС арбитражного суда с соответствующими программно-аппаратными средствами.

Следует отметить, что в праворазъяснительных актах Верховного Суда Российской Федерации в настоящее время также не выработаны критерии унифицированного использования технологий ВКС ком-

бинированного сочетания, когда при использовании анализируемого компонента системы электронного правосудия в его реализации задействованы суд общей юрисдикции, с одной стороны, и арбитражный суд того или иного уровня, с другой стороны.

Тем самым в настоящее время усматривается очевидное направление динамического развития модели ВКС в цивилистическом процессе, связанное с правовым, технологическим и организационным взаимодействием двух подсистем единой судебной системы Российской Федерации.

Вместе с тем следует отметить, что в современных условиях развития цифровизации государственной деятельности ВКС не должна рассматриваться в качестве единственно возможного компонента системы электронного правосудия. Дополняющим, альтернативно доступным и удобным для участников процесса в современных условиях становится еще одна система дистанционного судопроизводства – технология веб-конференций.

Отметим, что апробирование систем веб-конференции было произведено 21 апреля 2020 года самим Верховным Судом Российской Федерации посредством проведения первых в стране онлайн-заседаний по гражданским делам с использованием данной технологии.

При этом высшая судебная инстанция разъяснила, что для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образцов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

Анализируя предложенный Верховным Судом Российской Федерации алгоритм организации судебного заседания с использованием веб-конференции, отметим, что в нем безапелляционно разрешен существующий в юридической науке вопрос о субъекте-инициаторе проведения дистанционного судебного заседания.

С одной стороны, в литературе выделяется подход, согласно которому суды вправе по своей инициативе использовать системы ВКС. Так, И.И. Черных указывает, что в законодательство не создается преград для применения видеосвязи по инициативе судов⁵⁰⁸. С другой стороны, разделяя данную позицию, другие авторы уточняют, что такое решение суды могут принимать лишь при согласии сторон, как это предусмотрено в законодательстве Германии⁵⁰⁹.

508 Черных И.И. Использование видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 32.

509 Трунк А. Электронные формы ведения гражданского процесса. Сравнительный очерк по германскому и российскому праву // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2012. № 3. С. 252.

§ 26 Цифровая модернизация процессуальной формы: теоретические предпосылки, преимущества и механизм реализации в России и за рубежом⁵¹¹

В условиях стремительного развития цифровой экономики возникает острая необходимость в создании надежных правовых гарантий, предоставляющих возможность применения технологий нового поколения повсеместно на легальном и легитимном уровне с целью минимизации всех потенциальных рисков кибернизации правосудия. Международные организации и государства активно разрабатывают стратегии адаптации законов, направленные на правовую регламентацию использования современных цифровых технологий.

В Европе уровни внедрения информационных технологий в судебную систему сильно различаются. До сих пор большинство судов используют современные средства информационного обеспечения в основном для поддержания документооборота. Между тем Финляндия, Австрия, Великобритания, Эстония, Словакия и Венгрия находятся на довольно высоком уровне внедрения. Соответствующий потребностям современности уровень наблюдается во Франции, Германии, Швеции, Латвии, Болгарии и Нидерландах. Бельгия, Ирландия и Хорватия находятся на среднем этапе. Довольно низкий уровень на сегодняшний день занимают Кипр и Украина.

Здесь же следует отметить, что в группе лидеров по критерию использования технологий нового поколения в судебной системе отмечены страны, обеспечивающие прямую поддержку судов цифровыми инструментами правосудия. Судебная система представителей данной группы оперирует последними новациями информационного мира. Для участников гражданского процесса традиционными становятся веб-формы, веб-сайты и иные модели электронного взаимодействия.

В этой связи бесспорным лидером в оснащении судебной системы информационно-коммуникационными технологиями в Европе признана Австрия, где электронная коммуникация между судами и участниками процесса появилась еще в 1990 году как средство связи со сторонами. Успешно внедрив данный механизм, Австрия стала первой в мире страной, установившей электронную юридическую связь между субъектами судебной системы.

С 1997 года австрийское правосудие тестирует системы распознавания голоса. С 2009 года функционирует веб-сайт, располагающий информацией обо всех возможностях, предоставляемых судебной систе-

⁵¹¹ Данный параграф выполнен Р.В. Шакирьяновым, Ю.А. Лукониной при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16147 мк «Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права».

Представляется, что при выработке правоприменительного подхода к организации судебных заседаний в дистанционной форме Верховный Суд Российской Федерации аргументированно исходил из действующей системы нормативного регулирования ВКС в гражданском и арбитражном процессе, при которой согласие стороны на проведение судебного заседания, в том числе с использованием веб-конференции, является обязательным. Данный подход отражает унификацию механизма инициирования дистанционного судебного заседания в правовых системах Германии и России.

Таким образом, в текущем периоде наблюдается расширение способов дистанционного участия в судебном разбирательстве с использованием ВКС и веб-конференции.

В отличие от ВКС система веб-конференции предполагает, что в качестве точки входа всегда используется веб-браузер и ссылка на мероприятие. В качестве клиентского приложения может выступать сам браузер либо сторонние приложения, автоматически присоединяющиеся к данному мероприятию после установки. В связи с этим веб-конференции достаточно просты в использовании за счет отсутствия авторизации и использования браузера. Участник может находиться дома либо на своем рабочем месте, а для входа ему обычно достаточно знать ссылку на мероприятие и указать свое имя, которое никто не проверяет, так как администратор не создает учетные записи для участников заранее.

В отличие от веб-конференции систему ВКС курирует администратор, который создает под каждого отдельного пользователя учетную запись. Для входа в видеоконференцию, организованную на сервере, необходимо авторизоваться в клиентском приложении, используя логин и пароль своей учетной записи.

Резюмируя изложенное выше, отмечу, что при повсеместном распространении альтернативных форм дистанционного участия в судебном заседании участников процесса использование технологий искусственного интеллекта для идентификации заинтересованного лица позволит оптимизировать реализацию трех из четырех выделяемых некоторыми авторами аспектов правоприменительной деятельности: издержек (расходов), времени и правовой определенности⁵¹⁰, сосредоточив результаты деятельности судей на четвертом аспекте – справедливости принимаемых решений, для обеспечения высоких критериев качества правосудия в обществе и поступательного роста доверия общества к судебной власти, выступающей одним из главных рычагов демократического и правового развития нашей страны.

⁵¹⁰ Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия [Текст]: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте / перевод с испан. яз. Закиров Р.Ф. // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 180–199.

мой. С 2011 все суды оснащены системами видео-конференции-связи. 2018 год положил начало активному использованию элементов искусственного интеллекта, в частности, с целью облегчения записи данных и оптимизации внутренних рабочих процессов.

Автоматическая маршрутизация всех входящих документов судебной системы Австрии осуществляется для анализа поступающей документации и извлечения метаданных, категоризации отсканированных документов и подготовки предложений по их описанию. Для управления цифровыми файлами используется автоматическое принятие метаданных и последовательное управление файлами с единообразной обработкой данных. В целях обновления информационной системы баз данных применяется автоматическое распознавание, обезличивание и опубликование содержания информационных источников, в частности, судебных решений.

Отправной точкой отсчета процесса легализации электронного правосудия в граничащей с Австрией Германии принято считать начало двухтысячных годов, когда нормативно-правовая база ФРГ пополнилась двумя законами, положившими начало электронной коммуникации участников судебного процесса. Первый из них предоставил судебной системе возможность обмена документами посредством электронных средств⁵¹², второй – ввел дефиницию электронного документа⁵¹³.

На настоящем этапе развития электронное правосудие в Германии представляет собой оперирующую довольно развитым цифровым функционалом составную часть электронного правительства и состоит из таких цифровых элементов, как электронная коммуникация, электронные судебные дела, электронные реестры, видео-конференц-связь, электронные базы данных судебных решений и многое другое, что в своей совокупности позволяет создать механизм реализации права на судебную защиту в режиме онлайн.

В России опыт использования технологий нового поколения в системе отправления правосудия по гражданским делам начинает свой отсчет с 12 января 2011 года, когда у участников арбитражного процесса впервые появилась возможность подачи в суд документов в электронной форме⁵¹⁴. В то же самое время в судах общей юрисдикции ГАС

512 См. Gesetz zur Reform des Verfahrens bei Zustellungen im gerichtlichen Verfahren (Zustellungsreformgesetz — ZustRG) v. 25.06.2001 // Bundesgesetzblatt (далее – BGBl). 2001. I. Nr. 29. S. 1206.

513 См. Gesetz zur Anpassung der Formvorschriften des Privatrechts und anderer Vorschriften an den modernen Rechtsgeschäftsverkehr v. 13.07.2001 // BGBl. 2001. I. Nr. 35. S. 1542.

514 См. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4197.

«Правосудие» позволяла направлять в суд в электронном виде только заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на защиту авторских и (или) смежных прав.

С 1 января 2017 года в России появился легальный механизм направления в электронном виде в суд заявлений в порядке административного, гражданского, уголовного судопроизводства, обращений в арбитражный суд. Пользователи получили удаленный доступ к делу, инициатором или участником которого они являются⁵¹⁵.

В 2020 году российская судебная система функционирует с использованием различных технологий нового поколения. Электронный иск, электронное извещение, видео-конференц-связь, аудиопотоколирование, электронная коммуникация признаны компонентами, без которых функционирование системы российского правосудия считается невозможным⁵¹⁶.

Между тем процессуальная форма как порядок осуществления процессуальной деятельности может быть представлена не только элементами электронного документооборота и коммуникации, но и сопутствующими составляющими отправления правосудия по гражданским делам, в частности, возможностями использования потенциала машинного разума.

В декабре 2018 года Европейская комиссия по эффективности правосудия (далее – ЕКЭП) приняла первый европейский акт, устанавливающий этические принципы использования искусственного интеллекта в судебной системе⁵¹⁷. Европейская этическая хартия установила пять основных принципов, которыми могут руководствоваться политики, законодатели и специалисты в области правосудия для борьбы с быстрым развитием процесса привлечения искусственного интеллекта к национальным судебным процессам.

Изложенная в хартии позиция ЕКЭП сводится к тому, что применение элементов искусственного интеллекта в судебной системе может способствовать повышению эффективности и качества отправления правосудия и должно осуществляться ответственным образом с со-

515 См. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

516 См. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. 251 с.

517 См. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 02.09.2020).

блюдением основных прав, гарантированных, в частности, Европейской конвенцией о защите прав человека. Как следует из хартии, в настоящее время важно добиться того, чтобы искусственный интеллект оставался инструментом, служащим общим интересам, а его использование уважало права человека и гражданина, не затрагивая основы правовой системы государств.

В число стран, декларирующих использование искусственного интеллекта в реалиях современной действительности, входит Российская Федерация⁵¹⁸. Однако инициатива применения элементов искусственного интеллекта в российской судебной системе сталкивается с довольно скептическим, стереотипным, отношением⁵¹⁹.

Проблема привлечения потенциала искусственного интеллекта к отправлению правосудия, действительно, довольно актуальна и злободневна. С одной стороны, довольно сложно не согласиться с тем, что вопрос применения машинного разума лежит не в плоскости технических возможностей, а в понимании того, что если мы заменим судью-человека, то люди уже не будут судимы равными себе. Но отправление правосудия по гражданским делам не обладает признаками уголовного процесса, когда во главе угла стоит судьба человека. Гражданское судопроизводство – это сфера реализации субъективных прав и свобод участников гражданского оборота, когда ключевая роль принадлежит диспозитивному методу правового регулирования, свободе договора и имущественному равенству сторон. Как следствие, применение элементов искусственного интеллекта лишь исключит субъективный фактор, переводя систему правосудия на беспристрастный, более оперативный и технически-автоматизированный уровень.

Развивая эту мысль, кажется наиболее релевантным внедрить элементы искусственного интеллекта в судебную систему России в тестовом режиме по отдельным категориям дел. В частности, по делам, рассматриваемым в порядке приказного производства. Соответственно, порядок отправления правосудия по гражданским делам приобретет следующую форму.

Взыскатель будет инициировать судебный процесс посредством электронной формы, что станет соответствующим триггером для возбуждения производства по делу. Автоматизированная система проанализирует заявленное требование на соответствие нормам процессуального закона и вынесет решение о принятии или отклонении иска

518 См. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

519 См. Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 188.

посредством уведомления взыскателя в личном кабинете или по электронной почте. Затем система проанализирует сведения о должнике, требование взыскателя и обстоятельства, на которых оно основано, а также наличие и существо документов, подтверждающих обоснованность требований. Итоговым решением станет акт об удовлетворении требований взыскателя либо об отказе в удовлетворении и направление настоящего акта должнику. По истечении десяти дней акт приобретет форму судебного приказа и будет направлен для исполнения в службу судебных приставов. При несогласии с вынесенным постановлением в течение десяти дней с момента его получения должник будет вправе подать возражение посредством электронной формы, что станет основанием для отмены судебного приказа и перевода производства в традиционный порядок на рассмотрение судьи-человека.

Предложенная модель способна нивелировать риски кибернизации правосудия, тем самым позволив цифровизировать процессуальную форму при условии сохранения главенствующей роли судьи-человека.

Таким образом, цифровизация отправления правосудия по гражданским делам – это неизбежное составляющее технического прогресса, когда процессуальная форма начинает приобретать черты цифрового сегмента, соответствующего современным модификациям системы права в условиях глобальной информатизации общественных отношений.

§ 27 Трансформация трудовых отношений под воздействием современных факторов: цифровизации и пандемии

В связи с проведением уникальной 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) в виртуальном формате ВОЗ обратилась к мировому сообществу с тремя призывами:⁵²⁰

первый призыв касается обеспечения справедливого доступа к средствам борьбы с COVID-19;

второй призыв связан с необходимостью сохранить темпы достижения Целей в области устойчивого развития. Пандемия грозит свести на нет десятилетия достижений, в том числе и в сфере регулировании трудовых отношений;

третье, мы должны уже сейчас совместно готовиться к следующей пандемии. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что, несмотря на многочисленные тревожные признаки и предостережения, мировое со-

520 Три призыва ВОЗ к 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/15-09-2020-who-s-three-messages-for-un75> (дата обращения: 21.09.2020).

общество оказалось чрезвычайно плохо подготовлено к ней.

Поэтому сегодня Международная организация труда как специализированное учреждение ООН не остается в стороне от решения вопросов пандемии. Так, генеральный директор МОТ Гай Райдер высоко оценил решимость министров труда и занятости стран Группы двадцати формировать планы экономического восстановления после пандемии COVID-19 с упором на создание рабочих мест, содействие достойному труду для всех и, прежде всего, для женщин и молодежи. Встреча министров прошла на фоне беспрецедентных потрясений на мировых рынках труда: во втором квартале 2020 года сокращение продолжительности рабочего времени достигло уровня, эквивалентного потере 400 млн рабочих мест на условиях полной занятости. Среди тех, кто пострадал больше всех, свыше 1,6 миллиарда работников неформальной экономики, молодежь, женщины, люди с ограниченными возможностями. «Крайне важно, чтобы страны Группы двадцати незамедлительно предприняли широкомасштабные и скоординированные действия для устранения последствий пандемии COVID-19 для рынков труда и общества в целом, и именно такое обязательство взяли на себя министры труда и занятости, – заявил Г. Райдер. – Нам нужны солидарность, решимость и видение глобальной перспективы. Более того, страны Группы двадцати располагают уникальной возможностью принять меры для борьбы с неравенством, масштабы которого вновь выявила пандемия COVID-19, а также заложить основы более эффективных и справедливых систем, которых требуют люди»⁵²¹. В заявлении также подчеркивается «жизненно важная роль» социальной защиты и отмечается, что «пандемия COVID-19 усилила потребность в эффективных системах социальной защиты для поддержки всех работников и их семей». В документе содержится обязательство стран Группы двадцати «адаптировать и усовершенствовать системы социальной защиты с тем, чтобы обеспечить доступ к адекватной социальной защите для всех», включая женщин, молодежь, самозанятых, работников цифровых платформ и людей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, а также работников неформальной экономики.

Безусловно, такая обстановка не может не сказаться на трудовых отношениях, которые подверглись изменениям в период пандемии, но и в настоящее время продолжают испытывать воздействие этого фактора. Характер трудовых отношений изменился не только в России, но и во всем мире.

Сегодня не всегда, а можно сказать, практически никогда уже не

521 Встреча министров труда и занятости стран Группы двадцати. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_755263/lang--ru/index.htm (дата обращения: 21.09.2020).

встретишь так называемых классических трудовых отношений. Сложности вызывают все большее появление так называемой нестандартной занятости, например, кто работает на интернет-платформах (облачные платформы).

История о признании отношений трудовыми работниками доставки получила свое дальнейшее развитие в других странах в этом году. Ранее подобные дела встречались в судах Франции, Германии, Испании и других странах. Так, 23 сентября 2020 г. Верховный суд Испании⁵²² постановил, что участники барселонского приложения по доставке еды Glovo были наемными работниками, а не фрилансерами, как это было ранее. Такое решение имеет глобальное значение для достаточно большого количества работников доставки, но и для тех, кто работает в так называемой гиг-экономике, требующих формальных трудовых договоров и льгот. Решение Верховного суда страны последовало за двумя предыдущими делами, рассматривавшимися в региональных судах. Одно касалось Glovo, а другое – его конкурента Deliveroo. Верховный суд отмечает, что компании-работодатели (Glovo, Deliveroo) определяют условия предоставления своих услуг и владеют активами, необходимыми для оказания своих услуг, используют доставщиков, которые ... выполняют свои роли в профессиональной организации работодателя. Таким образом, Суд подчеркнул, что в данном случае у таких работников налицо все необходимые признаки трудовых отношений. Представитель Glovo утверждал, что эти люди являются просто посредниками. В последние годы некоторые сотрудники, нанятые для доставки товаров через такие приложения, как Glovo, требовали признания их в качестве наемных сотрудников и ходатайствовали о признании их трудовых прав, особенно таких, как отпуск по болезни и оплачиваемый отпуск. В заявлении Glovo говорится, что он уважает решение суда, но ожидает, что правительство и Европейский Союз создадут нормативную базу.

Необходимо отметить, что, к сожалению, российская практика по таким делам пока не многочисленна, а та, которая есть, идет в разрез с позицией ЕСПЧ. Например, Мосгорсуд по делу № 33-15213/2018 вынес решение не в пользу водителя и не признал отношения трудовыми.

В связи с развитием цифровизации в трудовом праве стали появляться новые термины, такие как электронный документооборот, цифровое присутствие, цифровая детоксикация и т.д.

В этой связи все больше становится важной проблема увеличения фактически отработанного времени. Самая первая конвенция Между-

522 Spain's Supreme Court rules food delivery riders are employees, not freelancers. URL: <https://www.thestar.com.my/tech/tech-news/2020/09/24/spain039s-supreme-court-rules-food-delivery-riders-are-employees-not-freelancers> (дата обращения: 29.09.2020).

народной организации труда от 29 октября 1919 года была об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю. Это говорит о том, что вопрос о рабочем времени был одним из самых важных и требующих законодательного регулирования, таким же насущным он остается и сегодня. Рабочее время – это тот фактор, который оказывает непосредственное влияние на жизнь и здоровье каждого работающего человека, его психическое состояние. Немаловажное значение данная категория имеет и для работодателя. Это связано с производительностью труда, эффективностью работы организаций и конкурентоспособности.

Однако многочисленные исследования Международной организации труда свидетельствуют, что каждый пятый работник в мире, или почти 600 миллионов человек, по-прежнему трудятся более 48 часов в неделю. Эксперты международной организации труда уже более десяти лет обращают внимание на то, что современный работник, даже находясь вне работы, используя свое конституционное право на отдых, все равно постоянно находится на связи с работодателем (получая от него задания по электронной почте и т.д.). При этом время отдыха теряет свое назначение, а работник продолжает осуществлять свои трудовые обязанности и вне рабочего места. Таким образом, фактическое рабочее время увеличивается до невероятных размеров.

Такой проблемой озабочены и в международных организациях глобального и регионального уровня. Так, Организация экономического сотрудничества (ОЭСР) отмечает⁵²³, что цифровая экономика имеет потенциал для повышения производительности, доходов и социального благополучия. Это создание рабочих мест на новых рынках и увеличение занятости в некоторых существующих профессиях. Цифровые технологии позволяют производить больше товаров и услуг с меньшими затратами труда, повышение качества работы, формирование у работников новых навыков. В то же время некоторые работники рискуют остаться без работы, или такая занятость будет влиять на снижение заработной платы. ОЭСР отмечает, что, для того чтобы воспользоваться преимуществами внедрения цифровых технологий, правительству, бизнесу, профсоюзам, ученым, общественности необходимо решать новые экономические проблемы и проблемы рынка труда.

Так, в условиях ожидания второй волны пандемии многие работодатели или вновь переводят работников на дистанционную работу, или

создают мобильные офисы. Например, в Германии⁵²⁴ этот вопрос решается следующим образом. В данной ситуации важно уяснить, в чем разница между домашним офисом и мобильной работой. В обоих случаях сотрудники работают удаленно за пределами офиса компании своего работодателя. Работа в домашнем офисе (также называемая работой из дома) означает, что работодатель устанавливает постоянное рабочее место для сотрудника за пределами территории своей компании. Если сотрудники переключаются между домашним офисом и офисом компании, это называется чередованием домашнего офиса. Если условия организации работы на дому определены в соглашении между работодателем и работником и предоставление необходимого офисного оборудования и телефонных линий является обязанностью работодателя, работа на дому квалифицируется как так называемая «удаленная работа» в соответствии с Раздел 2 (7) Постановления о рабочих местах (ArbStättV). Удаленная работа подчиняется более конкретному набору правил охраны труда и техники безопасности в соответствии с ArbStättV.

В отличие от домашнего офиса, в случае занятости мобильной работой сотрудники не работают с фиксированного места, но могут свободно выбирать и переключаться между различными местоположениями, такими как их дом, офис клиента, кафе, общее рабочее пространство, гостиничный номер или вестибюль, поезд или самолет.

Еще одна проблема, которая часто упоминается в связи с домашним офисом и мобильной работой, это совместное использование «рабочего стола» (рабочего места). Совместное использование рабочего стола означает, что несколько сотрудников используют определенное количество рабочих столов (например, работая в разное время) в организации. Хотя это может вызвать определенные вопросы с точки зрения здоровья и безопасности, рабочего времени и конфиденциальности, совместное использование рабочего стола само по себе не является видом удаленной работы.

Следует отметить, что домашний офис и мобильная работа подходят не для всех категорий работников. Некоторые работы невозможно выполнять дома у сотрудника или удаленно. Это может быть результатом самой деятельности (например, работа на ферме, работа в магазине или на большом производственном объекте). Это также может быть невозможно из-за ограниченного пространства в доме сотрудни-

523 New Markets and New Jobs in the Digital Economy. URL: <https://www.oecd.org/internet/ministerial/meeting/New-Markets-and-New-Jobs-discussion-paper.pdf> (дата обращения: 29.09.2020).

524 Köckeritz H. Home office and mobile working. URL: https://www.internationaloffice.com/Newsletters/Employment-Immigration/Germany/Mayer-Brown/Home-office-and-mobile-working?utm_source=ILO+Newsletter&utm_medium=email&utm_content=Newsletter+2020-09-23&utm_campaign=Employment+%26+Immigration+Newsletter (дата обращения: 29.09.2020).

ка, отсутствия достаточно надежного интернет-соединения или сообщений конфиденциальности. Возможность работы и предполагаемое место работы должны быть оценены заранее, до подписания договора. Домашний офис и мобильная работа не единственный вариант организации рабочего места работника. Например, возможны ситуации, когда сотрудники работают частично из домашнего офиса, а частично – в мобильном режиме. В условиях пандемии и после пандемии важным остается вопрос, имеет ли право работник выбирать: работать в офисе или удаленно. Государства по-разному подходят к этой проблеме. Например, в Нидерландах сотрудники с определенным минимальным стажем работы имеют общее право работать удаленно, а работодатели могут отклонять запросы на удаленную работу только при наличии уважительной причины. В Германии по этому вопросу развернулись ожесточенные дебаты, однако Министр труда и социальных вопросов Хубертус Хайль объявил о планах представить законопроект к осени 2020 года.

В связи с этим и в связи с развитием так называемой нестандартной занятости важным сегодня является вопрос об учете фактически отработанного рабочего времени.

На такую необходимость обращает внимание решение ЕСПЧ от 14 мая 2019 года (по делу испанских профсоюзов против Дойче банк) Европейский суд постановил, что государства-члены ЕС должны требовать от работодателей создания объективной, надежной и доступной системы для измерения ежедневного рабочего времени их сотрудников. Без такой системы фактически отработанные часы и сверхурочные часы не могут быть надежно измерены, а способность сотрудников обеспечивать свои права не может быть гарантирована. Пока такие правила хотя и предусмотрены директивами ЕС, но не имплементированы в национальное трудовое законодательство стран ЕС и механизм учета находится в стадии разработки, тем не менее вопрос об учете рабочего времени остро стоит на повестке дня.

Степень, в которой правовая реализация решения Европейского суда повлияет на новые модели рабочего времени, остается неясной. Тем не менее работодатели должны уже начать думать о том, как разработать новую систему записи. Теперь государства-члены ЕС должны перенести в значительной степени устаревшие правила рабочего времени, большинство из которых относятся к индустриальному веку – в эпоху обслуживания и оцифровки и создать правовую основу для регистрации рабочего времени, которая адекватно учитывает особенности новые формы работы в контексте работы 4.0 (и скоро 5.0).

Опасения, высказанные по поводу повторного введения часов, совершенно необоснованны. Запись времени с помощью приложений на

мобильных устройствах, безусловно, будет разрешена и может поддерживать гибкую работу независимо от индивидуального рабочего места сотрудников. Внедрение технических систем регистрации времени также будет горячей темой для рабочих советов, которые в значительной степени влияют на внедрение и формирование таких систем (например, в Германии). Таким образом, хорошие отношения между работодателями и их советами по труду имеют важное значение.

Вывод: очевидно, что особую роль в данном случае играет соблюдение трудовых и социальных прав работников вне зависимости от характера видоизменяющихся трудовых отношений. Главенство остается за международными нормами, например, за рекомендацией МОТ № 198 «О трудовом правоотношении».

§ 28 Актуальные вопросы цивилистического процесса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)

Противодействие распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19 потребовало мобилизации усилий государства, организаций и граждан в самых различных областях деятельности, в т.ч. в области правового регулирования общественных отношений. Чрезвычайность возникшей ситуации обусловила необходимость корректировки положений законов, принятия новых положений, приспособления ранее известных норм под условия карантина.

Непреувеличением будет сказать, что пандемия затронула все традиционные социально-экономические институты; не стала в этом смысле исключением и сфера цивилистического процесса.

Безусловно, все «коронавирусные новеллы» (мы понимаем под ними нормы из источников самого разного уровня, начиная с федеральных законов до локальных актов судов) были нацелены на недопущение распространения инфекции, и в этом отношении они могут только приветствоваться. Вместе с тем некоторые из них явились существенным ограничением действия принципов цивилистического процесса и процессуальных прав лиц, участвующих в деле.

Все обусловленные целями противодействия распространению коронавирусной инфекции процессуальные правила можно подразделить на следующие группы: 1) специально принятые нормы; 2) нормы, уже имеющиеся в действующих законах; 3) нормы, «адаптированные» для указанных целей, в т.ч. через институт аналогии процессуального закона или права.

К первой группе специально принятых норм можно отнести, к примеру, положения Федерального закона от 20.07.2020 № 215-ФЗ

«Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции», которым предоставляется рассрочка исполнения судебных актов для отдельных категорий должников. Или вновь введенной статьей 9.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено введение моратория на возбуждение дела о несостоятельности (банкротстве) «для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях (при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера). Постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» такой мораторий был введен в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

В пункте 5 Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 822 от 29.04.2020 содержится рекомендация судам относительно проведения судебных заседаний, в т.ч. посредством системы веб-конференции «с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации». Несмотря на то, что данное разъяснение прямо не вытекает из закона и основано «на опыте», оно вполне может быть рекомендовано к использованию и может быть учтено законодателем.

Из числа правил второй группы, то есть уже имеющих в действующих законах положений, можно указать на рекомендацию по использованию систем видео-конференц-связи (пункт 3 Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 – далее Постановление № 808). Вполне очевидно, что и до экстраординарных мер суд не был лишен возможности рассматривать отдельные категории дел с помощью данной системы.

Кризисный период обнаружил новый потенциал дел приказного и упрощенного производства, достоинство которых состоит теперь не только в экономии процессуальных ресурсов, но и в бесконтактной форме разбирательства, позволяющей предотвратить заражение.

Пункт 3 Постановления № 808 допускает возможность рассмотрения дел, «всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным». Подобная возможность была предусмотрена процессуальным законом и ранее (часть 5 статьи 167 ГПК РФ, часть 2 статьи 156 АПК РФ).

В составе третьей группы правил – норм, «адаптированных» для противодействия распространению пандемии, в т.ч. через институт аналогии процессуального закона или права, можно привести положе-

ния процессуального закона, которые были предусмотрены изначально для других целей. Допустимость применяемой аналогии не всякий раз является бесспорной. Так, со ссылкой на аналогию была сформулирована рекомендация о том, что «в случае необходимости суд, арбитражный суд вправе приостановить производство по делу..., если лица, участвующие в деле, лишены возможности присутствовать в судебном заседании в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции» («Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1», утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). Однако «нахождение стороны в лечебном учреждении» не тождественно ситуации «нахождения стороны на самоизоляции» или нахождения на карантине, запрете выхода из дома и т.д. Возможно выявившийся пробел – сигнал законодателю для его устранения.

В период активного распространения пандемии встречаются ограничения на представление в судебное заседание ходатайств, иных дополнительных документов с рекомендацией по их заблаговременному представлению⁵²⁵. Как известно, сторона обязана заранее раскрыть доказательства, ознакомив другую сторону с имеющимися аргументами (часть 2 статьи 9, часть 3 статьи 65 АПК РФ); при определенных обстоятельствах представление новых ходатайств и доказательств в судебное заседание может повлечь их отклонение со ссылкой на недобросовестность лица (часть 5 статьи 159 АПК РФ), однако приспособление данной нормы под ситуацию отказа в приобщении доказательств в связи с угрозой заражения явно не просчитывалось законодателем в момент ее принятия. Право лиц на заявление ходатайств в подготовительной части судебного заседания прямо вытекает из закона (статья 166 ГПК РФ, часть 1 статьи 159 АПК РФ, статья 154 КАС РФ).

Все перечисленные выше группы рекомендаций могут быть оценены с позиций их соответствия не только нормам, но и принципам процессуального права.

Так, например, не противоречащим букве и духу процессуально-правового регулирования можно признать разъяснение относительно того, что ограничительные меры, введенные в субъектах РФ, и (или) соблюдение гражданином режима самоизоляции, имевшие следствием ограничение свободного перемещения граждан, их нахождения в общественных местах, государственных и иных учреждениях, изменения в работе органов и организаций, являются основанием для вос-

⁵²⁵ Об особенностях организации работы Арбитражного суда Нижегородской области с 01.06.2020. URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.

становления процессуальных сроков («Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2», вопрос № 4, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020).

Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (далее – Постановление № 821) было предписано «ограничить доступ в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов по делам», подлежащих рассмотрению в условиях пандемии (пункт 7). Указанная рекомендация получила различную интерпретацию в деятельности судов. В отдельных судах было «рекомендовано иногородним участникам судебных процессов воздержаться от личного участия в судебных заседаниях в здании суда»;⁵²⁶ в других был разрешен допуск не более одного представителя от каждого участника процесса, не ранее чем за 10 минут до начала судебного заседания; граждане, не являющиеся участниками дел, в суд не допускаются;⁵²⁷ в каких-то судах запрещался доступ лиц, имеющих признаки ОРВИ⁵²⁸ и т.д.

Несмотря на несомненную оправданность даваемых рекомендаций сложившейся ситуацией, можно видеть, что разъяснение вступает в определенное противоречие с предписанием всех процессуальных кодексов об открытости разбирательства дел в судах (часть 1 статьи 10 ГПК РФ, часть 1 статьи 11 АПК РФ, часть 1 статьи 11 КАС РФ).

Другой распространенной и также полностью продиктованной сложившейся ситуацией рекомендацией была рекомендация относительно ограничения числа представителей до одного человека от каждого лица, участвующего в деле⁵²⁹. Здесь также обнаруживается вынужденное ограничение права лица на судебную защиту, права защищать свои права любыми дозволенными способами, в конечном счете – принципа диспозитивности, декларирующего возможность лица свободно избирать средства защиты нарушенного права.

Уже упомянутое выше и также вынужденное ограничение на представление в судебное заседание ходатайств, иных дополнительных документов не вполне увязывалось с правом лиц, участвующих в деле, на заявление ходатайств и представление доказательств (часть 1 статьи 35 ГПК РФ, часть 1 статьи 41 АПК РФ, часть 1 статьи 45 КАС РФ).

526 URL: <https://samara.arbitr.ru/node/19524>.

527 Порядок организации пропускного режима в Арбитражном суде Кировской области в период действия режима повышенной готовности (утвержден приказом председателя Арбитражного суда Кировской области от 12.05.2020 № С02/59).

528 URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.

529 URL: <https://samara.arbitr.ru/node/19524>.

В указанный период применяемые ограничения коснулись как процессуальной, так и организационной деятельности судов, что также повлекло вынужденное ограничение прав лиц, участвующих в деле. Был приостановлен личный прием граждан в судах, рекомендовано подавать документы через электронные интернет-приемные судов или посредством почтовой связи (пункт 1 Постановления № 821); был ограничен доступ лиц, участвующих в деле, к ознакомлению с материалами дел, за исключением дел по которым уже имеется изготовленный в полном объеме судебный акт для цели подготовки апелляционных и кассационных жалоб; ознакомление с материалами дел на территории суда не осуществляется⁵³⁰ и др. Данные ограничения также объективно порождали неудобства в защите нарушенных прав и фактически ограничивали права лиц, участвующих в деле.

Возможные несоответствия между продиктованными пандемией мерами ограничительного характера и действующим процессуально-правовым регулированием заставляют обратиться к вопросу поиска баланса между интересами обеспечения общественной безопасности в связи с применением санитарно-эпидемиологических мер и реализацией права на судебную защиту.

В качестве общего принципа должно быть провозглашено положение относительно недопустимости несоразмерного отказа или ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в деле. Как известно, в связи с пандемией коронавирусной инфекции в России не вводился режим чрезвычайного положения; вместе с тем уместно привести норму статьи 35 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в которой предусмотрено, что «правосудие на территории, на которой введено чрезвычайное положение, осуществляется только судом... Учреждение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается. В случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено чрезвычайное положение, по решению Верховного Суда Российской Федерации может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах» (части 1-3).

Все приведенные выше формы ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в деле, будучи оправданными с санитарно-эпидемиологической точки зрения, могут иметь место при наличии двух условий: во-первых, если они рекомендуются к применению судом, но не навязываются лицам, участвующим в деле, принудительно (иметь только одного представителя, не представлять доказательства, заявить

530 URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.

ГЛАВА III ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

§ 1 Особенности работы судебной системы Республики Татарстан в условиях пандемии

В конце декабря 2019 года в городе Ухане провинции Хубэй центральной части Китайской Народной Республики были зарегистрированы первые вспышки пневмонии неизвестного происхождения, а уже 22 января 2020 года город Ухань был закрыт на карантин. Распространение вируса оказалось стремительным, и 11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила, что вспышка приобрела характер пандемии⁵³¹. Согласно статистическим данным, на 25 августа 2020 года число заболевших в мире составляет 23 812 892 человека⁵³².

В начале марта 2020 года распространение новой коронавирусной инфекции началось на территории Российской Федерации. По этой причине с целью сохранения санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны 18 марта 2020 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации и Президиумом Совета судей Российской Федерации было принято Постановление № 808⁵³³, регламентирующее работу судов в период пандемии. В соответствии с указанным документом работа судов Российской Федерации строилась следующим образом.

Был приостановлен личный прием граждан в судах, подача документов осуществлялась только через электронные интернет-приемные судов или по почте России.

Рассматривались только категории дел безотлагательного характера (об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и другие), а также в порядке приказного, упрощенного производства.

531 Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Официальный сайт. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov>.

532 Подробная статистика по коронавирусу в России и мире: [сайт]. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/statistika/>

533 Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28814/>

ходатайство о рассмотрении дела в отсутствие лица, в обязательном порядке заявить ходатайство о видеоконференции и пр.); во-вторых, если они оставляют лицу возможность воспользоваться «обычным» порядком разбирательства при отпадении экстраординарных обстоятельств, зарезервировав без каких-либо неблагоприятных последствий возможность последующего обращения в суд или продолжения процесса по делам, которые не относятся к категориям, требующим безотлагательного рассмотрения.

Был ограничен доступ в суды лиц, не являющихся участниками судебных процессов.

Всем судам было рекомендовано при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел с использованием видео-конференц-связи.

Работа судов в период с 19 по 30 марта 2020 года, до издания Президентом Российской Федерации Указа № 206 от 25 марта 2020 года «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»⁵³⁴, с учетом установленных ограничений обеспечивалась полным штатом сотрудников. В соответствии с пунктом 4 Указа органам государственной власти субъектов Российской Федерации было предписано определить в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки на соответствующей территории Российской Федерации численность государственных служащих, обеспечивающих с 30 марта по 3 апреля 2020 г. функционирование этих государственных органов.

С 30 марта и до окончания всеобщих нерабочих дней по России 11 мая 2020 года работа судов Республики Татарстан осуществлялась в «дежурном формате»: был определен перечень судей и сотрудников аппарата, которые выполняли свои трудовые функции для обеспечения отправления правосудия.

8 апреля 2020 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации и Президиумом Совета судей Российской Федерации было принято новое Постановление № 821⁵³⁵, которым в работу судов вносились существенные изменения. Помимо дел безотлагательного характера, как это было установлено предыдущим Постановлением № 808, судам было разрешено рассматривать дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным. Кроме того, с учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима повышенной готовности, введенного в соответствующем субъекте Российской Федерации, суд был вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении какого-либо дела, по которому была обязательна явка в судебное заседание лиц или которое не носило безотлагательного характера.

Верховным Судом Республики Татарстан за весь период выходных дней в районные (городские) суды регулярно направлялись письма с разъяснениями порядка работы и установками мер по недопущению распространения коронавирусной инфекции.

⁵³⁴ Президент Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://krem-lin.ru/acts/news/63065>.

⁵³⁵ Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28837/>

В письмах Председателя Верховного Суда Республики Татарстан от 19 и 20 марта указывалось, что все дела, назначенные к рассмотрению или уже рассматриваемые районными судами и мировыми судьями на момент издания первого Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 808, необходимо отложить на период после 10 апреля 2020 года, а затем на основании Постановления № 821 на период после 11 мая 2020 года. Гражданские, уголовные, административные дела, по которым на момент 19 марта 2020 года районными судами уже были вынесены решения по существу, направлялись в апелляционную инстанцию – Верховный Суд Республики Татарстан, и уже там, после прохождения соответствующей санитарной обработки, хранились до момента снятия ограничений на их рассмотрение.

Письмом ВС РТ от 23 апреля установлен обязательный замер температуры граждан и работников при посещении судов, а также недопустимость пребывания в судах граждан без средств индивидуальной защиты (маски и перчатки). Кроме того, совместным письмом Верховного Суда Республики Татарстан и Управления Судебного департамента по Республике Татарстан от 12 мая 2020 года регламентирован порядок пропуска в суды лиц, участвующих в деле (вход в здание за 15 минут до начала судебного заседания, наличие средств индивидуальной защиты, обязательный замер температуры тела, соблюдение социальной дистанции), а также установлена невозможность посещения судов лицами, не являющимися участниками судебных процессов.

Актуальная информация о режиме работы судов, способах подачи документов и иные необходимые сведения регулярно и своевременно размещалась на официальных сайтах судов. На входе в здания судов размещены объявления о правилах их посещения.

Обращаясь к статистике, следует указать, что количество дел и материалов, поступивших в Верховный Суд Республики Татарстан в период введения ограничительных мер, снизилось на 59% по сравнению с аналогичным периодом в 2019 году (с 4744 дел в 2019 году до 1950 дел в 2020 году). При этом количество документов, поступивших по электронной почте и через модуль подачи процессуальных документов, выросло на 35%.

Следует отметить, что судебная система Республики Татарстан успешно справилась со всеми задачами, связанными с отправлением правосудия в условиях пандемии коронавируса. Более того, введенный режим «самоизоляции» стал дополнительным толчком в развитии цифровизации судебной системы не только в республике, но и в стране в целом.

К примеру, 21 апреля 2020 года Верховный Суд Российской Федерации начал рассмотрение дел безотлагательного характера с помощью

веб-конференции⁵³⁶. Для обеспечения возможности проведения судебного заседания в таком виде требуется внедрение технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу. Аналогичная система организована в Московском городском суде, а также 60 арбитражных судах различных субъектов Российской Федерации. При этом сторонам предоставлена возможность не только онлайн-участия в судебном заседании, но и онлайн-ознакомления с материалами дела, поскольку все документы, поступающие в суд, сканируются и загружаются в специальные программы, например, «Мой арбитр». Таким образом, возникает не только существенная экономия времени судей и сотрудников аппарата, но и расширяется возможность доступа к правосудию граждан, которые каким-либо образом ограничены в передвижении, в том числе и по причинам самоизоляции.

21 мая 2020 года в Верховном Суде Республики Татарстан впервые было проведено судебное заседание путем использования технологии веб-конференции. Заседание в подобном формате было организовано по ходатайству стороны судебного процесса, направленному через Единую систему идентификации и аутентификации «Госуслуги», с использованием специализированной компьютерной платформы Vinteo. Веб-конференции позволяют снизить число посетителей суда, что наиболее актуально с учетом санитарно-эпидемиологической обстановки.

Но остаются и проблемы, которые даже в текущих условиях функционирования судебной системы пока не представляется возможным разрешить⁵³⁷. Так, отсутствует техническая возможность дистанционной работы судей и сотрудников. Во-первых, материалы дел не могут быть перемещены куда-либо из здания суда, а их оцифровывание судами общей юрисдикции пока не производится. Во-вторых, отсутствие механизма защиты информации вне суда приводит к невозможности удаленной работы, поскольку деятельность судов связана с персональными данными, государственной тайной и т.д.

Также во время пандемии суды столкнулись с критикой со стороны средств массовой информации за то, что журналистам так же, как и другим лицам, не являющимся участниками судебных процессов, вход на судебные заседания запрещен.

Пандемия коронавирусной инфекции оказалась серьезным испытанием для всего мирового сообщества, для государственных органов и организаций всех уровней, многие из которых попали в ситуацию ре-

536 Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://www.vsrfg.ru/press_center/news/28867/

537 См. об этом также: Андреева О.И. Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник ТГУ. Право. 36 (2020) С. 5-15.

гресса. И в заключение следует отметить, как точны слова австрийского писателя Стефана Цвейга: «Лишь удар, отбрасывающий назад, придает человеку всю его наступательную силу».

§ 2 Пределы ограничения свободы предпринимательской деятельности правовыми актами субъекта федеративного государства (постановка проблемы)

Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Справедливость той части данного утверждения, содержащегося в ст. 1 Конституции Российской Федерации, которая касается формы государственного устройства – федеративного характера государства – ощутили граждане самой большой в мире страны с первых моментов борьбы с заболеванием, вызываемым вирусом SARS-CoV-2. Подтверждение политическими элитами приверженности идее федерализма стало возможным благодаря одновременному действию трех факторов: необходимости распределения политической ответственности за непопулярные решения, связанные с ограничением прав, большой территории страны и существенной разнице между уровнем экономического развития регионов.

Фактически реализуемая в течение двух десятилетий концепция централизованного государства не удовлетворяла ни экономическим, ни политическим запросам всего общества и ее элит, как следствие, возникли идеальные условия для федерализации власти на короткий период времени и для очень специального случая (ad hoc) – борьбы с распространением заболевания COVID-19. Однако содержание федерального законодательства на момент принятия решения о передаче ответственности за принятые решения на уровень субъектов Федерации, на наш взгляд, не могло обеспечить действию властей регионов полностью в рамках правового поля.

Напомним легальное определение, которое было закреплено в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁵³⁸: «Чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей». С 1 апреля

538 Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

2020 г. данное определение было дополнено словами, позволявшими говорить о наступлении чрезвычайной ситуации в случае «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих»⁵³⁹.

Режим повышенной готовности был введен еще в марте 2020 г. почти во всех регионах, например, указом Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»⁵⁴⁰, постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 года № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁵⁴¹, распоряжением Губернатора Омской области от 17 марта 2020 № 19-р «О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области»⁵⁴² и др.

Было ли легитимным введение режима повышенной готовности названными правовыми актами? Думается, да.

Пунктом 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» установлено, что органы управления и силы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций функционируют в режиме: (а) повседневной деятельности – при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации; (б) повышенной готовности – при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации; (в) чрезвычайной ситуации – при возникновении и ликвидации чрезвычайной ситуации.

Определение чрезвычайной ситуации уже на период марта 2020 г. содержало фактически открытый перечень оснований для ее констатации, поскольку в структуре легальной дефиниции говорилось об «ином бедствии». К числу бедствий, несомненно, можно отнести и эпидемию.

Пунктом 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» установлено, что при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации допускается «приостанавливать деятельность организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории».

⁵³⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. г. 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2028.

⁵⁴⁰ Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14.

⁵⁴¹ URL: <https://rg.ru/2020/03/13/spb-post121-reg-dok.html> (дата обращения: 12.09.2020).

⁵⁴² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202003170004> (дата обращения: 12.09.2020).

Приостановление деятельности организаций вполне можно отнести к числу решений публичной власти, направленных на ограничение конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции России). Расширительное толкование полномочия приостанавливать деятельность организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, не согласуется с целью соответствующего решения, вытекающего из условия введения ограничения, а именно такое допускается, только если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории.

Введение ограничений на работу по принципу отраслевому и видам экономической деятельности (скажем, продавать пищевую продукцию – можно, а продавать автотранспорт – нет) для групп организаций – выходит за рамки полномочий, установленных для региональных властей, определяющих меры, направленные на предотвращение и борьбу с чрезвычайной ситуацией. Приостановление работы организаций, по замыслу законодателя, должно иметь целью исключить причинение вреда здесь и сейчас, то есть на территории конкретного хозяйствующего субъекта.

При таком ходе рассуждений неизбежен вывод о действиях региональных властей вразрез с содержанием закона. Однако подчеркнем, речь идет о противоречиях с буквой, а не духом закона.

Оснований для применения к публично-правовым образованиям экономических санкций за причинение вреда актами власти мы не усматриваем.

Согласно ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет, соответственно, казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Как это следует из содержания нормы ч. 1 ст. 1067 ГК РФ, вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в

интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред (ч. 2 ст. 1067 ГК РФ).

Федеральная власть не воспользовалась своим полномочием ввести чрезвычайное положение в период эпидемии, прямо предоставленным ей ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁵⁴³. Статьей 11 названного федерального конституционного закона определено, что указом Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения на период действия чрезвычайного положения может предусматриваться установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая перемещение товаров, услуг и финансовых средств.

Думается, следует исходить из того, что региональные власти в силу бездействия властей более высокого уровня оказались связаны крайней необходимостью, потребовавшей выйти за границы своих полномочий и нанести убытки хозяйствующим субъектам принятием нормативных правовых актов, формально выходящих за границы их компетенции.

Совершенные региональными властями действия в условиях крайне ограниченной информации о самом вирусе SARS-CoV-2, заболевании, им вызываемом (COVID-19), темпах его распространения, точности диагностики и возможности профилактики должны быть оценены как обоснованные.

Возможно ли наделение федеральным законом полномочиями по ограничению свободы предпринимательской деятельности, при введении различных режимов в соответствии с законодательством о чрезвычайных ситуациях властей субъектов Федерации (*de lege ferenda*)? Если да, целесообразно ли такое наделение?

Думается, что такая передача возможна в соответствии с Основным законом России, но не целесообразна с учетом природы предпринимательской деятельности.

Частью 1 ст. 8 Конституции установлено: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности».

В Совместном заявлении⁵⁴⁴ членов Высшего Евразийского экономического совета в связи с пандемией COVID-19, подписанного главами Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан,

Кыргызской Республики и Российской Федерации, увидевшем свет 4 апреля 2020 г., сказано: «Выступаем за единство международного сообщества и стабильность мировой экономики, сохранение принципа свободы передвижения товаров, включая социально значимые товары, продукты питания, медицинское оборудование и препараты, медицинские средства индивидуальной защиты». Тем самым сделано совершенно недвусмысленное послание органам власти всех уровней – передвижение товаров в период локдауна не должно сталкиваться с дополнительными препятствиями, вызванными любыми факторами, в том числе и служебным рвением конкретных должностных лиц. Это наднациональная и довольно корректная форма воплощения идеи, которая была транслирована месяцем ранее в потоке писем российских федеральных органов исполнительной власти властям регионов.

Межрегиональные и международные перевозки продолжали происходить по территориям различных регионов, в том числе с высоким индексом «вирусного суверенитета». Наблюдаемое расхождение между идеей карт-бланша, представленного регионам, для принятия мер, направленных на борьбу с распространением инфекции, и суровой необходимостью сохранения грузопотока, принято как данность и практически без обсуждения.

В то же время результаты анализа нормативных правовых актов региональных властей на март и начало апреля 2020 г. позволяют заключить, что они входили в конфликт с правовым принципом единства экономического пространства и экономической необходимостью сохранения гражданского оборота.

Дать возможность регионам вводить ограничения на осуществление предпринимательской деятельности означало создать юридические предпосылки для нарушения принципа единства экономического пространства на территории Российской Федерации. Сама такая передача не означала неизбежного выхода региональных властей на нарушение конституционных принципов, но и обойти такие нарушения было чрезвычайно трудно, как следствие, коррективы нормотворчества и правоприменения потребовались и они были сделаны в формах разного рода писем и заявлений.

В порядке вынужденного отступления сообщим, что разработка в середине XX века Единообразного торгового кодекса США (англ. The Uniform Commercial Code) – модельного акта, представляющего собой результат работ, направленных на унификацию торгового права США, действующего с теми или иными изменениями и оговорками в большинстве американских штатов – была обусловлена рядом причин, в числе которых была необходимость обеспечения единства экономического пространства на основе единых стандартов правового регулиро-

543 Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23, ст. 2277.

544 URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-1.aspx> (дата обращения: 12.09.2020).

вания. Было бы неправильно слепо копировать стандарты с иностранных правовых порядков, тем более когда речь идет о юридических системах, относящихся к разным правовым семьям. Однако наблюдение за работой правовых механизмов в таких случаях очень ценно.

И вот как раз такое наблюдение позволяет заметить следующее. Учитывая, что система актов гражданского права в США представлена множеством законов штатов и при этом регулирование имущественных отношений с участием предпринимателей происходит на основе унификации, можно предположить, что крупнейшая и одна из наиболее успешных экономик современного мира не может быть построена на заведомо негодной правовой предпосылке.

В силу п. «о» ст. 71 Конституции в ведении Российской Федерации находятся судоустройство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности.

Отнесение принятия законов, содержащих нормы гражданского права, а значит, и регулирующих гражданский оборот и определяющих принципы осуществления предпринимательской деятельности, к компетенции федеральных органов власти, делает логичным любое серьезное ограничение этого оборота только на основе норм федерального законодательства и в соответствии с решениями федерального центра, особенно когда они носят нормативно-регулирующий характер.

Ограничения на работу предпринимательского сообщества в период действия особых режимов – чрезвычайной ситуации или повышенной готовности – могут налагаться с учетом региональных особенностей развития обстановки, однако введение данных ограничений не должно быть обусловлено принятием властями субъекта федеративно-го государства правовых актов, носящих нормативный характер.

§ 3 Защита информационных прав несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества

Непрерывно изменяющиеся общественные отношения, обусловленные внедрением новых информационных технологий и искусственного интеллекта во все сферы жизни общества, помимо положительных моментов, несут потенциальную опасность безопасности несовершеннолетних граждан Российской Федерации. Современные дети получают лавинообразный поток негативной информации, в том числе и направленной на манипулирование их поведением, оказывавшей негативное психологическое воздействие, пропагандирующую порногра-

фию и ранние сексуальные связи, вовлекающую в азартные игры, незаконное предпринимательство, наркоманию, обучающую обману родителей, учителей, сверстников и подобное.

Сегодня цифровая трансформация общественных отношений является объективной реальностью и требует совершенствования образовательных технологий. Основной целью нормативного регулирования в данных обстоятельствах является формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления деятельности, связанной с их использованием⁵⁴⁵.

Цифровая трансформация современного общества настоятельно требует эффективного контроля за потоками информации, направленными на несовершеннолетних, для минимизации всех негативных факторов. В связи с этим требуется разработка методических рекомендаций, мероприятий, методических и информационных материалов для родителей, детей, педагогов в области противодействия негативному воздействию на детей процессов цифровой трансформации общественных отношений.

Проведенное в рамках работы анкетирование учащихся, педагогов и их родителей показало, что основными целями использования информационных технологий и Интернета опрошенными несовершеннолетними (при возможности выбора нескольких вариантов ответа) являются: игры, развлечения – 83,6%; виртуальное общение (в социальных сетях, чатах, форумах) – 78,2%. Все опрошенные респонденты – 100% считают, что изменилось время использования ребенком информационных технологий и Интернета в связи с введением дистанционного обучения в российских школах в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19). При этом время использования компьютера, других гаджетов, Интернета существенно увеличилось (более чем в 2 раза) у 61,8% несовершеннолетних.

К сожалению, помимо скорости и удобства в получении, передаче, хранении различной информации, Интернет на порядок стал опаснее для несовершеннолетних. В социальных сетях дети собирают и обмениваются практически всей информацией о себе, размещают свои фото, видеоизображения, которые могут быть скопированы и долгое время использоваться другими пользователями, не всегда в положительных целях. Это подтверждается исследованием О.В. Артюшиной, что современная характеристика личности насильственного преступ-

545 Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Бельх, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

ника – это продвинутый IT-пользователь, интеллектуально развитый, трезво мыслящий и эмоционально устойчивый⁵⁴⁶.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие опасности, по Вашему мнению, существуют в сфере информационной безопасности и защиты информационных прав и свобод несовершеннолетних?» (при возможности выбора нескольких вариантов ответа):

Наличие и вид опасности	Доля опрошенных, %		
	несовершеннолетние	родители	педагоги
вред здоровью от чрезмерного использования компьютеров (портится зрение, осанка, нарушается сон)	30,9	67,4	88,9
вредоносное программное обеспечение, в том числе занесение вируса в свою технику через посторонние файлы или Интернет, вирусная блокировка компьютера, вымогательство денег за разблокировку	79,1	34,3	21,2
списание финансовых средств без согласия пользователя (подключение платных подписок, списание средств за использование развлекательных каналов и сайтов, за виртуальные покупки в играх, скачивание мелодий и фильмов по умолчанию)	43,6	19,6	61,3
информационное хулиганство (спам; преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание)	22,7	26,4	9,4
онлайн-мошенничество	21,8	19,4	44
несанкционированный доступ к паролям и логинам (фишинг), незаконное использование личной информации в Интернете	10,9	13,9	17,4
нарушение авторских прав и прав интеллектуальной собственности	3,6	1,6	4
взаимодействие с экстремистским контентом	0	0	4
не вижу опасностей	16,4	0	0
Другое	0		0

Данные таблицы свидетельствуют, что, за исключением 16,4%, большинство опрошенных несовершеннолетних признают наличие определенных опасностей в сфере информационной безопасности и защиты информационных прав и свобод. В основном детей и подростков в этой сфере волнуют риск вредоносного программного обеспечения, в том числе занесение вируса в свою технику через посторонние файлы или Интернет, вирусной блокировки компьютера, вымогательства денег за разблокировку (79,1%), а также списание финансовых средств без согласия пользователя (подключение платных подписок, списание средств за использование развлекательных каналов и сайтов, за виртуальные покупки в играх, скачивание мелодий и фильмов по умолчанию) (43,6%). Акцент опрошенных школьников на этих опасностях можно объяснить тем, что именно подобные риски возникают при использовании информационных технологий и Интернета для игр, развлечений и при виртуальном общении, что отмечено выше в качестве преимущественных целей использования информационных технологий опрошенными.

В то же время о таких рисках, как нарушение авторских прав и прав интеллектуальной собственности (3,6%), а также взаимодействие с экстремистским контентом (0%), сами несовершеннолетние редко задумываются, о них чаще должны заботиться родители или педагоги школьников.

Стоит отметить, что все родители и педагоги не отметили вариант «не вижу опасности», показав тем самым, что использование Интернета всегда сопряжено с наличием какой-либо угрозы. Кроме того, родители и педагоги в большей мере склонны замечать в применении информационных технологий возникновение вреда для здоровья детей и подростков, чем сами несовершеннолетние.

Вызывает опасение, что примерно у четверти опрошенных школьников (25,5%) родители никак не пытаются обеспечивать информационную безопасность и защитить их информационные права. Большинство опрошенных педагогов самоустраиваются от вопросов обеспечения информационной безопасности их учеников, считая, что обеспечение личной информационной безопасности несовершеннолетних и защита их информационных прав и свобод – это ответственность родителей, т.к. учителя не имеют соответствующей квалификации.

Комплексная система обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних должна быть построена для снижения вероятности реализации угроз за счет эффективного мониторинга текущей обстановки и представления информации, обеспечивающей своевремен-

⁵⁴⁶ Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex rusica. 2019. № 9. С. 77–84.

ность принятия управленческих решений⁵⁴⁷.

Предлагается изучить потенциальные риски для несовершеннолетних для определения уровня тяжести потенциально возможных последствий негативного информационного влияния цифровой трансформации общественных отношений. Они позволят выявить и спрогнозировать перечень информационных прав и свобод несовершеннолетних, которые нарушаются или потенциально подвержены негативному воздействию в ходе цифровой трансформации общественных отношений.

Так же тщательная проработка допустимости и пределов ограничения некоторых информационных прав и свобод несовершеннолетних позволит сформулировать эффективные предложения по совершенствованию норм отечественного законодательства, направленные на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних.

На основании проведенного исследования нами будут предложены эффективные, научно обоснованные методические рекомендации и информационные материалы для родителей, детей, педагогов в помощь по противодействию негативному воздействию на детей при развитии процессов цифровой трансформации общественных отношений, а также регламентирующих процессы допустимости и условий эксплуатации технических средств, коммуникации и средств обеспечения информационной безопасности в образовательных учреждениях при соблюдении баланса между ограничениями и потребностью привить подросткам компетенции по ответственному использованию информационно-коммуникационных технологий.

§ 4 Отказ от процессуальных субъективных прав молчанием

В праве молчание имеет расплывчатое и двусмысленное значение, оно непосредственно (позитивный способ) не проявляет содержание воли лица, следовательно, на этом основании не всегда возможно создать правоотношения с определенным содержанием. Частные субъекты уголовного процесса нередко оспаривают процессуальные действия на том основании, что молчание, которое было взято за основу органом, осуществляющим производство, в данном случае не проявляло волю лица. В уголовном процессе молчание рассматривается в различных контекстах. Например, в англо-саксонской процессуальной системе обсуждаются вопросы эстоппеля, вытекающие из неправомерного умолчания. Так, когда какое-либо лицо какими-либо своими действи-

ями или словами или воздержаниями от действий и слов (молчанием – автор) намеренно внушает другому лицу веру в истинность чего-либо и склоняет его действовать на основании этой веры иначе, чем тот действовал без этой веры, то ни лицо, впервые упомянутое, ни представитель его интересов не могут в какой-либо тяжбе или процессе между собою и таким лицом отрицать истинность этого.

В уголовном процессе значительная часть вопросов, связанных с молчанием, относится к доказательственному праву. В теории судебных доказательств молчание можно рассматривать как бремя негативного утверждения или, как отмечает А. Смирнов, бремя неутверждения. Молчание как бремя негативного утверждения означает, что оно может быть обращено против отказавшейся от соответствующего заявления стороны. Он их называет факты умолчания, т.е., «обстоятельства, которые становятся бесспорными ввиду того, что обе стороны молчаливо признают их таковыми или, по крайней мере, не заявляют против них возражений, когда такие возражения от них ожидаются как условие сохранения бремени доказывания на другой стороне». Например, еще в конце XIX – начале XX в. обсуждалась возможность существования молчаливого признания. Уставом гражданского судопроизводства предусматривались такие случаи, которые можно отнести к молчаливому признанию: например, отказ стороны от представления, требуемого у нее противной стороной документа, когда она не отрицает, что он у нее находится, суд может признать доказанными обстоятельства, в подтверждение коих была сделана ссылка на документ (ст. 444 Устава гражданского судопроизводства).

Другой пример. Если участник процесса уклоняется от участия в судопроизводстве или в процессе судебного разбирательства не оспаривает обвинение, иск или составляющие его основу фактические данные, то можно ли из такого поведения сделать вывод, что своим молчанием он принимает обвинение или доказательства, представленные противоположной стороной? В дореволюционный период специалист гражданского процесса К. Малышева отметила: «Неявка ответчика не может служить основанием к обвинению его в иске. Наши прежние законы предписывали винить ответчиков неявкой, но теперь такого правила нет. Из неявки ответчика не следует, что он признает исковые требования, не следует даже и того, что он признает исковые факты. Правда, он молчит и не заявляет спора. Но кто молчит, тот не выражает непременно признания; он только не спорит, не отрицает. Они, естественно, становятся бесспорными, потому что против них не заявлено спора. С практической точки зрения, это правило не только не хуже, но и лучше предполагаемого признания фактов. Так как нет спора, то суд и принимает факты как они изложены истцом; но так как это простой

547 Роговая А.В. Мониторинг организационно-правовых основ регулирования комплексной безопасности образовательных организаций в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23). С. 50–58.

результат логики, то нельзя доводить его до крайности и обращать против логики. Если исковые факты сами по себе невозможны или нелепы, то суд может опровергнуть их, не стесняясь отсутствием спора». В данном случае автор из молчания ответчика выводит, что факты становятся неоспоримыми. Неоспоримые факты суд может опровергнуть, если они невозможны или нелогичны.

В уголовном судопроизводстве актуальным является вопрос о том, вызывают ли одинаковые правовые последствия неоспаривание обвинения или признание обвинения прямым волеизъявлением? В дальнейшем будут рассмотрены процессуальные системы, в которых дифференцируются правовые последствия неоспаривания обвинения путем молчания и признания обвинения прямым (позитивным) волеизъявлением.

Прежде чем возвратиться к основным вопросам данной работы, необходимо уточнить терминологию. Надо различать «молчание в уголовном процессе» и «молчание в уголовно-процессуальном праве». В первом случае имеется в виду урегулированное законом (позитивным правом) молчание участников производства, а также вытекающие из этого условные выводы, а во втором случае – наличие пробела в уголовно-процессуальном законодательстве или красноречивое молчание законодателя в данной отрасли. В данной части работы мы не рассмотрим молчание правотворческого органа (законодательных пробелов и красноречивого молчания) в уголовно-процессуальной сфере.

1.2. Правовые режимы молчания и условные выводы, вытекающие из него в уголовном процессе

В уголовном процессе вопросы молчания (условных выводов, вытекающих из него) относятся к разнородным институтам уголовного процесса – начиная с отказа от процессуальных прав путем молчания до условного санкционирования молчанием некоторых правовых действий публичными участниками уголовного процесса.

В уголовном процессе молчание (условные выводы, вытекающие из него) может выражаться в следующих режимах:

1) отказ от процессуальных прав молчанием, которое проявляется двумя способами:

1.1) отказ от осуществления процессуальных прав молчанием,

1.2) молчаливое согласие на вмешательство в процессуальные права;

2) хранение молчания как конституционное право;

3) хранение молчания как тактический прием;

4) молчание и предполагаемые выводы об утверждении (санкционировании) процессуальной сделки (примирении), которое проявляется двумя способами:

4.1) предполагаемое (молчаливое) согласие о прекращении уголовного преследования,

4.2) предполагаемое (молчаливое) согласие о признании вины (обвинения);

5) молчание и вывод о фиктивном удовлетворении ходатайства;

6) молчание и вывод о предполагаемом согласии изменения (не изменении) подсудности.

2. Отказ от процессуальных прав молчанием

2.1. Общие позиции

В уголовном процессе отказ от процессуальных (субъективных) прав путем молчания (бездействия) проявляется двумя способами: отказ от осуществления процессуальных прав молчанием (бездействием) и молчаливое согласие на вмешательство (совершение процессуальных действий) в права (не представляя возражения). Ранее мы представили разные случаи отказа от процессуальных прав путем молчания. В данной работе отдельно отметим нижеуказанные примеры.

2.2. Отказ от осуществления процессуальных прав молчанием

(а) Отказ от права на встречный опрос молчанием. Риторическое выражение «молчание – знак согласия» не может приводиться в том случае, когда решается вопрос отказа от права на встречный опрос. Если в суде рассматривается вопрос оглашения показаний свидетеля, данных в ходе предварительного следствия, и подсудимый отказывается выразить позицию по данному вопросу, то это само по себе (*per se*) не означает, что он отказывается от права на встречный опрос.

Право на встречный опрос *ex officio* возлагает на государство (орган, осуществляющий производство) обязанность его обеспечения, что означает, что подсудимый не обязан в каждом случае ходатайствовать, чтобы орган, осуществляющий производство, вызвал в суд свидетеля, давшего против него показания.

Непредставление ходатайства о вызове в суд свидетеля *per se* не означает, что подсудимый отказывается от права на встречный опрос. Еще раз отметим, что обязанность вызова в суд свидетеля, давшего против обвиняемого показания в ходе предварительного следствия, возникает в силу закона, независимо от того, заявлял ли подсудимый подобное ходатайство или нет.

В другом случае Европейский суд по делу «Загородников против России» (*Zagorodnikov v. Russia*, 07.06.2007г.) отметил, что заявитель напрямую не отказался от права на публичное судебное разбирательство. Что касается предполагаемого отказа от права, то заявитель, согласно российскому законодательству, имел право на публичное судебное разбирательство, следовательно, не было необходимости заявления специального ходатайства о проведении публичного судебного

разбирательства.

Американские суды не разрешают практику отказа от основных прав молчанием и более склонны принимать позицию, противоположную презумпции отказа от права на встречный опрос.

В немецкой уголовно-процессуальной теории также применяется тот подход, что молчание подсудимого относительно оглашения показаний не рассматривается как отказ от встречного опроса. Так, специалист уголовного процесса Германии В. Бойлкен отмечает, что оглашение как судебных, так и несудебных протоколов допроса свидетеля, эксперта или обвиняемого, допустимо с согласия прокурора, защитника и подсудимого (§251 I № 4, III УПК). В соответствии с судебной практикой согласием признается молчаливое одобрение (BGHSt 9, 230, 232; BGHStV 1983, 319), например, защитник согласился с оглашением протокола, и подсудимый по этому поводу молчит (BayObLGSt 1978, 17; K/M-G, § 251 Rn 12f). Однако этот подход обоснованно подвергается критике, поскольку, таким образом, необходимость согласия *de facto* превращается в обязанность приносить возражение (Schlothauer, StV 1983, 320; ebenso Roxin, § 44 Rn 10). Таким образом, молчание относительно вопроса оглашения показаний свидетеля, данных в ходе предварительного следствия, само по себе не является согласием на отказ от права на встречный опрос.

(b) Отказ от права на участие в судебном заседании молчанием. Возможно ли отказаться от права на участие в судебном заседании молчанием, в частности, если защитник не возражает против рассмотрения дела в отсутствие подсудимого или не подает ходатайство о проведении судебного разбирательства с участием подсудимого, то можно ли рассматривать такое бездействие (молчание) как согласие об отказе от права? К вопросу об отказе от права на участие в судебном заседании путем молчания (невозражения или неподачи ходатайства) Европейский суд обратился по делу «Мирилашвили против России» (Mirilashvili v. Russia, 10.07.2007 г.) и постановил, что адвокаты и заявитель знали о судебных заседаниях, однако сторона защиты не потребовала, чтобы заявитель участвовал на судебных заседаниях 5, 21, 26, 28 февраля, 11 и 12 марта 2003 года. Поведение защитников в таких обстоятельствах Европейский суд рассмотрел, как «отказ путем молчания» (*tacit waiver*). Подход Европейского суда к вопросу об отказе участия в судебном заседании путем молчания в указанные дни надо принимать с оговоркой. Суд сделал два акцента: во-первых, в процессе всего разбирательства заявитель был представлен группой высококвалифицированных адвокатов, во-вторых, участие подсудимого в проведенных в эти дни судебных заседаниях не было необходимым, поскольку на этих заседаниях рассматривались вопросы относительно других лиц, кото-

рые непосредственно не были связаны с обвинением заявителя. В условиях наличия этих двух обстоятельств сложно однозначно утверждать, что отсутствие требования стороны защиты об участии в судебном заседании представляет собой отказ от права на участие в судебном заседании путем молчания.

Одновременно, надо добавить, что по данному делу Европейский суд, безусловно, принял допустимость отказа от права на участие в судебном заседании путем молчания и отметил, что 21 июня 2003 года в процессе судебного заседания обсуждались вопросы, имеющие важное значение для заявителя, однако защитники не возражали против продолжения рассмотрения дела в отсутствие подсудимого. Нужно признать, что в этом случае позиция Европейского суда ясна: отсутствие возражений против продолжения судебного заседания без участия подсудимого представляет собой отказ от права на участие в судебном заседании путем молчания, если даже это судебное заседание непосредственно касается обвинения заявителя.

Считаем, что к вопросу об отказе от права молчанием надо относиться осторожно. В первую очередь, нужно понять, участие подсудимого в судебном заседании является ли в данной процессуальной системе общим правилом, принципом судебного разбирательства или нет? Если участие подсудимого в судебном разбирательстве является общим правилом, то подсудимый или защитник не обязаны ходатайствовать о рассмотрении обвинения при участии подсудимого или возражать против продолжения рассмотрения дела в отсутствие подсудимого. Кстати, по поводу отказа от права на гласное разбирательство Европейский суд высказал позицию, отличающуюся от позиции по делу «Мирилашвили против России». Так, Европейский суд по делу «Загородников против России» (Zagorodnikov v. Russia, 07.06.2007 г.) заметил, что заявитель не отказался – в прямых выражениях – от своего права на публичное разбирательство дела судом. Что же касается подразумеваемого отказа от этого права, то Суд отметил, что заявитель имел право на публичное разбирательство дела судом в соответствии с российским законодательством. Посему у него не было необходимости специально ходатайствовать о проведении гласного разбирательства дела судом. Заявитель поэтому не отказался от своего права на гласное разбирательство дела судом – прямо или подразумеваемым образом.

В американском праве также отмечается, что молчание обвиняемого не означает, что он отказывается от права на участие в судебном заседании (People v. Aguilar NYS2d 1992 WL 54724 (NYAD)). Исходя из вышесказанного, считаем, что отсутствие возражения против рассмотрения обвинения без участия подсудимого или отсутствие ходатайства о проведении судебного разбирательства с участием подсудимого

не является отказом от права на участие в судебном заседании путем молчания.

2.3. Молчаливое согласие на вмешательство в процессуальные права (производство процессуальных действий)

Законом предусмотрены ситуации, когда вмешательство в права человека разрешается только по согласию лица (отказ от субъективных прав). На практике встречаются случаи, когда лицо, хотя и не дает прямого (позитивного) согласия на вмешательство в свои субъективные права, однако не возражает против этого. Может ли само по себе непредъявление возражения носителя права расцениваться как молчаливое согласие относительно вмешательства в его права? Например, молчание *reg se* не означает, что лицо дает согласие на проникновение в жилище и этим отказывается от своего права? Согласие на проникновение в жилище должно быть ясным и определенным, оно не может основываться на предположениях. Если лицо молчит по поводу проникновения в жилище, то это не может толковаться как предполагаемое согласие на проникновение в жилище.

Согласно абзацу 1 § 105 УПК Германии, распоряжения об обысках могут отдаваться только судьями, в случае опасности промедления – также прокуратурой и оказывающими ей помощь служащими (§ 152 Закона о судостроительстве). В научных комментариях указывается, что постановление необходимо, если лицо, у которого производится обыск, не выражает своего согласия на его производство; молчаливого согласия недостаточно (OLG Köln NJW 2001, 14). О разрешении на производство обыска в жилище без постановления суда, но с согласия лица, указывается также в мюнхенском комментарии УПК Германии, согласно которому постановление, указанное в абзаце 1 § 105 УПК, не требуется, если лицо очевидно и свободно, без принуждения дает согласие на производство обыска в жилище. Достаточно согласия заинтересованного лица, для которого не установлена конкретная форма, оно также может вытекать из предполагаемого поведения, однако молчаливой толерантности (согласие молчанием) не достаточно, если оно с точки зрения объективного третьего лица не выражает соответствующего смысла (воли). Молчание не нужно рассматривать как предполагаемое согласие относительно вмешательства в права человека, если это прямо не указано в законе.

§ 5 Правовые и организационные основы профилактики служебной деликтности⁵⁴⁸

В настоящее время реформирование государственной службы осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 24 июня 2019 г. № 288 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы на 2019–2021 годы»⁵⁴⁹. К сожалению, приходится признать, что в перечне мероприятий, направленных на развитие государственной службы, отсутствует указание на мероприятия, связанные с укреплением служебной дисциплины, снижением уровня служебной деликтности в системе государственной службы.

В юридической науке закономерности противоправных явлений изучаются деликтологией, которая в настоящее время представлена: общей деликтологией; криминологией; административной деликтологией. Обособленным направлением административной деликтологии является служебная деликтология, представляющая собой неразрывно связанную с юридическими и общественными науками систему знаний о служебной деликтности как социально-правовом явлении, ее причинах и условиях, направленную на обеспечение эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы, разработку мер по предупреждению совершения государственными служащими дисциплинарных проступков⁵⁵⁰.

В качестве предмета служебной деликтологии выступает «служебная деликтность» – научная категория, внутренне присущая правоотношениям дисциплинарной ответственности на государственной службе, поскольку их возникновение напрямую и объективно связано с фактом совершения дисциплинарного проступка.

Несмотря на теоретическую и практическую значимость, анализа служебной деликтности в системе государственной службы, исследования сущностной характеристики и проблем служебной деликтности практически не проводилось. В этой связи представляет интерес работа В.В. Кизилова⁵⁵¹, в которой автор ошибочно наделяет служебную деликтность признаками административной деликтности специального субъекта административного права – государственного гражданского

548 Данный параграф выполнен М.Б. Добробабой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00448 «Правовые механизмы обеспечения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблемы формирования».

549 Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 26. Ст. 3410.

550 Добробаба М.Б. Служебная деликтология как новое научное направление административной деликтологии // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3.

551 Кизилов В.В. Институт административной ответственности государственных гражданских служащих России. Саратов, 2012.

служащего. Представляется, что видовая дифференциация административной и служебной деликтологии видится не в особенности делинквента, а в том, что вкладывать в понятие «деликт»: административное правонарушение или дисциплинарный проступок.

Деликтность определяется в юридической науке в широком и узком смыслах. Так, в широком смысле В.В. Денисенко определяет деликтность как «совокупность нарушений правовых и технико-юридических норм и иных правил, установленных в законном порядке, а также сложившихся в обществе норм морали, обычаев, традиций»⁵⁵². Исходя из этого, служебная деликтность (в широком смысле) будет охватывать все сферы отклоняющегося поведения государственных служащих и в этом случае может быть определена как сложная система, в состав которой входят следующие элементы: выявленные преступления, административные, гражданские, дисциплинарные и иные проступки, массив латентных правонарушений и проступков, другие нарушения неправового характера (мораль, обычаи, традиции), совершаемые специальными субъектами административного права – государственными служащими.

На наш взгляд, в служебной деликтологии понятие «деликтность» должно использоваться в узком смысле, при котором служебная деликтность может быть определена в качестве самостоятельного социально-правового явления, системной совокупности дисциплинарных проступков, совершаемых государственными служащими за определенный отрезок времени.

Поскольку в полной мере искоренить служебную деликтность не представляется возможным, следует направить усилия как законодателя, так и правоприменителя на то, чтобы блокировать развитие, нейтрализовать действие этого негативного фактора, не допустить дальнейшего роста фактов нарушения служебной дисциплины, свести их к минимуму.

Профилактика служебной деликтности включает в себя систему правовых и организационных мер, направленных на недопущение нарушений служебной дисциплины в аппарате государственных органов. И здесь следует учитывать, что возникновению и развитию любых противоправных проявлений в системе государственной службы способствуют причины и условия, обусловленные взаимодействием целого ряда факторов социального характера, которые, преломляясь через индивидуально-психологические особенности личности государственного служащего, формируют негативное отношение к нормам служебного законодательства, направленным на соблюдение служебной дисципли-

⁵⁵² См.: Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений: монография / Под. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 28.

ны в аппарате государственных органов.

Ведущим компонентом в механизме совершения дисциплинарного проступка являются его субъективные причины, которые можно определить как индивидуально-психологические особенности личности государственного служащего, которые при наличии определенных условий неизбежно приводят к нарушению служебной дисциплины в аппарате государственных органов, квалифицируемому как дисциплинарный проступок в системе государственной службы.

Следует признать, что о причинах совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы можно судить, исходя из анализа дисциплинарной практики в конкретных государственных органах, выступлений их руководителей, обзоров работы по укреплению служебной дисциплины и ведомственных публикаций. Так, изучив данные о привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности⁵⁵³, можно сделать вывод, что в 2018 году к дисциплинарной ответственности было привлечено 33 957 (5,1%) федеральных государственных служащих и 8 905 (3,5%) государственных гражданских служащих субъектов РФ⁵⁵⁴. Для сравнения в 2017 году эти показатели составляли 28656 (5,1%) и 7761 (3,6%) соответственно, что свидетельствует о неэффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной гражданской службы и требует скорейшего выявления и устранения причин такого положения.

Представляется, что основными причинами совершения дисциплинарных проступков государственными служащими являются:

- их слабая профессиональная и морально-психологическая подготовленность. Так, примером слабой профессиональной подготовленности является недостаточное знание государственно-служебного законодательства;
- низкий уровень правосознания;
- отсутствие мотивации как основного детерминанта профессиональной служебной деятельности;
- личные и деловые качества государственного служащего, не соответствующие как требованиям, связанным с осуществлением государственно-служебной деятельности, так и замещае-

⁵⁵³ См.: Приказ Росстата от 15 июля 2019 г. № 404 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, условиями и оплатой труда работников, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

⁵⁵⁴ Статистические сведения, опубликованные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13288> (дата обращения: 17.05.2020).

мой должности. Например, основной причиной, порождающей дисциплинарные коррупционные правонарушения, является корыстная личная заинтересованность государственных служащих при исполнении ими служебных обязанностей.

Помимо субъективных причин, противоправное поведение государственного служащего детерминируется рядом объективных условий, которые можно определить как совокупность устойчивых явлений социального характера, которые сами по себе не порождают совершение государственным служащим дисциплинарного проступка, но, способствуя причинам, обеспечивают его совершение.

Так, на поведение государственного служащего влияет социальная среда – коллектив сотрудников государственного органа, поскольку в любом коллективе действуют неформальные правила поведения, диктуемые коллективным интересом. Каждая из социальных групп вырабатывает свою систему ценностей и групповых норм – стандартизированные правила поведения, которые принимаются участниками как законные определения ожидаемых функций группы⁵⁵⁵.

При этом в морально здоровых коллективах групповые нормы играют положительную роль, поскольку не нарушают общечеловеческие ценности и требования общественной морали. Их действие направлено на поддержание профессионального патриотизма, коллективной сплоченности сотрудников аппарата государственного органа, социальной ответственности за свои действия в соответствии с требованиями служебной этики.

Коллективы со здоровым психологическим климатом действуют на основе принципов формирования команды в коллективе: приверженность ценностям государственного органа; отсутствие непродуктивной конкуренции; отсутствие внутриколлективных конфликтов; взаимная эмоциональная поддержка.

С другой стороны, в коллективах с отклоняющимися целями, в основе которых лежат личные или ведомственные интересы, оказывается давление на личность государственного служащего с помощью системы неформальных санкций, понуждая его совершать поступки, противоречащие законным нормам и установленным в обществе ценностям.

Важным моментом для профессиональных установок государственных служащих служит то, что они должны формироваться в контексте правовой культуры⁵⁵⁶. При этом огромное значение для де-

555 Шувалова Н.Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: моральные основы: учебно-практическое пособие. Ростов н/Д, 2006. С. 99-100.

556 Варфоломеева Н.П. Формирование профессионального сознания публичных служащих Российской Федерации как основы антикоррупционного механизма профессиональной деятельности // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 10. С. 85.

ятельности социальной группы имеет личность руководителя государственного органа, который, обеспечивая формирование и развитие профессиональной культуры государственного органа, должен создать комфортные организационно-технические и психофизиологические условия профессиональной деятельности гражданских служащих⁵⁵⁷. В противном случае формируются объективные условия для совершения дисциплинарных проступков государственными служащими.

Как указал Минтруд России, создание в коллективе морально-психологического климата возможно лишь тогда, когда руководитель государственного органа проявляет заботу о подчиненных, мотивирует и контролирует их ответственность за качественное и своевременное выполнение задач, а также поощряет энтузиазм и эффективность деятельности гражданских служащих⁵⁵⁸.

Учитывая определяющее значение субъективной причины в механизме совершения дисциплинарного проступка, на наш взгляд, в целях недопущения нарушения служебной дисциплины необходимо:

1) обеспечить психологический отбор с применением методики выявления профессиональных и личностных качеств в отношении претендентов;

2) в процессе осуществления государственно-служебной деятельности – не допустить деформацию личности государственного служащего;

3) обеспечить создание объективных условий, детерминирующих правомерное поведение государственных служащих, к числу которых следует отнести:

а) механизм психологического отбора с применением методики выявления профессиональных и личностных качеств в отношении претендентов, а для гражданской службы – для поступающих на должности руководителей, а также на должности, связанные с коррупционными рисками, специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в установленном законом порядке;

б) обеспечение формирования и развития профессиональной культуры государственного органа, определяющей комфортные организационно-технические и психофизиологические условия профессиональ-

557 См.: Приложение 2. Методики нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации (утв. Минтрудом России) (вместе с «Рекомендациями руководителю структурного подразделения государственного органа по формированию комфортных организационно-технических и психофизиологических условий профессиональной деятельности») от 16 апреля 2019 г.

558 Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа (утв. Минтрудом России) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной деятельности государственных служащих;

в) факторы, имеющие доминирующее значение в мотивационном механизме государственно-служебной деятельности: система гарантий для государственных служащих; прозрачная система карьерного роста; система материального и нематериального стимулирования, в том числе поощрение на государственной службе;

г) такие кадровые технологии, как: наставничество, испытание при поступлении на службу и аттестация государственных служащих;

д) систематизация и обеспечение детальной регламентации государственно-служебных отношений.

В целях недопущения деформации личности государственного служащего представляется необходимым усиление значения и осуществление детальной административно-правовой регламентации объективных условий, определяющих правомерное поведение государственных служащих.

К субъективным условиям, определяющим правомерное поведение государственных служащих, следует отнести:

а) знание руководителем вопросов социальной психологии, связанных с особенностями формирования профессионального самосознания личности государственного служащего, что позволит использовать соответствующих каждому этапу становления его личности механизмы воздействия;

б) проведение мероприятий по профилактике и устранению проблемы профессиональной деформации личности государственных служащих.

На поведение государственного служащего существенное влияние оказывают и юридические условия, такие как качество норм государственно-служебного законодательства, введение в практику административных и должностных регламентов, устанавливающих критерии эффективности и результативности государственно-служебной деятельности, утверждение кодексов чести⁵⁵⁹, кодексов этики и служебного поведения⁵⁶⁰.

559 См., например: Приказ МЧС России от 6 марта 2006 г. № 136 «Кодекс чести сотрудника системы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

560 См., например: Закон Саратовской области от 31 мая 2011 г. № 55-ЗСО (ред. от 27.12.2013) «Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2011. № 15; 2013. № 54; Приказ Министерства труда и социального развития Краснодарского края от 8 февраля 2016 г. № 115 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих министерства труда и социального развития Краснодарского края». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432893122> (дата обращения: 03.09.2020).

К сожалению, дисциплинарное законодательство в служебном праве развивается бессистемно, существующая модель дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных правоотношений находится под сильным влиянием трудового права с присущей ему диспозитивностью. Подобный подход противоречит административно-правовой концепции построения служебного законодательства, предполагающей широкое применение метода императивного регулирования государственно-служебных отношений, и обуславливает необходимость изменений концептуальных подходов к правовому регулированию отношений дисциплинарной ответственности на государственной службе⁵⁶¹.

Подводя итог, отметим, что профилактика служебной деликтности обуславливает необходимость принятия правовых и организационных мер, направленных на недопущение нарушений служебной дисциплины в аппарате государственных органов. Учитывая определяющее значение субъективных причин в механизме совершения дисциплинарных проступков государственных служащих, представляется необходимым: обеспечить психологический отбор с применением методики выявления профессиональных и личностных качеств в отношении претендентов; не допустить деформацию личности государственного служащего в процессе осуществления государственно-служебной деятельности; обеспечить создание объективных условий, детерминирующих правомерное поведение государственных служащих.

В целях профилактики служебной деликтности важно создать условия, при которых государственно-служебная деятельность будет осуществляться в коллективе со здоровым психологическим климатом, где руководитель государственного органа проявляет заботу о подчиненных, мотивирует и контролирует их деятельность, поощряет энтузиазм; обеспечить юридические условия осуществления профессиональной служебной деятельности, особенностями которых является высокое качество норм государственно-служебного законодательства, формирование целостной концептуальной модели публичной дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных правоотношений.

561 См.: Добробаба М.Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. С. 355.

§ 6 Продовольственная безопасность: реализация в продовольственном законодательстве публичных и частных интересов

В словаре Ф.А. Брокгауза интерес рассматривается в узком и широком смысле. В широком значении интерес есть участие, принимаемое человеком в каком-нибудь событии или факте и вызываемое как свойством факта, так и склонностями самого человека. В узком смысле под ним обозначают выгоду или пользу отдельного лица или известной совокупности лиц, противопологаемые выгоде и пользе других лиц⁵⁶².

Гельвеций писал: «Интерес всякого гражданина связан каким-либо образом со всеобщим интересом... и каждое отдельное общество бывает движимо двумя различными родами интересов»⁵⁶³. Целью деятельности является баланс между индивидуальными интересами и общественными.

Для российского законодательства не традиционно основываться на теории интересов, предполагающей, что у каждого субъекта отношений – общественного или индивидуального – есть свой интерес. Следует сказать, что не только законодательство РФ, но и законодательства других государств не содержат определения интереса. Однако развитие российской системы законодательства и теоретической мысли на современном этапе привело к тому, что все больше и больше за последние 15 лет звучат призывы перейти от системы общего права, в которой отсутствует интерес как критерий разграничения к системе смешанного права, соединяющей систему общего и дифференцированного права⁵⁶⁴. В последней одним из критериев определяется интерес.

От того, какие признаки будут закладываться в понятие интереса, зависит направление развития законодательства, а следом – и общественных отношений. Разницу в подходах можно продемонстрировать на следующем примере.

Один из наиболее заметных американских исследователей проблемы интереса Д. Нойхтерлайн так определяет это понятие: «Национальный интерес – сохранение благосостояния американских граждан и американского предпринимательства, связанных с международными отношениями и находящихся под воздействием политических сил вне административного контроля правительства США». Американские специалисты делят интересы на четыре группы (типа): национально-

562 Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. М., 1894. Т. 13. С. 262. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924235#?page=270>.

563 Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности. URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_235.html (дата обращения: 20.10.2015).

564 См., например, Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011.

го выживания, жизненные (или жизненно важные), существенные и периферийные.

Основу правовой системы составляет баланс публичных и частных интересов. В судебной практике обеспечение баланса публичных и частных интересов рассматривается как принцип права⁵⁶⁵; требование, вытекающее из статей 17 (часть третья) и 55 (часть третья) Конституции Российской Федерации и обращенное к носителям публичной власти⁵⁶⁶; необходимость⁵⁶⁷; конституционная ценность⁵⁶⁸ и т.д.

Следует, однако, понимать, что четкого разграничения между публичным и частным интересом не существует. Публичный интерес является совокупностью частных интересов. В связи с этим будет вставать вопрос о том, какие групповые интересы будут представлены как приоритетные и заложены в государственную политику.

Для достижения баланса интересов необходимо определиться с параметрами самого интереса в конкретной сфере общественных отношений.

Для продовольственных отношений следует выделить следующих участников, имеющих самостоятельный интерес.

Во-первых, физические лица, являющиеся биологическими организмами, удовлетворяющими за счет питания потребности в энергии. Принятие решения о продуктивном наборе постоянного употребления имеет частно-правовой механизм. Самостоятельность же принятия решения не абсолютна, так как развитие маркетинговых технологий достигло такого уровня, когда человек думает, что решение самостоятельно, а на самом деле навязано субъектами предпринимательской деятельности⁵⁶⁹.

Интерес в питании будет зависеть от следующих признаков: возраст, уровень физической активности, географической территории проживания, национальных обычаев и традиций. Так, например, возраст, являясь биологической характеристикой, закрепляется и как правовая категория. Принятые международные стандарты предусматривают, что при рождении дети нуждаются в 300 ккал в день, в возрасте от 1 до 2

565 Постановление Конституционного суда РФ от 21.10.2014 № 25-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.

566 Постановление Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6425.

567 Определение Конституционного суда РФ от 25.09.2014 № 2016-О // ИПС «КонсультантПлюс»

568 Определение Конституционного суда РФ от 18.09.2014 № 2098-О // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.10.2014.

569 См., например, Великанова Ю.А. Влияние рекламы на потребителя // novainfo.ru. 2014. №19. Электронный ресурс. URL: <http://novainfo.ru/archive/19/1>.

лет – в 1000 ккал, до 5 лет – в 1600 ккал в день. В зависимости от условий жизни и профессиональной деятельности взрослым людям требуется от 2000 до 2700 ккал. Такие диапазоны потребностей в калориях в зависимости от возраста человека приняты в мае 1999 года⁵⁷⁰. Методические рекомендации «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации», утвержденные Руководителем Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека 18 декабря 2008 г., социально-демографические группы делят по половозрастному признаку⁵⁷¹. Кроме физиологической разницы у разных возрастных групп существует и социально-психологическая разница. Так, вкусовые пристрастия в течение жизни меняются от сладких (углеводов) в детстве до горьких и соленых во взрослом состоянии.

Во-вторых, субъекты предпринимательской деятельности, осуществляющие выращивание, переработку, производство, приобретение и реализацию продовольственной продукции. В соответствии со ст. 34 Конституции РФ, ГК РФ основной целью деятельности таких субъектов является систематическое извлечение прибыли, ограничений социального характера законодательством для них не установлено.

В качестве позитивного примера можно показать конструкции конституционно-правовых норм зарубежных стран. Так, в соответствии со ст. 41 Конституции Итальянской республики предпринимательская деятельность «не может осуществляться в противоречии с общественной пользой или с ущербом для безопасности, свободы, человеческого достоинства»; Конституция Швеции закрепляет, что «ограничения в праве заниматься ремеслом либо профессией устанавливаются исключительно для защиты важных общественных интересов и никогда не будут устанавливаться исключительно в целях экономического благоприятствования какому-либо лицу или предприятию (§ 20 указанного акта), а статья 36 Конституции Египта напрямую закрепляет социальную ответственность частного сектора: «Государство поощряет частный сектор в выполнении своей социальной ответственности служения национальной экономике и обществу»⁵⁷².

Способы достижения на каждом из этапов производственной продовольственной цепи будут разные, но цель на сегодня одна – максимизация прибыли. Здесь необходимо сказать и о том, что, помимо прямых участников производства продуктов питания, заинтересованным субъектом предпринимательской деятельности являются предприятия

570 Кудряшева А.А., Преснякова О.П. Международные права человека на пищу и адекватное питание. URL: <http://intercom.name/?p=40>.

571 URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/bz-dokumenty/c5o/index.htm>.

572 URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013>.

химической отрасли, чья производимая продукция используется на каждом этапе производства: от удобрений для сельскохозяйственного производителя до пищевых добавок в пищевом производстве. Продукция химического производства, с одной стороны, позволяет сократить потери в сельском хозяйстве от сорняков, вредителей и болезней, расширить ассортимент производимой продукции предприятиям пищевой промышленности, а с другой стороны, ухудшить качественные показатели выращенной и произведенной продукции. Так, например, использование в пищевом производстве низкокачественного сырья можно «замаскировать» химическими добавками. Применение продукции химического производства напрямую будет связано с добросовестностью и профессионализмом производителя.

Можно, конечно, сказать, что рынок самостоятельно отрегулирует вопросы недобросовестности производителей за счет спроса потребителя. Однако это требует от последнего быть потребителем-профессионалом, то есть на профессиональном уровне разбираться в тонкостях пищевого производства и самой продукции. И это не обязанность потребителя (разбираться, быть информированным, обновлять свои знания – прим. автора), а его право.

Третьим субъектом, являющимся носителем интереса, выступает государство. Закрепляя продовольственные нормы, государство выступает (должно выступать) в качестве арбитра, устанавливающего баланс между социально-биологическими интересами физических лиц и экономическими интересами субъектов предпринимательской деятельности.

Государство не может рассуждать как физическое лицо или субъект предпринимательской деятельности. Оно является выразителем групповых сформулированных интересов.

Для государства как физического лица (человек), так и субъект предпринимательской деятельности являются объектами государственно-управленческого воздействия. При отсутствии управленческих деформаций должны быть сформулированы цели, связанные с объектами, то есть что должно происходить с человеком, предпринимателем под воздействием государства.

В правовых категориях для человека это можно выразить достаточно сухо: человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Эти нормы не отвечают на вопрос, какое положение занимает человек в обществе, в том числе и государстве.

Например, задачей Итальянской Республики является «устранение

препятствий экономического и социального порядка, которые, фактически ограничивая свободу и равенство граждан, мешают полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны» (ст. 3 Конституции Итальянской республики), каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному развитию общества (ст. 4 Конституции Итальянской республики)⁵⁷³.

Собственно говоря, совокупность людей составляет человеческий ресурс, который необходим для сохранения национального наследия и экономического развития. Большое общество (голод, переизбыток, неполноценное питание) увеличивает социальные расходы и ослабляет экономику. Таким образом, человек не выполняет свою социальную функцию, а общество, в том числе и государство, не развиваются.

В медицине помимо термина «индивидуальное здоровье» используется термин «общественное здоровье». Общественное здоровье отражает здоровье индивидуумов, из которых состоит общество, но не является суммой здоровья индивидуумов. Всемирная организация здравоохранения до сих пор не предложила краткого и емкого определения общественного здоровья. Можно использовать определение Ю.П. Лисицина: «Общественное здоровье – такое состояние общества, которое обеспечивает условия для активного продуктивного образа жизни, не стесненного физическими и психическими заболеваниями, т.е. это то, без чего общество не может создавать материальные и духовные ценности, это и есть богатство общества»⁵⁷⁴.

Здесь, собственно говоря, государство должно ответить на самый базовый вопрос, каким должен быть человек как единица общества: здоровым/больным, активным/пассивным, развивающимся/деградирующим. При этом попытка построения правового государства приводит к необходимости сформулировать данные критерии в нормах права.

Государство, воздействуя на участников предпринимательской деятельности, должно стремиться к балансу между интересом развития человеческого ресурса путем поддержания общественного здоровья (когда предприятия, включенные в продовольственные отношения, занимаются обеспечением биосоциальных потребностей общества) и экономическим интересом (где они рассматриваются государством наравне с другими субъектами экономической деятельности как участни-

ки, например, налоговых, административно-деликтных правоотношений). В силу специфики использования продовольственных товаров их невозможно рассматривать как частно-правовую категорию «товар». Первичной для правового регулирования является категория «пища/продовольствие» и только затем реализуются нормы гражданско-правового характера, направленные на оборот товара.

К сожалению, в продовольственном законодательстве экономические интересы реализуются зачастую в ущерб биосоциальным интересам: современное развитие российской пищевой промышленности сопровождается понижением требований к производимой продукции.

§ 7 Возможности применения метода криминалистического матрицирования при разработке методики расследования хищений и коррупции в сфере информатизации государственных органов и организаций

В настоящее время в Республике Беларусь информатизация активно внедряется в функционирование государственных органов и организаций (далее – государственные органы). На разработку программных продуктов для этих целей выделяются значительные объемы денежных средств. В свою очередь, данными средствами могут завладеть недобросовестные исполнители по договорам о создании компьютерных программ. Они умышленно либо вообще не исполняют своих обязательств, либо исполняют их некачественно (предоставляют неработающие коды, устаревшее, ранее использованное в иных организациях программное обеспечение и т.п.). В таких случаях бюджетные деньги расходуются, а задачи информатизации не выполняются. Кроме того, в деятельность расхитителей могут быть вовлечены из корыстной или иной личной заинтересованности должностные лица самих государственных органов, для нужд которых должны создаваться компьютерные программы. В данных ситуациях речь идет также о совершении коррупционных преступлений.

Для успешного противодействия преступности указанного вида необходима отдельная частная криминалистическая методика расследования. Ее разработка требует применения современных методов научного познания. Одним из них является метод криминалистического матрицирования. Полезность его использования для организации расследования преступлений, связанных с проведением финансово-хозяйственных операций, отмечена профессором А.В. Дуловым. Ученый писал, что в ходе расследования у следователя возникает необходимость исследовать технологические процессы, системы управления, докумен-

573 URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=148>.

574 Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.

тооборота и т.д. Эту большую по объему познавательную деятельность следует осуществлять в кратчайшие сроки, с достаточной глубиной, обеспечивающей полноту выявления и исследования фактов и объективное расследование уголовного дела. Метод криминалистического матрицирования предназначен для оптимального решения задачи по формированию у следователя необходимых знаний путем построения по определенной схеме матрицы⁵⁷⁵.

Под «матрицей» следует понимать сложный информационный комплекс (систему), который описывает явления, факты, события, действия на основании познания закономерностей их возникновения, развития, проявления и существования и обуславливает нормальное (прогнозируемое) развитие тех ли иных событий, явлений. Данный комплекс позволяет при помощи сопоставления с отдельными элементами информационного пространства поиска выделить из множества этого пространства единственный, носящий тождественные ей (матрице) информационные характеристики⁵⁷⁶.

А.Е. Гучок выделил основные направления применения метода криминалистического матрицирования:

- 1) для определения системы знаний, необходимых при расследовании преступлений;
- 2) при проведении следственных действий;
- 3) при назначении и производстве судебных экспертиз;
- 4) для решения задач профилактики преступлений⁵⁷⁷.

Каждое из перечисленных направлений может быть использовано в ходе разработки криминалистической методики расследования хищений в сфере информатизации государственных органов.

Так, матрицей системы знаний, необходимых при расследовании преступлений данной категории, является адаптация для целей расследования нормативно установленного порядка, включающего проведение государственных закупок на разработку программных продуктов, заключение договоров и исполнение контрагентами принятых на себя обязательств. Отражение указанного порядка в виде точного алгоритма, схемы или модели (матрицы) позволит следователю изучить его в оперативные сроки. В дальнейшем, сопоставив матрицу с фактически-

⁵⁷⁵ Дулов А.В. Применение криминалистического метода матрицирования в хозяйственной деятельности // Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (проблемы и перспективы): тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. фак., 28 февр. 1997 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.М. Абрамович; отв. ред. В.М. Хомич. Минск: БГУ, 1997. С. 94-95. С. 94.

⁵⁷⁶ Гучок А.Е. Применение метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Минск, 1999. 116 л. Л. 27.

⁵⁷⁷ Там же.

ми данными уголовного дела, содержанием документов, следователь определяет отклонения, которые могут свидетельствовать о следах преступной деятельности. Отдельным примером матрицы такого вида могут выступать также закрепленные в нормативных правовых актах, упорядоченные в алгоритм (матрицу) требования к интернет-сайтам государственных органов. Если перед исполнителем стояла задача создать интернет-сайт, то следователь соотносит техническое задание, конкурсные документы, фактически выполненную работу с указанной нормативной матрицей.

При проведении следственных действий матрицами являются информационные комплексы рекомендаций, которые абсолютно точно определяют порядок и правила проведения любого из следственных действий. В частности, в ходе расследования хищений в сфере информатизации государственных органов в качестве матриц выступают комплексы рекомендаций по проведению: осмотров и обысков помещений с целью поиска документов, носителей кодов программных продуктов и др.; осмотра документов, мобильных устройств, компьютерной техники, ресурсов удаленного доступа с целью выявления следов преступной деятельности; допросов подозреваемых и свидетелей с отражением конкретных вопросов, в том числе организационно-правового и технического характера и др.

Важнейшую роль в обеспечении успеха расследования играет создание матриц при проведении компьютерно-технической экспертизы, назначенной с целью определения качества разработанных для государственных органов программных продуктов. Для решения задач экспертного исследования необходимо определить и внедрить в практику матрицы как технического, так и нормативного характера. Первые представляют собой совокупность технических характеристик, которым должны соответствовать программные продукты определенного назначения. Вторые связаны с нормативно установленными задачами информатизации государственных органов, а также требованиями к программным продуктам, содержащимся в технических заданиях.

Профилактическое значение применения метода криминалистического матрицирования заключается, прежде всего, в том, что, исследуя порядок информатизации государственного органа, следователь выявляет скрытые дефекты в данном порядке, которые были использованы расхитителями. К примеру, проанализировав процесс проведения государственной закупки, следователь определил, что в ходе оценки соответствующей комиссией конкурсных документов предпочтение было отдано участнику, который предложил худшие, чем у иных участников конкурса, условия договора (сравнение нормативной матрицы – идеального порядка проведения закупки с фактическими обстоя-

тельствами дела). В дальнейшем данный участник оказался умышленно недобросовестным исполнителем. При этом заинтересованности должностных лиц, проводивших государственную закупку, не установлено. Значит, имело место некачественное исполнение указанными должностными лицами своих обязанностей, что стало условием, способствовавшим совершению хищения. В дальнейшем следователь направляет представление об устранении данного условия с рекомендацией привлечь должностных лиц, которые входили в состав комиссии, к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, метод криминалистического матрицирования может вполне успешно применяться в ходе разработки методики расследования хищений, совершенных под видом создания компьютерных программ для целей государственных органов. Криминалистические матрицы могут существенно упростить процесс познания следователем порядка информатизации, помочь качественно спланировать расследование, назначить и провести экспертное исследование, установить причины и условия, способствовавшие совершению хищения, и принять необходимые меры профилактического характера.

§ 8 Клиентоориентированность судов – новый мировой тренд

Современное правосудие не может не реагировать на постоянно и стремительно меняющиеся условия общественного бытия. Информатизация и технологизация общества, пандемия коронавирусной инфекции – вот основные факторы, бросающие вызов правосудию. Эти факторы ставят на повестку дня вопрос о необходимости отказа от излишней ритуальности правосудия, приближения его к человеку, создание условий для 100% доступности правосудия для населения в любых условиях и ситуациях.

Будущее современного правосудия зиждется на идее его антропоцентричности, согласно которой центром приложения любой государственной деятельности, в том числе и судебной, является человек, его права, свободы, интересы и потребности в быстром, удобном и качественном разрешении юридических споров и конфликтов. Осуществление правосудия в условиях пандемии коронавирусной инфекции в разных странах показало, что существующие системы организации правосудия и разрешения отдельных споров не всегда удобны, не отвечают потребностям современного общества.

В связи с этим на повестке дня остро стоит вопрос о способности правовой и судебной системы быстро и качественно разрешать возникающие конфликты и рассматривать различные категории споров, обе-

спечивая потребности граждан в доступном, быстром и качественном правосудии. Одним из направлений развития современного правосудия в связи с этим является повышение клиентоориентированности правосудия, в том числе распространение сервис-услуг государства на сферу судебной деятельности, цифровизация процесса осуществления правосудия. Парадигма современного правосудия меняется на глазах: на смену традиционным подходам к правосудию приходит его понимание как государственной услуги по разрешению юридических споров (что составляет содержательную часть правосудия), которая должна отвечать требованиям доступности, скорости и качества. При этом следует различать услуги по разрешению юридических конфликтов и сервис-услуги, оказываемые в судах (сервис-услуги удобного доступа к правосудию и оптимизации процесса разрешения конфликта). Ориентация на высокое качество сервис-услуг в сфере разрешения юридических споров – абсолютный мировой тренд, движущийся в контексте концепции сервисного государства, активно развивающейся в ряде стран, в том числе и в России⁵⁷⁸.

В судах Казахстана (в том числе и в отдаленных районах) открыты фронт-офисы, которые оказывают сервисные услуги по доступу к правосудию. Они оборудованы по принципу «OpenSpace» с учетом современных стандартов обслуживания населения. Фронт-офисы расположены на первых этажах зданий судов и оснащены необходимой оргтехникой. Принцип открытого пространства («Open space») – организация рабочих мест сотрудников на одной открытой площади, не имеющей стен. Визуальными разделителями рабочей зоны сотрудников выступают невысокие перегородки из стекла, дерева и пластика. Здесь расположены зона информационного центра, оказывающего услуги по предоставлению сведений о порядке оформления и подачи заявлений и ходатайств в суд, движении и ходе рассмотрения дел и материалов, находящихся в производстве суда, времени проведения судебных заседаний. Также есть зона входящей канцелярии, где посетитель суда может подать документы, и зона самообслуживания, в котором посетители могут воспользоваться услугами «Судебного кабинета» (пользователями сервиса «Судебный кабинет» являются несколько сот тысяч жителей Казахстана), WI-FI, зарядными устройствами для гаджетов, а также зал ожидания. Суды Казахстана практически перешли безбарьерный принцип обслуживания граждан⁵⁷⁹. С 2017 года в судах Казахстана запущен сервис «Мобильный судебный кабинет». Он преимущественно

578 Представлена концепция «Сервисного государства». URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38530/> (дата обращения: 24.08.2020).

579 URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/news/v-sudah-severo-kazahstanskoy-oblasti-otkryty-front-ofisy> (дата обращения: 24.08.2020).

рассчитан на гражданские процессы и позволяет лично не присутствовать на процессах. Участникам достаточно установить приложение на мобильный телефон и в нужный момент выходить на связь, даже находясь за границей. Постоянный мониторинг судебной системы Казахстана в режиме реального времени осуществляется Ситуационным центром, расположенным в здании Верховного Суда. Он позволяет вести круглосуточный сбор и анализ актуальной судебной информации, поступающей из 370 судов страны более чем по 700 показателям. Среди них – контроль процессуальных сроков, применения аудиовидеофиксации, своевременности начала судебных процессов. Особое внимание уделяется ведению судебной статистики. Ситуационный центр направлен на оперативное выявление и оперативное исправление возможных сбоев в графике работы судов. Это новое практическое цифровое решение по максимально полному обеспечению защиты конституционных прав граждан при отправлении правосудия.

В Бразилии в рамках проекта «Открытые двери» при поддержке ООН разработаны мобильные приложения, обеспечивающие доступ к судебным сервисам для лиц с ограниченными возможностями (предусматриваются встроенные функции увеличения текста, программы распознавания речи, вибрации для слабослышащих и т.д.).

В некоторых странах клиентоориентированность судов в части организации работы суда оценивается аналогично тому, как сейчас клиентами оценивается работа в ряде банков, Многофункциональных центров оказания государственных услуг населению и т.д. (звездочками, смайликами, по цифровой шкале и т.д.). Для оценки эффективности работы сервис-услуг в судах используются КРП – ключевые показатели эффективности⁵⁸⁰.

Значительным шагом в обеспечении доступности правосудия является использование онлайн-системы разрешения споров. Так, например, в Сингапуре действуют электронная платформа (без участия судей); платформа электронной медиации (стороны в определенное время выходят в онлайн, в медиации принимает участие медиатор-волонтер, который помогает разрешать спор, а решение генерируется онлайн). В США активно применяются программы трибунал-сервиса в мобильных устройствах: до 50% мелких споров рассматриваются в онлайн-формате без человеческого участия. В ближайшее время прогнозируется рост количества разрешенных таким образом споров до

580 КРП – ключевые показатели эффективности (англ. Key Performance Indicators, KPI) – числовые показатели деятельности подразделения, которые помогают организации в достижении целей или оптимальности процесса, а именно: результативности и эффективности. Использование ключевых показателей эффективности дает организации возможность оценить свое состояние и помочь в оценке реализации стратегии.

70-80%. В Великобритании многие семейные споры решаются онлайн на электронных платформах: если супруги хотят быстро развестись, это не создает для них дополнительных барьеров и конфликтов. В Китае широкое распространение получают интернет-суды, посредством которых рассмотрено уже около 28 млн дел. Споры, связанные с осуществлением электронной торговли, рассматриваются на платформах агрегаторов: Ali baba, E-bay, Amazon и др. Эти гиганты имеют свои альтернативные негосударственные системы разрешения споров, которые функционируют на их электронных площадках. Фактически в этом случае электронное правосудие отправляют компании из частного сектора. Они ведут постоянный поиск технологических решений для того, чтобы 100% заинтересованных могли иметь доступ к правосудию из любого места в любое время и имели возможность зайти на данную электронную платформу. Во время пандемии коронавирусной инфекции более 90% судебных процессов в Республике Казахстан были проведены по видео-конференц-связи⁵⁸¹.

Таким образом, все инициативы по реформированию организации правосудия должны строиться вокруг потребностей граждан в быстром и качественном правосудии. Это единственно верный путь развития правосудия на современном этапе.

§ 9 Инновации в сфере обращения лекарственных препаратов и биобезопасность: организационно-правовой аспект⁵⁸²

Вопросам обеспечения биологической безопасности в последние годы стало уделяться внимание в специальной литературе, а также ряде документов. Следует упомянуть Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»⁵⁸³.

В качестве причин повышенного внимания к вопросам обеспечения биологической безопасности можно назвать рост угроз, рисков, обусловленных развитием современной науки, технологий, доступностью знаний для широкого круга лиц. Большую роль начинает играть синтетическая биология, позволяющая создавать новые биообъекты с заданными человеком свойствами, в т.ч. те, которые не существуют в

581 URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/kazahstancy-mogut-obratitsya-v-sud-s-lyubogo-gadzhet> (дата обращения: 24.08.2020).

582 Данный параграф выполнен А.А. Моховым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14063/20 «Правовое регулирование геномных исследований и внедрение их результатов в медицинской практике»).

583 СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

естественной природе⁵⁸⁴. Интерес к вопросам обеспечения не только биологической, но и иных видов безопасности (экологической, экономической, национальной) подхлестнула пандемия новой коронавирусной инфекции, показавшая высокую уязвимость современной человеческой цивилизации перед болезнетворными биологическими агентами.

В этой связи вновь возрастает интерес к медицинским и иным технологиям, применяемым для сохранения здоровья и жизни людей, обеспечения биологической и иных видов безопасности в условиях эпидемий и пандемий.

Следует также заметить, что интерес к некоторым медицинским технологиям, в первую очередь, к лекарственным препаратам для медицинского применения (иммунобиологическим препаратам, вакцинам), никогда не угасал. В последние годы он поддерживается также появлением генотерапевтических лекарственных препаратов, биомедицинских клеточных продуктов и некоторых иных, основанных на новых технологических принципах.

Лекарственные препараты способны внести существенный вклад в решение вопросов обеспечения биологической безопасности. Об этом со всей очевидностью свидетельствует Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2020 г. № 2015-р⁵⁸⁵, которым ранее утвержденный Перечень стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации⁵⁸⁶, был существенно расширен.

В то же время история медицины и фармацевтики изобилует примерами, когда недостаточно изученные, исследованные лекарственные препараты поступали на рынок и затем приводили к массовым смертям людей, их инвалидизации и др. Эти скандалы потребовали ужесточения требований к безопасности и качеству лекарственных препаратов, проведения более тщательных исследований, наблюдений как до государственной регистрации продукта, так и после его ввода в гражданский оборот (мониторинг побочных эффектов и др.).

Цикл разработки и введения лекарственных средств в гражданский оборот – довольно длительный и дорогостоящий процесс. Он занимает около десяти лет и обходится разработчику в два и более млрд долл. США. В рамках начального этапа жизненного цикла лекарств установился определенный консенсус, основанный на балансе интересов биз-

584 См. подробнее: Мохов А.А., Чапленко А.А., Яворский А.Н. Достижения синтетической биологии и регуляторная политика государства // Ремедиум. 2020. № 4-5-6. С. 79–86.

585 СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5351.

586 Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2010 г. № 1141-р // СЗ РФ. 2010. № 29. Ст. 3945.

неса, общества и государства. Бизнес несет значительные затраты, в т.ч. и чтобы обеспечить приемлемый уровень безопасности продукта, государство предоставляет в течение определенного срока инноватору монополию для продукта на рынке (позволяет покрыть издержки и начать получать прибыль), общество готово создавать спрос и платить более высокую цену за качественный, а главное – безопасный продукт.

Сложившийся порядок хорош для обычных текущих условий жизни государства и общества, хозяйствования. В случаях чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, военных действий может возникнуть потребность в ускоренном вводе в оборот стратегически значимых, обеспечивающих биологическую и иные виды безопасности лекарственных препаратов для медицинского применения. И здесь возникает трудно разрешаемая проблема: вводимый в оборот продукт, с одной стороны, должен гарантированно, с высокой степенью медицинской эффективности решать имеющуюся медицинскую (клиническую) задачу, с другой – быть достаточно безопасным, чтобы не причинить серьезного вреда здоровью или жизни граждан. Кроме того, в отдельных случаях возникают проблемы менее значимые с позиций обеспечения безопасности, но важные с позиций соблюдения в стране правопорядка (соблюдение конституционных прав граждан, обеспечение прав юридических лиц на результаты интеллектуальной деятельности и др.).

Иными словами, помимо общего правового режима ввода в гражданский оборот лекарственных препаратов для медицинского применения, для отдельных продуктов (например, стратегически значимых, жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов) в качестве резервного, экстраординарного, чрезвычайного должен быть разработан и законодательно закреплен особый правовой режим.

Особый правовой режим вводится при наличии угроз для личности, общества, государства, он носит временный (срочный) характер, характеризуется усилением регулирующего воздействия со стороны государства на отрасли, сферы деятельности, влечет за собой изменение прав, обязанностей, правового положения субъектов, процедур и др.⁵⁸⁷

В Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»⁵⁸⁸ в 2020 году в связи с пандемией коронавирусной инфекции вносились изменения и дополнения, некоторые из них можно охарактеризовать в качестве отдельных правовых средств,

587 См. подробнее: Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. М.: Норма-ИНФРА-М, 2017. С. 127.

588 СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

характерных именно для особых правовых режимов. Нельзя не обратить внимания и на Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения граждан лекарственными препаратами, медицинскими изделиями и специализированными продуктами лечебного питания»⁵⁸⁹. В то же время о сложившейся единой системе правовых средств, формирующих особый правовой режим обращения лекарственных препаратов для медицинского применения в России, пока речи не идет. Законодателем были оперативно решены частные вопросы, представлявшие наиболее значимыми на момент подготовки и принятия соответствующих изменений и дополнений в законодательство об обращении лекарственных средств.

Отчасти проблема точечных изменений обусловлена и недостаточной доктринальной проработкой специальных правовых режимов, формируемых для отдельных групп, категорий лекарственных препаратов. Нами уже упоминались стратегически значимые продукты, однако доктрина и законодательство пока не дают четкого ответа на вопрос о том, что они из себя представляют. Наш законодатель делает осторожные шаги в плане дифференциации правового режима обращения отдельных товаров. Например, в Федеральном законе от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» не только были выделены орфанные лекарственные препараты, но и закреплены для них некоторые преференции. Конечно, до создания благоприятных условий для бизнеса по этому направлению нам пока еще далеко. Ряд стран пошли по пути принятия специальных законов и процедур для научной и инновационной деятельности, обеспечивающей создание и выведение на рынок орфанных лекарственных препаратов⁵⁹⁰.

Сегодня довольно остро стоит вопрос разработки и законодательного закрепления специальных правовых режимов для генотерапевтических лекарственных препаратов, иммунобиологических и некоторых других лекарственных препаратов, способных внести существенный вклад в обеспечение биологической и иных видов безопасности России.

Завершая изложенное, следует сделать вывод о необходимости дальнейшего развития и дифференциации законодательства об обращении лекарственных средств с позиций вклада лекарственных препаратов для медицинского применения в обеспечение биологической безопасности.

589 СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4516.

590 См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения лекарственных препаратов в разных регионах мира // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 26–41.

§ 10 Некоторые особенности правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации и пандемии

Развитие современных технологий оказало влияние практически на все отрасли российского права, породив при этом как новые правовые институты, так и подвергнув трансформации уже существовавшие ранее. На первый взгляд может показаться, что данные процессы начались совсем недавно. Однако анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что цифровизация в праве началась более 10 лет назад. В последнее время эти процессы лишь ускорились.

Так, например, в июле 2007 года в КоАП РФ появился институт презумпции вины. Статья 1.5 КоАП РФ дополнена примечанием, согласно которому если правонарушение зафиксировано техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, то должностное лицо, у которого в производстве находится дело об административном правонарушении, не доказывает вину собственника транспортного средства, а выносит постановление о привлечении к административной ответственности последнего.

В марте 2020 года, когда распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации поставило под угрозу жизнь и здоровье населения, а также нормальную жизнедеятельность общества, цифровые технологии пришли на помощь в различных сферах, например, деятельности органов государственной власти, образовании и т.д. Особое значение приобрела удаленная продажа товаров.

При помощи цифровых технологий в субъектах Российской Федерации принимались меры введения режима повышенной готовности в соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Одним из передовых регионов страны, чей опыт противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) признан положительным и ставился в пример другим субъектам Российской Федерации, является г. Москва⁵⁹¹.

На территории г. Москвы режим повышенной готовности был введен указом мэра Москвы № 12-УМ от 05.03.2020⁵⁹². Законом г. Москвы

591 Песков назвал важным опыт Москвы по борьбе с коронавирусом для других регионов [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8229489> (дата обращения: 13.09.2020).

592 О введении режима повышенной готовности: указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ.

от 1 апреля 2020 года № 6⁵⁹³ Кодекс города Москвы об административных правонарушениях⁵⁹⁴ дополнен статьей 3.18.1, которая предусматривает административную ответственность за невыполнение требований нормативных правовых актов г. Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности. Часть 2 данной статьи предусматривает ответственность для граждан. Диспозиция анализируемой правовой нормы содержит упоминание о «режиме самоизоляции». Вместе с тем ни законы, ни подзаконные нормативно-правовые акты не раскрывают содержание данного режима. Остается открытым вопрос о том, можно ли считать «режим самоизоляции» правовым.

Часть 1.1 ст. 16.6 КоАП г. Москвы устанавливает, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 3.18.1 КоАП г. Москвы, в случае фиксации этих административных правонарушений посредством технологий электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием системы городского видеонаблюдения, технических устройств и программного обеспечения рассматриваются в порядке, установленном частью 3 ст. 28.6 КоАП РФ. Это означает, что протокол по делу об административном правонарушении не составляется, а сразу выносится постановление.

Часть 3 ст. 28.6 КоАП РФ регламентирует так называемый «упрощенный» порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ и в области благоустройства территории, предусмотренных законом субъекта Российской Федерации. Это означает, что в первом случае объектом правонарушений выступают общественные отношения, складывающиеся в области дорожного движения, во втором – благоустройства территории.

Объектом административных правонарушений, предусмотренных статьей 3.18.1 КоАП г. Москвы, являются общественный порядок и общественная безопасность. Очевидно, что объект у данных административных правонарушений разный.

Кроме того, в части 3 ст. 28.6 КоАП РФ речь идет о фиксации административного правонарушения с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи или средств фото- и киносъемки, видеозаписи. Часть 1.1 ст. 16.6 КоАП г. Москвы предусматривает «технологии электронного мониторинга местоположения гражданина

⁵⁹³ О внесении изменений в статьи 2 и 8 Закона города Москвы от 10 декабря 2003 года № 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве» и Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»: закон г. Москвы от 1 апреля 2020 года № 6.

⁵⁹⁴ Далее – «КоАП г. Москвы».

в определенной геолокации с использованием системы городского видеонаблюдения, технических устройств и программного обеспечения».

В нормативно-правовых актах ни федерального уровня, ни уровня субъекта Российской Федерации не раскрывается, что означает названная технология. Безусловно, информация, получаемая с применением данной технологии, может быть использована в качестве доказательств при раскрытии и расследовании преступлений, а также при производстве по делам об административных правонарушениях. Однако в последнем случае может применяться только общий порядок производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренный КоАП РФ.

Таким образом, положения части 3 ст. 28.6 КоАП РФ при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 3.18.1 КоАП г. Москвы, применяться не могут.

Кроме того, КоАП г. Москвы содержит квалифицированный состав административного правонарушения, предусмотренного частью 2 ст. 3.18.1 – совершение административного правонарушения с использованием транспортного средства (часть 4). Данная норма охватывает деяния, совершенные с использованием как личного транспортного средства, так и общественного (метро, электричка, автобус и т.д.).

В качестве обеспечительной меры часть 4 ст. 16.6 КоАП г. Москвы в целях пресечения административного правонарушения, предусмотренного частью 4 ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы, предусматривает задержание транспортного средства в порядке, определенном статьей 27.13 КоАП РФ. Несмотря на то, что частью 1 ст. 27.13 КоАП РФ определен исчерпывающий перечень административных правонарушений, за совершение которых может применяться задержание транспортного средства.

Согласно пункту «о» ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится процессуальное законодательство. Порядок производства по делам об административных правонарушениях, в том числе установление мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, относится к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях (п. 4 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ). КоАП РФ к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях в данном контексте относит лишь организацию производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации (п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ).

Указанное позволяет сделать вывод о том, что закон субъекта Российской Федерации не может содержать процессуальные нормы, дополняющие раздел IV КоАП РФ, который регламентирует производ-

ство по делам об административных правонарушениях. В том числе дополнительно регулировать вопросы, связанные с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и возбуждением дел об административных правонарушениях.

Представляется, что части 1.1 и 4 ст. 16.6 КоАП г. Москвы вообще не должны были появиться в законе г. Москвы в приведенном содержании, так как они явно противоречат требованиям федерального законодательства.

Верховный Суд Российской Федерации в обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденном 21 апреля 2021 года, приводя примеры нормативно-правовых актов г. Москвы, обошел стороной вопросы, связанные с применением ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы.

Анализируемая нормотворческая и правоприменительная деятельность, как следствие, породили массу жалоб на процессуальные решения, принятые соответствующими должностными лицами. Так, например, на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы⁵⁹⁵ содержатся сведения об обжаловании более 53 тыс. постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы.

Решения об отмене постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенные в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения, позволяют физическим и юридическим лицам обратиться в суд за защитой нарушенных прав, свобод и законных интересов в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

Очевидно, что деятельность органов законодательной и исполнительной власти г. Москвы была направлена на предотвращение распространения в г. Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV). Количество вынесенных постановлений об административных правонарушениях свидетельствует о том, что заставить граждан соблюдать так называемый «режим самоизоляции» невозможно.

В качестве еще одной проблемы в контексте рассматриваемого вопроса стоит отметить исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 3.18.1 КоАП г. Москвы. Например, в случае, когда жалоба на постановление по делу об административном правонарушении принята судом к рассмотрению, но заседание отложено на неопределенный срок, постановление

⁵⁹⁵ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru>.

считается не вступившим в законную силу в соответствии с пунктом 1 ст. 31.1 КоАП РФ.

Должностное лицо, вынесшее постановление, направляет второй экземпляр данного постановления судебному приставу-исполнителю для принудительного взыскания административного штрафа. Представляется, что такие ситуации возникают по причине отсутствия надлежащего информационного обмена между должностными лицами, назначившими административный штраф, и судами, на рассмотрении которых находится жалоба на постановление по делу об административном правонарушении.

Кроме того, отсутствие информации об уплате административного штрафа указывает на признаки административного правонарушения, предусмотренного частью 1 ст. 20.25 КоАП РФ – неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный КоАП РФ.

Таким образом, в результате такой вольной нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также толкования нормативно-правовых актов физические и юридические лица столкнулись с целым комплексом проблем, которые они вынуждены решать самостоятельно.

§ 11 Об актуальных проблемах надлежащего обеспечения биологической безопасности⁵⁹⁶

С 1986 г. в мировой социологии появилось такое универсальное понятие, как «Чернобыльский синдром», подразумевающее, что информация о случившейся катастрофе поступает вышестоящему руководству с опозданием и/или фактологическими искажениями в связи с нежеланием должностных лиц нести риски ответственности за произошедшее. Применительно к текущей пандемии коронавирусной инфекции негативный эффект «Чернобыльского синдрома» присутствует, начиная с уровня ВОЗ ООН, объявившей о пандемии только 11 марта 2020 года.

Учитывая, что модель реагирования на пандемию 2019-nCoV шведского здравоохранения признана оптимальной⁵⁹⁷, сегодня не следует ожидать введения на отдельных или всех территориях Российской Федерации регламентированных законодательством особых режимов (чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации) и принятия

⁵⁹⁶ Данный параграф выполнен А.В. Пекшевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14063/20 «Правовое регулирование геномных исследований и внедрение их результатов в медицинской практике».

⁵⁹⁷ ВОЗ поставила в пример шведскую стратегию борьбы с коронавирусом. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/09/2020/5f4d9886a79471c08c244a7>.

предусмотренных ими мер (в частности – введения карантина). Сохранение в действующем виде режима самоизоляции в сочетании с вариативностью правоприменения на местах может усугубить его недостатки, проанализированные ранее⁵⁹⁸.

Предпосылки искажения статистических данных по смертности от коронавирусной инфекции обусловлены отсутствием единых требований формирования big data. В указанную статистику включаются:

1) императивно – все случаи, когда заражение вирусом SARS-CoV2 стало непосредственной причиной смерти человека;

2) диспозитивно – случаи, когда заражение вирусом SARS-CoV2 стало сопутствующей патологией, которая могла осложнить и/или усилить тяжесть течения одного или нескольких заболеваний, расцениваемых службой медицинской статистики в качестве непосредственной причины летального исхода;

3) факультативно – случаи, когда коронавирусная пандемия имеет отношение к смерти человека, не являясь ее непосредственной причиной (например, несвоевременное оказание неотложной медицинской помощи в связи с перегруженностью бригад службы скорой помощи транспортированием больных коронавирусной инфекцией).

Очевидно, что все 3 категории имеют отношение к пандемии коронавируса и негативно влияют на здоровье социума в целом. Однако включение в официальную статистику летальных исходов, относящихся только к первой категории, существенно искажает картину распространения коронавирусной инфекции и смертности от нее. Дополнительные искажения обусловлены негативным вкладом от гипердиагностики внебольничных пневмоний, и в меньшей степени – попыток скрыть факт заболевания самими больными из опасения потерять работу.

По мнению автора, наиболее объективным показателем реальной смертности от коронавирусной инфекции является так называемая избыточная смертность, означающая количество или долю случаев превышения летальных исходов от заболеваний в измеряемом периоде (например, помесечная статистика текущего года) к аналогичному временному интервалу прошлого года или более ранних лет. Поскольку факт смерти гражданина является не подлежащим засекречиванию актом гражданского состояния, официально регистрируемым как службой ЗАГС, так и сферой оказания ритуальных услуг, достоверность

598 Пекшев А.В. Формирование единых межотраслевых подходов к надлежанию обеспечению биологической безопасности. Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. Том 68. № 5. С. 74–82. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.074-082; Куминова Е.К. Коронавирусная пандемия как просчет в биополитике // Ремедиум. 2020. № 4-5-6. С. 97-98.

данных избыточной смертности не вызывает сомнений даже с учетом коррекции данных, связанной с перерывами работы ЗАГС в разгар пандемии. И если за период коронавирусной пандемии избыточная смертность на 9/10 оказывается обусловленной внебольничной пневмонией, то не составляет труда свести проверку достоверности данных официальной медицинской статистики к поименному мониторингу историй болезни умерших в каждом субъекте РФ.

Как следует из данных, опубликованных Департаментом здравоохранения г. Москвы, за апрель – июль 2020 года доля избыточной смертности в г. Москве относительно апреля – июля 2019 года составляет примерно 1/3 (максимум 41% в июне 2020 г.), не превышая порога в 16 тысяч летальных исходов против 10 тысяч в 2019 г. В частности, за май 2020 г. COVID-19 в качестве основной или сопутствующей причины смерти отмечен в 5260 случаях, что составляет 92 % всей избыточной смертности⁵⁹⁹.

К сентябрю 2020 года избыточная смертность в Москве несколько снизилась, в отличие от показателя по России в целом. Система здравоохранения находится в ожидании локальных вспышек COVID-19, о чем мэр столицы С. Собянин неоднократно сообщал как в блоге, так и при встречах с Президентом РФ. Окончание сезона летних отпусков, начало учебного года в сочетании с массовым игнорированием рекомендаций носить маски и перчатки в общественных местах являются объективными предпосылками новой вспышки коронавирусной пандемии в Российской Федерации и других странах и de facto уже приводят к возобновлению карантинных мероприятий⁶⁰⁰.

Для нивелирования правовой неопределенности, порождаемой неоднозначным юридическим статусом самоизоляции, необходимо срочное принятие понятия «изоляция» в качестве законодательной дефиниции. Несмотря на официальное включение коронавирусной инфекции 2019-nCoV (B 34.2) в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, своевременно реализовать право врача на медицинское вмешательство без согласия заболевшего гражданина (или его законного представителя) крайне затруднительно. Решение о таком вмешательстве принимается консилиумом врачей, а если собрать консилиум невозможно – непосредственно лечащим (дежурным) врачом либо судом в случаях и в порядке, которые установлены российским законодательством. Во всех случаях это касается только лиц, в отношении которых установлен диагноз B 34.2 «Коронавирусная инфекция (2019-nCoV)», а процедура диагностики весьма продолжитель-

599 URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/news/default/card/4122.html>.

600 Во Франции из-за коронавируса закрылись 22 школы. URL: <https://regnum.ru/news/society/3054058.html>.

на по времени.

В настоящее время при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, только главные государственные санитарные врачи и их заместители наделены полномочиями выносить мотивированные постановления:

– о госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания;

– о проведении обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих⁶⁰¹.

Таким образом, медперсонал инфекционных стационаров не имеет самостоятельных полномочий на ограничение гражданских прав и свобод в связи с принудительной госпитализацией. Если особый правовой статус психиатрических стационаров, допускающий ограничение прав граждан при обследовании и лечении, обеспечен регламентированными законом процедурами⁶⁰², то в отношении инфекционных стационаров аналогичный правовой механизм отсутствует. Более того, даже персонализированное постановление санитарного врача, вынесенное в отношении находящегося в самоизоляции гражданина без признаков болезни, не сопровождается урегулированной законом процедурой обязательной госпитализации, которая сегодня возможна исключительно по решению суда. От предложения добровольной госпитализации гражданин может отказаться, при подозрении на коронавирус его могут лишь обязать соблюдать режим самоизоляции в домашних условиях и контролировать соблюдение этого режима.

Данную проблему можно разрешить введением дефиниции «изоляция» как в действующий Федеральный закон № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», так и в разрабатываемые законопроекты⁶⁰³. Представляется целесообразным временно-территориальный принцип действия данной дефиниции в пределах эпи-

601 См. п. 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 05.04.1999. № 14. Ст. 1650.

602 Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.08.1992. № 33. Ст. 1913.

603 Проект Федерального закона № 850485-7 «О биологической безопасности Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.01.2020) // duma.gov.ru.

демиологически неблагополучной части страны либо целого субъекта (субъектов) РФ (по аналогии с карантином, вводимым после объявления чрезвычайного положения, но с меньшим комплектом мер правового регулирования). Императивным правовым последствием введения изоляции должно быть правомочие руководителей как инфекционных, так и перепрофилированных под инфекционные лечебных учреждений на принудительную госпитализацию граждан в период сохранения режима изоляции. Это позволит оперативно купировать эскалацию неблагоприятной эпидемиологической ситуации на местах, не дожидаясь введения особых режимов на федеральном или региональном уровнях.

§ 12 Адвокатская деятельность в Российской Федерации в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)

Вследствие новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) пандемии произошло существенное непредвиденное ухудшение ситуации во всех отраслях экономики, были введены ограничения на осуществление судебного рассмотрения дел и фактически – на осуществление большинства видов адвокатской деятельности по делам, не относящихся к безотлагательным⁶⁰⁴.

Адвокаты, несмотря на сложную эпидемическую ситуацию, продолжали обеспечивать возложенные на них обязательства по оказанию юридической помощи гражданам, в основном по неотложным уголовным делам, в том числе в порядке назначения органами дознания, предварительного расследования и суда.

Общественные объединения адвокатов осуществляли работу по обобщению правоприменительной практики и разработке в экстренном порядке предложений по ее корректировке, поскольку система отправления правосудия столкнулась с новыми для себя вызовами, отсутствие адекватного ответа на которые было чревато массовыми недопустимыми нарушениями прав человека и гражданина.

Ассоциация (союз) адвокатских образований России «Гильдия российских адвокатов», учрежденная I Всероссийским съездом адвокатов 24 сентября 1994 года, являющаяся негосударственной, добровольной, профессиональной, самоуправляемой, некоммерческой организацией, с первых дней введения особых правовых режимов осуществляла мониторинг ситуации, связанной с выявлением проблем, возникающих в

604 Заседание Президиума Гильдии российских адвокатов прошло в онлайн формате. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gra.ru/index.php/2-uncategorised/686-gra2020-060> (дата обращения: 11.09.2020).

профессиональной деятельности адвокатов.

2 апреля 2020 г. комиссией по защите прав адвокатов – членов адвокатских образований Гильдии российских адвокатов⁶⁰⁵ с участием группы приглашенных экспертов из числа ведущих российских юристов, адвокатов и исследователей проблем организации правозащитной деятельности, были разработаны адресованные органам государственной власти, органам судебному и адвокатского сообщества системные рекомендации, содержащие предложения о принятии мер по предупреждению нарушений профессиональных прав адвокатов в условиях действия особых правовых режимов, установленных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-нCoV)⁶⁰⁶.

В деятельности рабочей группы приняли участие адвокаты Г.Б. Мирзоев, Ю.С. Кручинин, Д.Н. Талантов; А.В. Рагулин, В.А. Самарин, Е.В. Корчаго; Н.Т. Рочева, О.М. Зуев, К.А. Москаленко, А.Э. Ставицкая, И.Ю. Павлов, А.В. Пиховкин, А.Ю. Костанова, М.С. Серновец, Д.В. Сотников, А. Балданцэрэн, Р.Г. Мельниченко, А.В. Войцех, Л.С. Дубовая, М.А. Пашков, К.В. Маментьев, А.В. Савченков, И.Т. Рагулина, Ю.В. Гусаков, А.В. Аванесян, Л.В. Лямина, П.И. Заикин, С.Н. Золотухин, Д.И. Захватов, М.М. Захарина, С.В. Заводцова, А.Ю. Чватова, Н.В. Филиппов, А.В. Колегов, А.А. Федоров, М.М. Беньяш, С.С. Крайних, В.А. Шавин, А.В. Капитанов, Ю.А. Ларин, а также приглашенные эксперты-юристы: Ю.В. Абрамов, И.М. Чечельницкий, Г.В. Зубкова, С.Г. Наумов, Н.Н. Рейзен, А.С. Массажетов.

Фактологической основой для выработки рекомендаций стал всесторонний анализ материалов, размещаемых в средствах массовой информации, информации, публикуемой в социальных сетях, содержание многочисленных обращений адвокатов из различных регионов Российской Федерации, аккумулированные секретариатом и пресс-службой Гильдии российских адвокатов, содержание выступлений и письменных мнений приглашенных экспертов, результаты совместного обсуждения поставленных членами комиссии вопросов с использованием систем удаленного контактирования друг с другом.

В результате интенсивной работы Комиссии был определен ряд основных вызовов, с которыми вынужденно столкнулись адвокаты в свя-

605 Информация о комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии российских адвокатов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gra.ru/index.php/m1-komissiya-po-zashchite-advokатов/polozhenie-o-komissii> (дата обращения: 11.09.2020).

606 Рекомендации о принятии мер по предупреждению нарушений профессиональных прав адвокатов в условиях действия особых правовых режимов, установленных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-нCoV) // Евразийская адвокатура. № 2 (45) 2020. С. 63–79.

зи с пандемией, а также был выработан ряд предложений, призванных способствовать разрешению выявленных проблемных вопросов.

1. Выявлена проблема повсеместного отсутствия единообразного применения судами Постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-нCoV)», возникшая, вероятно, вследствие использования в тексте этого акта термина «и другие дела». Вследствие этого, а также различных по содержанию решений, принимаемых председателями конкретных судов, у участников процессов не было четкого понимания того, какие конкретно категории дел подлежали рассмотрению в период «режима самоизоляции» и других особых правовых режимов, а какие – нет. Наряду с этим адвокатам и иным участникам процессов, которые не были отложены, в ряде случаев судами не была обеспечена возможность для ознакомления с материалами дела. К тому же ограничительные меры, установленные в судах, нередко не совпадали с датами введения особых правовых режимов органами государственной власти в соответствующих субъектах Российской Федерации. Все это создавало атмосферу крайней нервозности и путаницы.

Кроме того, в ряде регионов адвокаты сталкивались с юридической невозможностью покинуть место своего жительства или нахождения для исполнения профессиональных обязанностей. Они оказывались как бы в «двойственном положении»: адвокат как гражданин обязан и соблюдать установленный в субъекте Российской Федерации режим, и в то же время он обязан явиться в назначенное время в место производства судебного заседания. При этом такие основания, как необходимость явки адвоката в суд и (или) наличие у лица статуса адвоката, в актах значительного числа субъектов Российской Федерации, особенно в первоначальной их редакции, не были указаны в качестве оснований для передвижения по территории соответствующих образований, что исключало возможность физической явки адвоката для участия в следственных действиях и судебных заседаниях.

Наряду с этим до вступления в силу иных, принятых вслед за Постановлением № 808 актами Верховного Суда Российской Федерации и Совета судей, связанных с организацией деятельности судов в условиях пандемии, у адвокатов возникала неясность с определением момента начала течения и истечения сроков на обжалование судебных актов, в том числе и тех, последний день обжалования которых выпадал на неделю в период с 30.03.2020 по 05.04.2020 г.

В связи с вышеизложенными проблемами было сформулировано

предложение о необходимости осуществления обращения в Верховный Суд Российской Федерации и Совет судей Российской Федерации с просьбой о дополнении текста Постановления № 808 исчерпывающим и не допускающим расширительного или ограничительного толкования перечнем (по видам судопроизводства) категорий дел, признаваемых делами безотлагательного характера, исключив возможность произвольного и ничем не мотивированного судебского усмотрения по данному вопросу.

Также было высказано предложение об установлении единых для всех судов Российской Федерации рекомендаций относительно соблюдения установленного порядка ознакомления с материалами судебных дел в период действия особых правовых режимов и предложено осуществить разъяснение порядка исчисления сроков на обжалование судебных актов в свете содержания Указа Президента Российской Федерации от 25.03.2020 № 206 и введения особых правовых режимов.

Органам корпоративного управления адвокатурой и адвокатам было рекомендовано осуществлять обращения к органам государственной власти субъектов Российской Федерации с предложением о том, чтобы при введении ограничений на свободу передвижения в рамках соблюдения особых правовых режимов в нормативных актах было определено, что эти ограничения не распространяются на адвокатов в силу выполняемых ими публично-правовых функций.

2. Несмотря на то, что большинство судов осуществляли рассмотрение действительно безотлагательных дел, адвокаты обращали внимание на непунктуальность.

По наблюдениям адвокатов, значительное число судебных заседаний начиналось с задержками от часа до полутора часов, а связаны эти задержки были с неэффективной работой конвойных служб, необеспеченностью всех судов в достаточном количестве аппаратно-программными комплексами видео-конференц-связи, с техническими перебоями в работе систем видео-конференц-связи между судом и следственными изоляторами. Анализ сообщений адвокатов также показал, что положения принятых в связи с пандемией актов, подтверждающие существование пандемии и ее опасность для жизни и здоровья людей, отдельными судьями и судами надлежащим образом не учитывались, а подчас просто игнорировались.

В связи с этим в Рекомендациях было предложено обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с предложением о принятии мер, направленных на повышение эффективности использования систем видео-конференц-связи и установление новых аппаратно-программных комплексов этих систем в судах; о разработке рекомендаций

о необходимости применения строго дифференцированного, учитывающего состояние пандемии в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) подхода при избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений; а также с предложением осуществить дополнительное разъяснение об обязательности применения судами помимо Перечня тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3, также и Перечня заболеваний, являющихся медицинскими показаниями для строгого соблюдения «режима самоизоляции», в качестве основания для отказа в применении меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока действия этой меры.

3. Продолжая принимать поручения на осуществление защиты по назначению суда и органов дознания и предварительного расследования, адвокаты в значительном числе случаев лишались возможности ознакомиться с материалами дел до начала судебного заседания.

В большинстве судов адвокатов пропускали в помещение суда до заранее заготовленным спискам, формируемым непосредственно перед судебным заседанием, либо только одновременно со следователями, обращающимися в суд с ходатайствами об избрании или продлении срока действия мер пресечения. Вследствие этого адвокаты без установленных законом оснований ограничивались в возможности подать жалобы, ходатайства и заявления, в том числе и заявления на осуществление производства оплаты их деятельности по назначению за счет средств государственного бюджета через канцелярию суда.

Параллельно введенный в учреждениях системы ФСИН запрет на допуск адвокатов к доверителям, содержащимся под стражей, в купе с невозможностью изучения адвокатом-защитником материалов дела, становился непреодолимым препятствием в формировании позиции по делу и согласовании ее с доверителем, что ставит судебные акты, принятые в рассматриваемый период, под угрозу отмены ввиду нарушения положений международно-правовых норм, прежде всего, ст. 6 Европейской конвенции по правам человека.

Наряду с этим на практике имелись факты полного приостановления принятия судами документов в электронном виде, что не только искусственно препятствовало осуществлению профессиональной деятельности адвокатов в дистанционном формате, но и при необходимости срочной отправки корреспонденции подвергало опасности жизнь и здоровье адвоката, рискующего быть зараженным в переполненном

посетителями почтовом отделении. Почтовые отделения при этом в значительном количестве временно приостановили прием корреспонденции, что создало дополнительные технические сложности для выполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей.

В связи с этим в Рекомендациях обращено внимание на необходимость обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с предложением обязать суды непрерывно осуществлять прием документов в электронном виде, а также с предложением о принятии организационных действий, направленных на возобновление приема адвокатов сотрудниками суда для ознакомления с материалами дел, рассматриваемых судами в период действия особых правовых режимов, без ограничения в допуске и по времени, в специальных помещениях, отвечающих требованиям санитарно-эпидемиологической безопасности.

4. Встречались в практике адвокатской деятельности и проблемы, связанные с обеспечением права обвиняемого на защиту конкретным адвокатом. В ряде случаев реализовать данное право было крайне затруднительно, особенно когда конкретный адвокат-защитник был вынужден, в первую очередь по причине контактов с зараженными лицами, соблюдать «режим самоизоляции», а также действовать из соображений о защите здоровья, жизни своих родных, близких, собственного здоровья. В связи с этим Комиссией было рекомендовано обратиться в Верховный Суд Российской Федерации с предложением о разъяснении судам того, что необходимость соблюдения адвокатом «режима самоизоляции» либо иных особых правовых режимов является уважительной причиной неявки в судебное заседание и основанием для отложения заседания, либо, в случае избрания меры пресечения или ее продления, – основанием для замены адвоката в предусмотренном УПК РФ порядке.

5. В связи с высокой опасностью распространения инфекции посредством массового заражения лиц, содержащихся в местах принудительной изоляции, и ввиду наличия необходимости принятия ряда организационных мер, направленных на минимизацию возможности распространения вируса, адвокаты отметили, что следует осуществить обращение в Верховный Суд Российской Федерации с предложением о разъяснении судам, того, что при рассмотрении ходатайств об избрании или продлении меры пресечения, а также апелляционных и кассационных жалоб на соответствующие постановления, во всех случаях следует учитывать общеизвестный факт наличия санитарно-эпидемиологической опасности, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции (2019-нCoV).

Также было сформулировано предложение о необходимости разъ-

яснения судам того, что при рассмотрении материалов об избрании (продлении) действия меры пресечения с учетом обстоятельств дела следует применять меры пресечения в виде залога либо домашнего ареста в случае, если у подозреваемого (обвиняемого) имеется место проживания (пребывания) на территории субъекта Российской Федерации по месту проведения предварительного расследования, а ранее избранная мера пресечения им нарушена не была.

В настоящее время разработанные предложения могут быть использованы при совершенствовании организации деятельности судов по осуществлению правосудия в период действия особых правовых режимов, введенных из-за пандемии.

§ 13 Перспективы внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов Таджикистана

В настоящее время цельное представление о состоянии преступности, об эффективности мер социального контроля и о деятельности органов уголовной юстиции, а также выработка государственной политики противодействия преступности – все это возможно только при статистическом анализе максимально полного массива зарегистрированных преступлений. Сейчас ситуация такова, что государство опирается на настолько искаженные данные, что не только не имеет представления о действительном состоянии преступности, но и, оценивая работу правоохранительных органов, видит лишь искусственно сформированную картину, не меняющуюся существенно много лет⁶⁰⁷. С указанными недостатками в Российской Федерации невозможно не согласиться. Аргументы коллег реально охватывают все аспекты проблем уголовной статистики. Но факты остаются фактами. В частности, изложенные проблемы диктуют необходимость кардинального пересмотра существующей учетно-регистрационной системы посредством активного внедрения современных технологий. Аналогичные недостатки существуют и в Таджикистане, которые диктуют проведение соответствующих научно обоснованных исследований.

Вопросы внедрения современных информационно-коммуникационных цифровых технологий в Таджикистане недостаточно исследованы. В Российской Федерации актуальные вопросы внедрения цифро-

⁶⁰⁷ Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шклярук, Д. Скугаревский, А. Дмитриева, И. Скифский, И. Бегтин. СПб.; М.: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015. С. 5, 7.

вых технологий в уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов в настоящее время являются актуальным направлением для исследования. Только за последние несколько лет были изданы авторские⁶⁰⁸ и коллективные монографические исследования⁶⁰⁹, учебники и иные издания⁶¹⁰. Безусловно, в них исследуются все злободневные вопросы внедрения цифровых технологий, предлагаются комплексные решения данной проблемы.

Исходя из существующей проблемы и надвигающейся неизбежности внедрения цифровых технологий в правоохранительную деятельность, следует отметить, что в этом плане прорабатывается ведомственное решение. Необходимо заметить, что запланированная реформа милиции в Таджикистане предусматривает комплекс организационных и управленческих мер. Принятая в 2013 г. Стратегия реформы милиции⁶¹¹ и на этом основании в 2014 г. Программа реформы (развития) милиции⁶¹² и План по ее реализации содержат конкретные мероприятия, направленные на создание единой государственной системы приема, регистрации, учета, рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, выявления и раскрытия правонару-

608 Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 347 с.; Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 168 с.; Володина Л.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 328 с.; Балакшин В.С., Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях. М.: Юрлитинформ, 2020. 168 с.

609 Электронные носители информации в криминалистике: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.; Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.; Основы теории электронных доказательств / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.; Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 216 с.; Модель начального этапа досудебного производства в российском уголовном процессе (в условиях развития цифровых технологий): монография / Под ред. Ю.Г. Торбина. М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.

610 IT-справочник следователя / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 232 с.; Цифровизация судопроизводства. Научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 320 с.; Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / Отв. ред. С.В. Зуев. М.: Издательство Юрайт, 2020. 196 с.

611 Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 1438 // Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. С. 17-40.

612 Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 03 мая 2014 года, № 296 // Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. С. 41-58.

шений, введение в действие порядка приема, регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в режиме реального времени (онлайн-режим), получения сведений о ходе и результатах их рассмотрения через электронный портал Министерства внутренних дел, а также регулирование вопросов межведомственной интеграции правоохранительных органов и других государственных органов по вопросам приема, регистрации, учета, рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, их выявления и раскрытия.

Так, в соответствии с Планом мероприятий по реализации Программы реформы (развития) милиции на 2017–2020 гг. была предусмотрена разработка проектов Закона Республики Таджикистан «О единой государственной системе регистрации и учета преступлений» и Постановления Правительства Республики Таджикистан «О Концепции развития информатизации и единой информационно-коммуникационной системы органов внутренних дел на 2014–2020 годы», «Инструкции о единой информационной системе и порядке единого учета обращений граждан о преступлениях».

В рамках реализации многих документов, направленных на борьбу с преступностью и усилению противодействия ей, немаловажным фактором является оптимизация функционирования деятельности правоохранительных органов. К числу таких правоохранительных органов относятся и соответствующие структурные подразделения органов внутренних дел. Следует напомнить, что в соответствии с п. 1.11 Плана мероприятий по реализации Программы реформы (развития) милиции на 2014–2020 гг. предусмотрено создание специального портала МВД Республики Таджикистан по приему и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях⁶¹³.

В настоящее время состояние учетно-регистрационной дисциплины в МВД Республике Таджикистан контролируется на основании Порядка ведения единого учета, регистрации преступлений и лиц, их совершивших, а также Инструкции «О едином порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах внутренних дел заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях и происшествиях», которое является составной частью Совместного распоряжения «О едином учете преступлений», устанавливающей единый порядок приема, регистрации и учета заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях и происшествиях, по которым производится проверка и контроль за разрешением и принятием решений всеми правоохранительными органами Таджикистана, осуществляющими дознание, пред-

613 Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. С. 60.

варительное следствие, а равно и судебное производство⁶¹⁴.

ГИАЦ МВД Республики Таджикистан, созданный в целях надлежащего учета криминологических изменений, наблюдаемых в Республике Таджикистан, успешно функционирует и является головной организацией в области обеспечения уголовно-статистической, оперативно-справочной, розыскной, криминалистической и архивной информации. В пределах своей компетенции ГИАЦ МВД Республики Таджикистан проверяет состояние учетно-регистрационной дисциплины, полноту и достоверность статистической информации, реализацию прав граждан при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях. Также своевременно определены направления по повышению взаимодействия ГИАЦ МВД Республики Таджикистан на международном уровне. В этой области активно проводится взаимообмен информацией и опытом работы с Российской Федерацией и другими странами – участниками СНГ, что позволяет осуществлять оперативный обмен информацией между правоохранительными органами в рамках государств – участников СНГ. ГИАЦ МВД Республики Таджикистан осуществляет тесное сотрудничество с Главным информационно-аналитическим центром МВД Российской Федерации в рамках соглашения по созданию межгосударственного информационного банка (МИБ), в соответствии с которым все данные о субъектах специальных учетов в Таджикистане направляются в МИБ.

За счет внедрения Единого учета преступлений ГИАЦ поэтапно переходит на «бесбумажные» технологии формирования правовой статистики, повысится эффективность надзора за соблюдением конституционных прав и свобод граждан в уголовном процессе, обеспечивается прозрачность деятельности правоохранительных органов. Перечисленные меры направлены на обеспечение защиты конституционных прав граждан, повышение эффективности деятельности государственных органов по борьбе с преступностью, коррупцией и другими современными вызовами и угрозами национальной безопасности.

За последние годы в своем развитии органы правовой статистики вышли на качественно новый этап. Сформирована и отвечает требованиям времени нормативная правовая база, посредством которой осуществляется реализация поставленных задач. Информационно-аналитическая деятельность ГИАЦ МВД Республики Таджикистан принимает более предметный и заверченный характер, что позволяет вносить конструктивные предложения по совершенствованию системы. Таким образом, деятельность органов правовой статистики и специальных

учетов имеет важное значение в рамках осуществляемых в республике правовых реформ. В целом Стратегия подчеркивает взаимозависимость реформирования милиции, уголовной юстиции, административной реформы, реформы органов государственной власти и органов местного самоуправления: реформирование милиции, по мнению авторов, должно происходить в рамках коррекции уголовной политики государства, встроенной в процессе административной и судебно-правовой реформы, а также учитывать особенности текущего состояния экономики, государственного управления, развития гражданского общества и пр.

Необходимо заметить, что в настоящее время процесс принятия и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях осуществляется вручную, при этом отсутствует возможность осуществления полноценного учета, стыковки и контроля данных о принятых и зарегистрированных заявлениях и сообщениях о преступлениях и возбужденных уголовных делах, у граждан отсутствует возможность получить в любое время информацию о том, в каком состоянии находится их заявление или на какой стадии рассмотрения находится уголовное дело, если оно возбуждено по данному заявлению или сообщению.

Десятилетия деятельность правоохранительных органов, прежде всего милиции, оценивалась исходя из требования власти добиваться идеологически престижного, непременно снижающегося по мере строительства коммунизма уровня преступности и демонстрировать неуклонное обеспечение ленинского принципа неотвратимости ответственности, аналогом которого служит стопроцентная раскрываемость. Но так как объективно эти результаты оказались недостижимыми, то использовалась и продолжает использоваться, несмотря на видимость «наведения порядка», технология обмана.

Применительно к обсуждаемым в настоящей работе проблемам эта технология будет служить, прежде всего, «искусству» регистрации, породившей большой объем криминальной латентности. Указанные факторы порождают парадоксальную на первый взгляд ситуацию: чем благоприятнее выглядит регистрация преступлений, тем выше интенсивность виктимизации граждан, которая, будучи неучтенной, для власти как бы не существует. И если учесть, что главным критерием оценки работы милиции является процент раскрываемости, и если финансовое, ресурсное, штатное состояние милиции не зависят от реального состояния преступности (т.е. уровня безопасности, виктимизации населения), которое невозможно оценить без оценки латентности, то милиция в целях своего выживания в этих условиях поступает как и любая система: она всеми законными и противозаконными средствами начинает регулировать «вход», т.е. исказить, «калибровать» реальную картину преступности.

614 Рахимзода Р.Х. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономики. Душанбе: Ирфон, 2014. С. 30-31.

В результате граждане оказываются ограниченными в своих конституционных правах, в доступе к правосудию. Ведь отсутствие полноценных механизмов контроля (включая общественный контроль) создает возможности для укрытия преступлений от учета, что, в свою очередь, повышает коррупционное воздействие на правоохранительные органы, негативно влияет на эффективность и добросовестность выполнения своих обязанностей сотрудниками милиции и влечет за собой такие общественно опасные последствия, как существенное нарушение прав и законных интересов человека и гражданина либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В этой связи представляется, что более или менее реальным инструментом, «барометром» безопасности граждан могли бы служить такие, например, показатели, как уменьшение уровня виктимизации, снижение страха стать жертвой преступления, улучшения мнения граждан о работе милиции. Поэтому оздоровление взаимоотношений милиции и граждан является центральным звеном, категорическим императивом в построении доверительных, консолидирующих отношений власти и населения на современном историческом этапе.

Следовательно, выстраиваемая система оценки деятельности милиции должна отвечать важнейшему критерию – она должна полностью мотивировать действия милиции и выстраивать взаимоотношения милиции и граждан таким образом, чтобы эти взаимоотношения не служили деструктивным «барьером», препятствующим доступу граждан к правосудию. Как показывает исторический опыт, данный «барьер» не может быть ликвидирован какими-либо административными, дисциплинарными или иными внешними мерами.

Поэтому Стратегия реформы милиции устанавливает, что направления совершенствования анализа преступности должны сопровождаться проведением мониторинга за криминальной латентностью, т.е. системы мер длящегося многолетнего криминалистического обследования лиц, семей, домовладений, поселений по вопросам учинения в отношении них криминальных действий.

В соответствии со Стратегией будет осуществлен комплекс организационных и управленческих мер, связанных с изменением критериев оценки деятельности, повышением доступности органов милиции гражданам, а также кардинальным совершенствованием системы выявления, регистрации и учета преступлений. Также планируется государственную систему выявления, регистрации и учета преступлений перевести на работу с современными информационными технологиями, а всю информацию о криминальных проявлениях (от первичных сообщений до уголовно-процессуальных документов) фиксировать на электронных носителях и накапливать в автоматизированных систе-

мах обработки информации. Скорее данное нововведение придаст ответственности импульс работе правоохранительных органов.

Вышеуказанная система будет содействовать полноте регистрации и учета преступлений, принятию своевременных мер по их расследованию. С другой стороны, своевременная и полная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях и правонарушениях будет способствовать оперативному реагированию на них и объективному принятию решений, что имеет огромное значение для обеспечения безопасности и стабильной обстановки в Таджикистане, а также созданию гражданского общества.

МВД Республики Таджикистан планирует создание электронной системы регистрации преступлений, которое будет способствовать: дальнейшему укреплению эффективности процесса регистрации жалоб и заявлений о преступлениях; обеспечению автоматизированного взаимодействия системы с системой обработки данных уголовной статистики МВД Республики Таджикистан; предоставлению гарантии и соблюдению прав человека и законных интересов граждан; а также повышению их доверия к правоохранительным органам. Электронная Система регистрации преступлений должна предоставлять гражданам облегченную процедуру подачи гражданских исков и заявлений о преступлениях, а также возможность контроля над процессом приема и регистрации жалоб и процесса принятия решений.

Настоящий проект является первым шагом для обеспечения конституционных прав граждан на доступ к правосудию, обеспечение их прав и законных интересов либо охраняемых законом интересов общества или государства. В рамках проекта будет разработана и внедрена система по приему, регистрации, учету, в том числе в электронном формате, и рассмотрению заявлений, сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях и происшествиях – «Электронная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях».

Данный проект направлен на обеспечение единого порядка приема, учета, в том числе в электронном формате, и рассмотрения заявлений, сообщений, жалоб и иной информации о преступлениях и происшествиях. Электронная регистрация и учет заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях минимизирует укрытие от регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, то есть искусственную латентность, со стороны сотрудников милиции и других правоохранительных органов. С другой стороны, проект обеспечит возможность подачи сообщений и заявлений от граждан при минимизации требующихся для этого усилий, т.е. снизит естественную латентность. При этом будет существенно сокращена возможность непроцессуального контакта должностных лиц с заявителями и правонарушителями, что

является одним из условий предупреждения коррупционных правонарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов.

В рамках проекта будет разработан веб-портал, обеспечивающий поддержку электронной подачи заявления и возможность контроля гражданами над результатами рассмотрения заявлений и ходом расследования, а также модернизировано программное обеспечение по учету данных уголовной статистики, для обеспечения их интеграции в рамках единой базы данных Интегрированного банка данных (ИБД) МВД Республики Таджикистан. Портал будет иметь программную связь и технологию взаимодействия с рабочими местами сотрудников дежурных частей ОМВД Республики Таджикистан, а также с единой базой данных зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях.

«Электронная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях» – это социально-значимый проект, так как эффект от внедрения системы будет заметен не только сотрудникам МВД и другим правоохранительным органам Республики Таджикистан, но в первую очередь обычным гражданам. Реализация проекта в первую очередь планируется в пилотном регионе городе Душанбе. После приемки и опытной эксплуатации системы «Электронная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях», тщательной оценки и анализа результатов и хода выполнения целей проекта в пилотном регионе, включая широкое информирование населения, а также рассмотрение изменения и/или подтверждения проектной деятельности, сопоставимой относительно ожидаемых результатов на каждом этапе, внедрение будет продолжено в областных центрах и затем во всех регионах Республики Таджикистан.

В перспективе в единой базе данных должна быть обеспечена электронная регистрация заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, поступающих в подразделения других силовых ведомств (по линии Таможенной службы, Агентства по контролю за наркотиками, Агентства по государственному контролю и борьбе с коррупцией, пограничных войск, Государственного комитета национальной безопасности и Генеральной прокуратуры). В то же время сотрудники этих ведомств в рамках своих полномочий и в соответствии с регламентом работы и взаимодействия между ведомствами будут иметь возможность работы с единой базой данных заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях.

Учитывая, что применение новых информационных технологий в правоохранительных органах покажет высокую результативность и перспективность, необходимо продолжить работу по внедрению электронной регистрации во всех органах уголовного преследования. Мы надеемся, что уникальность проекта не заставит себя долго ждать,

так как первичные результаты будут реальнее, чем обычные отчетные статданные и их обобщенная формулировка. Повсеместное внедрение современных цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность придаст объективную значимость этому виду деятельности, которое является перспективным направлением в контексте реформирования части правоохранительной системы.

§ 14 Тенденции расширения точек приложения цифровизации в уголовном процессе

Применение информационных технологий в уголовном процессе не сводится исключительно к процедуре получения информации о преступлении. Постепенно современные технологии позволяют оптимизировать процесс объективизации принятия решений и закрепления доказательственной и иной информации по уголовным делам. Использование таких новых технологий меняет форму, но не содержание традиционных процедур⁶¹⁵. До настоящего момента на практике требуется выведение созданных в электронной форме процессуальных документов на бумажном носителе. В Беларуси не первый год обсуждается вопрос внедрения в практику электронного уголовного дела⁶¹⁶. Для этих целей был изучен накопленный опыт ближайших соседей, а также разработана концепция автоматизированных рабочих мест в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь.

Исходя из определений, содержащихся в п. 14, 47 ст. 6 УПК Республики Беларусь, можно заключить, что уголовное дело в электронной форме представляет собой совокупность созданных либо трансформированных с помощью программно-технических средств для воспроизведения средствами электронно-вычислительной техники и сопрягаемыми с ними устройствами материалов обособленного производства, ведущегося органом уголовного преследования и судом по поводу совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. То есть это может быть, например, совокупность документов, созданных в текстовом редакторе либо отсканированных с бумажных носителей (оцифрованных). Такая совокупность может обрабатывать-

615 Халиуллин А.И. Направления внедрения информационных технологий в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. 2017. № 2. С. 50.

616 Гайдученок В.А. О некоторых аспектах подписания документов в электронном уголовном деле // *Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.* (Минск, 12-13 апр. 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 73.

ся и передаваться в специальной программной оболочке.

Следует выделить и более узкий термин – электронное уголовное дело, под которым, исходя из определения электронного документа в Законе Республики Беларусь от 28.12.2009 № 113-3 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», следует понимать совокупность документов, закрепляющих процессуальные действия и процессуальные решения по конкретному уголовному делу, в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить их целостность и подлинность. В таком деле иные материалы могут храниться в электронной форме. То есть электронное уголовное дело содержит в себе электронные документы и доказательства⁶¹⁷. Ознакомление с электронным уголовным делом должно обеспечиваться с помощью программно-технических комплексов (например, путем создания специального портала). Исходя из данного определения, независимо от способа создания любой электронный документ или документ в электронной форме (виде), образующийся в ходе уголовного процесса, должен не только содержать все реквизиты, указанные в УПК, но и являться подлинным и удостоверенным⁶¹⁸, что подтверждается сертифицированным средством электронно-цифровой подписи.

В литературе встречается мнение, что под электронным уголовным делом следует понимать созданную онлайн-платформу, на которой в онлайн-режиме создаются и хранятся процессуальные документы, отражающие движение предварительного расследования⁶¹⁹. Такое определение не в полной мере соотнобразуется с нормами действующего законодательства Республики Беларусь и больше подходит для программного приложения.

Учитывая недопустимость ограничения права на доступ к правосудию, всеобъемлющее ведение электронного уголовного дела еще невозможно. Прежде всего, это касается документов, подаваемых гражданами, вовлекаемыми в уголовный процесс (заявления, ходатайства, жалобы и т.д.), так как отдельные граждане не в достаточной степени владеют компьютерными технологиями.

В последнее десятилетие в ряде государств были внедрены в уголовный процесс нормы о допустимости ведения уголовных дел в электронной форме. В частности, элементы электронного уголовного дела уже внедрены в уголовном процессе Армении, Грузии, Казахстана.

617 Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 157.

618 Гайдученок В.А. Указ. соч. С. 75.

619 Кангезов М.Р. Электронное уголовное дело на предварительном следствии в условиях развития цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 219.

С 2020 г. вводится система eCase для антикоррупционных органов Украины (Национальное антикоррупционное бюро Украины, Специализированная антикоррупционная прокуратура и Высший антикоррупционный суд). Электронное уголовное производство eCase – это электронная система, которая оцифровывает физическую документацию. В рамках системы такие документы, как планы уголовных расследований, доказательства, допросы, приказы прокуроров, согласования и рапорты, становятся мгновенно доступны онлайн. Для прокуроров рассматривается введение функции онлайн надзорного производства.

Цифровизация судопроизводства в ФРГ началась с принятием соответствующего закона в 2013 г.⁶²⁰. Был введен обязательный электронный документооборот между адвокатами, государственными органами и судами, внедрены электронные формуляры, машинное удостоверение документов, автоматизированное подтверждение получения документа, а также установлена доказательственная сила отсканированных официальных документов. Каждому адвокату Федеральной палатой адвокатов были созданы специальные адвокатские электронные адреса. Обязательность использования электронных документов не была распространена на обычных граждан. С принятием в 2017 г. Закона ФРГ «О внедрении электронных документов в юстиции и о дальнейшем обеспечении электронного юридического оборота»⁶²¹ цифровизация постепенно распространится на уголовный процесс. Согласно новой редакции § 32 УПК ФРГ федеральное правительство совместно с каждой землей определяют момент введения электронных уголовных дел. Федеральное правительство должно также определить стандарты для передачи электронных уголовных дел от органов уголовного преследования судам. Полный переход на электронные уголовные дела предписан с 1 января 2026 г. То есть все открываемые после данной даты уголовные дела должны вестись исключительно в электронной форме (за отдельными исключениями).

Ознакомление с материалами электронного дела осуществляется путем предоставления доступа к содержанию документов на соответствующем интернет-портале (Akteneinsichtportal). При наличии отдельного ходатайства ознакомление может быть обеспечено в служебных помещениях органа уголовного преследования. На практике уже возникли вопросы о том, может ли защитник при ознакомлении удаленно с делом прослушать полученные в рамках уголовного процес-

620 Gesetz zur Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs mit den Gerichten vom 10. Oktober 2013 // Das Bundesgesetzblatt. Teil I. 2013. Nr. 62. S. 3786.

621 Gesetz zur Einführung der elektronischen Akte in der Justiz und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs vom 5. Juli 2017 // Das Bundesgesetzblatt. Teil I. 2017. Nr. 45. S. 2208.

са записи переговоров. Ранее судебная практика исходила из того, что данные записи могут быть прослушаны защитником в органе уголовного преследования без возможности их копирования⁶²².

Для уменьшения вторжения в основополагающее право лиц, участвующих в уголовном процессе, на информационное самоопределение (ч. 1 ст. 2 Конституции ФРГ) будут созданы механизмы защиты данных как внутри, так и за пределами уголовно-процессуальной деятельности⁶²³.

В Эстонии разработка e-File (e-toimik) была начата на основании решения правительства в 2005 г. Система была внедрена Центром регистров и информационных систем (RIK), который и сегодня отвечает за ее разработку, администрирование и обслуживание. Как интегрированная система, e-File обеспечивает одновременный обмен информацией между информационными системами различных сторон: полицией, прокуратурой, судами, тюрьмами, органами надзора за условно-досрочным освобождением, судебными приставами, системой юридической помощи, налоговым и таможенным управлением, адвокатами и гражданами. Система e-File предоставляет всем заинтересованным сторонам, включая граждан, информацию обо всех этапах уголовного судопроизводства, судебных решениях и процессуальных действиях. Для этого система наполняется информацией, предусмотренной в § 210 УПК Эстонии. В соответствии с § 1601(4) УПК Эстонии судебное досье по уголовному делу в полном объеме либо в части может иметь электронную форму.

Можно заметить, что новый формат ведения уголовных дел оказывает влияние и на сам уголовный процесс: уголовно-процессуальная форма подвергается изменению, появляются новые процедуры, осуществляемые в электронном формате. Электронная уголовно-процессуальная форма закономерно может способствовать упрощению процедуры и позволяет перераспределить трудовые ресурсы и процессуальные издержки для расследования и рассмотрения сложных уголовных дел. Так, видоизменяется начало уголовного процесса. Если классически требовалось принятие соответствующего решения, то теперь в Казахстане и Украине, например, достаточно осуществление процессуального действия – внесение сведений об уголовном правона-

622 Hao-Hao W. Einsichtnahme des Verteidigers in Aufzeichnungen aus einer Telekommunikationsüberwachung // Onlinezeitschrift für Höchstrichterliche Rechtsprechung zum Strafrecht. 2018. Nr. 3. S. 110.

623 Entwurf eines Gesetzes zur Einführung der elektronischen Akte in Strafsachen und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs [Elektronische Ressource] // Bundestag. Zugriffsmodus: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/brd/2016/0236-16.pdf>. Zugriffsdatum: 20.08.2020.

рушении в Единый реестр досудебных расследований⁶²⁴.

Современный уголовно-процессуальный закон все чаще наполняется нормами, позволяющими направлять в суд, а зачастую и органы уголовного преследования ходатайства, заявления, жалобы, иные процессуальные документы в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронно-цифровой подписью (см., например, ст. 474.1 УПК РФ). Белорусский законодатель позволил с 1 января 2021 г. отказаться от протокола судебного заседания, закрепив возможность фиксирования хода судебного заседания с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола судебного заседания (новая редакция ст. 308 УПК Республики Беларусь).

В отдельных государствах в рамках уголовного процесса начинают использовать искусственный интеллект. Так, в некоторых штатах США используют программное обеспечение для определения необходимости применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу либо срока наказания в приговоре в зависимости от «расчета опасности лица»⁶²⁵. Подобные приложения могут посягнуть на независимость судей, поэтому пока не применяются в государствах континентальной системы права. Однако еще в 70-е гг. XX в. появились научные публикации, которые хотели обосновать возможность алгоритмизации права для устранения субъективности при постановлении приговора⁶²⁶.

Таким образом, можно заметить, что законодатель старается повысить с помощью цифровизации эффективность уголовно-процессуальной формы, снизить трудовые и финансовые издержки в сфере юстиции. При внедрении таких новшеств в законодательство важно не допустить ослабления процессуальных гарантий, принципов уголовного процесса и обеспечить соблюдение прав участников уголовного процесса. Например, при внедрении электронного уголовного дела важно предусмотреть процедуру ознакомления с материалами уголовного дела и обеспечить защиту информации от необоснованного распространения вне уголовного процесса.

624 Уголовный процесс европейских государств: монография / Под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М.: Проспект, 2018. С. 469.

625 Predictive justice: when algorithms pervade the law [Electronic resource] // Paris Innovation Review. 2017. Mode of access: <http://parisinnovationreview.com/articles-en/predictive-justice-when-algorithms-pervade-the-law>. Date of access: 10.05.2020.

626 D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? / A. D'Amato // Faculty Working Papers [Electronic resource] / Northwestern Pritzker School of Law Scholarly Commons. 1977. Mode of access: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1128&context=facultyworkingpapers>. Date of access: 10.05.2020.

§ 15 Деятельность онлайн-агрегаторов в условиях ограничительных мер, вызванных пандемией: проблемы антимонопольного регулирования

11 марта 2020 года во вступительном слове на пресс-брифинге по COVID-19 генеральный директор ВОЗ заявил, что распространение COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию, и призвал правительства стран к поиску оптимального баланса между интересами охраны здоровья населения, необходимостью снизить негативное воздействие эпидемии на экономику и общество, а также интересами защиты прав граждан⁶²⁷. В этих условиях правительственными органами целого ряда стран были предприняты беспрецедентные меры, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции. Многие из этих мер были направлены на ограничение перемещения граждан в общественных местах, необходимость обеспечения самоизоляции и ряд других.

Однако, несмотря на то, что пандемия коронавируса изолировала ряд стран и остановила большинство процессов, она же одновременно с этим и позволила предприятиям в различных сферах экономики открыть для себя «новую плоскость» возможностей. Так, в настоящее время большими темпами, например, развивается электронная торговля, сферы доставки, логистики. Фактически бизнес при отсутствии какого-либо выбора развития событий приспосабливается к новым условиям, реагируя на возникшие вызовы и формируя тем самым «дистанционную экономику», и делая еще один большой шаг к глобальной цифровизации⁶²⁸.

Изменение традиционного уклада общественной и частной жизни повлекло за собой резкий рост спроса среди населения на приобретение товаров дистанционным способом посредством сети Интернет. Так, по данным российской Национальной ассоциации дистанционной торговли (НАДТ) в период пандемии в маркетплейсы пришли 7 млн новых покупателей⁶²⁹. В целом же 40% пользователей Интернета во всем мире (более 1 млрд человек) покупают товары или услуги онлайн⁶³⁰.

Значительная доля торговли приходится на продажу товаров посредством онлайн-агрегаторов или онлайн-платформ. В научной литературе отмечается, что «функционально цифровые платформы решают

две основные задачи: играют роль точки входа для потребителей для получения товаров и услуг, выходящих за пределы функциональности самой платформы; предоставляют предпринимателям возможность предложить свои товары и услуги большому числу потребителей»⁶³¹. В Европейском союзе используется следующее определение онлайн-платформы: предприятие, действующее на двухсторонних (или многосторонних) рынках, которое использует Интернет для обеспечения взаимодействия между двумя или более отдельными, но взаимозависимыми группами пользователей в целях создания стоимости по крайней мере для одной из этих групп⁶³².

В Законе РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 закреплено понятия владельца агрегатора информации о товарах (услугах). Как верно подметила М.А. Рожкова, «владельцем агрегатора» на самом деле является правообладатель соответствующей технологической платформы, в состав которой входят, в частности, компьютерные программы, базы данных, собственно веб-сайт и проч.⁶³³. Фактически онлайн-агрегаторы являются информационными посредниками между продавцами и покупателями товаров и услуг, предоставляя интернет-площадки для совершения сделок по купле-продаже товаров. Наиболее крупными онлайн-агрегаторами товаров в России сейчас являются OZON, Wildberries, Ulmart, Bery, Lamoda и др.

Для потребителей, наряду с очевидным удобством, доступностью и оперативностью приобретения товаров через онлайн-агрегаторы, безусловно, существуют и определенные риски, например, приобретение товаров, не соответствующих описанию на сайте, увеличение цены товаров в корзине на последнем этапе оформления заказа (непосредственно перед оплатой) или отказы в предоставлении уже оплаченного товара с навязыванием более дорогого⁶³⁴ и др. Однако законодательство о защите прав потребителей предусматривает ряд положений, направленных на регламентацию деятельности владельцев онлайн-агрегаторов с позиции обеспечения прав потребителей.

631 Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под общ. ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войничанис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 34-35.

632 Intergovernmental Group of Experts on Competition Law and Policy 18th Session, 10-12 July 2019, Geneva, Switzerland Competition issues in the digital economy [Russian]. [

633 Рожкова М.А. Агрегаторы, платформы, «владельцы агрегаторов»: некоторые комментарии к Закону об агрегаторах. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/13/agregatory_platformy_vladelcy_agregatorov_nekotorye_kommentarii_k_zakonu (дата обращения: 20.06.2020).

634 ФАС России и АКИТ держат цены в интернет-магазинах на контроле. [

627 Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19, 11 марта 2020 г. [

628 Доклад о состоянии конкуренции за 2019 год. [

629 ФАС в СМИ: онлайн правит торговлей. [

630 Руководство по защите прав потребителей, подготовленное Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию UNCTAD/DITC/CPLP/2017/1/Corr.3 от 30.01.2019. [

Для поставщиков (продавцов) реализация товаров через онлайн-агрегаторы позволяет предложить свои товары широкому кругу пользователей, что в условиях ограничительных мер, вызванных пандемией коронавируса, когда был введен временный запрет на деятельность многих организаций розничной торговли, давало возможность осуществления предпринимательской деятельности в дистанционном формате.

Вместе с тем следует учитывать, что укрепление рыночной власти онлайн-агрегаторов может повлечь за собой и целый ряд потенциальных рисков в сфере обеспечения равных условий для добросовестной конкуренции участников торговой деятельности⁶³⁵.

С позиции антимонопольного регулирования риски негативного влияния на конкуренцию со стороны цифровых платформ выражаются в том, что, опираясь на эффект масштаба, концентрируя доступ к большим базам данных о пользователях, используя экономические барьеры для входа на рынок (т.к. требуются большие затраты для создания и развития таких цифровых платформ), компании – цифровые гиганты приобретают колоссальную экономическую власть и, как следствие, возможности по злоупотреблению ею.

Как отмечает А.В. Клечиков, «малому бизнесу надо понимать, что любой агрегатор будет диктовать свои условия, предписывать формы взаимодействия, требовать неукоснительного исполнения собственных стандартов оказания услуг... Таким образом, агрегатор получает рычаг давления на участников системы. Нарушителю правил грозит отключение, что заставляет партнеров прислушиваться к агрегатору, выполнять его требования»⁶³⁶.

Несмотря на то, что на 2019 год четыре крупнейших в России игрока контролируют лишь 27% всего рынка электронной коммерции, а для в США на лидеров приходится 63% оборота, в Китае – вовсе 84%, тем не менее эксперты считают, что в ближайшее время на рынке в России должен появиться доминирующий интернет-ритейлер⁶³⁷, что ставит на повестку дня вопрос об антимонопольном регулировании проявлений злоупотребления доминирующим положением.

Другой проблемой регулирования деятельности цифровых платформ является механизм сбора персональных данных потребителей, обеспечение их конфиденциальности, защиты и неприкосновенности

635 ФАС в СМИ: УФАС предупреждает: грядёт монополизация рынка интернет-торговли. [

636 Клечиков А.В. Торговые агрегаторы и развитие цифровой экономики в России: нормативные и институциональные проблемы // International Journal of Open Information Technologies 2018. Vol. 6. № 5. 2018. С. 34.

637 Handelsblatt: Как Россия превращается в великую ИТ-державу. [

частной жизни⁶³⁸. Так, например, использование систем динамического ценообразования, основанного на сборе данных, позволяет онлайн-агрегаторам вариативно устанавливать цены, что может, по мнению А.Е. Шаститко, приводить к ценовой дискриминации одних потребителей перед другими. Например, Amazon может подстраивать предложения под профиль спроса каждого конкретного потребителя, установленный на основании данных о нем и его истории покупок. Большое внимание привлекли случаи, когда потребители замечали разницу в ценах на одни и те же товары в зависимости от того, в какое время дня ты пытаешься купить их на платформе Amazon⁶³⁹. В Докладе ЮНКТАД отмечается, что нанесение вреда интересам потребителей товаров, работ и услуг в результате использования динамического ценообразования противоречит действующему в настоящее время в антимонопольной сфере критерию благосостояния потребителей⁶⁴⁰.

Однако с позиции антимонопольного регулирования государственное вмешательство в ценообразование хозяйствующих субъектов допустимо лишь в случаях, если речь идет о злоупотреблении доминирующим положением либо в случае заключения антиконкурентных соглашений (согласованных действий) или координации экономической деятельности.

Поэтому сейчас одной из тенденций антимонопольного регулирования должно выступать не просто обеспечение конкурентного выбора и защиты имущественных интересов потребителей, но и сфера защиты их неимущественных прав.

В настоящее время подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты»⁶⁴¹ (далее – Проект), который направлен на регулирование конкурентных отношений в условиях цифровизации экономики. В нем определяется понятие цифровой платформы как размещенной в сети Интернет инфраструктуре, которая используется для организации и обеспечения взаимодействия продавцов и покупателей; закрепляется понятие сетевого эффекта и вводятся критерии признания владельцев цифровых платформ доминирующими на рынке.

638 Ючинсон К.С. Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 236.

639 Шаститко А.Е. и др. Конкуренция и конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 22.

640 Intergovernmental Group of Experts on Competition Law and Policy 18th Session, 10–12 July 2019, Geneva, Switzerland Competition issues in the digital economy [Russian]. [

641 Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации». Опубликован на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. [

Несмотря на безусловную прогрессивность и значимость Проекта, он получил отрицательное Заключение об оценке регулирующего воздействия⁶⁴², в т.ч. из-за размытости формулировок, неопределенности понятий в части определения «цифровой платформы» и «сетевого эффекта», недостаточности обоснования предлагаемых новелл, а также и ряда иных замечаний. Так, например, среди замечаний на законопроект Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий отметила⁶⁴³, что для внесения изменений в законодательство о конкуренции, прежде всего, нужно определиться с регулированием «цифровой экономики», правилами, по которым будут взаимодействовать участники рынков, как производящие материальные объекты, так и те, кто будут разрабатывать информационные технологии для производства. Когда станет понятно, как складывается ситуация на рынках, как ведут себя субъекты в предложенном правовом регулировании, тогда можно будет оценить необходимость внесения изменений в антимонопольное законодательство. Такой подход не затормозит развитие «цифровой экономики», так как сейчас недобросовестное поведение, как товаропроизводителей, так и крупных ИТ-компаний, регулятором успешно пресекается.

На наш взгляд, в качестве первоочередной меры следует внести изменения в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» от 28.12.2009 года № 381-ФЗ в части распространения антимонопольных требований к владельцам агрегаторов информации о товарах (услугах). В настоящее время данные требования распространяются на хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, и направлены на сдерживание рыночной власти торговых сетей на розничном рынке и предотвращение дискриминации поставщиков продовольственных товаров. В свою очередь онлайн-агрегаторы можно рассматривать как сходную конструкцию с розничными торговыми сетями, поскольку они также предоставляют услуги по реализации товаров продавцов (поставщиков), организуют взаимодействие продавцов и покупателей с тем отличием, что делают это на онлайн-рынке.

В условиях пандемии рынок розничной торговли посредством он-

642 Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”». Опубликовано на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. [

643 Сводка предложений по итогам размещения текста проекта о подготовке нормативного правового акта «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации». Опубликован на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. [

лайн-агрегаторов развивался значительными темпами, и следует полагать, что такая тенденция будет только усиливаться. В этих условиях крупнейшие онлайн-агрегаторы только будут укреплять рыночную власть, и законодательство о конкуренции и торговле должно в совокупности обеспечивать защиту интересов более слабых сторон взаимоотношений, а именно поставщиков (продавцов) товаров и потребителей для обеспечения взаимовыгодного баланса интересов всех сторон отношений.

§ 16 Вопросы доступности правосудия в чрезвычайных условиях

В условиях чрезвычайных ситуаций остро стоят вопросы доступности многих обычных благ и услуг, в том числе возникает и проблема доступа к правосудию. Ограничения на деятельность судов способны парализовать равномерную и слаженную работу судебной машины, нарушить сроки рассмотрения дел, лишить граждан самой возможности защитить через суд свои права.

На первый взгляд, действующее законодательство мало чем может помочь судебной системе в чрезвычайных условиях. Прежде всего отметим, что оснований для изменения самой судебной системы для таких случаев не существует. В соответствии с ч. 1 ст. 4 ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1 создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных данным законом, не допускается. Новые федеральные суды создаются и упраздняются федеральным законом (ч. 1 ст. 17). Представить себе ситуацию, когда законодатели в период чрезвычайных условий (пандемии) в срочном порядке принимают законы о создании новых судов, затруднительно. Следовательно, суды, как органы, от которых требуется бесперебойная работа, продолжают функционировать. В действующем законодательстве имеется понятие территории, на которой введено чрезвычайное положение. В соответствии с ч. 3 ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении» № 3 от 30.05.2001 в случае невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено чрезвычайное положение, по решению Верховного Суда РФ может быть изменена территориальная подсудность. Закон подтверждает правило о недопустимости создания чрезвычайных судов в любом их виде, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства (ч. 2 ст. 35).

Гражданский процессуальный кодекс предусматривает возможность передачи дел по подсудности (п. 4 ч. 2 ст. 33 ГПК), если рассмотрение дела в данном суде становится невозможным. Данное правило

вряд ли способно решить проблему, если пандемия объявлена на всей территории страны.

Реализация принципа гласности судопроизводства предполагает, что лица, участвующие в деле, иные заинтересованные лица, физически присутствуют в зале суда. По смыслу ст. 10 ГПК пандемия не является основанием для проведения закрытого судебного заседания, к тому же в закрытом судебном заседании запрещено использовать системы видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 10 ГПК), что при пандемии в ряде случаев было бы выходом.

Возникает вопрос: возможно, следует создать специальное законодательство, действующее именно в таких случаях и призванное регулировать нагрузку судов, распределение дел по судам, или, в крайнем случае – приостановление производства по делам с правом последующих компенсаций. Представляется однако, что более реалистичным выглядит путь бесконтактного, дистанционного рассмотрения дел, а главное – процессуальное законодательство (причем, задолго до появления пандемии 2020 года) вполне к этому готово.

Эту готовность лучше всего рассмотреть на примере норм ГПК, поскольку в качестве объекта исследования система судов общей юрисдикции (по устоявшемуся мнению имеющая более слабую техническую базу и меньшую готовность к электронной форме ведения дел) представляет собой более наглядный пример.

Действительно, в условиях пандемии, в других чрезвычайных условиях «физическая» доступность судов не гарантирована, поскольку и само посещение судебных органов может быть запрещено. Однако замена физического участия фактическим в чрезвычайных условиях не только необходима, но и вполне реальна. Главное – минимизация ущерба для результатов судопроизводства от такой замены. Приостанавливать производства по делам во всех смыслах невыгодно, поскольку эти дела все равно придется рассматривать и суды столкнутся с увеличившейся многократно нагрузкой после отмены чрезвычайных мер. Следовательно, законодательство должно предоставлять возможность в кратчайшие сроки перестроиться на отправление правосудия в удаленном доступе. Не рассматривая техническую сторону вопроса (она очевидна – сегодня достаточного количества нужной техники и программ в судах нет), рассмотрим правовую сторону и готовность действующего процессуального законодательства к регулированию рассмотрения дел в условиях пандемии.

Фактическая доступность реализуется в рамках действующего законодательства и реально представлена широкими возможностями. Необходимо отметить важность внесенных Федеральным законом № 220 от 23.06.2016 г. многочисленных изменений в ГПК, позволяющих

активно внедрять в деятельность судов различные электронные технологии и буквально предвосхитивших широкую потребность в таких технологиях в нетипичной, чрезвычайной ситуации, в которой оказались суды в 2020 году.

Чтобы оценить фактическую доступность судебной защиты, необходимо оценить конкретную ситуацию: может ли заявитель, чье право нарушено, возбудить гражданское дело в суде, будет ли ему гарантировано судебное разбирательство в установленный законом срок и сможет ли он получить решение суда буквально «не выходя из дома?». Рассмотрим, что в этом плане предлагает действующее законодательство. Отметим, что возможностью ухода от физического присутствия в зале суда и при этом все же реализации права на рассмотрение дела в срок вполне достаточно. Степень готовности судов к бесконтактной работе с лицами, участвующими в деле, реально высока.

Прежде всего, отметим высокую долю приказного производства в судах общей юрисдикции, например, в 2019 году судами общей юрисдикции было рассмотрено с вынесением итоговых судебных актов 18 804 923 дела, из них 15 146 535 дел составляет выдача судебных приказов⁶⁴⁴. Приказное производство может быть полностью дистанционным, поскольку судебный приказ выносится без вызова взыскателя и должника, без проведения судебного разбирательства, на основании представленных взыскателем заявления и документов в его обоснование (ч. 2 ст. 126 ГПК). Судебный приказ в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 130 ГПК существует в форме электронного документа.

Упрощенное производство (глава 21.1 ГПК), предполагающее, что рассмотрение дела производится без вызова сторон, по представленным ими документам (ч. 5 ст. 232.3 ГПК), изначально находилось в высокой степени готовности для исключительно дистанционного ведения дела. Решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, принимается путем вынесения резолютивной части и размещается на официальном сайте суда (ч. 1 ст. 232.4).

Эти виды производств (приказное и упрощенное), в силу своей специфики как бы изначально спланированы для бесконтактной работы судов со сторонами. Отметим, что и заочное производство возможно не только без ответчика, но и без истца (ч. 1 ст. 233 и ч. 2 ст. 236 ГПК), что практически сближает его процедуру с упрощенным производством. В совокупности три вида производств – приказное, упрощенное, заочное – образуют обширный блок дел, рассмотрение которых достаточно безболезненно способно в чрезвычайных условиях

644 URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksi_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf.

перейти на бесконтактную форму рассмотрения дел.

Но и для дел, рассматриваемых в обычном исковом порядке возможностей для удаленной коммуникации, тоже предусмотрено немало.

Подача искового заявления и других документов возможна в электронном виде. В соответствии с ч. 1.1 ст. 3 ГПК в электронном виде можно подавать заявления, исковые заявления, жалобы и другие обращения; возможна и подача в форме электронного документа, подписанного электронной подписью. Базовая норма о порядке подачи исковых заявлений, их форме и содержании – статья 131 ГПК – подтверждает электронные способы подачи заявлений, в том числе с ходатайством об обеспечении иска; а также возможность предоставления электронной почты заявителя для коммуникации с судом.

В ГПК имеется норма, к которой стороны могут прибегнуть – это возможность просить о рассмотрении дела в их отсутствие. Стороны вправе просить суд о рассмотрении дела в их отсутствие и направлении им копий решения суда (ч. 5 ст. 167 ГПК). Стороны, третьи лица, свидетели могут давать объяснения и показания с использованием видеоконференц-связи (ч. 1 ст. 55, ст. 155.1 ГПК).

Для информации о движении дела суды могут направлять извещения в электронной форме, размещать информацию на официальном сайте суда в сети Интернет (ч. 1, 2.1, 7 ст. 113 ГПК).

Судебные постановления, за исключением постановлений, составляющих охраняемую законом тайну, могут быть выполнены в форме электронного документа с усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 1 ст. 13; ч. 1 ст. 197 ГПК).

О принятом судебном акте лица, участвующие в деле, могут узнавать, не только присутствуя в зале суда. Получать копии судебных постановлений, вызовы и другие документы можно в электронном виде (ч. 1 ст. 35 ГПК). Законом предусмотрена высылка копий решений, размещение их в Интернете (ст. 214 ГПК). Исполнительный лист может направляться судом для исполнения в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 1 и 5 ст. 428 ГПК).

В итоге получается следующее: заседание по рассмотрению дела может проводиться без сторон, их физическое присутствие необязательно, по итогам рассмотрения дела стороны получают решение в электронном виде и по почте, а исполнительный лист также направляется в электронной форме.

Все сказанное выше имело целью показать степень готовности процессуального законодательства к регулированию рассмотрения дел судами в чрезвычайных условиях. Принимая, что степень готовности достаточно высока, отметим, что и проблем при работе в удаленном

доступе тоже немало. Среди них, как минимум, следующие:

1) реализация ряда принципов судопроизводства, например, предусмотренных в ст. 157 ГПК непосредственности и устности;

2) возможность знакомиться с материалами дела и представлять доказательства, участвовать в их исследовании (ч. 1 ст. 35 ГПК);

3) истребование доказательств (ч. 2 ст. 57 ГПК); осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения (ст. 58 ГПК); назначение и проведение экспертизы, получение образцов для эксперта (ст. 79, 81 ГПК), иная доказательственная деятельность;

4) получение сведений о личности участников, получение их расписок, предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний;

5) ведение протокола и реализация права на подачу замечаний на протокол (ст. 228–230 ГПК);

6) проведение действий по исполнению судебного решения.

Таким образом, не изменяя ГПК, не прибегая к созданию дополнительных или чрезвычайных судов, возможно организовать работу судов в чрезвычайных условиях. Издержки такой перестройки непременно будут. Однако работа судов при таких издержках все же предпочтительнее полной остановки судебной деятельности на неопределенное время.

Небольшие изменения в законодательстве все же необходимы, с тем чтобы для перехода к рассмотрению дела без вызова лиц, участвующих в деле, в судебное заседание (как исключительный порядок для исключительных условий) была четкая правовая основа. В частности, необходимо установить порядок получения согласия лиц, участвующих в деле, на проведение рассмотрения дела дистанционно и ситуации, при которых согласие на исключительный порядок не требуется и дистанционное рассмотрение производится автоматически.

§ 17 Киберпреступность: новые угрозы

В 2020 году распространение коронавирусной пандемии привело к приостановке на срок от нескольких недель до нескольких месяцев работы большого количества предприятий и учреждений по всему миру, миллионы людей оказались предоставленными сами себе, находясь на вынужденной самоизоляции. При этом доходы большого количества граждан различных государств существенно сократились. Так, по данным Росстата реальные располагаемые денежные доходы россиян во втором квартале 2020 года, когда карантинные меры, предпринятые государственной властью, были наиболее жесткими, снизились на 8% в

годовом выражении⁶⁴⁵.

Эти два фактора – падение доходов множества людей и появление у них большого количества свободного времени в ограниченном пространстве квартиры или иного жилья – привели к повышению преступной активности. Причем по двум основным направлениям. С одной стороны, фиксируется взрывной рост семейно-бытового насилия⁶⁴⁶. С другой – двукратное увеличение случаев противоправной деятельности в сфере компьютерных технологий⁶⁴⁷. Особенно показательным в этом отношении оказался первый квартал 2020 г., когда количество киберпреступлений увеличилось на 84%, а их удельный вес достиг почти 20% от общего числа. Собственно именно из-за этого общий уровень преступности в Российской Федерации в целом вырос на 4%⁶⁴⁸.

И это все при том, что начиная с 2000-х годов в большинстве стран мира, включая Россию, наблюдается существенное (более чем на 70%⁶⁴⁹) уменьшение количества совершаемых преступлений. В первую очередь насильственных. Это явление получило наименование великого спада преступности – *great crime drop*.

Причины столь резкого снижения уровня преступности в течение последних 20-30 лет до конца так и не выяснены. Один из факторов, который, безусловно, этому содействует, – увеличение времени, которое люди проводят в Интернете и других информационных телекоммуникационных системах. Начиная от общения в социальных сетях, до часов, ежедневно проводимых за компьютерными и видеоиграми. То есть, заменяя реальную, объективную действительность на онлайн – действительность компьютеризированную, виртуальную – у человека попросту остается меньше времени на то, чтобы совершать в повседневной жизни что бы то ни было, в т.ч. преступления.

Вместе с тем нужно отметить, что, как справедливо указывают А. Кнорре и В. Кудрявцев, упомянутое «великое снижение преступности не затронуло две сферы: кражи мобильных телефонов и так называемые *e-crimes* – киберпреступления, связанные с компьютерами и компьютерными сетями»⁶⁵⁰.

Логично предположить, что мобильные телефоны, а также другие гаджеты и девайсы пользуются такой популярностью у противоправных элементов, поскольку в настоящее время на них наибольший об-

645 URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hYbb0cRH/oper-06-2020.pdf>.

646 URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasiliia.html>.

647 URL: <https://ria.ru/20200415/1570081452.html>.

648 URL: <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348156.php>.

649 URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/28/735650-velikoe-snizhenie>.

650 Там же.

щественный спрос как на самое распространенное средство доступа людей к Интернету и иным телекоммуникационным системам. Что касается киберпреступности в целом и интернет-преступности в частности, то это не что иное, как побочный, но в определенной степени и закономерный результат цифровизации и компьютеризации весьма существенной части жизнедеятельности современного общества.

При этом если удешевление стоимости мобильных устройств – это вопрос времени, что в среднесрочной перспективе неминуемо приведет и к снижению количества их хищений, то сокращения уровня киберпреступности прогнозировать никаких оснований нет, тем более что сейчас интернет-преступность со все увеличивающимся объемом причиняемого вреда – это теневая многомиллионная, если не миллиардная, высокотехнологическая отрасль (т.н. даркнет), от преступной деятельности субъектов которой ущерб причиняется не только обычным гражданам, но и предприятиям, в т.ч. крупнейшим⁶⁵¹, и даже ключевым государственными структурами отдельных стран⁶⁵².

В связи с изложенным имеет смысл проанализировать наиболее распространенные в современном мире виды киберугроз.

Пожалуй, исторически первой массово распространенной киберугрозой можно считать появившиеся в 1980-х гг. компьютерные вирусы, представляющие собой специально спроектированные вредоносные программы, уничтожающие либо повреждающие пользовательскую и иную ценную для пользователя информацию, а также препятствующие, вплоть до полной блокировки, нормальному функционированию компьютерных систем.

Первоначально большая часть компьютерных вирусов не предназначалась для финансового обогащения их творцов. Теперь же вирусы используют преимущественно для провоцирования технических сбоев в работе компьютерных сетей и систем конкурентов либо для целей коммерческого, промышленного либо политического шпионажа – тайного сбора не находящейся в свободном доступе ценной информации, которую можно тем или иным образом монетизировать.

Особой разновидностью вирусов являются т.н. «программы-вымогатели», блокирующие компьютер либо сервер пользователя. Распространители таких вирусов требуют от жертвы перечисления финансовых средств за последующее разблокирование. Наибольшую опасность среди таких вирусов представляют программы-шифровальщики, перекодирующие только им известным способом ключевую пользовательскую информацию. Они шифруют ее и не позволяют восстановить до тех пор, пока затребованные финансовые средства не будут переведе-

651 URL: <https://life.ru/p/hacker-vs-garmin>.

652 URL: <https://ria.ru/20200902/kiberataka-1576633695.html>.

ны на определенный счет. Самостоятельные попытки разблокировать компьютерную систему могут только ухудшить ситуацию – даже перечисление затребованной суммы не гарантирует в таком случае восстановление доступа к зашифрованной информации.

Наиболее знаменитыми программами-шифровальщиками являются вирусы WannaCry и Petya, которые в 2017 г. поразили наибольшее количество электронных устройств за всю историю Интернета. Вместе с тем, начиная с 2018 г. и до сегодняшнего дня, активность подобных вирусных программ по различным причинам – от повышения компьютерной грамотности пользователей ПК до массового использования программ-антивирусов – существенно спала⁶⁵³.

Второй по распространенности киберугрозой современности является несанкционированная утечка информации ограниченного доступа через всевозможные компьютерные сети. Это может случиться как вследствие безалаберности пользователей, которые не устанавливают вообще или устанавливают предельно простые пароли доступа к хранимым данным, либо в результате использования разработчиками бэкдор-алгоритмов – программ, встраиваемых в официально распространяемый продукт для негласного получения пользовательской информации или удаленного управления операционной системой пользователя.

Одним из наиболее распространенных в Российской Федерации проявлений киберпреступности является кибермошенничество – фишинг, смысл которого заключается в получении путем обмана под различными надуманными предлогами от пользователей денежных переводов или персональных данных, включая номера банковских карт и другой информации, в т.ч. втайне от самих пользователей.

Весьма часто мошенники звонят либо пишут посредством службы коротких сообщений (СМС) или электронной почты клиентам коммерческих организаций, чаще всего банков, от имени менеджеров с просьбами подтвердить какую-либо информацию, назвав номер либо ПИН-код карты или пароль и т.п. В иных случаях используются т.н. фишинговые письма якобы от операторов связи, банков или иных контрагентов клиента, активация ссылок в которых приводит к тому, что злоумышленники получают несанкционированный и тайный доступ к данным, содержащимся на устройстве адресата.

Например, в 2019 г. человек, обслуживающий сайт bodybuilding.com, доверившись информации, содержащейся в фишинговом письме, по неосторожности предоставил доступ к клиентской базе данных, содержащей полные имена, адреса места жительства, номера телефонов, адреса электронной почты и другую значимую информацию⁶⁵⁴.

653 <https://www.symantec.com/content/dam/symantec/docs/reports/istr-24-2019-en.pdf>.

654 <https://www.zdnet.com/article/bodybuilding-com-discloses-security-breach/>

В качестве самостоятельного вида компьютерных преступлений, тесно связанного с шантажом с одной стороны и терроризмом с другой, можно отметить т.н. блэкмэйл – анонимные электронные письма, содержащие угрозу сделать достоянием общественности информацию, компрометирующую адресата, если не будут выполнены определенные требования шантажистов. Также к блэкмэйлу можно отнести электронные письма, в которых содержится неподтвержденная (зачастую заведомо ложная) информация о готовящемся террористическом акте, заложенном где-либо взрывном устройстве и т.д.

Еще несколько десятилетий назад правонарушители для обозначенных преступных целей использовали в основном телефонную связь, а сами такие деяния получили название телефонного терроризма. Вместе с тем при использовании телефона необходимо было делать в каждое место, работу которого желали парализовать, отдельный звонок, также была вероятность установления звонящего по голосу с помощью фоноскопической экспертизы. Сейчас же в связи с отказом от телефонных сетей в пользу связи посредством Интернета специфика данного вида киберпреступности заключается в том, что современные электронные почтовые сервисы предоставляют возможность удаленно, в частности из-за рубежа, создавать анонимные аккаунты для массовой рассылки сообщений какого угодно содержания на любые адреса.

Так, в ноябре 2019 г. – январе 2020 г., а затем в августе 2020 г. по российским городам от Мурманска до Хабаровска прокатилась волна ложных сообщений на адреса электронной почты госучреждений, судов, школ, больниц, почтамтов, станций метро, авто- и ж/д вокзалов, аэропортов, храмов, торговых центров и гостиниц об их минировании с целью срыва нормальной работы как самих этих учреждений, так и многих экстренных служб – МЧС, МВД, ФСБ и других. Поскольку согласно требованиям гражданской обороны при поступлении подобной информации проводится полная эвакуация, пребывают саперы, иные специалисты, и, пока они все не проверят и не подтвердят безопасность объекта, вернуться к его эксплуатации нельзя.

По оценкам Интерфакса, только в Москве общее число эвакуированных за полтора месяца конца 2019 г. – начала 2020 г. составило более полутора миллионов человек. Больше всего эвакуаций было проведено 19 декабря 2019 г. – тогда были эвакуированы около 170 тысяч человек. 27 января 2020 г. анонимные угрозы поступили более чем в 700 учреждений, за день было эвакуировано более 16 тысяч человек⁶⁵⁵. Каков материальный ущерб всех этих эвакуаций – остается только догадываться.

655 URL: <https://www.interfax.ru/russia/692953>.

§ 18 Правовое регулирование в условиях цифровизации общественных отношений: опыт Республики Беларусь

В условиях существования новой цифровой экономической реальности важным является вопрос правового регулирования новых отношений, поскольку действующий юридический инструментариум оказывается не только неэффективным, но в некоторых случаях даже оказывает существенное тормозящее воздействие на активно развивающиеся экономические процессы. В связи с этим возникает масса практических и юридических коллизий, связанных с проблемами идентификации лиц гражданского оборота, имущественных отношений в сфере цифрового экономического оборота (таких, например, как права собственности в области распределенных реестров), регистрацией прав на имущество и сделок с ним, регулированием процессов банковской деятельности, формированием специальных правовых моделей защиты отношений, базирующихся на использовании цифровых технологий, включая вопросы кибернетической и информационной безопасности.

В условиях цифровой реальности право становится не только инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом «цифровизации», в результате чего оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций⁶⁵⁶.

Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, в сферу правового регулирования вовлекаются общественные отношения, которые раньше или не существовали, или не требовали регулирования, но наряду с этим есть и такие отношения, которые по объективным причинам сейчас не могут быть урегулированы правом⁶⁵⁷.

В этой связи представляется важным провести анализ правового регулирования процессов цифровой трансформации экономики в Республике Беларусь, оценить адекватность и своевременность принимаемых нормативных правовых актов, определить перспективы правового регулирования на современном этапе.

В первую очередь следует отметить, что в Республике Беларусь принят ряд концепций и стратегий, формирующих общее видение деятельности государственных органов в информационном пространстве, в том числе затрагивающих отдельные аспекты цифровизации. Среди них отметим Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года,

⁶⁵⁶ Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 85.

⁶⁵⁷ Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. СПб.: СПбГУП, 2019. С.

Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденную Указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466, Стратегию развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, одобренную Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (протокол от 3 ноября 2015 г. № 26), Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, Стратегию «Наука и технологии 2018–2040».

Анализ указанных программных документов показал, что признание информатизации в качестве одного из национальных приоритетов устойчивого развития и совершенствование правового регулирования ее процессов отнесено к основным факторам, способствующим развитию информатизации в Республике Беларусь, а электронное правительство и цифровая экономика станут приоритетами стратегии развития информатизации в Беларуси в ближайшие годы.

Базовым нормативным документом является Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8).

Основными задачами, которые призван решить Декрет № 8, являются следующие:

1) создание условий для функционирования в белорусской юрисдикции коммерческих организаций, осуществляющих разработку собственных продуктов отрасли информационных технологий, а также продвижение на рынке и реализацию этих продуктов либо имущественных прав на них;

2) создание правовых условий для внедрения в экономику Республики Беларусь технологии распределенного реестра, а также использования в гражданском обороте основанных на этой технологии современных финансовых инструментов.

Необходимо отметить, что с изданием Декрета № 8 Республика Беларусь стала одной из первых стран в мире, предусмотревших в своих системах права регламентацию вопросов использования технологии распределенного реестра и криптовалют в гражданском обороте.

Можно констатировать, что в настоящее время в республике накоплена определенная база, свидетельствующая о наличии правового механизма, направленного на защиту информации. Однако процесс формирования информационного законодательства еще продолжается. Так, например, в действующем законодательстве еще недостаточно разработан механизм защиты именно компьютерной информации как целостной разработанной правовой системы. В связи с расширением

сфер применения систем обработки и распространения информации наблюдается рост количества случаев несанкционированного использования, модификации и уничтожения информации. Угрозы вычислительным и информационным ресурсам не могут быть выявлены, локализованы и ликвидированы только внедрением в информационные системы отдельных аппаратных, программных средств и проведением организационных мероприятий. Следует отметить необходимость разработки и совершенствования эффективной правовой основы, которая обеспечивала бы нормальное функционирование механизма защиты компьютерной информации⁶⁵⁸.

В научных источниках высказываются конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования в условиях правовой трансформации. В частности, в целях обеспечения реализации процессов трансформации и создания благоприятной регуляторной среды для развития цифровой экономики необходимо разработать правовые основы цифрового государства, приняв базовый закон «О цифровой трансформации» с последующей конкретизацией основных положений в соответствующих законах, считает М.Н Сатолина. Центральными направлениями создания цифрового государства должны стать снижение избыточного государственного регулирования; повышение качества государственных услуг; повышение эффективности органов власти, прежде всего, местных, и их информационной открытости⁶⁵⁹.

М.С. Абрамеев полагает, что в связи с построением ИТ-страны неизбежно кодифицирование информационного законодательства. Разработка и принятие Информационного кодекса, по мнению указанного автора, комплексно урегулирует отношения в информационной сфере, исключит множественность актов законодательства, обеспечит комплексность правового регулирования⁶⁶⁰.

Несомненным является необходимость дополнения и изменения гражданского (хозяйственного) законодательства в части определения совершаемых в электронной форме сделок («умных контрактов»), соблюдения баланса прав и обязанностей сторон такого вида договоров,

---

658 Швед Н.А. Уголовная политика Республики Беларусь в сфере информационной безопасности // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск: Бизнесофсет, 2017. Вып. 12. С. 790.

659 Сатолина М.Н. Комплексное правовое обеспечение создания цифрового государства / М.Н. Сатолина // Право.by. 2018. № 6. С. 5.

660 Абрамеев М.С. Этапы становления и перспективы развития электронного государства Республики Беларусь // Информационные технологии и право: Правовая информатизация. 2018: сб. мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. Минск, 2018. С. 58-59.

защиты более слабой стороны, введения режима электронного (цифрового) резидентства юридических лиц.

Кроме того, необходимо прилагать усилия, направленные на сопряжение понятийного аппарата экономической и юридической наук, выработку адекватного новым реалиям языка правовых актов⁶⁶¹.

Помимо вышеперечисленных направлений актуальным становится изменение правовой базы в целях внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке, включая совершенствование механизмов предоставления финансовых услуг в электронной форме и обеспечение их информационной безопасности.

Вместе с тем вопрос о роли права в механизмах цифровизации экономики видится в следующих аспектах. Прежде всего, нормы права должны определить правовой режим объектов самих цифровых технологий. Речь идет об оформлении понятий «цифровая экономика», «криптопространство» и других аналогичных явлений, что необходимо для целей их однозначного толкования в последующем использовании в правовых документах. Также должны быть решены задачи по определению и закреплению статуса различных субъектов в отношении реализации правомочий отдельных объектов с использованием цифровых технологий, а также определения порядка использования таких объектов, порядка контроля за соблюдением установленных предписаний и ответственности за нарушение названного порядка. Важно определить цели государства в отношении направлений и форм поддержки применения цифровых технологий в различных сферах деятельности либо их запрета, направлений и способов применения различных инструментов цифровых технологий, а также пределов использования цифровых методов. Важным аспектом в правовом регулировании цифровой экономики является не только устранение имеющихся правовых барьеров, традиционных механизмов правового регулирования, которые не всегда применимы к новым реалиям, но и установление ряда новых ограничений, обусловленных спецификой цифровой формы, в целях обеспечения баланса интересов различных субъектов, минимизации рисков и угроз. Как справедливо отмечает А.В. Денисевич, необходимо комплексно исследовать основания и пределы возможных ограничений в использовании основных инструментов цифровой экономики, таких как блокчейн, криптовалюты и прочее, не забывая, что основная задача законодателя при установлении ограничений состоит в недопущении

661 Маруев А.Ю. Проблемы обеспечения безопасности государства в условиях становления цифровой экономики / А.Ю. Маруев, М.Ю. Головкин, Ю.В. Берладир // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5-6 дек. 2019 г.: в 5 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: Г.Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. Т. 2. С. 66.

использования цифровых технологий в противоправных целях и защите добросовестных участников возникающих отношений⁶⁶².

В этой связи возрастает роль криминологической экспертизы законодательства как важного этапа нормотворческой деятельности и действенного инструмента предотвращения рисков криминогенного характера, особенно в сфере экономической деятельности, традиционно являющейся зоной повышенного внимания. Так, отделом проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» проводится криминологическая экспертиза соответствующих проектов нормативных правовых актов, в том числе и тех, которые можно отнести к актам регулирования цифровой экономики.

Таким образом, основной целью правового обеспечения развития цифровой экономики является образование новой регуляторной среды (благоприятного правового режима существования), для создания которой необходимо сформировать механизм комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с ее развитием, а также принять меры, направленные на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных цифровых технологий, сняв ключевые правовые ограничения и создав новые отдельные правовые институты, направленные на реализацию первоочередных мер по формированию цифровой экономики. Формирование современного правового регулирования цифровой экономики возможно осуществить посредством разработки и реализации положений концепции правового обеспечения развития цифровой экономики, которая должна предусматривать, в том числе, и уголовно-правовые меры.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в Республике Беларусь уже сформирована определенная правовая база, направленная на регулирование отдельных общественных отношений в условиях цифровой трансформации. Однако если говорить в целом о правовых основах цифровой экономики, то они находятся в начальной стадии регулирования. В настоящее время существующие правовые нормы не обеспечивают в полной мере системного подхода к регулированию цифровой экономики. Фрагментарность регулирования в этой области не позволяет в полной мере реализовать весь потенциал, который несет цифровая трансформация. Общественные отношения, возникающие в связи с развитием цифровой экономики, несомненно, обладают определенной спецификой в части их объекта и предмета, субъектного

662 Денисевич А.В. Формирование правовых основ цифровой экономики в контексте защиты национальных экономических интересов // Право.by. 2019. № 2. С. 26.

состава, условий возникновения, изменения и прекращения, что обуславливает необходимость их комплексного правового регулирования.

В этой связи цифровой экономике необходимо полноценное осмысление в качестве объекта правового регулирования. Помимо принятия новых, ранее не известных отечественному праву нормативных правовых актов, важное значение имеет и приведение в соответствие с происходящими процессами цифровизации действующих нормативных правовых актов, в той или иной степени связанных с развитием и деятельностью цифровой экономики и инновационной деятельностью в данной сфере, включая промышленность, торговлю, предпринимательскую деятельность, здравоохранение, образование, транспорт, и другие сферы.

§ 19 О роли «Darknet» в совершении хищений в сфере оборота криптовалют: криминологический аспект

Пандемия коронавируса и пришедшая вместе с ней вынужденная самоизоляция привели к стремительному росту активности пользователей сети Интернет, что не могло остаться незамеченным лицами, осуществляющими противоправную деятельность с использованием «виртуального пространства». Способность преступников быстрее рядовых пользователей адаптироваться к новым информационным технологиям и вычленять их продуктивные способности для реализации своих противоправных намерений ставят их на шаг впереди правоохранительных органов.

Анонимность и невозможность быть обнаруженным поспособствовали развитию такого направления преступной деятельности, как хищение криптовалют путем использования сети Интернет, преимущественно скрытого ее сегмента – Darknet. Криптовалюта в качестве предмета преступного посягательства пользуется определенной привлекательностью для мошенников и вымогателей ввиду совокупности таких ее свойств, как относительная анонимность владельца, децентрализация распределительной системы, отсутствие налогообложения и контроля в ряде стран мира, зависимость конвертируемости от спроса, территориальная неограниченность.

Однако, как показывает практика, владельцы криптовалютных кошельков, использующие платформы общего доступа, могут быть идентифицированы благодаря данным об IP-адресах, хранящимся на серверах различных криптосервисов. В связи с чем злоумышленники в большинстве случаев действуют через сети ограниченного доступа, именуемые общим термином «даркнет» (Darknet) и позволяющие оста-

ваться скрытым для правоохранительных органов.

Следует отметить, что в целом интернет-пространство можно разделить на три сегмента, объединенных одной оболочкой: общедоступная сеть, сеть ограниченного доступа и скрытая. Общедоступная сеть является более востребованной в бытовых условиях социальной жизни общества, так как открывает доступ к себе для любого пользователя, обладающего компьютером или мобильным девайсом через стандартные браузеры типа Google Chrome, Яндекс, Mozilla Firefox, Opera и другие. Сети ограниченного доступа используются преимущественно государственными учреждениями и крупными корпорациями как аналог локальной сети, позволяющей удаленно осуществлять определенные производственные функции. Доступ к ограниченным сетям возможен только при наличии логина и пароля зарегистрированного пользователя, при этом найти подобные сети через поисковые системы не представляется возможным, так как путь к серверам не публикуется. Наибольший интерес как для правонарушителей, так, соответственно, и для правоохранительных органов представляют скрытые сети. На сегодняшний день можно выделить три «теневые» сети, дающие общее представление о «даркнете»: Tor, I2P и Freenet. В качестве признаков, объединяющих представленные сети, можно выделить следующие: доступ только через специальные браузеры, анонимность пользователей, децентрализация узлов сети.

Первой и самой популярной сетью с ограниченным доступом стала Tor, в основе которой лежит программное обеспечение прокси-серверов, обеспечивающих обмен информацией между узлами внутри сети по принципу «луковой маршрутизации». Так данные, которые отправитель желает передать некоторому получателю, проходят три этапа дешифрования, прежде чем достигнут намеченной цели. На старте отправки сообщения информация шифруется узлом отправителя в три слоя и направляется по маршруту из трех случайно выбранных узлов системы. Промежуточные узлы, получив отправление, применяют ключ, позволяющий дешифровать слой и передать информацию далее по маршруту. При этом у каждого узла есть только один ключ для снятия предназначенного им слоя. Третий промежуточный узел осуществляет от отправку уже «чистого» сообщения получателю. Предполагается, что данный механизм способен обеспечить полную анонимность отправителю и получателю, скрыть передаваемые данные, а также обеспечить надежную защиту от перехвата информации или анализа трафика. Однако следует отметить, что конечный промежуточный узел при дешифровании данных получает не только информацию о получателе, но и содержание самого отправления. Таким образом, несмотря на то, что описанная схема работы сети делает информацию скрытой от сторон-

них пользователей, в том числе и от сотрудников правоохранительных органов, но оставляет ее уязвимой перед участниками сети.

Доступ к сети Tor обеспечивается благодаря одноименному браузеру, который можно скачать на сайте разработчиков данного программного обеспечения. Сама сеть позволяет своим пользователям посещать не только созданные внутри нее ресурсы, но и общедоступные сайты, оставаясь при этом анонимным. Данное обстоятельство является преимуществом Tor перед I2P и Freenet, которые ограничены исключительно внутренними сервисами. При этом следует обратить внимание, что Tor предлагает своим клиентам два варианта работы с системой: либо в качестве пользователя для посещения ресурсов ограниченного доступа, либо в качестве анонимного узла – нода, участвующего в его работе.

Внимание заслуживает не только принцип работы «лукового браузера», но и содержание самой сети. В целом Tor практически не отличается от общедоступных сетей, имея и свои поисковые сервисы, социальные сети и иные ресурсы, предоставляющие возможности для общения и торговли, за тем исключением, что возможности эти неограниченны, анонимны и не контролируются со стороны государственных органов. Площадка Tor за последние несколько лет ассоциируется с действительно теневым сегментом всемирной сети, где преимущественно налаживаются контакты между субъектами криминальной активности и осуществляется торговля товарами ограниченного оборота, плата за которые производится анонимными видами криптовалют. При этом развивается и отдельная сфера кибермошенничества со стороны криптовалютных бирж, обменников, криптокошельков, гарантов криптовалютных сделок.

Анализ совершенных хищений в сфере оборота криптовалют позволяет определить роль скрытых сетей в достижении преступных намерений. Так, можно отметить, что сеть Tor используется мошенниками и вымогателями как на стадии подготовки, так и в качестве средства совершения оконченого хищения. В рамках подготовки к преступлению мошенники и вымогатели, не обладающие достаточным уровнем знаний в области программирования, но готовые к их освоению могут получить соответствующую помощь на различных форумах, где «профессионалами» подробно даются инструкции и описываются различные схемы обмана, сокрытия похищенных криптовалют и их анонимного обналичивания. Среди популярных хакерских форумов, обучающих искусству киберобмана, фишинга и его различных видов, можно выделить WWH-Club, Verified, Exploit.in, Probiv (специализируется на развитии преступной сети на территории стран СНГ и Российской Федерации).

Так как в большинстве случаев при совершении хищения необходимо специализированное программное обеспечение (вирусы, шифровальщики, подставные сайты и т.д.), а не каждый может разработать его самостоятельно, то площадки Tor предоставляют возможность приобрести его у специалистов, базирующихся на подобном контенте. Такие сделки чаще всего реализуются через форумы для анонимного общения (Runion, Chat with stranger) или торговые площадки (Hydra) и оплачиваются все той же криптовалютой. К примеру, белорусским правоохранителям удалось задержать 31-летнего жителя Гомеля, который на одном из форумов в теневом виртуальном пространстве снабжал в течение десяти лет других «IT-аферистов» вредоносными кодами и вирусом-вымогателем GandCrab, координируя их деятельность. Вирус попадал на устройства потерпевших через спам-рассылку pdf-файлов и шифровал содержимое, за доступ к которому преступники требовали до 1,5 тысячи долларов. Если владельцы устройств не платили в срок, то сумма удваивалась. С помощью указанного вируса вымогатели взяли под контроль более 54 тысяч компьютеров по всему миру, что принесло доход разработчику GrandCrab более двух миллиардов долларов⁶⁶³.

Так же сервисы Tor оказывают помощь преступникам по сокрытию и обналчиванию похищенных криптовалют. Например, площадки Konvert и 24xbtc предлагают обменять криптовалюту на фиатные деньги, которые клиент получит в наличном виде путем закладки в условленном месте или доставкой курьером. Популярностью пользуются также микшеры (Bitcoin Blender, Grams Helix и др.) и криптокошельки с встроенными микшерами (Rahakott), которые разбивают некоторое количество криптомонет и перенаправляют на сотни случайных кошельков, а затем собирают первоначальную сумму, но уже с новыми адресами, что практически не позволяет идентифицировать стороны сделки, если только не получить данные с серверов самих микшеров. Значительную помощь в сокрытии следов хищения оказывают и анонимные криптовалюты, например, Monero, Zcash, Bytecoin, в которые возможно перевести похищенные публичные криптовалюты типа Bitcoin, воспользовавшись услугами обменников.

Отдельно следует остановиться на совершении хищений криптовалют внутри сети Tor. Многочисленны факты мошенничества среди торговых площадок, реализующих товар за криптовалюту, преимущественно анонимную, что позволяет остаться продавцу неидентифицированным даже в рамках сети Tor. Клиент переводит на криптокошелек «теневого магазина» определенную сумму с целью приобрести некоторый товар (в том числе ограниченный к обороту, как наркотические средства, оружие), однако после проведения платежа администрация

магазина отправляет покупателя в «черный список». Подобные интернет-магазины создают себе вымышленную положительную репутацию, в редких случаях действительно занимаются реализацией товара, чтобы увеличить клиентскую базу и получить как можно больше позитивных отзывов, после чего непродолжительное время похищают криптовалютные средства своих клиентов и утилизируют магазин.

Значительную часть в сфере хищений криптовалют путем обмана составляют криптобиржи и обменники, а также микшеры. Предоставляя свои услуги, указанные сервисы зачастую злоупотребляют доверием клиентов и не оказывают обещанных услуг по обмену, купле-продаже, анонимизации, оставляя полученные криптосредства в личном пользовании. Также интересно отметить институт гарантов – лиц, оказывающих посреднические услуги при проведении различных сделок с криптовалютой. Их функция заключается в получении и передаче криптовалютного вознаграждения между сторонами сделки в случае выполнения ими установленных условий. Например, пользователь А договорился о покупке некоторого товара у пользователя Б с участием в сделке гаранта. Покупатель передает гаранту оговоренную сумму, а продавец обязуется передать товар. После того, как гарант получит от покупателя информацию о доставке товара, он переводит продавцу хранящиеся у него криптомонеты за вычетом процента на свои услуги. Однако в некоторых случаях гаранты, действующие в пределах даркнета, заведомо не намереваются выполнять взятые на себя обязательства и не переводят средства продавцу, совершая тем самым мошеннические действия.

Таким образом, криминалистический анализ роли Darknet в совершении хищений в сфере оборота криптовалют показал, что скрытая сеть, обладающая такими преимуществами, как анонимность, децентрализация и безграничность в пространстве, является одним из ключевых средств в достижении корыстных преступных намерений кибермошенников, хакеров и вымогателей. Сети, объединяющиеся в понятие «теневого Интернета», – своеобразная виртуальная площадка, где любой желающий имеет возможность получить консультацию и проработанные схемы преступлений, приобрести необходимое программное обеспечение и конфиденциальные данные потенциальных потерпевших, скрыть или обналчить похищенное. Кроме того, в большинстве случаев Darknet выступает в роли средства совершения преступления, применяемого владельцами различных криптоплатформ, бирж, обменников, магазинов, гарантов. Преимущества теневого сетей для преступников являются одновременно непреодолимыми на сегодняшний день трудностями для правоохранительных органов, которые практически лишены возможности отслеживать интернет-трафик и идентифициро-

⁶⁶³ Парахневич А. В минус ушли кибердельцы // На страже. 2020. № 32. С. 17.

вать личности злоумышленников, ограничиваясь в своей работе лишь оперативными данными и ловлей «на живца».

В свою очередь интересным представляется опыт Российской Федерации по созданию «суверенного Интернета», что закреплено Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». Идея «суверенного Интернета» предусматривает создание собственной государственной системы маршрутизации трафика, что позволит обеспечить доступ гражданам России к Интернету, несмотря на внешние источники связи⁶⁶⁴. Такой подход обеспечивает государственным властям и правоохранительным органам возможность всецело контролировать деятельность пользователей сети, выявляя и ликвидируя при этом преступные элементы. Однако актуальным и малоисследованным остается вопрос, как подобный механизм проявит себя в практической деятельности, чтобы констатировать возможность его создания и на территории Республики Беларусь?

Резюмируя вышеизложенное, необходимо сделать вывод о том, что криминалистическое исследование скрытых сетей Darknet, проводимое в динамике стремительного развития информационных технологий, позволит определить направления и выработать методику раскрытия и расследования хищений в сфере оборота криптовалют, а также наметить векторы деятельности правоохранительных органов по предупреждению и профилактике подобных преступлений.

§ 20 Техничко-правовая структура актов, подлежащих административной опеке

Legal acts are defined as manifestations of will made in order to produce legal effects, in the sense of giving rise to, amending or extinguishing a legal relationship. A special category in the sphere of legal acts is administrative acts issued or adopted by local public authorities.

In a structural-organisational acceptance, the administrative act is defined as that legal form of realization, as a main or secondary activity, of the administrative fact, by state bodies or, under the law, of non-state bodies, which gives expression to the unilateral manifestation of their will, in an

---

664 Гаазе К. Как связаны «суверенный интернет» и безопасность [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости». Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2019/11/01/815264-suverennii-internet>. Дата доступа: 28.08.2020.

administrative legal regime, typical or atypical, as the case may be⁶⁶⁵.

The administrative acts of the local public administration authorities communicated to the Prefect for the purpose of verifying legality are legal acts issued under public power, with a view to organizing the enforcement of laws or the actual enforcement of the law, which give rise to, modify or extinguish legal relations in the most varied fields of activity. In addition, through the administrative acts subject to the control of legality exercised by the prefect, the local public administration authorities exercise the powers conferred by law, solving the problems of local interest of the members of the local authority, of their own motion or on request, respecting the principles of decentralisation, local autonomy, deconcentration of public services, the eligibility of local public administration authorities, legality and consultation of citizens in solving local problems of particular interest.

In accordance with Article 197 (2) of the Treaty, the Commission shall, in accordance with the procedure laid down in accordance with the system of the right to apply the 57/2019 on the Administrative Code of Romania, the administrative acts adopted by the local and county councils and those issued by the mayor and the president of the county council are necessarily communicated to the prefect of the county. The secretaries-general of the administrative-territorial units have a legal obligation to communicate, within a legal period, to the prefect of the county the administrative acts adopted or issued by the local public administration authorities.

However, before being communicated to the prefect, the secretaries-general of the territorial administrative units are obliged to ensure that administrative acts take the solemn form characteristic of public authorities in order to comply with the rules of legislative technique in their drafting and preparation and the conditions of legality relating to the very substance of the regulated matter, benefiting at this preliminary stage of the review of legality from a presumption of authenticity and legality framed in this context. Opportunity cannot be a presumption but, on the contrary, it will highlight a social need that will be found in the very content of the act. Those presumptions of authenticity and legality shall be relating until the exercise of administrative guardianship/judicial control or, where appropriate, until the start of the false registration procedure.

The technical structure of the act subject to administrative guardianship is mainly aimed at drafting the act in the official language, using a specific language and legal style, concise, sober, clear and precise and especially to exclude any equivocation, respecting the grammatical and spelling rules.

---

665 Diaconu M. Some opinions of the specialized authors regarding the administrative contract. In: “Consolidation of public administration in the context of building the rule of law in the Republic of Moldova”, Materials of the international scientific-practical conference (from May 22, 2007, Chisinau). Chisinau: AAP, 2007. P. 24.

Then, the existence of the letterhead of the issuing entity, the clear and highlighted indication of the title of the administrative act, the indication of the registration number in the chronological order of the issue/adoption of the documents and their date, as well as the signature of the persons authorized by law (including the counter-signing for legality) with the affixing of the stamp or seal, as the case may be. All these requirements are required by the law of legislative technique in Romania, requirements that distinguish the administrative legal act from all other legal acts or from all other documents.

However, the core of the technical structure of the administrative act subject to the review of the legality of the prefect is the existence of the legal basis in the preamble to the administrative act and the conformity of the act with the higher-level normative acts in which the execution was issued or adopted and those issued or adopted by the authorities/institutions of the European Union⁶⁶⁶.

As regards the legal structure of the acts subject to the review of legality, I consider that it is common and corresponds to the structure applicable to all administrative acts, with small exceptions in legislative terms.

Thus, the administrative act must comply with the conditions of legality as well as those of validity, which are not identified. The lawfulness of the prefect may not be subject to the appropriateness of the adoption or issue of administrative acts. There is, however, in the literature and the view that opportunity is considered a special condition of legality⁶⁶⁷. Opportunity may be a condition of validity of the administrative act viewed strictly from the perspective of the initiator, but not a condition of legality. What is appropriate for a community cannot constitute the object of verification, control for any entity, be it legality, a legislatively consecrated opinion and in Article 240 para.2 of the Administrative Code of Romania⁶⁶⁸. Consequently, the legislature itself removes the assessment of the necessity and appropriateness of the adoption and issue of administrative acts belonging exclusively to the deliberative and executive authorities and cannot be subject to verification by other authorities.

The natural and well-founded conclusion lies in the fact that opportunity is a condition of validity of administrative acts to be respected by public authorities alongside the conditions of legality, substance and form.

Referring to the substantive conditions, the administrative act must

⁶⁶⁶ Art. 80-82 of Law no. 24/2000 regarding the norms of legislative technique for the elaboration of normative acts, republished, with the subsequent modifications and completions, art. 148 para. (2) of the Romanian Constitution. P. 23.

⁶⁶⁷ Iorgovan Antonio, Administrative Law Treaty, vol. II, 3rd Edition. Bucharest, All Beck Publishing House, 2002. P. 49-50.

⁶⁶⁸ Government Emergency Ordinance no. 57/2019 on the Administrative Code. P. 183.

comply with the rules of procedural or substantive law which lay down a certain conduct for the local public administration authorities, rules the observance of which is mandatory (e.g. compliance with the rules applicable to the convening of the local council – ordinary, extraordinary, extraordinary meeting convened immediately).

Secondly, the competence of the local public administration authority to issue or adopt the administrative act by reporting its object to the applicable legal provisions in the matter which confer on the local public administration authority the power to regulate in one way or another, constitutes another substantive condition.

A particular feature of the normative administrative acts is the procedure for ensuring the transparency of decision-making within the local public administration authorities. Thus, the announcement on the drafting of a draft normative act will be drawn up which will be made known to the public, at least 30 days before submission for analysis, opinion and adoption by the public authorities⁶⁶⁹.

Regarding the form of administrative acts, the doctrine has constantly maintained the need for the written form of the administrative act, regardless of their individual or normative character. In the Romanian legislation there is still the regulation according to which the administrative acts with individual character can also take the oral form (for example, the warning that according to the Government Ordinance no. 2/2001 regarding the contravention regime can take both written and oral form). However, regarding the administrative acts subject to the legality control of the prefect, their written form is imperative, regardless of the normative or individual character, together with the elements indicated above regarding the signature, date, registration number, etc.

It should be mentioned that in issuing or adopting the acts of the local deliberative or executive public administrations, as the case may be, the territorial and material competences offered by the legislator must not be exceeded. The consequence of the violation of the legal competences consists in the sanctioning of the activity of the local public authorities concretized in the administrative act itself by its revocation or annulment. The confirmation of the legality of the administrative acts of the local public authorities is the exclusive attribute of the Government representative in the territory. Thus, we can have the certainty of the quality of an administrative act subsequent to the exercise of administrative guardianship, using the term quality of the administrative act in the sense given by the explanatory dictionary, namely, all the essential features and aspects by virtue of which a thing is what of the other things. The quality of administrative acts lies, in particular, in the

⁶⁶⁹ Law no. 52/2003 regarding the decisional transparency in the public administration. P. 3.

compliance of local administrative acts with higher legislation - practically their legality and in the alternative, as an additional guarantee of their correct issuance / adoption of publicity of normative administrative acts with impact on local communities. Ensuring the quality of documents by the Government representative in the territory can be defined as exercising a legal control over administrative acts issued / adopted by local authorities, where the guardianship authority has no competence to directly cancel the administrative act but only the possibility to notify administrative contentious court.

In other words, the administrative guardianship exercised by its holders is subject to judicial control in the identified or identifiable cases, by the state officials, he decrease of the number of administrative acts issued / adopted by the local public administration authorities in which elements of illegality are identified as a result of the exercise of legality control by the Government representative in the territory must be a target of the executive's activity.

In other words, a compliance found by the representative of the Government in the territory of administrative acts issued / adopted by local public authorities with the provisions of the normative framework in force at the date when administrative acts are issued / adopted is proof of full legal discipline in regulating administrative activity. all communities, their quality, thus ensuring not only the strict observance of the legal rules deriving from the local regulations but also of the moral rules which, implicitly, constitute side effects of these administrative acts issued / adopted for the proper functioning of a territorial administrative units.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения лекарственных препаратов в разных регионах мира // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 26–41.
2. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 150–164.
3. Абламейко М.С. Этапы становления и перспективы развития электронного государства Республики Беларусь / М.С. Абламейко // Информационные технологии и право: Правовая информатизация. 2018: сб. мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 17 мая 2018 г.) / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. Минск, 2018. С. 55–59.

4. Абросимова Е.Б. Транспарентность правосудия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 142–152.
5. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
6. Аврин С.Б. Цифровое государство: преимущества и опасности // Стандарты и качество. 2016. № 1. С. 48–52.
7. Агешкина Н. Дистанционная работа: понятие и особенности регулирования. URL: <https://www.tls-cons.ru/services/pravovoy-konsalting/stati-nashikh-yuristov/distsionnaya-rabota-ponyatie-i-osobennosti-regulirovaniya/> (дата обращения: 05.09.2020).
8. Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 22–27.
9. Алексеев А.А. Развитие понятия «гражданская процессуальная форма» в России во второй половине XX века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 41–46.
10. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Автоматизированная информационная система как «источник права» // Информационное право. 2008. № 2.
11. Андреева О.И. Качалова О.В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник ТГУ. Право. 36 (2020).
12. Аносов А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 142–147.
13. Аносова Л.С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 230 с.
14. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под общ. ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
16. Аргунов А.В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.
17. Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. 2019. № 9. С. 77–84.

18. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 24.
19. Архипова К. Как организовать удаленную работу сотрудников компании в период пандемии. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a110/1010156.html> (дата обращения: 05.09.2020).
20. Астахова М.А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4.
21. Афанасьев С.Ф. О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. 2020. № 1. С. 22–28.
22. Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. О некоторых новеллах электронного документооборота в современном цивилистическом судебном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 51–54.
23. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.
24. Бакулин А.Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 20–27.
25. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. О договорах с неравенством переговорных возможностей при осуществлении предпринимательской деятельности // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019. № 2. С. 80–109.
26. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. № 2. 2020. Том 10. С. 204–251.
27. Балакшин В.С., Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях. М.: Юрлитинформ, 2020. 168 с.
28. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2.
29. Бевзенко Р.С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 4–30; № 6. С. 5–29; 2012, № 1. С. 4–34.
30. Боброва Д.А. СМИ и проблема доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: дис. ... канд. филолог. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 181 с.
31. Боброва И.И., Зимин В.А. Черный PR? Белый GR! Цветной IR:) менеджмент информационной культуры. М.; СПб.: Вершина, 2006. 461 с.
32. Бондарь И.В. Тайна по российскому законодательству (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004. 218 с.
33. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.
34. Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12. С. 85–98.
35. Боннер А.Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000. С. 10–12.
36. Борисова В.Ф. Проблемы и перспективы обращения в суд в электронной форме // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 14–16.
37. Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.
38. Бородин С.С., Новоселова А.А. Проблемы досудебного урегулирования споров, связанных с осуществлением отдельных видов неимущественных прав / Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции 26-27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катужковой / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Астерион, 2019.
39. Бородин Л.И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3-4. С. 56–67.
40. Бородин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 1–5.
41. Бочкарева Е.А. Организационно-правовые вопросы цифровизации деятельности Счетной палаты Российской Федерации // Право и практика. 2019. № 2. С. 193–198.
42. Бочкарева Е.А., Кожушко С.В. Принципы бюджетного права и бюджетной системы: понятие и соотношение // Право и практика. М., 2017. № 1. С. 120–124.
43. Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия

- [Текст]: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте / П. Браво-Хуртадо; перевод. с испан. яз. Закиров Р.Ф. // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 180–199.
44. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М., 1998. С. 153.
  45. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.
  46. Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 41.
  47. Братусь С.Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11.
  48. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963.
  49. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. М., 1894. Т. 13. С. 262. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924235#?page=270>.
  50. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. № 6. С. 36–47.
  51. Будилов В.М. Общая теория права в интегральном контексте: продолжение диалога (к выходу второго издания учебника А.В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода») // Вестник СПбГУ. 2017. № 1. С. 13–14.
  52. Букреев В.А. Пути повышения финансовой безопасности экономических систем // Проблемы обеспечения финансовой безопасности и эффективности экономических систем в XXI в.: материалы Международной научно-практической конференции / под науч. ред. А.Ю. Румянцевой и др. СПб., 2017. С. 188–192.
  53. Бурдина Е.В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. 2018. № 7 (147). С. 19–33.
  54. Быстрова А.А. Цифровое государство и перспективы развития экономики России // Экономика, Бизнес. Финансы. 2019. № 11. С. 30–34.
  55. Быстрова А.А. Цифровое государство: перспективы развития в современной России // Молодежь в науке: Новые аргументы: IV Международный молодежный сборник научных статей (Россия, г. Липецк, 26 апреля 2019 г.). Часть II / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2019. С. 39–43.
  56. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М., 2016. 480 с.
  57. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.
  58. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
  59. Бюллетень актов по судебной системе. Октябрь. 2017. № 10.
  60. Бюллетень актов по судебной системе. Февраль. 2017. № 2.
  61. В Бурятии оценили потери из-за коронавируса. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3003373.html> (дата обращения: 03.09.2020).
  62. В Китае узаконили судебные приговоры, выносимые искусственным интеллектом. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.trud.ru%2Farticle%2F12-12-2019%2F1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html.
  63. В Москве, Петербурге и Ростове провели «виртуальные митинги». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5e9dbbba9a79477c30d257c5>.
  64. В России начались виртуальные митинги из-за ситуации с коронавирусом. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52355997>.
  65. В Тюмени из-за коронавируса перенесли публичные слушания по исполнению бюджета в 2019 году // Информационное агентство «Znak». [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2020-06-22/v_tyumeni_iz_za_koronavirusa_perenesli_publichnye_slushaniya_po_ispolneniyu_byudzheta_v_2019_godu (дата обращения: 18.08.2020).
  66. Валеев Д.Х. Новеллы гражданского судопроизводства и современные информационные технологии // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017.
  67. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Допроцессуальный технический этап предъявления искового заявления в электронном виде и его особенности в контексте реализации конституционного права

- на судебную защиту в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2019. № 4. С. 3–7.
68. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Процессуальные последствия динамики улучшения уровня судебной защиты в условиях цифровой экономики // Российский судья. 2020. № 7. С. 60–64.
69. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Российское правосудие в реалиях цифровой экономики // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 3–8.
70. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4.
71. Варфоломеева Н.П. Формирование профессионального сознания публичных служащих Российской Федерации как основы антикоррупционного механизма профессиональной деятельности // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 10. С. 83–88.
72. Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
73. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2018. 25 с.
74. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Санкт-Петербург, 2018. 251 с.
75. Васьяковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913.
76. Великанова Ю.А. Влияние рекламы на потребителя // novainfo.ru. 2014. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://novainfo.ru/archive/19/1>.
77. Верховный Суд Российской Федерации // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28814/> Режим доступа: свободный (дата обращения: 25 августа 2020 года).
78. Верховный Суд Российской Федерации // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28867/ Режим доступа: свободный (дата обращения: 25 августа 2020 года).
79. Вестник Банка России. 2017. № 25.
80. Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.
81. Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.
82. Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14.
83. Витрянский В.В. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства // Гражданское право и современность: сб. ст., посвященный памяти М.И. Брагинского / Под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. М., 2013.
84. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1969. 19 с.
85. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1974. 161 с.
86. Во Франции из-за коронавируса закрылись 22 школы. URL: <https://regnum.ru/news/society/3054058.html>.
87. ВОЗ поставила в пример шведскую стратегию борьбы с коронавирусом. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/09/2020/5f4d98869a79471c08c244a7>.
88. Волков Ю.В. К вопросу о методе информационного права // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 58–65.
89. Володина Л.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 328 с.
90. Воронов А.Ф. О формах защиты права // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017.
91. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский Дом «Городец», 2009.
92. Воронцова И.В. Справедливость в российском гражданском процессе // Современное право. 2011. № 4. С. 74–76.
93. Воронцова И.В. Справедливость как задача гражданского судопроизводства и требование, предъявляемое к решению суда // Юрист. 2011. № 23. С. 17–20.
94. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/novel-coronavirus-2019-ncov>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 25 августа 2020 года).
95. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
96. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/>
97. Встреча министров труда и занятости стран Группы двадцати. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_755263/lang--ru/

- index.htm (дата обращения: 21.09.2020).
98. Вступительное слово Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19, 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 10.09.2020).
99. Гаазе К. Как связаны «суверенный интернет» и безопасность [Электронный ресурс] / К. Гаазе // Электронное периодическое издание «Ведомости». Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2019/11/01/815264-suverennii-internet> (дата доступа: 28.08.2020).
100. Гайдученок В.А. О некоторых аспектах подписания документов в электронном уголовном деле / В.А. Гайдученок // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12-13 апр. 2018 г.) / Следственный комитет Республики Беларусь; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 73-78.
101. Гальперин С.И. Учебник русского торгового и вексельного права. Вып. 1: Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий. Екатеринбург, 1907.
102. Головина С.Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) как новый вызов трудовому праву / С.Ю. Головина // Трудовое право в России за рубежом. 2020. № 3. С. 3-8.
103. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд. СПб., 1913 // Цит. по: Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие. 3-е изд. / Под ред. проф. М.К. Треушников. М.: Издательский Дом «Городец», 2015.
104. Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. XIII.
105. Государственная Дума РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet-bn.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya/item/16452108/> (дата обращения: 18.08.2020).
106. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы: Проставление Совета Министров Респ. Беларусь 23.03.2016 № 235 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
107. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011 г.) // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4-592.
108. Гражданское право: В 2 т.: учебник (том 2) (3-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. Б.М. Гонгало). М., 2018.
109. Гражданское процессуальное право России в 2 т. Том 1: учебник для бакалавриата и магистратуры / С.Ф. Афанасьев [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 444 с.
110. Гражданско-процессуальный Кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46.
111. Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4.
112. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с. С. 162.
113. Гринь Е.С., Королева А.Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 90-97.
114. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // СПС «КонсультантПлюс».
115. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
116. Грудцына Л.Ю. Судебная защита прав и свобод личности: теоретический аспект // СПС «КонсультантПлюс».
117. Гузко Д.С. Ключевые угрозы финансовой безопасности российского государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 253-256.
118. Гулемин А.Н. На пути к электронному государству: зарубежный и международный опыт электронного правосудия // Право и политика. № 12 (192). 2015. С. 1714-1718. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17059.
119. Гумеров Л.А. Понятие и виды юридических гарантий реализации субъективных прав и свобод в научно-технической сфере // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 132-135.
120. Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961. С. 66.
121. Гурвич М.А. Учение об иске (состав, виды). М., 1981. С. 13.
122. Гусев А.Ю., Сулейманова Ф.О. Отдельные аспекты судебной защиты права на социальное обеспечение в условиях цифровизации // СПС «КонсультантПлюс».
123. Гусева Л. Поправки в Трудовой кодекс РФ о дистанционной работе устраняют правовые пробелы, проявившиеся в период пан-

- демии. URL: <https://dep22.duma.mos.ru/news/20948> (дата обращения: 05.09.2020).
124. Гучок А.Е. Применение метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Гучок. Минск, 1999. 116 л.
  125. Денисевич А.В. Формирование правовых основ цифровой экономики в контексте защиты национальных экономических интересов / А.В. Денисевич // Право.by. 2019. № 2. С. 23–28.
  126. Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений: монография / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. 129 с.
  127. Денисов И.С. Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104.
  128. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 1999/93/ЕС от 13 декабря 1999 г. «О правовых основах регулирования электронных подписей в Сообществе» // Портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/2570145/> (дата обращения: 13.08.2020).
  129. Добробаба М.Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 463 с.
  130. Добробаба М.Б. Служебная деликтология как новое научное направление административной деликтологии // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3.
  131. Доклад о состоянии конкуренции за 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/687048> (дата обращения: 09.09.2020).
  132. Долинская В.В. Защита прав в сфере персональных данных в России и ЕС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 22–29.
  133. Долинская В.В. Информационное общество, информационные отношения и право // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 3.
  134. Долинская В.В. Информационно-правовое обеспечение гражданского (хозяйственного) оборота: Глава 5 // Стратегия современного социохозяйственного развития России: экономические и правовые аспекты: монография / под ред. В.В. Долинской, А.О. Иншаковой, В.В. Сорокожердьева. Краснодар, 2014.
  135. Долинская В.В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4.
  136. Долинская В.В. Проблемы гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 3–8.
  137. Дополнение к Рекомендациям работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». URL: <https://rosmintrud.ru/labour/relationship/380> (дата обращения: 14.05.2020).
  138. Дулов А.В. Применение криминалистического метода матрицирования в хозяйственной деятельности / А.В. Дулов // Конституционная и правовая реформа в Республике Беларусь (проблемы и перспективы): тез. докл. науч.-практ. конф. юрид. фак., 28 февр. 1997 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.М. Абрамович; отв. ред. В.М. Хомич. Минск: БГУ, 1997. С. 94–95.
  139. Дутов А.В., Клочков В.В., Рождественская С.М. «Большие вызовы» для авиации, авиастроения и развития авиационных технологий. М.: ФГБУ «НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», 2017. 124 с.
  140. Европейская этическая хартия о применении искусственного интеллекта в судебных системах от 3.12.2018. URL: Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>.
  141. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 02.09.2020).
  142. Ельникова Е.В. Гражданско-правовой оборот земельных участков под строениями в России: дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2006.
  143. Еремина С.Н. Удаленная работа в условиях распространения COVID-19 / С.Н. Еремина // Трудовое право в России за рубежом. 2020. № 3. С. 8–11.
  144. Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Человеческий капитал в условиях цифровой экономики // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы международной конференции (г. Москва, МПГУ, 24-25 апреля 2018 г.) / Под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой [Электронное издание]. М.: МПГУ, 2018. С. 13–17.
  145. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
  146. Зазулин А.И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ,

2019. 168 с.
147. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”». Опубликовано на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (дата обращения: 01.09.2019).
148. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 № 2300-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
149. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.08.1992. № 33. Ст. 1913.
150. Закон Саратовской области от 31 мая 2011 г. № 55-ЗСО (ред. от 27.12.2013) «Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2011. № 15; 2013. № 54.
151. Заседание Президиума Гильдии российских адвокатов прошло в онлайн формате. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gra.ru/index.php/2-uncategorised/686-gra2020-060> (дата обращения: 11.09.2020).
152. Зенин С.С., Кутейников Д.А., Ижаев О.А., Япрынцева И.М. Правотворчество в условиях алгоритмизации права // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 7.
153. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // *Российская газета*. 2018. 29 мая.
154. Инструкция для участия в судебном онлайн-заседании Арбитражного суда Уральского округа. URL: <https://fasuo.arbitr.ru/node/16134>.
155. Интервью Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А.В. журналу «Судья» № 5/2020. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=59&item=5309> (дата обращения: 10.09.2020).
156. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 216 с.
157. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. 1). С. 116–194.
158. Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2005. № 35 (ч. 1). С. 162–183.
159. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобр. решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. URL: <http://www.ksrf.ru/>
160. Информация о комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии российских адвокатов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gra.ru/index.php/m1-komissiya-po-zashchite-advokatorov/polozhenie-o-komissii> (дата обращения: 11.09.2020).
161. Исаенков А.А. Позитивизм как основа определения основных начал гражданского процессуального права // *Вопросы российского и международного права*. 2014. № 8-9. С. 70–80.
162. Исаенкова О.В., Соловьева Т.В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 3 (43). С. 165–171.
163. Иск в гражданском судопроизводстве: Сб. / Исаенкова О.В., Демичев А.А., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н.; под ред. О.В. Исаенковой. (Автор главы 2 «Иски о признании, иски о присуждении, преобразовательные иски» главы III «Виды исков» – Демичев А.А.). М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс».
164. К системе онлайн-заседаний подключились 60 арбитражных судов. URL: https://pravo.ru/news/221997/?desc_search=
165. Как коронавирус меняет открытость государств: порталы аналитики и новые площадки для диалога с гражданами. Сайт Счетной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/news/kak-koronavirus-menyaet-otkrytost-gosudarstvennykh-portalov-i-novye-ploshchadki-dlya-dialoga> (дата обращения: 05.09.2020).
166. Кангезов М.Р. Электронное уголовное дело на предварительном следствии в условиях развития цифровых технологий / М.Р. Кангезов // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 12. С. 218–220.
167. Карпунина Н. Актуальные вопросы развития информационно-технического обеспечения отправления правосудия. URL: <https://www.garant.ru/interview/1166742/>
168. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // *Русская политология*. 2018. № 4 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 17.08.2020).
169. Кашин Р. «Подводные камни» перевода на дистанционную работу / Р. Кашин // *Юрист (Минск)*. 2020. № 4. С. 71–75.

170. Кизилов В.В. Институт административной ответственности государственных гражданских служащих России. Саратов, 2012. 408 с.
171. Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 49–56.
172. Клечиков А.В. Торговые агрегаторы и развитие цифровой экономики в России: нормативные и институциональные проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Vol. 6. № 5. С. 33–38.
173. Климачева К., Малаховский А. Развитие российского правосудия: информатизация и технологизация. URL: https://pravo.ru/story/223787/?desc_search=
174. Клышева Д.А., Зелененко А.И., Гаерфанов И.Ф., Маркина Ю.В. Влияние COVID-19 на мировую экономику // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности. Стерлитамак, 2020. С. 56–59.
175. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
176. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: Закон города Москвы от 21.11.2007 № 45 // СПС «КонсультантПлюс».
177. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
178. Колесников Е.В., Пажетных Д.В. Взаимодействие Государственной Думы и Совета Федерации в законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 60–64.
179. Колюшин Е.И. Правовые проблемы электронизации (цифровизации) выборов / Е.И. Колюшин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9.
180. Комаров В.В. Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 25 с.
181. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Ю.И. Лейбо, А.Г. Орлов, И.А. Ракитская; отв. ред. Ю.И. Лейбо. М.: Статут: Ун-т МГИМО, 2012. 259 с.
182. Конституция Республики Беларусь Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г, с изм. от 24 ноября 1996 г. (в ред. Республиканского референдума от 17.11.2004 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
183. Конституция Республики Молдова. URL: <http://www.parlament.md/CadrulLegal/Constitution/tabid/151/language/ru-RU/Default.aspx>.
184. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
185. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
186. Конституция Соединенных Штатов // Constitution Facts – Official U.S. Constitution Website. URL: <https://www.usconstitution.cc/>
187. Конституция Японии // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>.
188. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/#review>.
189. Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирования доверия общества к суду и правосудию // Российский судья. 2020. № 1. С. 14–19.
190. Корня А. Верховный суд начнет рассматривать дела по интернету // Ведомости. 20 апреля 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu?utm_campaign=vedomosti_public&utm_content=828523-sud-internetu&utm_medium=social&utm_source=telegram_ved.
191. Коробка Е. Эксперты прокомментировали рассмотрение судом дела с помощью видеозвонка по WhatsApp // Адвокатская газета 8 апреля 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-prokomentirovali-rassmotrenie-sudom-dela-s-pomoshchyu-videozvonka-po-whatsapp/>
192. Королев И. Как государство потратит 101 миллиард на цифровое госуправление. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-02-11_kak_gosudarstvo_potratit (дата обращения: 11.08.2020).
193. Костенко Р.В. Ведение уголовного судопроизводства в электронном формате в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 44–52.

194. Котова С. «Удаленка» по кодексу / С. Котова // Беларускі час. 2020. 3–9 апреля. № 14. С. 4.
195. Крайнова Н.А. «Электронные весы правосудия»: цифровизация процессов или оцифровка задач? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 35–38.
196. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. М., 1957.
197. Красовская О.В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филологич. наук. Волгоград, 2012. С. 20.
198. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шклярчук, Д. Скугаревский, А. Дмитриева, И. Скифский, И. Бегтин. СПб.; М.: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015. 122 с.
199. Кудряшева А.А., Преснякова О.П. Международные права человека на пищу и адекватное питание. URL: <http://intercom.name/?p=40>.
200. Кузьмин Р.Е. Конституционное право на судебную защиту в рамках проблемы определения компетенции судов гражданской юрисдикции // СПС «КонсультантПлюс».
201. Куминова Е.К. Коронавирусная пандемия как просчет в биополитике // Ремедиум. 2020. № 4-5-6. С. 97-98.
202. Курс советского гражданского процессуального права. Т. I. М.: Издательство «Наука», 1981.
203. Лагодина Е.И. Цифровизация нотариальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 20–24.
204. Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / НАН Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларус. навука, 2015. 537 с.
205. Ласкина Н.В. Комментарий к разделу IV «Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (издание второе, дополненное). М., 2018.
206. Леонтьев А.Н. Информационное право: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2019. 77 с.
207. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
208. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. 149 с.
209. Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений. М., 2011.
210. Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы / Н.Л. Лютов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).
211. Лютов Н.Л. Защита населения, работодателей и рынка труда в условиях пандемии: Россия в глобальном контексте / Н.Л. Лютов // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8. С. 108–117.
212. Лютов Н.Л. Признаки трудового правоотношения: международные нормы и российская судебная практика / Н.Л. Лютов // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 4.
213. Маады А.-Х.Ю. К вопросу о правовом регулировании основ экономической безопасности в Российской Федерации // Наука и общество. 2018 № 2. С. 70–73.
214. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lexmercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lexrussica*. 2019. № 7.
215. Маруев А.Ю. Проблемы обеспечения безопасности государства в условиях становления цифровой экономики / А.Ю. Маруев, М.Ю. Головкин, Ю.В. Берладир // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 дек. 2019 г.: в 5 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: Г.Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. Т. 2. С. 58–67.
216. Материалы дела № 2а-1563/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону.
217. Международная декларация о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 15.02.2019).
218. Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа (утв. Минтрудом России) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
219. Методические указания по ведению договорной и претензионной работы в ОАО «РЖД», утв. ОАО «РЖД» 31 марта 2016 г. № 261 (ред. от 11.11.2019).
220. Минбалеев А.В. Характеристика метода правового регулиро-

- вания (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 2. С. 91–94.
221. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/appeals/faq/32/> (дата обращения: 17.08.2020).
222. Минюст готовит законопроект о возможности участия в заседании суда из дома или офиса. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8389941>.
223. Миронова С.Н. Использование возможностей сети Интернет для разрешения гражданско-правовых споров. М., 2010.
224. Михаил Мишустин подписал постановление о новых стимулирующих выплатах для работников, участвующих в борьбе с коронавирусом. URL: <http://government.ru/docs/40338/> (дата обращения: 03.09.2020).
225. Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают. URL: <https://pravo.ru/story/201570/>
226. Михайлова Н.С. Оборотоспособность вещей в гражданском праве и роль актов органов внутренних дел Российской Федерации в ее реализации: Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2007.
227. Михеева Т.Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 114–122.
228. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях: методическое пособие / Под общ. ред. А.А. Василенко, Е.В. Тарасовой. М.: Проспект, 2015. 112 с.
229. Модель начального этапа досудебного производства в российском уголовном процессе (в условиях развития цифровых технологий): монография / Под ред. Ю.Г. Торбина. М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.
230. Модельный закон «Об электронной цифровой подписи» (Принят в г. Санкт-Петербурге 09.12.2000 Постановлением 16-10 на 16-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2001. № 26. С. 310–326.
231. Момотов В. При этом цифровизация права требует выработки допустимых рамок использования цифровых технологий, с тем чтобы их применение не создавало препятствий в доступе к правосудию // Цифровизация правосудия и эффективность новых судов: итоги Совета судей. URL: <https://pravo.ru/story/216641/>
232. Морхат П.М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3.
233. Мохов А.А., Чапленко А.А., Яворский А.Н. Достижения синтетической биологии и регуляторная политика государства // Ремедиум. 2020. № 4-5-6. С. 79–86.
234. Мошков Е.А. Содержание электронного правосудия в России и зарубежных странах // Проблемы права. 2015. № 4 (52). С. 148–152.
235. Муромская Ю.В., Батурина Н.А. Электронная форма судопроизводства за рубежом // Инновационная наука. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-forma-sudoproizvodstva-za-rubezhom>.
236. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003.
237. На Госуслугах появились еще пять прототипов суперсервисов. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_08_27_super_services.
238. Наделяева Т.В. Обеспечение транспарентности правосудия посредством использования информационных технологий // Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / Под ред. В.М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. 568 с.
239. Назаров В.В. К вопросам судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 351–353.
240. Науменко Е. Споры через Skype и Zoom: как работают суды при коронавирусе. URL: https://pravo.ru/story/220052/?desc_emb=
241. Невинский В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.
242. Несмеянова С.Э. Информатизация правосудия: новые возможности? // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 31–35.
243. Носенко Л.И. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного производства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 2. С. 28–37.
244. О введении режима повышенной готовности: Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14.
245. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2010 г. №

- 228-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4197.
246. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. г. 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2028.
247. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
248. О внесении изменений в статьи 2 и 8 Закона города Москвы от 10 декабря 2003 года № 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве» и Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]: Закон города Москвы от 01.04.2020 № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
249. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.
250. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
251. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
252. О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 года № 121. URL: <https://rg.ru/2020/03/13/spb-post121-regdok.html> (дата обращения: 12.09.2020).
253. О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области: распоряжение Губернатора Омской области от 17 марта 2020 № 19-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202003170004> (дата обращения: 12.09.2020).
254. О парламентском контроле: Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304; Собрание законодательства РФ. 2017. № 14. Ст. 2006.
255. О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: Федеральный закон от 29.05.2019 № 102-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
256. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 80; Собрание законодательства РФ. 2018. № 39. Ст. 5929.
257. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 15.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635; Собрание законодательства РФ. 2019. № 22. Ст. 2722.
258. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
259. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.
260. Об особенностях организации работы Арбитражного суда Нижегородской области с 01.06.2020. URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.
261. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.
262. Обзор открытости бюджета за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.internationalbudget.org/sites/default/files/2020-05/2019_Executive_Summary_RU.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

263. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
264. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г. (с изм. и доп.).
265. ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым // Российская газета. 2011. 7 июня.
266. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16 апреля 2018 г. по делу № А40-246851/17-35-2107.
267. Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2018 № 304-ЭС18-19576 по делу № А75-17591/2017 // СПС «Гарант».
268. Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2015 г. № 306-ЭС15-1364 // Правовые позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процесса. Выпуск 1 (август 2014 г. – август 2018 г.) / сост. А.Е. Солохин, Д.Е. Дугинов. М.: М-Логос, 2018.
269. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сафарова Руслана Амерхановича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». URL: <http://www.ksrf.ru>.
270. Определение Конституционного суда РФ от 18.09.2014 № 2098-О // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.10.2014.
271. Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 2546-О по делу «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назаренко Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 38 и 39 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», а также пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
272. Определение Конституционного суда РФ от 25.09.2014 № 2016-О // ИПС «КонсультантПлюс».
273. Основы теории электронных доказательств / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
274. Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 1. XI–XIX века / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2006. 462 с.
275. Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 2. XX век / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2009. 347 с.
276. Отчет Booking Holdings Inc за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sec.gov/cgi-bin/srch-edgar/data/1075531/bkng> (дата обращения: 05.08.2020).
277. Официальный веб-сайт ТРГС. URL: <https://civilresolutionbc.ca>.
278. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 18.08.2020).
279. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам. «О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации до 2016 года и параметрах проекта федерального бюджета на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» (8.10.2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/35469/> (дата обращения: 18.02.2019).
280. Оффшор Сингапур в 2016 году в очередной раз стал лучшей страной по легкости ведения бизнеса. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-jurisdictions/offshore-singapore-in-2016-becomes-bet-country-for-ease-of-doing-business/>
281. Оффшор Сингапур расширяет спектр использования новых технологий в судебном производстве. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-legislation-acts/singapore-and-unique-electronic-courts-of-justice/>
282. П. 3 ст. 28. Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Ч. II). Ст. 5133.
283. П. 3 ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2015; СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344 (с изм.).
284. П. 4.1 Положения Банка России от 27.12.2016 г. № 572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра

- владельцев ценных бумаг». URL: <http://www.cbr.ru/>, 20.02.2017.
285. П. 5 ст. 26, п. 6 ст. 119 «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 80; Собрание законодательства РФ. 2018. № 39. Ст. 5929.
286. П. 6 ст. 26.13 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (Ч. I). Ст. 8454.
287. П. 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 05.04.1999. № 14. Ст. 1650.
288. Пандемия – удобный предлог для отмены публичных слушаний // Idel.Realii. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idelreal.org/a/30650746.html> (дата обращения: 18.08.2020).
289. Панкова О.В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.
290. Парахневич А. В минус ушли кибердельцы / А. Парахневич // На страже. 2020. № 32. С. 17.
291. Парламентские слушания // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet-bn.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya> (дата обращения: 18.02.2019).
292. Пасикова Т.А. Особенности гражданского оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения: дис. ... к.ю.н. Краснодар, 2008.
293. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). URL: <https://digital.gov.ru> // СПС «КонсультантПлюс».
294. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 347 с.
295. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
296. Пекшев А.В. Формирование единых межотраслевых подходов к надлежащему обеспечению биологической безопасности / А.В. Пекшев. Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. Том 68. № 5. С. 74–82. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.074-082.
297. Песков назвал важным опыт Москвы по борьбе с коронавирусом для других регионов [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8229489> (дата обращения: 13.09.2020).
298. Петухов Н.А., Чижов М.В. Соотношение понятий «правосудие» и «электронное правосудие» // Российское правосудие. 2015. № 6. С. 13–18.
299. Пинаевская М.В. Общественное участие в бюджетном процессе: зарубежный опыт и российская практика // Вопросы экономики и управления. 2017. № 3. С. 5–9. [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/th/5/archive/65/2518/> (дата обращения: 28.08.2020).
300. Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / Под ред. А.Н. Мишутина. М.: Юридическая литература, 1969. 342 с.
301. Подробная статистика по коронавирусу в России и мире. [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/statistika/> Режим доступа: свободный (дата обращения: 25 августа 2020 года).
302. Положение о договорной и претензионной работе в ОАО «РЖД», утв. Приказом ОАО «РЖД» от 14 февраля 2020 г. № 18.
303. Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2002.
304. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002.
305. Поляков А.В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 94–100.
306. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1. С. 94.
307. Понятие и принципы цифровизации законодательного процесса: теоретико-правовая трансформация / С.С. Зенин, И.М. Япрынцева, Д.А. Кутейников, О.А. Ижаев // Российская юстиция. 2019. № 8.

308. Портал электронного правосудия стран Европейского союза. URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/european-e-justice/index_en.htm.
309. Порядок организации пропускного режима в Арбитражном суде Кировской области в период действия режима повышенной готовности (утвержден приказом председателя Арбитражного суда Кировской области от 12.05.2020 № С02/59).
310. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04 декабря 2019 г. по делу № А40-174613/2019.
311. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 апреля 2019 г. по делу № А40-74192/2018.
312. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 октября 2019 г. по делу № А40-54227/2019.
313. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 мая 2019 г. по делу № А56-135868/2018.
314. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17 апреля 2019 г. по делу № А83-18930/2018.
315. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 мая 2019 г. по делу № А35-10380/2017.
316. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 января 2008 г. «Бирюков против России» (Biryukov v. Russia) // СПС «КонсультантПлюс».
317. Постановление Конституционного суда РФ от 06.11.2014 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6425.
318. Постановление Конституционного суда РФ от 21.10.2014 № 25-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.
319. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».
320. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
321. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 410 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 03.09.2020).
322. Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 254 «Об утверждении Правил перевода в электронную форму книг государственной регистрации актов гражданского состояния (актовых книг)». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.03.2017; СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1571 (с изм.).
323. Постановление Правительства РФ от 08.06.2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.06.2018; СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3843 (с изм.).
324. Постановление Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 484 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 03.09.2020).
325. Постановление Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 485 «Об внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 346 и приостановлении действия отдельных положений Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными». URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/XxrABQivsKa7BrDx6czFiE7nSoAYHATm.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).
326. Постановление Правительства РФ от 23.04.2020 г. № 566 «Об утверждении Правил возмещения кредитным и иным органи-

- зациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации в 2020 году». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240007> (дата обращения: 03.09.2020).
327. Постановление Правительства РФ от 24.04.2020 г. № 576 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/WRawSDrM9q9YWNtswaxH4t0BJ074jUk.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).
328. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902391636> (дата обращения: 05.09.2020).
329. Постановление Правительства РФ от 29.08.2020 г. № 1312 «Об установлении в 2020 году выплаты стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку и выплаты стимулирующего характера за сложность выполняемых задач медицинским работникам, военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, сотрудникам, имеющим специальные звания и проходящим службу в учреждениях и органах уголовноисполнительной системы, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, организаций, учреждений, воинских частей, органов управления, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, а также федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова”, оказывающим медицинскую помощь гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией, а также осуществляющим государственный санитарно-эпидемиологический надзор (санитарноэпидемические (профилактические) мероприятия) и мероприятия по его обеспечению в рамках деятельности по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации». URL: <http://government.ru/static/viewer/index.html#files/A5C6Guyb7IrhmAzFSjwGj5QJe0LLOp79.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).
330. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08 апреля 2020 г. № 821 «Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (СJVID-19) (документ утратил силу).
331. Потери бюджета Белгородской области из-за коронавируса оценивают в 15 млрд рублей. URL: <https://bel.ru/news/economy/02-06-2020/poteri-byudzheta-belgorodskoy-oblasti-iz-za-koronavirusa-otsenivayut-v-15-mlrd-rublej> (дата обращения: 03.09.2020).
332. Потери бюджета Самарской области из-за коронавируса могут составить 30 млрд рублей к концу 2020 года. URL: <https://www.niasam.ru/Ekonomika/--Poteri-byudzheta-Samarskoj-oblasti-iz-za-koronavirusa-mogut-sostavit---mlrd-rublej-k-kontsu-----goda--153695.html> (дата обращения: 03.09.2020).
333. Правовая защита в преддверии киберреальности. URL: http://fparf.ru/news/all_news/news/50508/
334. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.
335. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. М.: Норма-ИНФРА-М, 2017. 464 с.
336. Правовые позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процесса. Выпуск 1 (август 2014 г. – август 2018 г.) / сост. А.Е. Солохин, Д.Е. Дугинов. М.: М-Логос, 2018.
337. Праккен Х. О том, как ИИ и право могут помочь автономным системам подчиняться закону: 4 позиционный документ // AI4J – Искусственный интеллект для правосудия. 2016. С. 42–46.
338. Президент Российской Федерации // Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63065>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 25 августа 2020 года).
339. Пресняков М.В. Правовая определенность личности: «rule of law» и «rechtsstaat» // Современное право. 2020. № 8. С. 99–105.
340. Преснякова А.Н. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право: муниципальное право. М., 2010.

341. Пржиленский В.И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 125–132.
342. Приказ Министерства труда и социального развития Краснодарского края от 8 февраля 2016 г. № 115 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих министерства труда и социального развития Краснодарского края». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432893122> (дата обращения: 03.09.2020).
343. Приказ МЧС России от 6 марта 2006 г. № 136 «Кодекс чести сотрудника системы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
344. Приказ Росстата от 15 июля 2019 г. № 404 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, условиями и оплатой труда работников, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
345. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.
346. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.
347. Приложение 2. Методики нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации (утв. Минтрудом России) (вместе с «Рекомендациями руководителю структурного подразделения государственного органа по формированию комфортных организационно-технических и психофизиологических условий профессиональной деятельности») от 16 апреля 2019 г.
348. Приходько Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82–86.
349. Проведена проверка через инструмент веб-мастера SEOgadget. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seogadget.ru> (дата обращения: 17.08.2020). Результат проверки по состоянию на 20.06.2019: 1300 посещений в день на сайте «Электронный бюджет» и 400 посещений – на сайте «Открытых данных».
350. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Правительства России. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4Ps_B79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 06.08.2020).
351. Программа реформы (развития) милиции на 2014–2020 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 03 мая 2014 года, № 296 // Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. С. 41–58.
352. Проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 22.05.2020).
353. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации». Опубликован на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nра=79428> (дата обращения: 01.09.2019).
354. Проект Федерального закона № 850485-7 «О биологической безопасности Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 21.01.2020). URL: duma.gov.ru.
355. Проскуракова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravosudie-v-germanii-aktualnoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>.
356. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности. URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_235.html (дата обращения: 20.10.2015).
357. Процессуальное право. Энциклопедический словарь / Под ред. Т.Е. Абовой, П.А. Лупинской, Т.Г. Морщаковой, Н.Г. Салищевой, М.С. Шакарян. М., 2003. С. 373.

358. Публичные слушания по городскому бюджету пройдут в новом формате // Официальный сайт Администрации города Омска. [Электронный ресурс]. URL: https://admomsk.ru/web/guest/news/-/asset_publisher/mh3W/content/919673 (дата обращения: 18.08.2020).
359. Публичные слушания по отчету об исполнении областного бюджета за 2019 год пройдут в режиме онлайн // Сетевое издание «DVINANEWS». [Электронный ресурс]. URL: <http://dvinanews.ru/-otx0o999> (дата обращения: 18.08.2020).
360. Публичные слушания. Официальный сайт администрации города Нижнего Новгорода. [Электронный ресурс]. URL: <https://admgor.nnov.ru/Municipalitet/Publichnye-slushaniya> <https://www.youtube.com/watch?v=K8N9pLuCRWw&feature=youtu.be&t=3426> (дата обращения: 18.08.2020).
361. Ражков Р.А. Гражданско-правовое регулирование оборота валютных ценностей: Автореф. дис. ... к.ю.н. Иркутск, 2007.
362. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.
363. Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2010 г. № 1141-р // СЗ РФ. 2010. № 29. Ст. 3945.
364. Расходы регионов Сибири превысили их доходы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4466333> (дата обращения: 03.09.2020).
365. Рахимзода Р.Х. Уголовно-правовая, криминологическая и оперативно-розыскная характеристика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в сфере экономики. Душанбе: Ирфон, 2014. 120 с.
366. Резер Т.М. Информационная открытость органов государственного и муниципального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 160 с.
367. Рекомендации о принятии мер по предупреждению нарушений профессиональных прав адвокатов в условиях действия особых правовых режимов, установленных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) // Евразийская адвокатура. № 2 (45) 2020. С. 63–79.
368. Рекомендация R (97) 5 от 13 февраля 1997 г. о защите медицинских данных (Recommendation No. R (97) 5 on the Protection of Medical Data. Feb. 13, 1997). [Электронный ресурс]. URL: <http://humanrts.umn.edu/instreet/coeregcr97-5.html> (дата обращения: 15.05.2019).
369. Решение Арбитражного суда Смоленской области от 14 декабря 2018 г. по делу № А62-5182/2018.
370. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. 507 с.
371. Решетняк В.И. Зарубежный опыт использования информационных технологий для организации деятельности судов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. С. 298–302. URL: www.nbpublish.com/li-brary_get_pdf.php?id=24822.
372. Решетняк В.И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс».
373. Решетняк В.И. Применение видеоконференц-связи арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 154–159.
374. Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учебное пособие. М.: Издательский дом «Городец», 2017. 304 с.
375. Риссланд Э.Л. Искусственный интеллект и право: ступенька к модели правового мышления // Йельский юридический журнал. 1990. Том. 99. № 8. С. 1957–1981.
376. Роговая А.В. Мониторинг организационно-правовых основ регулирования комплексной безопасности образовательных организаций в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23). С. 50–58.
377. Рожкова М.А. Агрегаторы, платформы, «владельцы агрегаторов»: некоторые комментарии к Закону об агрегаторах. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/13/agregatory_platformy_vladelcy_agregatorov_nekotorye_kommentarii_k_zakonu (дата обращения: 20.06.2020).
378. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.
379. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Цифровые технологии и децентрализация государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 36–40.
380. Российская газета. 05.11.2004. № 246.
381. Российская газета. 2017. № 297.
382. Российская газета. № 297 от 29.12.2017.
383. Руководство по защите прав потребителей, подготовленное Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию UNCTAD/DITC/CPLP/2017/1/Corr.3 от

- 30.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditccplp2017d1_ru.pdf. (дата обращения: 25.06.2020).
384. Савастьянова рассказала о мерах по борьбе с коронавирусом в Госдуме // Парламентская газета. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/savastyanova-rasskazala-omerakh-po-borbe-s-koronavirusom-v-gosdume.html> (дата обращения: 18.08.2020).
385. Савельева Т.А. Правовые основы альтернативных форм гражданской юрисдикции: опыт и перспективы / Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: сборник научных статей. Часть I. Саратов, 2000.
386. Саленко А.В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах / А.В. Саленко // Журнал российского права. 2018. № 1.
387. Самарин А.В. Далее только цифровая трансформация // Цифровая экономика. 2019. 3 (7). С. 81–92.
388. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 40–54.
389. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. Том 17. № 1. С. 169–177.
390. Сарьян В.К., Левашов В.К. Основные тенденции развития информационно-коммуникационных систем принятия государственных управленческих решений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 33–42.
391. Сатолина М.Н. Комплексное правовое обеспечение создания цифрового государства / М.Н. Сатолина // Право.by. 2018. № 6. С. 5–9.
392. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014.
393. Саяпин А.В. Теневизация социальной сферы как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности России: материалы II Всероссийского форума по экономической безопасности: в 2 т. / Под общ. ред. Т.А. Бондарской. Тамбов, 2019. Вып. 2. С. 28–31.
394. Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. 152 с.
395. Свистунова Н. Дистанционные работники: беседа с экспертами. URL: <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=13283> (дата обращения: 05.09.2020).
396. Сводка предложений по итогам размещения текста проекта о подготовке нормативного правового акта «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и иные законодательные акты Российской Федерации». Опубликовано на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Электронный ресурс. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=79428> (дата обращения: 04.09.2019).
397. Семенихина С. Как сэкономить на оплате труда в период кризиса: варианты для нанимателя / С. Семенихина // Юрист (Минск). 2020. № 4. С. 76–80.
398. Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 52–56.
399. Сенаторы Клишас и Русских вместе с Бюро адвокатов «Де-юре» предлагают радикально упростить доступ к видео-правосудию. URL: <https://pravo.ru/news/219927/>
400. СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681 (с изм.).
401. СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219 (с изм.).
402. СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40 (с изм.).
403. СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
404. СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252 (с изм.).
405. СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48 (с изм.).
406. СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.
407. СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4516.
408. СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5351.
409. Силуанов оценил потери российского бюджета из-за коронавируса. URL: <https://ria.ru/20200416/1570154043.html> (дата обращения: 03.09.2020).
410. Симутина Я.В. Новеллы регулирования дистанционного труда и гибкого режима рабочего времени в трудовом законодательстве Украины / Я.В. Симутина // Трудовое и социальное право. 2020. № 2 (34). С. 23–29.
411. Синайский В.И. Русское гражданское право. М., 2002.
412. Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М., 2015. 340 с.
413. Скутин А.Ф. Судебная реформа и проблемы коррупции в судах // Российское правосудие. 2008. № 10. С. 109.
414. Смольный оценил ущерб для бюджета от эпидемии коронавируса. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/20/69043303/> (дата

- обращения: 03.09.2020).
415. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 26. Ст. 3410.
416. Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.
417. Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
418. Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3889.
419. Совет Федерации РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://budget.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/> (дата обращения: 18.08.2020).
420. Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета в связи с пандемией COVID-19 от 4 апреля 2020 г. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-04-2020-1.aspx> (дата обращения: 12.09.2020).
421. Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта // E-MANAGEMENT. 2018. Т. 1. № 1. С. 43–51.
422. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания». URL: <https://rg.ru/2007/06/28/sobrania-doklad-dok.html>.
423. Спицин И.Н. Проблемы транспарентности в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 302 с.
424. Ст. 3 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 30.10.2018).
425. Ст. 335.1 ГПК РФ, ст.ст. 272.1, 288.2 АПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
426. Ст. 39, 71 Регламента ГД РФ.
427. Ст. 88 Регламента СФ РФ.
428. Ст. 90 Регламента СФ РФ. На примере, Информационно-аналитический материал Аналитического управления Аппарата Совета Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/DxFOpx5WRPXFRcUwzxpQc76FwOESTa4K.pdf> (дата обращения: 18.02.2019).
429. Ст.ст. 8 и 9 Федерального закона от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: [http://www.pravo.gov.ru, 02.08.2019; СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 \(с изм.\)](http://www.pravo.gov.ru, 02.08.2019; СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (с изм.)).
430. Статистические сведения, опубликованные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13288> (дата обращения: 17.05.2020).
431. Стенограмма IV Ежегодного симпозиума журнала «2017 – Электронное правосудие и информационные технологии в гражданском судопроизводстве» // Вестник гражданского процесса. 2018. № 3.
432. Степанов Д.В. Право и роботизация // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 113–118.
433. Страздина Т.С. Аудиопротоколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 158–161.
434. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
435. Стратегия реформы милиции на 2013–2020 гг.: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 1438 // Сборник нормативных правовых актов по реформе милиции. Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. С. 17–40.
436. Султанов А.Р. Можно ли предъявить в суде требование о признании незаконными действий коммерческих организаций // Арбитражная практика. 2010. № 12. С. 44–49.
437. Талапина Э.В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6.
438. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 3. С. 134.
439. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962. 575 с.
440. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003.
441. Терехова Л.А. Бесконтактное правосудие // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017.
442. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию. 2001 год // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
443. Тищенко А.В. Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.
444. Томашевский К.Л. Оптимизация трудовых отношений в усло-

- виях пандемии коронавирусной инфекции / К.А. Томашевский // Отдел кадров. 2020. № 4. С. 69–75.
445. Томашевский К.А. Режим самоизоляции граждан и ограничение прав человека в условиях пандемии COVID-19: белорусский и зарубежный опыт правового регулирования / К.А. Томашевский // Юстиция Беларуси. 2020. № 8. С. 15–20.
446. Топоркова С.А. Разглашение охраняемой законом тайны как основание расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя: дис. ... канд. юр. наук. Спб., 2014. 227 с.
447. Третьякова О.В. Судебная журналистика: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2017. 206 с.
448. Три призыва ВОЗ к 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/15-09-2020-who-s-three-messages-for-un75> (дата обращения: 21.09.2020).
449. Трунк А. Электронные формы ведения гражданского процесса. Сравнительный очерк по германскому и российскому праву // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2012. № 3. С. 252.
450. Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития (теоретико-правовой анализ): дис. ... к.ю.н. 2017.
451. Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.
452. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юридическая фирма Контракт, 2019. 210 с.
453. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М.: Проспект, 2018. 752 с.
454. Указ Президента Российской Федерации от 18 августа 1995 г. № 861 // СПС «КонсультантПлюс».
455. Указ Президента РФ от 07.04.2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63553> (дата обращения: 03.09.2020).
456. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
457. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшими узаконениями для местностей. Спб., 1913. 914 с.
458. Фалько С.Г., Рыжикова Т.Н., Агаларов З.С. Анализ тенденций, определяющих научно-технологическое развитие космической отрасли в условиях больших вызовов // Экономический анализ: теория и практика. 2020. № 6 (т. 19). С. 996–1014.
459. Фаляхов Р. Право на офлайн: как уйти на удаленку. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/11/13190881.shtml> (дата обращения: 05.09.2020).
460. ФАС в СМИ: УФАС предупреждает: грядёт монополизация рынка интернет-торговли. [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/publications/20799> (дата обращения: 05.09.2020).
461. ФАС запретил Booking.com требовать лучшую цену от отелей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontdesk.ru/news/fas-zapretil-bookingcom-trebovat-luchshuyu-cenu-ot-oteley> (дата публикации: 12.11.2019).
462. ФАС России и АКИТ держат цены в интернет-магазинах на контроле. [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/news/29745> (дата обращения: 07.09.2020).
463. Федеральный закон от 01.04.2020 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения федерального бюджета в 2020 году”» // Российская газета. 2020. 3 апреля.
464. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 3 апреля.
465. Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ.
466. Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru, 08.06.2020; СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3742>.
467. Федеральный закон от 12.11.2019 г. № 367-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году» // Российская газета. 2019. 15 ноября.
468. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей

- Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
469. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
470. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 144-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2020; СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2722.
471. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448 (с изм.).
472. Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».
473. Федеральный закон от 27.12.2019 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2019; СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7796 (с изм.).
474. Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «О стандартизации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2016 (дата обращения: 30.08.2020).
475. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.
476. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020; СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
477. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.
478. Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 107–113.
479. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации / Т.Я. Хабриева. СПб.: СПбГУП, 2019. 36 с.
480. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 82–91.
481. Халиуллин А.И. Направления внедрения информационных технологий в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации / А.И. Халиуллин // NB: Административное право и практика администрирования. 2017. № 2. С. 50–53.
482. Ходыкин Р.М. Вопросы применения Гаагской конвенции 1970 года о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 1.
483. Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59.
484. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / Сост. Ю.П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 463 с.
485. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917–1991 / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997. 591 с.
486. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2004. 371 с.
487. Цветков В.А., Дудин М.Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 4 (174). С. 334–344.
488. Цветков С.Б. О сущности и понятии гражданского оборота // Свобода. Право. Рынок. Вып. 5. Волгоград, 2007.
489. Цифровая энергетика: новая парадигма функционирования и развития / под ред. Н.Д. Рогалева. М.: Издательство МЭИ, 2019. 298 с.
490. Цифровизация судопроизводства. Научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020. 320 с.
491. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. М.: Дело; РАНХиГС, 2019.
492. Цыпленкова А.В. Договор присоединения как особая категория гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
493. Ч. 1 ст. 291 АПК РФ.
494. Ч. 2 ст. 379.2 ГПК РФ.
495. Ч. 3 ст. 333 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 декабря

- 2013 г. № 436-ФЗ), ч. 5 ст. 39 АПК РФ (в ред. Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
496. Ч. 4 ст. 228 АПК РФ (в ред. от 24 июля 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
497. Ч. 5 ст. 228 АПК РФ (в ред. Федерального закона от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ), ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».
498. Чамуров В.И. Электронные документы в сети Интернет как доказательства в российском судопроизводстве // Информационное право. 2013. № 4. С. 32–34.
499. Чаннов С.Е. Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 47 с.
500. Чернов К.Н. Право на судебное разбирательство в разумный срок как составная часть конституционного права на судебную защиту // Современное право. 2019. № 12 // СПС «КонсультантПлюс».
501. Черных И.И. Использование видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 32.
502. Чеснов И.Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Чеснова. СПб.: ООО Издательский Дом «Альф-Пресс», 2014. С. 23–26.
503. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78.
504. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
505. Чувальская И.П. Право на судебную защиту // СПС «КонсультантПлюс».
506. Шаповалова Е.В. Гражданско-правовые формы оборота информации: дис. ... к.ю.н. М., 2008.
507. Шарапова Д.В. Электронная коммуникация между судом и адвокатом: проблемы и перспективы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 53.
508. Шарифулин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62.
509. Шаститко А.Е. и др. Конкуренция и конкурентная политика: на стыке будущего и прошлого / А.Е. Шаститко, А.А. Кудрин, О.А. Маркова, А.И. Мелешкина, А.А. Моросанова, Н.С. Павлова, А.А. Шпакова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 68 с.
510. Швед Н.А. Уголовная политика Республики Беларусь в сфере информационной безопасности / Н.А. Швед // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск: Бизнесофсет, 2017. Вып. 12. С. 789–794.
511. Ширяева А.И., Калашникова Е.Б. Электронное правосудие, как следствие цифровизации российской судебной системы // Modern Science. 2019. № 10-1. С. 198–200.
512. Штейн О. На Урале суд рассмотрел дело через мессенджер // Российская газета. 1 апреля 2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/01/reg-urfo/na-urale-sud-rassmotrel-delo-cherez-messendzher.html>.
513. Шувалова Н.Н. Служебное поведение государственного гражданского служащего: моральные основы: учебно-практическое пособие. Ростов н/Д, 2006. 379 с.
514. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / Отв. ред. С.В. Зуев. М.: Издательство Юрайт, 2020. 196 с.
515. Электронные носители информации в криминалистике: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2017. 304 с.
516. Эффективность правосудия и судебная защита: некоторые теоретические и практические аспекты: материалы второй научно-практической межрегиональной конференции / Отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2014. 167 с.
517. Юмашева Ю.Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2014. № 6. С. 18–36.
518. Ючинсон К.С. Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 216–245.

519. Ярков В.В. Проект процессуальной реформы: quo vadis // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12.
520. Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.
521. «Яндекс» объяснил удаление меток участников виртуальных митингов. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9dd5269a794704743d5ee2>.
522. Alexandru I. Matei L. Public services. Legal/administrative approach. Management. Marketing. Bucharest: Economical, 2000.
523. Amaral M., Saussier, S. Auction procedures and competition in public services: The case of urban public transport in France and London / Utilities Policy; June 2009. Vol. 17. Issue 2. P. 167.
524. Arbeitsminister fordert Recht auf Homeoffice. URL: <https://www.bund-verlag.de/aktuelles~Arbeitsminister-fordert-Recht-auf-Homeoffice~> (дата обращения: 22.05.2020).
525. Art. 80-82 of Law no. 24/2000 regarding the norms of legislative technique for the elaboration of normative acts, republished, with the subsequent modifications and completions, art. 148 para. (2) of the Romanian Constitution.
526. Berlit, Uwe. 2007. E-Justice – Chancen und Herausforderungen in der freiheitlichen demo-kratischen Gesellschaft. JurPC (Web-Dok. 171) Abs. 2-14, 32 (accessed January 15, 2018). URL: <http://www.jurpc.de/jurpc/show?id=20070171>.
527. Booking.com предлагает скидку за восстановление отмененных бронирований из-за коронавируса // Вестник РГА. 2020. № 04-05 (111-112). [Электронный ресурс]. URL: <https://rha.ru/vestnik/vestnik-rga-02-03-109---110-2> (дата обращения: 05.06.2020).
528. Bundesrechtsanwaltsordnung v. 1.8.1959 zul. geändert am 30.10.2017 // BGBl. 1959. I. Nr. 35. S. 565; BGBl. 2017. I. Nr. 71. S. 3618.
529. California Rules of Court, Rule 2.251. Electronic service (Revised September 1, 2020). URL: https://www.courts.ca.gov/cms/rules/index.cfm?title=two&linkid=rule2_251
530. Case Management / Electronic Case Files. URL: <https://www.pacer.gov/cmecf/>
531. Case of S. and Marper v. The United Kingdom [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2008/1581.html> (дата обращения: 15.11.2018).
532. CEDH, 4 décembre 2008, S. et Marper c. Royaume-Uni, req. no 30562/04 et 30566/04.
533. Conseil constitutionnel. Décision no2010-25 QPC. 16 septembre 2010. CCNE. Avis № 98 «Biométrie, données identifiantes et droits de l'homme».
534. Coronavirus in Russia: Anti-government protests go online. URL: <https://www.dw.com/en/coronavirus-in-russia-anti-government-protests-go-online/a-53257638>.
535. D'Amato A. Can/Should Computers Replace Judges? / A. D'Amato // Faculty Working Papers [Electronic resource] / Northwestern Pritzker School of Law Scholarly Commons. 1977. Mode of access: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1128&context=facultyworkingpapers> (date of access: 20.08.2020).
536. Däubler W. Challenges to Labour Law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 1.
537. Decision of the Government of the Republic of Moldova for approval of the Regulation on the concession of public Community household services, No 1006 of 13.09.2004 // Official Gazette of the Republic of Moldova. No 171 of 17.09.2004. Point 9.
538. Diaconu M. Some opinions of the specialized authors regarding the administrative contract. In: "Consolidation of public administration in the context of building the rule of law in the Republic of Moldova", Materials of the international scientific-practical conference (from May 22, 2007, Chisinau). Chisinau: AAP, 2007.
539. Electronic evidence guide a basic guide for police officers, prosecutors and judges // Version 2.0. (Cybercrime Division Directorate General of Human Rights and Rule of Law Strasbourg, France 15 December 2014).
540. Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach. URL: <https://egvp.justiz.de/>
541. Entwurf eines Gesetzes zur Einführung der elektronischen Akte in Strafsachen und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs [Elektronische Ressource] // Bundestag. Zugriffsmodus: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/brd/2016/0236-16.pdf> (zugriffsdatum: 06.03.2020).
542. EU electronic signature. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.connective.eu> (дата обращения: 11.08.2020).
543. European Commission staff working paper – Report on the implementation of the European social partners – Framework Agreement on Telework. Brussels. 2008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008SC2178&from=EN>.
544. European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do.
545. European framework agreement on telework. 2002. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10131>.

546. Fana, M., Tolan, S., Torrejón, S., Urzi Brancati, C., Fernández-Macías, E., The COVID confinement measures and EU labour markets, Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2020. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC120578/jrc120578_report_covid_confinement_measures_final_updated_good.pdf.
547. Filippi P. de. From Lex Mercatoria to Lex Cryptographica. Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice. URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/> (дата обращения: 12.05.2020).
548. France to give workers right to ignore emails after hours. URL: <https://www.thelocal.fr/20160216/french-workers-to-get-right-to-ignore-emails-after-hours> (дата обращения: 05.09.2020).
549. Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz – JkmoG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.
550. Gesetz zur Anpassung der Formvorschriften des Privatrechts und anderer Vorschriften an den modernen Rechtsgeschäftsverkehr v. 13.07.2001 // BGBl. 2001. I. Nr. 35. S. 1542.
551. Gesetz zur Einführung der elektronischen Akte in der Justiz und zur weiteren Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs vom 5. Juli 2017 // Das Bundesgesetzblatt. Teil I. 2017. Nr. 45. S. 2208.
552. Gesetz zur Förderung des elektronischen Rechtsverkehrs mit den Gerichten vom 10. Oktober 2013 // Das Bundesgesetzblatt. Teil I. 2013. Nr. 62. S. 3786.
553. Gesetz zur Reform des Verfahrens bei Zustellungen im gerichtlichen Verfahren (Zustellungsreformgesetz – ZustRG) v. 25.06.2001 // Bundesgesetzblatt (далее – BGBl). 2001. I. Nr. 29. S. 1206.
554. Government Emergency Ordinance no. 57/2019 on the Administrative Code.
555. Guide to developing balanced working time arrangements, International Labour Organization. Geneva. 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_706159.pdf.
556. Handelsblatt: Как Россия превращается в великую ИТ-державу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 15.09.2020).
557. Hao-Hao W. Einsichtnahme des Verteidigers in Aufzeichnungen aus einer Telekommunikationsüberwachung / W. Hao-Hao // Onlinezeitschrift für Höchstgerichtliche Rechtsprechung zum Strafrecht. 2018. Nr. 3. S. 108-120.
558. Heller C. Post Privacy: Prima leben ohne Privatsphäre. C.H. Beck, München. 2011.
559. Hitt, M., Miller, C. and Colella, A. 2009. Organisational Behaviour 2nd edition. New York: Wiley.
560. Implementation of the European framework agreement on telework, Report by the European Social Partners, adopted by the social dialogue committee on 28 June 2006. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Framework%20agreement%20on%20telework%20EN.pdf.
561. Integrated Electronic Litigation System. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Integrated_Electronic_Litigation_System.
562. Intergovernmental Group of Experts on Competition Law and Policy 18th Session, 10–12 July 2019, Geneva, Switzerland Competition issues in the digital economy [Russian]. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ciclpd54_ru.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
563. Internet Voting at the Elections of Local Government Councils on October 2005. Report. URL: <http://www.vvk.ee/english/report2006.pdf>.
564. Internet Voting at the Elections of Local Government Councils on October 2005. Report. URL: <http://www.vvk.ee/english/report2006.pdf>.
565. Iorgovan Antonio, Administrative Law Treaty, vol. II, 3rd Edition. Bucharest, All Beck Publishing House, 2002.
566. ИТ-справочник следователя / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрилинформ, 2019. 232 с.
567. Kablan S.A. Pour une évolution du droit des contrats: le contrat électronique et les agents intelligents. Thèse présentée à la Faculté des études supérieures de l'Université Laval dans le cadre du programme de doctorat en droit pour l'obtention du grade de docteur en droit (LL.D.) Faculté de droit. Université Laval Québec. 2008. URL: <https://corpus.ulaval.ca/jspui/handle/20.500.11794/19829?locale=en>.
568. Köckeritz H. Home office and mobile working. URL: https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Employment-Immigration/Germany/Mayer-Brown/Home-office-and-mobile-working?utm_source=ILO+Newsletter&utm_medium=email&utm_content=Newsletter+2020-09-23&utm_campaign=Employment+%26+Immigration+Newsletter (дата обращения: 29.09.2020).
569. Law no. 52/2003 regarding the decisional transparency in the public administration.
570. Local elected Guide. Chisinau: Publishing house of the public

- Administration Academy, 2007. P. 131.
571. Mason S., Rasmussen U. The use of electronic evidence in civil and administrative law proceedings and its effect on the rules of evidence and modes of proof // Strasbourg, 27 July 2016 CDCJ (2015)14. URL: <https://rm.coe.int/1680700298>.
572. McGinnis J.O., Russel G.P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services // Fordham Law Review. 2013. № 82. P. 3041–3066. P. 3047.
573. Member States must require employers to set up a system enabling the duration of daily working time to be measured. Court of Justice of the European Union PRESS RELEASE No 61/19. Luxembourg, 14 May, 2019. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-05/cp190061en.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).
574. Muntean M. Organization and operation of water supply and sewerage service // Economy & local Government Magazine. 2008. No. 8 (162). P. 27.
575. New Markets and New Jobs in the Digital Economy. URL: <https://www.oecd.org/internet/ministerial/meeting/New-Markets-and-New-Jobs-discussion-paper.pdf> (дата обращения: 29.09.2020).
576. Official of the Republic of Moldova No 165-166/605 of 02.09.2008.
577. Paul Negulescu, The Romanian printing houses, the Romanian printing houses, the Romanian printing houses. 1925. P. 621.
578. Predictive justice: when algorithms pervade the law [Electronic resource] / Paris Innovation Review. 2017. Mode of access: <http://parisinnovationreview.com/articles-en/predictive-justice-when-algorithms-pervade-the-law> (date of access: 20.08.2020).
579. Proposed amendment to the federal rules of appellate procedure // Официальный сайт судебной системы США. URL: http://www.uscourts.gov/Viewer.aspx?doc=/uscourts/RulesAndPolicies/rules/AP_25.pdf.
580. Public-private Partnership Act, No. 179-XVI of 10.07.2008 // Monitor
581. Rachline F. Services publics, économie de marché. Paris: Presse de Sciences Politiques, 1996. P. 116.
582. Rachline F. Services publics, économie de marché. Paris: Presse de Sciences Politiques, 1996. P. 14.
583. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Официальный журнал Европейского Союза – OJ. L 119. 04.05.2016. P. 1–88; URL: <https://base.garant.ru/71936226/>
584. Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // Texas Law Review. 1998. № 3.
585. Résolution du Conseil du 9 juin 1997 relative à l'échange des résultats des analyses d'ADN.
586. Sagan A. Covid-19 and labour law in Germany // A. Sagan, Ch. Schüller // European Labour Law Journal. 2020. Vol. 11. Issue 3. P. 292–297.
587. Salter, Shannon. Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal.
588. Sario B., Nunzio D., Vittorio L. Azione sindacale e contrattazione collettiva per la salute e sicurezza nei luoghi di lavoro al tempo del Covid-19 Trade union action and collective bargaining for the health and safety in the workplace at the time of covid-19 – Osservatorio FDV-CGIL sulla contrattazione decentrata // 2020. № 1. P. 11.
589. Schaar P. Das Ende der Privatsphäre: Der Weg in die Überwachungsgesellschaft. Bertelsmann. München. 2007.
590. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html.
591. Spain's Supreme Court rules food delivery riders are employees, not freelancers. URL: <https://www.thestar.com.my/tech/tech-news/2020/09/24/spain039s-supreme-court-rules-food-delivery-riders-are-employees-not-freelancers> (дата обращения: 29.09.2020).
592. Syed, J. (2015). Work-life balance. In Syed, J., & ...zibilgin, M. (Eds.) Managing Diversity and Inclusion An International Perspective.
593. Telework and ICT-based mobile work: Flexible working in the digital age, New forms of employment series, European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2020. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf.
594. Telework in the 21st Century, An Evolutionary Perspective, International Labour Organization. 2019. URL: <https://www.elgaronline.com/view/edcoll/9781789903744/9781789903744.00007.xml>.
595. Trăilescu A. Administrative law. Bucharest: AllBeck, 2005. P. 112.
596. UK government. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assets.publishing.service.gov.uk> (дата обращения: 19.08.2020).

- 597.URL: <http://government.ru/info/35568/>
- 598.URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202003170004> (Дата обращения: 12.09.2020).
- 599.URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/kazahstancy-mogut-obratitsya-v-sud-s-lyubogo-gadzhetu> (Дата обращения: 24.08.2020).
- 600.URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=148>.
- 601.URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/bz-dokumenty/c5o/index.htm>.
- 602.URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf.
- 603.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.03.2020; СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1357.
- 604.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016; СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
- 605.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017; СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901. URL: <http://government.ru/info/35568/>
- 606.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2013; СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 419 (Для России вступил в силу с 01.09.2013 г.).
- 607.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.10.2018; СЗ РФ. 2018. № 42 (ч. II). Ст. 6480.
- 608.URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014; СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4210 (с изм.).
- 609.URL: <https://1kas.sudrf.ru> (Дата обращения: 27 сентября 2020 г.).
- 610.URL: <https://9aas.arbitr.ru/node/16980> (Дата обращения: 27 сентября 2020 г.).
- 611.URL: <https://ag.mos.ru/about-new>.
- 612.URL: <https://amuras.arbitr.ru/node/15742> (Дата обращения: 27 сентября 2020 г.).
- 613.URL: <https://chita.arbitr.ru/node/13591> (Дата обращения: 27 сентября 2020 г.).
- 614.URL: <https://chita.arbitr.ru/node/13591> (Дата обращения: 27 сентября 2020 г.).
- 615.URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38530/> (Дата обращения: 24.08.2020).
- 616.URL: <https://life.ru/p/hacker-vs-garmin>.
- 617.URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/news/default/card/4122.html>.
- 618.URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.
- 619.URL: <https://nnov.arbitr.ru/node/16979>.
- 620.URL: <https://rg.ru/2020/03/13/spb-post121-reg-dok.html> (Дата обращения: 12.09.2020).
- 621.URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasiliia.html>.
- 622.URL: <https://ria.ru/20200415/1570081452.html>.
- 623.URL: <https://ria.ru/20200902/kiberataka-1576633695.html>.
- 624.URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hYbb0cRH/oper-06-2020.pdf>.
- 625.URL: <https://samara.arbitr.ru/node/19524>.
- 626.URL: <https://samara.arbitr.ru/node/19524>.
- 627.URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013>.
- 628.URL: <https://www.idelreal.org/a/30650746.html> (Дата обращения: 18.08.2020).
- 629.URL: <https://www.interfax.ru/russia/692953>.
- 630.URL: <https://www.pnp.ru/politics/savastyanova-rasskazala-omerakh-po-borbe-s-koronavirusom-v-gosdume.html> (Дата обращения: 18.08.2020).
- 631.URL: <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348156.php>.
- 632.URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/news/v-sudah-severo-kazahstanskoj-oblasti-otkryty-front-ofisy> (Дата обращения: 24.08.2020).
- 633.URL: <https://www.symantec.com/content/dam/symantec/docs/reports/istr-24-2019-en.pdf>.
- 634.URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml.
- 635.URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/05-89452_Ebook.pdf.
- 636.URL: <https://www.valimised.ee/ru>.
- 637.URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/28/735650-velikoe-snizhenie>.
- 638.URL: <https://www.zdnet.com/article/bodybuilding-com-discloses-security-breach/>
- 639.US government. [Электронный ресурс]. URL: <http://https://acrobat.adobe.com/content/dam/doc-cloud/en/pdfs/adobe-signus-guide-e-signature> (Дата обращения: 15.08.2020).
- 640.Vasily V. Tarakanov, Agnessa O. Inshakova and Vladimira V. Dolinskaya. Information Society, Digital Economy and Law // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Editor Elena G. Popkova (Studies in Computational Intelligence). Springer, 2019. P. 3-15. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030133962>.
- 641.VIII Петербургский международный юридический форум. URL: <http://government.ru/news/32592/>
- 642.Virtual graffiti: Russians angry with coronavirus lockdown

- vent online. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/russians-use-digital-maps-protest-strict-coronavirus-lockdown-conditions-n1191681>.
643. Voluntary agreement on Telework, European trade union confederation. Brussels. 2003. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Telework%20-%20ETUC%20interpretation%20guide%20EN.pdf.
644. Working anytime, anywhere: The effects on the world of work. P. 1–4. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/--dcomm/---publ/documents/publication/wcms_544138.pdf (дата обращения: 14.05.2020).

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. АВДЕЙ АННА ГЕНРИХОВНА (Республика Беларусь, Гродно), заведующий кафедрой Института повышения квалификации и переподготовки кадров Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.
2. АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.
3. АРОШОАЕ МИХАЕЛА-ОТИЛИЯ (Румыния, Ботошань), руководитель юридического отдела префекта Ботошань, аспирант Академии публичного управления в г. Кишиневе, Республика Молдова.
4. АФАНАСЬЕВ СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ (Россия, Саратов), заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, доктор юридических наук, профессор.
5. БАЗИЛЕВСКИХ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Казань), юрисконсульт ПАО «Нижнекамскнефтехим», аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета.
6. БАКУЛИН АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ (Россия, Йошкар-Ола), старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Марийского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации.
7. БЕЛЯЕВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Казань), заместитель Председателя Верховного Суда Республики Татарстан по уголовным делам, доктор юридических наук.
8. БОЛДЫРЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ (Россия, Пермь), профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, доцент.
9. БОРИСОВА ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА (Россия, Саратов), доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.
10. БОЧКАРЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Краснодар), заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.
11. БРАДУ СОРИН ГЕОРГИЕВИЧ (Румыния, Ботошань), советник мэра префекта Ботошань, аспирант Академии публичного управления в г. Кишиневе, Республика Молдова.
12. БРЯНЦЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Саратов), профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кандидат физико-математических наук, доцент.
13. БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Москва), заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.
14. ВАЛЕЕВ ДАМИР ХАМИТОВИЧ (Россия, Казань), заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.
15. ВЕЛИЕВА ДЖАМИЛЯ СЕЙФАДДИНОВНА (Россия, Саратов), заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (филиал РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор.
16. ВОРОНОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (Россия, Москва), профессор кафедры гражданского процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

- Федерации.
17. ВОРОНЦОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА (Россия, Казань), профессор кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент.
  18. ГАЛАС ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА (Россия, Севастополь), доцент кафедры общеправовых дисциплин Института экономики и права (филиала) Академии труда и социальных отношений, кандидат юридических наук.
  19. ГАЛИМАРДАНОВА ДИНАРА НАЗИФОВНА (Россия, Казань), магистрант 1 курса Казанского филиала Российского государственного университета правосудия.
  20. ГАМБАРЯН АРТУР СИРЕКАНОВИЧ (Республика Армения, Ереван), заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения.
  21. ГОРЮК ТЕОДОРИНА (Республика Молдова, Кишинев), начальник отдела Счетной палаты Республики Молдова.
  22. ГУМЕРОВ ЛЕНАР АСХАТОВИЧ (Россия, Казань), заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
  23. ДОБРОБАБА МАРИНА БОРИСОВНА (Россия, Краснодар), профессор кафедры административного и финансового права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
  24. ДОЛИНСКАЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Москва), профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, доктор юридических наук, профессор.
  25. ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.
  26. ЕРМАКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (Россия, Саратов), доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
  27. ЖОЛОБОВ ЯРОСЛАВ БОРИСОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), директор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, председатель суда в отставке, заместитель председателя Санкт-Петербургского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российское объединение судей».
  28. ЗАРУБИНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (Россия, Саратов), доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
  29. ЗАХАРЬЯЩЕВА ИВЕТТА ЮРЬЕВНА (Россия, Саратов), доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
  30. ИЗБИЕНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Йошкар-Ола), доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры частного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
  31. ИСАЕНКОВА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Саратов), заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.
  32. КАЛИНИНА ЛАРИСА ЕВГЕНЬЕВНА (Россия, Краснодар), доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
  33. КАЛМАЗОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Саратов), доцент кафедры английского языка Саратовской государственной юридической академии, кандидат филологических наук, доцент.
  34. КАПИЦА ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Республика Беларусь, Минск), старший следователь Следственного комитета Республики Беларусь.
  35. КАЧАЛОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ (Россия, Москва), профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доцент.

- тор юридических наук, профессор.
36. КАЧАЛОВА ОКСАНА ВАЛЕНТИНОВНА (Россия, Москва), главный научный сотрудник – руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.
  37. КОЖУШКО СВЕТАНА ВАЛЕРЬЕВНА (Россия, Краснодар), старший преподаватель кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.
  38. КОСТЮК АННА (Республика Молдова, Кишинев), судья районного суда Кэушень, аспирант Академии публичного управления в г. Кишиневе, Республика Молдова.
  39. КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Россия, Самара), студентка 4 курса юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
  40. КУЛАПОВ ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Саратов), доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
  41. ЛАЗАРЕВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Екатеринбург), старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, судья, председатель судебного состава Арбитражного суда Уральского округа, кандидат юридических наук.
  42. ЛУКОНИНА ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА (Россия, Казань), старший юрист Агентства интеллектуальной собственности Компания «ЗНАКОВ», преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия.
  43. МАКОЛКИН НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ (Россия, Казань), аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета,
  44. МОИСЕЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Москва), доцент кафедры гражданского процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент.
  45. МОХОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ (Россия, Москва), ведущий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.
  46. НЕВИРКО ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ (Россия, Красноярск), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
  47. НУРИЕВ АНАС ГАПТРАУФОВИЧ (Россия, Казань), руководитель аппарата Конституционного суда РТ, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н., доцент.
  48. НЫРКОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Саратов), профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.
  49. ОВСЯННИКОВ ПАВЕЛ ЮРЬЕВИЧ (Россия, Красноярск), заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
  50. ПАРСИНА ВАЛЕРИЯ ЭРНСТОВНА (Россия, Самара), студентка 4 курса юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
  51. ПЕКШЕВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Москва), доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, доцент кафедры медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат медицинских наук.
  52. ПОТАПОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
  53. РАГУЛИН АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Москва), адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.
  54. РАССОЛОВ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ (Россия, Москва), профес-

- сор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.
55. РАХМАДЖОНЗОДА РИФАТ РАХМАДЖОН (ЮЛДОШЕВ) (Республика Таджикистан, Душанбе), начальник факультета № 1 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент.
56. РОМАНДАС НИКОЛАЙ (Республика Молдова, Кишинев), профессор Академии публичного управления в г. Кишиневе, кандидат юридических наук.
57. САМАРИН ВАДИМ ИГОРЕВИЧ (Республика Беларусь, Минск), доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
58. САМСОНОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Ростов-на-Дону), доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
59. СИМОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Москва), директор института сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, профессор.
60. СОЛДАТКИНА ОКСАНА ЛЕОНИДОВНА (Россия, Саратов), доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.
61. СПИРИДОНОВА АЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА (Россия, Челябинск), доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (НИУ), кандидат юридических наук.
62. СУЛТАНОВ АЙДАР РУСТЭМОВИЧ (Россия, Нижнекамск), начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования.
63. ТЕРЕХОВА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Омск), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор.
64. ТЕТЕРЯТНИКОВ НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ (Россия, Красноярск), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.
65. ТИХОМИРОВА АНЖЕЛИКА ВИТАЛЬЕВНА (Россия, Челябинск), доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (НИУ), кандидат юридических наук.
66. ТОМАШЕВСКИЙ КИРИЛЛ ЛЕОНИДОВИЧ (Республика Беларусь, Минск), профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор юридических наук, профессор.
67. ХИСАМОВ АЗАТ ХАМЗОВИЧ (Россия, Казань), судья Верховного Суда Республики Татарстан, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
68. ЧАННОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (Россия, Саратов), заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина (филиала РАН-ХиГС), доктор юридических наук, профессор.
69. ЧУБУКОВА СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА (Россия, Москва), доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ.
70. ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА (Россия, Москва), профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук, профессор.
71. ШАКИРЬЯНОВ РАФАИЛЬ ВАЛИЕВИЧ (Россия, Казань), доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, судья Верховного Суда РТ в отставке, кандидат юридических наук.
72. ШВЕД НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА (Республика Беларусь, Минск), заместитель начальника отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.
73. ШЕСТЕРЯКОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Москва), профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.
74. ШЕСТЕРЯКОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Москва), профессор кафедры теории и истории международных

- отношений Московского лингвистического университета, доктор юридических наук, доцент.
75. ШНЕЙДЕРОВА ДАРЬЯ ИГОРЕВНА (Республика Беларусь, Могилев), преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского института МВД Республики Беларусь.
76. ЮДИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Самара), и.о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор юридических наук, доцент.
77. ЯЩУК ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА (Россия, Омск), профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор.

Научное издание

**ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ И УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ**

коллективная монография

Издательство «Отечество»,
420032, г. Казань, ул. Шоссейная, д. 22А

Подписано в печать 19.10.2020. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 26 Тираж 100. Заказ № 1910/2
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Вестфалика» (ИП Колесов В.Н.)
420032, г. Казань, ул. Московская, 22А. Тел.: 292-98-92
e-mail: westfalika@inbox.ru